

ЕЖЕГОДНИК
2010

Издание выходит с 2009 г.

Развитие и политика

Экономика и стратегическое
партнерство

Интеграция и финансы

Минерально-сырьевые
ресурсы

История и религия

Портрет африканского
лидера

Культура и образование

PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
CENTER OF AFRICAN STUDIES
SERIES "AFRICAN STUDIES"

YEARBOOK

**AFRICA:
SEARCHING
FOR INTERACTION
STRATEGY**

2010

Moscow
Peoples' Friendship University of Russia
2010

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ «АФРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

ЕЖЕГОДНИК

**АФРИКА
В ПОИСКАХ СТРАТЕГИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

2010

Москва
Российский университет дружбы народов
2010

ББК 95.3(6)
А 94

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Редакционная коллегия:

И.В. Андропова (ответственный секретарь), *Н.В. Громова*,
А.Б. Давидсон, *Е.А. Долгинов*, *Н.Д. Косухин*, *Л.В. Пономаренко*,
А.Д. Саватеев, *И.В. Следзевский*, *А.М. Хазанов*, *Л.В. Шкваря*,
В.И. Юртаев (зам. главного редактора)

Главный редактор – *Н.С. Кирабаев*

А 94 **Африка в поисках стратегии взаимодействия: Ежегодник – 2010:** Сб. статей / Под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. – М.: РУДН, 2010. – 476 с.: ил.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования» Центра африканских исследований РУДН подготовлен к изданию в юбилейном для Российского университета дружбы народов 2010 году. В этом году РУДН празднует 50-летие со дня своего основания вместе со всеми, кто разделяет лозунг Университета – «Знанием объединимся». В центре внимания исследователей – новая ситуация в Африке, сложная мозаика отношений стратегического партнерства с глобальными игроками на пространстве Африки, современные теории развития и многосложный гуманитарный контекст африканских стран, проблема лидерства и ресурсный потенциал континента.

The regular issue of the annual series “African Studies” (Yearbook of Center of African Studies) was prepared for publication in 2010, the jubilee year for Peoples’ Friendship University of Russia. This year it is marking its 50th anniversary together with all who share its motto – “Unity by Knowledge”. The attention of the University’s research associates is centered around the new situation in Africa, the intricate relations of strategic partnership with global players on the African area, modern development theories and the multi-layer humanitarian context of African countries, the problem of leadership and the resource potential of the African continent.

ISBN 978-5-209-03195-6

ББК 95.3(6)

© Коллектив авторов. Отв. ред. Н.С. Кирабаев,

Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаев, Е.А. Долгинов, 2010

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце первого десятилетия XXI века Африка все явственнее становится «зеркалом» человечества, что отражает ее глубокую вовлеченность в процесс моделирования посткризисного мира и создания новой архитектуры международных отношений. Задача Ежегодника – увидеть Африку в формируемой глобальными игроками системе стратегического партнерства, а не только как поставщика энергоресурсов в развитые страны и форпоста на пути распространения терроризма и СПИДа. Авторы стремятся понять, только ли из-за доступа к своим разнообразным ресурсам Африка стала ареной столкновения интересов США, стран Европейского Союза, Китая и других глобальных игроков. Как долго продолжат по Африке свою скачку «четыре всадника Апокалипсиса» – голод, беженцы, болезни и границы? И почему по-прежнему пылает Дарфур, а у берегов Сомали расцвело современное пиратство? И может ли человечество предложить странам Африки алгоритм коллективного взаимодействия для скорейшего решения проблем, связанных с бедностью, развитием, демократизацией и мирным урегулированием конфликтов? Заглядывая в зеркало Великих африканских озер, можно увидеть будущее человечества. И здесь неожиданно возникает ощущение парадоксального оптимизма. Оно возникает при встрече с той энергией жизни, которая бурлит внутри этого континента.

Африка находится сейчас в фокусе внимания, сложилась уникальная ситуация – прямой потомок континентального африканца Барак Хусейн Обама стал президентом Соединенных Штатов Америки. Возникла даже новая мода, имеющая конкретное экономическое измерение, – на инвестирование в Африку. Возможно, начинается новый этап мировой политики на африканском направлении, основанной на

гармонии интересов и комплексности подхода, включая психологические и символические аспекты. Политика интеграции и взаимодействия в Африке призвана отразить усиливающееся гуманитарное измерение глобальной конкурентной среды. Тогда произойдет усиление соответствия африканской политики реальным нуждам стран Африки и будет предотвращено разрушение самих основ их существования. Может быть, это и не приведет к немедленной ликвидации бедности и конфликтов на континенте, но даст импульс надежды и новые возможности для диалога.

Очередной выпуск ежегодной серии «Африканские исследования» подготовлен к изданию в юбилейном для Российского университета дружбы народов 2010 году. В этом году РУДН празднует 50-летие своего основания вместе со всеми, кто разделяет лозунг Университета – «Знанием объединимся». В центре внимания исследователей – новая ситуация в Африке после избрания президентом США африкано-американца Б. Обамы, сложная мозаика отношений стратегического партнерства с глобальными игроками на пространстве Африки, современные теории развития и многосложный гуманитарный контекст африканских стран, проблема лидерства и ресурсный потенциал континента.

Н.С. Кирабаев

В.И. Юртаев

**НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУДН:
ГОД УЧРЕЖДЕНИЯ – 2008**

У истоков формирования прославленной отечественной школы африканистики стояли выдающиеся ученые Д.А. Ольдерогге, Н.В. Юшманов, первые директора Института Африки И.И. Потехин, В.Г. Солодовников и Ан.А. Громыко. Сегодня России вновь остро нужны люди, знающие и понимающие Африку, ее духовные ценности и культурное наследие, обладающие серьезной общенаучной подготовкой. Растет и количество студентов из Африки, обучающихся в РУДН. Ведущие российские африканисты проводят лекционную работу в Университете и осуществляют научное руководство аспирантами, участвуют в становлении Научно-образовательного центра африканских исследований РУДН. Так реализуется связь науки и образования, идет подготовка элитных специалистов для стран Африки, призванных продолжить дело ученых, составивших славу российской и мировой африканистики.

Научно-образовательный центр африканских исследований Российского университета дружбы народов образован в декабре 2008 г. и является учебно-научным и административным подразделением РУДН. Актуальность работы Центра определяется, прежде всего, задачей установления полномасштабных отношений России со странами африканского континента в условиях посткризисного мирового порядка и складывающегося вокруг этого континента глобального партнерства.

Деятельность Центра по направлению «Африканистика» осуществляется в рамках Научно-методического совета Центра. В состав Совета, первое заседание которого прошло 19 февраля 2009 года, входит элита российской африкани-

стики из числа представителей Института Африки РАН, Института востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, Института языкознания РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Дипломатической академии МИД РФ, МГИМО МИД РФ, ГУ-Высшая Школа Экономики, Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова, Института стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова и РУДН.

В круг основных задач Центра входит содействие формированию инновационной креативной научно-образовательной среды в Университете по профильному направлению деятельности в целях подготовки научных кадров высшей квалификации и использованию результатов научных исследований в образовательном процессе. Это необходимо и для ориентации российских бизнес-структур на африканский рынок, делая понятной и привлекательной африканские страны для деловых людей и туристов из России.

Деятельность Центра, во-первых, нацелена на содействие созданию в Университете эффективной системы «Long-Life Education» – «Образование через всю жизнь», когда выпускник РУДН вновь приезжает в Университет для повышения своей квалификации в рамках научно-образовательных программ более высокого уровня. Разработка и внедрение таких программ в рамках направления «Африканистика» и составляет одну из главных задач Центра. Профессора и преподаватели РУДН имеют опыт разработки оригинальных образовательных программ, например, при изучении материально-сырьевой базы Африки или сценарном моделировании процессов социально-политического развития. В Университете преподают ведущие ученые-африканисты Москвы, прежде всего – из Института Африки Российской академии наук. Научно-исследовательская работа по изучению истории, экономики, культуры, политики, международных отношений, юриспруденции, геологии, сельского хозяйства, медицины, этноконфессиональной про-

блематики стран Африки ведется на кафедрах РУДН. Направление подготовки кадров высокой квалификации для стран Африки стало одним из важнейших в деятельности Российского университета дружбы народов с самого начала его возникновения. За 50 лет существования РУДН подготовил специалистов, в том числе докторов наук, в разных сферах знания для 48 стран африканского континента.

Во-вторых, Центр африканских исследований призван осуществлять координацию научной и издательской деятельности Университета по направлению «Африканистика». Важным фактором успеха здесь будет выступать наличие устойчивых отношений сотрудничества между РУДН и зарубежными университетами, исследовательскими центрами, фондами и международными организациями, содействие развитию которых также входит в число первоочередных задач Центра.

В-третьих, Африка столь разнообразна, что каждый раз требуется искать свой путь решения тех или иных вопросов. Стало очевидно, что традиционные для XX века формулы обеспечения успеха в развитии недостаточны, пришло понимание необходимости выработки новых решений одновременно на страновом, региональном и глобальном уровнях. При этом Африка все больше открывается миру. Россия, Бразилия, Китай, Индия – находят свои ниши в разных сферах сотрудничества со странами континента, казалось бы, прочно занятых США и бывшими метрополиями (Великобритания, Франция, Италия и др.). Центр призван выполнять важную функцию популяризатора знаний об Африке в России через информирование общественности России о важнейших событиях в научной и общественной жизни стран африканского региона.

Одним из приоритетных направлений практической деятельности Центра является содействие развитию научного сотрудничества в рамках африканских исследований с зарубежными университетами, исследовательскими центрами,

научными ассоциациями и фондами; разработка и реализация программ подготовки специалистов. Так, программа дополнительного образования «Африка от А до Я» разработана Центром совместно с Институтом Африки РАН.

Основные направления и особенности практической работы в Африке изучаются на примере 26 африканских стран, в число которых входят: Алжир, Ангола, Ботсвана, Буркина-Фасо, Габон, Гвинея (Конакри), Д.Р. Конго, Египет, Замбия, Зимбабве, Кения, Конго (Браззавиль), Кот-д'Ивуар, Ливия, Мали, Марокко, Намибия, Нигер, Нигерия, Сенегал, Судан, Танзания, Тунис, ЦАР, Чад, ЮАР. Получаемая в рамках образовательной программы бизнес-информация рассматривается в контексте правового регулирования иностранных капиталовложений, репатриации капитала и реинвестирования прибыли в странах Африки с учетом отраслевой и районной специфики, формирования навыков компетентного делового взаимодействия в межэтнической и мультикультурной бизнес-среде.

Для желающих углубленно изучить возможности российского участия в прогнозировании, разведке и разработке природных ресурсов стран Африки (территории, шельф) предусмотрена возможность прослушать специальный курс «Геология и полезные ископаемые Африки» по материально-сырьевой базе Африки.

За первый год своей работы Центр продемонстрировал свою востребованность и реализовал ряд рекомендаций, выработанных на первом заседании Научно-технического совета.

Так, на заседаниях Межвузовского Московского научного семинара «Африка в современном мире» (учредители: НОЦ африканских исследований РУДН и Институт Африки РАН), первые заседания которого прошли в 2009 году, приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты из РУДН, Института Африки РАН, ИСАА при МГУ, ГУ-ВШЭ, Института всеобщей истории РАН. При организации и про-

ведении Семинара Центр взаимодействовал с Кабинетом африканистики ФГСН РУДН (руководитель – д.и.н. Ныгуссие Кассае) и АССАФСТУ РУДН (президент – Эмека Окох). Одна из наиболее ярких дискуссий состоялась после доклада «Африка глазами африканистов (XX век)», сделанного А.Б. Давидсоном, одним из лучших мировых африканистов, доктором исторических наук, профессором, директором Центра Африканских исследований ИВИ РАН.

Центр принял участие в организации и проведении научно-практической конференции «Позиционирование России и российского бизнеса в Африке: проблема имиджевой политики» (ТПП РФ, 24 апреля 2009 г.), проведении научно-практической конференции по суданской проблематике, проходившей 6–7 октября в г. Москве под эгидой Комитета Совета Федерации по международным делам ФС РФ.

Члены Научно-методического совета НОЦ африканских исследований РУДН приняли участие в подготовке и проведении «XIII Недели Африки 2009» в РУДН (20–22 апреля 2009 г.). Программа мероприятий с участием Центра включала: 20 апреля 2009 г. – Встреча Ректора Российского университета дружбы народов с послами африканских стран. Официальное открытие Недели Африки – 2009 г., открытие Выставки африканских экспонатов; 22 апреля 2009 г. – Конференция «Мировой экономический кризис и социально-экономическое развитие Африки».

За 2009 год Центр подготовил и издал первый выпуск Ежегодника РУДН, серия Африканские исследования «Африка: моделирование нового мира» (под редакцией доктора философских наук, профессора Н.С. Кирабаева, кандидата исторических наук, доцента В.И. Юртаева, научных руководителей Центра – доктора исторических наук, профессора Л.В. Пономаренко и доктора геолого-минералогических наук, профессора Е.А. Долгинова). Ежегодник–2009 был сформирован коллективом африканистов РУДН. В центре внимания исследователей – процесс моделирования нового мира на

пространстве африканского континента, происходящий с участием ведущих стран мира и транснациональных корпораций, оценка ресурсного потенциала Африки.

В 2009 г. вышло в свет учебное пособие «Политология развития африканских стран», подготовленное доктором исторических наук, профессором Н.Д. Косухиным, членом Научно-методического совета Центра. В пособии рассматриваются актуальные проблемы политической науки в странах Тропической Африки, политическое содержание модернизации в условиях взаимодействия современных и традиционных факторов.

В новый, юбилейный для Российского университета дружбы народов 2010-й год, Центр африканских исследований РУДН планирует начать реализацию Программы дополнительного профессионального образования «Африка от А до Я», подготовить программу «Африка-ТВ», продолжить работу по основным направлениям африканистики.

*Директор Центра
В.И. Юртаев*

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

И.В. Следзевский

**РАЗВИТИЕ ИЛИ АНТИ-РАЗВИТИЕ?
АФРИКАНСКИЙ ВЫЗОВ
СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ
(пересмотр постулатов теории модернизации
в африканистике)**

Трансформацию постколониальной Африки трудно представить вне взгляда на развитие как на модернизацию, историческую последовательность: от традиционного общества к современному. И вполне закономерно. «Право лицензирования» различных социальных состояний африканского общества как соответствующих или не соответствующих мировому опыту развития по критериям современности (социального прогресса) естественным образом закрепились за теорией модернизации в разных ее вариантах. Определения «традиционный», «современный» позволяли подчеркнуть тотальное значение перемен на фоне событий антиколониальных революций: образования в Африке большого числа национальных государств, падения исторического веса традиционных, предписанных форм социальности (общинных семейно-родовых, этнических), нормативного возвышения новых связей и отношений достижительного типа, базирующихся на профессиональных, имущественных и классовых критериях, росте урбанизации, рыночном освоении природных ресурсов, развитии рынков товаров, капиталов и труда. К этим определениям оказались прочно привязаны представления об экономической и социальной динамике: участие в современном международном разделении труда как фактор внутреннего развития, экспансия товарных отношений, рост

городского населения и т.д., движение от старого – Африки эпохи «родоплеменного» строя к новому – Африке современных государств. Перемены, нарушения устойчивого равновесия приобрели прочные положительные коннотации – реформы, экономический рост, преодоление отсталости и т.п.

«Осовременивание» Африки представлялось, да и сегодня представляется многим единственно возможным, реальным направлением развития африканских обществ. Если движение по пути развития, то куда еще, как не в современность. Безальтернативность этого взгляда говорит о его нормативности. Это позиция определенной нормы, нормативного истолкования социальных изменений. Эмпирической реальности в нем меньше, чем нормативного, предустановленного определения того, что считать традиционным, а что – современным. С теоретико-методологической точки зрения, такая позиция вполне правомерна, но исключительно как способ формирования мыслительных конструкций, ценностно-мотивационных ориентаций, образцов научного знания как формальных структур (типологий, абстрактных классификаций и т.п.). Однако конструирование «идеальных типов» не может подменять содержательный анализ реальных механизмов и траекторий развития, теоретического моделирования качественных изменений в социокультурных системах. Самое большее, что может сделать в сфере такого анализа чисто мыслительная конструкция, – установить сумму и уровень эмпирических отклонений от идеального типа.

Между тем не просто концепции, но целые стратегии развития стран субсахарского региона в послеколониальный период строились в этом ключе, в убеждении, что все-таки существует некий «магистральный путь» преодоления слабозвитости. Эти стратегии охватывали все более широкий круг планируемых приоритетных направлений развития, но исключительно по образцам индустриально-модернистской модели как образцов, рецептов, моторов «большого скачка»:

индустриализация, урбанизация, интенсификация сельскохозяйственного производства, изменение места Африки в международном разделении труда, распространение на все страны деятельности транснациональных корпораций, формирование сверху систем массового образования и здравоохранения и т.п. При этом все время сохранялось убеждение, что планируемые, управляемые, стимулируемые извне изменения непременно вызовут адекватные реакции африканского общества, обеспечат быстрое достижение заданных результатов, запустят самоподдерживаемый процесс модернизации.

Убеждение сохранялось, но все яснее обнаруживалось, что реальные изменения в субсахарском регионе отличаются от предписанных им путей и в общем непохожи на предлагаемые и поддерживаемые извне проекты, образцы, типы развития. Чем шире становился круг приоритетов развития, тем больше эти отклонения сливались в картину развития без улучшения ситуации по большинству современных критериев прогресса.

Отклонения стимулировали теоретический прогресс «социологии развития» Африки. В 70–80-е гг. XX в. в своей содержательной, теоретико-эмпирической основе она ушла вперед по сравнению с общими постулатами теории модернизации.

Ключевое место в формальной структуре теории модернизации занимает дихотомическое различие старого и нового, традиционного и современного как разных типов социокультурной организации общества. Это различие в данной теории служит основой концептуализации и гипотезизации изменений. В африканистике типологизация социальных изменений по схеме «традиционализм – современность» получила очень широкое распространение.

Столь же распространена в африканистике и критика этой схемы. Ее (схему) критикуют за ограниченность, расплывчатость и примитивность, обосновательность противопоставления современного и традиционного как главного па-

раметра описания развития африканского общества [1]. Но сегодня дихотомия «традиционное–современное» существует уже в разных версиях. Признается необъективность, европоцентристская заданность поверхностного однолинейного варианта этой формулы, который отводит африканским традициям ущербное место архаических пережитков, подлежащих замене оппозитивным качеством современности. То, что согласно этой версии, считалось пережитками, получило в одной из базовых дисциплин африканистики – культурной антропологии полноценный статус этнических культур, африканского культурного достояния, африканской самобытности и т.д.

Понятия «социальные изменения», «новые социальные формы», «модернизирующиеся состояния и структуры» уже давно распространились на собственно африканские, «почвенные» институты и отношения. Сейчас уже не вызывает сомнения то, что такие ключевые сферы и типы социальных изменений, как создание современных городов в качестве центров модернизации, возникновение и развитие многочисленных ассоциаций этнического («племенного») типа, включают «африканский традиционализм» в качестве своей естественной социокультурной среды самоорганизации и выживания огромных масс населения. Многочисленными эмпирическими исследованиями доказано, что ключевые элементы традиционного уклада жизни – большие семьи, родовые группировки, общинные структуры, этнические и земляческие общности, институты правителей и вождей, культ предков, вера в родовые святыни и магию, приверженность традиционным обычаям своей группы – не только сохраняют живучесть и устойчивость, но в качестве способа адаптации к быстрым переменам могут видоизменяться и развиваться, превращаться в своего рода побочное, вторичное, дополнительное направление модернизации.

В период формирования африканских государств в 1960-е годы синонимом перемен стал курс на детрибализа-

цию новых национально-политических сообществ. Возник идеал детрибализованного африканца, порывающего с традиционными («племенными») институтами и структурами. Приверженность традиционным этносоциальным и этнокультурным общностям, напротив, рассматривалась как препятствие на пути общественного развития, отражение неразвитости современных отношений и современного типа сознания. «Традиционалисты» противопоставлялись «националистам» как две враждебные друг другу силы, выступающие на стороне либо традиционных («племенных»), либо современных политических институтов.

Сейчас эти представления выглядят идеологизированной конструкцией. Они не соответствуют современному уровню эмпирических знаний о собственно африканском утраченном или видоизмененном и привнесенном, но признанном «своим» – африканском культурном наследии [2]. Жесткое этническое размежевание (трибализм) предстает как сравнительно недавняя традиция, не являющаяся в своей основе самобытной, ставшая «африканской» в процессе масштабного разрушения более древних, разнообразных и естественно сложившихся форм социокультурного устройства. Первоосновой этой традиции стал насильственный по форме и модернистский по духу проект колониальной реорганизации захваченных в XIX в. африканских территорий. Внедрялось административное размежевание «туземного» населения на сегрегированные этнокультурные и политические единицы. Новые деления кодифицировались и, таким образом, становились социокультурной реальностью. Это было необходимой предпосылкой сколько-нибудь реального управления африканскими колониями, продуктом деятельности колониальной администрации, нуждавшейся в достаточно консолидированных, постоянных и понятных территориальных единицах управления. Но это не было свойственно более древним африканским традициям, опиравшимся на более гибкие и изменчивые обычноправовые системы, сетевые

структуры разного уровня, локально-родственные типы культурной идентичности.

По отношению к собственно традиционным, локально-сетевым формам социальной интеграции размежевание по племенному принципу выступало как радикальный и даже тотальный вариант модернизации. Он основывался на разрыве с прошлым, внедрении преимущественно новых культурных кодов и ценностей.

В рамках трибализации как колониального проекта были осуществлены классификация и объединение групп родственных диалектов в небольшое число «официальных» племенных языков, кодификация обычаев и норм (что модифицировало практику применения этих норм), формализация, бюрократизация и зачастую ломка традиционных политических институтов, точнее, того, что признавалось официально «туземными» институтами. В то же время трибализация, а еще раньше произвольное разделение, рассечение колониальными границами традиционных этнокультурных ареалов и сетевых сообществ резко затруднило естественное движение региона по естественному пути социальной эволюции, и, прежде всего, возможности консолидации надэтнических, региональных и межрегиональных общностей.

Не следует ли отсюда, что именно колониальный проект трибализации захваченных территорий, подвластного населения (безотносительно к естественным и многообразным формам его самоорганизации) дает толчок тому, что мы сегодня называем «традиционным африканским обществом»? Ведь этот проект привел к несомненным качественным изменениям в самом способе структурирования общества. Возникли новые, не имевшие прежде самодовлеющего значения, трибалистские или этнические идентичности, были широко внедрены трибалистские (этнополитические) традиции и институты. А за ними – определенное и открытое целеполагание: идеальная модель переустройства, переделки, ломки аф-

риканских традиций в новом социально-экономическом и политическом контексте.

«Классическая» теория модернизации базируется на целом ряде постулатов (допущений), которые не всегда формулируются открыто, но, тем не менее, наделяются универсальным значением, отражают как дихотомную классификацию социальных состояний («традиционное – современное»), так и принимаемое за норму направление развития (от традиционного к современному). Предполагается, что формируемый в процессе перехода социальный порядок должен в общем воспроизводить порядок развитых стран (в либеральной версии современных западных демократических обществ), что все процессы либерализации – экономические, социальные, политические и т.д. – должны происходить одновременно после начала модернизационного сдвига. Первый постулат исходит из наличия в процессах модернизаций только двухстационарных состояний, одно из которых (современное) выражает тотальность изменений, а другое (традиционное) – их отсутствие или статичность. Второй постулат связан с представлением о системном характере общественной организации и ее развития: изменения в какой-то одной сфере общественной жизни должны вызывать аналогичные, системно ориентированные изменения и в других сферах.

Оба постулата – тотальности и одновременности изменений представляют собой нормативные (точнее говоря, нормативно-ценностные) предпосылки теории, то есть относятся к ее формальному аспекту, формальной структуре знания, наряду с общей классификацией «традиционное – современное». Это надо подчеркнуть, поскольку африканский опыт модернизации расходится с общими допущениями.

Политика структурных реформ, проводившаяся африканскими странами в 1960–1970-х гг. (создание государственного сектора экономики, инвестиции в промышленное развитие, развитие здравоохранения и образования, африка-

низация госаппарата), сопровождалась централизацией государственной власти и ее возвышением за счет развития собственного гражданского общества. То, что модернизация в социально-экономической сфере происходит за счет ущемления роли и возможностей развития гражданского общества, ясно проявилось к началу 1970-х гг. в тенденциях авторитарного типа: создание режимов личной власти и их укрепление благодаря развитию патронажно-клиентельных сетей; усиление силовых структур и репрессивных методов управления; ограничение возможностей развития гражданского общества либо путем вовлечения общественных лидеров в исполнительную власть, либо путем применения к ним репрессий; расширение государственного аппарата и концентрация государственных полномочий в руках исполнительной ветви власти. Этот сдвиг был объяснен спецификой модернизационных процессов в бывших африканских колониях (превращение централизованного государства в условиях отсталости в главного агента развития, необходимость борьбы с трабализмом) и представлен как начало форсированного развития африканского общества, его преобразования [3].

Однако уже к началу 1980-х гг. стало понятно, что этатистская модель развития в Африке южнее Сахары противостоит не только принципам современных западных либеральных обществ, но и становлению современных форм государственности, включая такое ее необходимое качество, как выполнение государством своих базовых функций. Так называемые новые правящие элиты, на которых в либеральной версии теории модернизации возлагалась роль посредников между «традиционными» обществами и институциональным порядком наций-государств, на глазах вырождались в антигосударственные бюрократические группировки, «системно» расхищающие общественные ресурсы через государственные и полугосударственные компании и корпорации, правительственные и общественные организации. Политические системы, скроенные по современным образцам государ-

ственно-партийных структур, быстро приспособивались к потребностям системной коррупции, трансформировались в патронажно-клиентельные структуры покровительства «своим» в обмен на их личную преданность. Это, в свою очередь, вело к тотальной политизации этничности, которая превратилась в форму борьбы внутри африканских элит за власть и ресурсы и одновременно в форму сопротивления населения экспансионизму квазигосударственной машины.

Вспять повернулось развитие африканского национализма. Из мобилизационной идеологии государственного типа, относившейся к этничности как к «реакционному прошлому» африканских стран, он превратился в официальное прикрытие или прямое выражение политизированной этничности – ценностей, навыков, институтов кланово-племенной и регионально-земляческой солидарности.

Слабая экономика не выдерживала тяжесть бурно развивающихся рынков экономической коррупции и приходила в упадок. Центральная власть все больше и неотвратно оказывалась в положении слабеющего «политического игрока», способного контролировать лишь часть национальных ресурсов и национальных территорий и не способного выполнять в полном объеме функции государства. С полной очевидностью это обнаружилось в 1990-е гг., когда многие государства региона оказались охвачены вооруженными выступлениями оппозиции, восстаниями на почве этнорегионального сепаратизма, затяжными и кровавыми межэтническими конфликтами.

При всей вере в прогресс и современность в этих трансформациях африканской государственности трудно обнаружить вектор «тотальной» модернизации. Зато ясно видны векторы и проявления иных типов социальных динамик: нисходящей (широкое развитие явлений и зон асоциальности), попятной (расцвет трибализма), хаотической (выживание населения в зонах затяжных конфликтов и гуманитарных катастроф). Обнаружилась высокая степень преемственности

авторитарных методов правления в независимой Африке по отношению к колониальным порядкам, но без характерного для колониальных режимов четкого размежевания между «хозяевами» и «слугами», правящей верхушкой и повинующимся населением. А вместе с традициями колониального авторитаризма и возрождение того, что в политической антропологии и социологии получило название «традиционное господство: прорастание сквозь фасад современной государственности феномена нерасчлененной власти и собственности, развитие современного государства структур патримониального типа, в которых власть целиком находится в руках правителя, основывается на отношениях господства – подчинения, бюрократия трансформируется в «патримониальное чиновничество», лишенное таких ее идеальных черт, как четкое разграничение полномочий, рациональная модель поведения в рамках формальной (должностной) иерархии, отсутствие личного присвоения должностей и связанных с ними привилегий и полномочий и т.д. [4]

Все это, конечно, очень далеко отстоит от базовых постулатов теории модернизации. В формальных координатах теории модернизации, с точки зрения ее основных допущений, догоняющее развитие упирается в несколько парадоксов. Первый из них определяется как парадокс средств и целей модернизации: форсирование модернизации путем централизации государственной власти, возвышения государства над обществом приводят к утрате модернизационной сущности изменений: остановке и повороту вспять процессов консолидации наций-государств, этнизации политики и власти. Цель и средства модернизационного проекта вступают в противоречие друг с другом.

Другой парадокс – парадокс одновременности – заключается в том, что политические и экономические изменения оказывается невозможным осуществлять одновременно. Современные экономические и политические институты требуют друг друга в качестве собственной необходимой пред-

посылки. Современный рыночный механизм и современный бизнес не могут получить должного развития, поскольку они упираются в неэффективную псевдогосударственную, неотрадиционную, этноклановую систему регулирования экономики, а институциональный политический порядок, который способен был бы стать противовесом режимам личной власти, не находит предпосылок для своего развития из-за слабости гражданского общества, в частности современного бизнеса.

Необходимо отметить, что эти противоречия, действительно, являются парадоксами только в рамках отмеченных выше постулатов классической теории модернизации: тотальности и одновременности модернизационных процессов [5]. Если эти предпосылки не принимать во внимание или считать их условными, парадоксы отпадают сами собой. В африканистике основные постулаты теории модернизации стали пересматриваться на рубеже 1980-х гг. Эта тенденция получала все большее признание по мере того, как авторитарные режимы в африканских странах выбрасывали за борт принципы разделения власти, политического плюрализма, автономии гражданского общества. В появившихся в этот период и позднее концепциях «африканского развития» общественные изменения в основном перестали рассматриваться как процесс воспроизведения опыта развитых стран, индустриально-модернистской парадигмы развития с заранее заданными конечными результатами.

Эти концепции довольно просто преодолевали указанные парадоксы на содержательном уровне, подчеркивая значительную инверсионность модернизации южнее Сахары, связи ее с процессами не только социальной интеграции, но и дезинтеграции африканских стран и спонтанного распада в ряде случаев структур централизованной государственной власти. В конце 1970-х гг. американский политолог У. Зартман выдвинул идею упадка современной государственности и возвращения к традиционализму в беднейших

странах континента в результате прогрессирующей нехватки ресурсов, обостряемой высокими темпами роста народонаселения [6]. В 1990-е гг. широкое распространение получили идеи ослабления африканских государств (кризисы «государства-рантье») и, соответственно, усиления «неформального сектора общественного развития» как главной составляющей выживания населения и регуляции социальных отношений [7]. Объяснение механизма этого кризиса дало толчок появлению концепций антимодернизационной, неорациональной и коррупционно-криминальной организации власти в постколониальных африканских государствах: концепции «неформальной политики», «культуры политической коррупции», власти «клептократии и лутократии (воров и грабителей)» [8].

В рамках отечественных теорий «развития слаборазвитости» появились опирающиеся во многом на африканский материал концепции «негативной экономики» («неокриминальной квазиэкономики», «деструктивной паразитической экономики», «трофейной экономики»), «форсированного становления клептократии как системного проявления «негативной экономики» и деструктивных форм организации власти («теневых сторон этатизма») [9].

Теоретическим стержнем этих концепций выступает понятие «деструктивное развитие», которое интерпретируется как процесс мутации общества Модерна, связанный с распространением («индустриализацией») криминальных и асоциальных способов извлечения прибыли (от поставленного на поток производства наркотиков и нелегальной иммиграции до системного казнокрадства и отмывания грязных денег) [10].

Содержательный аспект новых концепций, то, как они интерпретируют постколониальную социальную динамику африканских обществ, выходит за рамки канонической схемы модернизации от «традиционного к современному». В понятия «государство-рантье», «клептократия», «нефор-

мальный сектор общественного развития», «деструктивное развитие» невозможно вместить представления о модернизации как линейном, векторном, восходящем движении по пути в современность. Идеал современности («развитое общество») и реальная африканская современность (именно современность, а не пережитки прошлого) оказываются в кричащем противоречии друг с другом.

Новые концепции проблематизируют каноническую схему модернизации – это очевидно. Но в какой степени и с какими результатами для самой этой схемы? Ответить на этот вопрос можно только с учетом того, с каким фоновым знанием соотносятся эти концепции и как далеко это знание отстоит от дихотомии «традиционное–современное».

Фоновое знание социальной динамики современной (постколониальной) Африки в 1980–1990-е годы существенно, можно сказать, радикально изменилось. На более раннем этапе практически все модернизационные ожидания связывались с политикой правящих африканских режимов. Как само собой разумеющееся воспринималась связь модернизации осовременивания африканских обществ с «выбором» правящим режимом пути развития и политическими («сверху») способами регуляции социальных процессов. Это отразилось и в усилении в 1970-х гг. позиций «элитологии», создавшей образ африканской политической и интеллектуальной элиты как самодействующей и самозначимой категории модернизации. Такого типа фоновое знание вполне соответствовало дихотомии «традиционное – современное» и, более того, определялось ею. Новые элиты должны были вывести Африку из «Царства традиций». Однако позднее место «политического фона» ожидания модернизации занял «фон культурный»: соотношение развития и самобытности (идентичности африканских обществ – мотиваций ценностей, смыслов, культурной преемственности как ядра стабильной жизни и деятельности общества). Появление «культурно-центристского» фона в основном сделало возможным про-

блематизацию старого понимания модернизации как линейного, одновекторного перехода от «традиционного» к «современному». Даже власть африканской клептократии связывается с социальной историей и культурой народов, традиционно вовлеченных в регулярные коммерческие связи [11].

В содержательном плане это означало обновление теории развития, в том числе преодоление жесткой дихотомии признаков «традиционное–современное», придание этим признакам большей предметности и аналитичности. «Традиционное» стало отождествляться прежде всего с самобытностью как фактором, определяющим переход к современности [12]. В то же время отправным моментом в оценке специфики, адекватности и перспектив модернизационных сдвигов стало понятие «эндогенное развитие».

Культуроцентризм, принцип равенства культур превратился в одну из главных ценностей и форм презентации африканского модернизационного проекта, способ африканизации идеи развития. Слово «идентичность» в значении «афроцентризм», «обращение к корням», «возрождение африканской» подлинности заняло такое же место в самосознании современных африканских элит, как и понятие «развитие».

Но в формальном аспекте, с точки зрения целостного охвата в понятиях, образах множества элементов и субъектов изменений, придания этим изменениям общего смысла и понятной направленности, развитие данной теории вряд ли означало ее укрепление. Увязывание идеала «вхождения в современность» с принципом культурного разнообразия скорее означает разрушение этой теории как, единого нормативно-ценностного и образного пространства. То, что определяется как специфика модернизации (национальная, цивилизационная), ее эндогенная форма или направление, в нормативно-ценностном отношении образуется в результате отталкивания от идеального, «западного» опыта, противопоставления

им идеального «образа себя и своей культуры», конструирования на этой основе «собственного проекта» будущего, который заимствует лишь отдельные элементы европейского опыта. Как фоновое знание такая теоретическая модель, по определению, не может быть целостной, она неизбежно распадается на противостоящие друг другу ценности, нормы, образы, идеалы. Идеал равенства культур, связанный с претензией на национальную религиозную, региональную исключительность, вступает в противоречие с «западным» идеалом равенства людей, их приоритетного права на свободную и достойную жизнь.

Первым и явным проявлением кризиса теории модернизации стала общая релятивизация ключевых для нее понятий «развитие», «современное/традиционное общество».

Релятивизация основ теории разрушала классическую модель модернизации сразу по нескольким направлениям: методологическому (критика понимания осовременивания как вестернизации, как уподобления развития только одному типу социальности); теоретическому (введение альтернативных понятий «самобытность», «самобытное развитие», «неопатримониализм», «клептократия» и других, фиксирующих формально разные варианты взаимодействия модернизации и традиционности: симбиоз, синтез, противостояние, системный социокультурный кризис); нормативно-ценностному (критика «западного империализма» как определенной культурной и идеологической практики) [13].

В то же время и тогда, и сегодня остается неясным, как далеко может зайти в итоге культуралистской критики кризис теории модернизации как общего для всех развивающихся стран движения за каким-то единым образцом (западным, современным) и как этот кризис способен отразиться на состоянии научного знания о развитии в целом.

С одной стороны, позитивное содержание критики теории модернизации может рассматриваться как замещение «одностороннего понимания» осовременивания (как уподоб-

ления общества готовым внешним образцам: Западу, современной цивилизации, моделям национального государства, гражданского общества и т.д.) более научным, объективным подходом. Это характерно для критики концепции вестернизации. Критикуется не просто понимание модернизации как вестернизации, но самый принцип умозрительного, идеологически и культурно ориентированного моделирования социальных и культурных изменений по образцам более развитых и «успешных» обществ. Предлагаемый альтернативный подход (концепции самобытного развития) претендует на роль и статус реалистического знания, на эмпирическую полноту восприятия истории и культурного наследия неевропейских цивилизаций, на «адекватное понимание специфики общества, его своеобразия, характера сложившихся в обществе духовных ценностей, трудовых ориентаций, символических структур, менталитета» [14].

Реализм такого подхода, важность специфики «собственного развития» незападных стран обосновываются скорее номологическим (законосообразным) способом. За отправной пункт создания более адекватной теории берутся объективные, закономерные факторы и обстоятельства: дифференциация стран «третьего мира» в зависимости от условий развития, разнообразие современных переходных обществ и присущей им внутренней социальной динамики, частые и тяжелые срывы в процессах догоняющего развития. Как закономерное начало социокультурной многоукладности современного мирового развития выделяется базовое противоречие модернизационного процесса: наложение на внутренние, собственные закономерности и структуры доиндустриальных обществ форм социокультурной регуляции, характерных для развитых (западных) стран. Проявления модернизации – повышение степени мобильности населения, широкое освоение природных ресурсов, расширение вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, развитие рынков товаров, капиталов и труда, обра-

зование централизованных национальных государств, приобщение различных социальных групп к современной культуре и т.д. – могут фиксироваться эмпирически. Результаты этих процессов – реальные изменения также не могут быть определены умозрительно, поскольку они зависят от эмпирических обстоятельств, конкретной структуры ситуации (религиозной, этнической, политической и т.д.) в стране или регионе.

С другой стороны, итог критики теории модернизации уже в 1980-е гг. можно было представить и противоположным образом. Как уточнение, дифференциацию, конкретизацию прежней предельно умозрительной схемы модернизации, ограничение ее значения ролью концепций – моделей, снабжающих наблюдателя (аналитика, эксперта, теоретика) более разнообразными формальными схемами, идеальными образцами и образами. Ключевые для этой теории парные понятия («традиционное – современное», «самобытность – развитие») и устанавливаемые ими различия обладают высоким уровнем всеобщности, что характерно как раз для идеальных, чисто формальных, умозрительных схем.

Никакого собственного смысла эти различия не несут, поскольку сами по себе, в чистом виде они ничего не дают для понимания частной, конкретной реальности. Характеристика социальных изменений просто как развития – столь же пустое определение, как и сами по себе определения «традиционный», «современный», «самобытный». Как таковые, оторванные от эмпирического материала, они являются лишь направляющими идеями, ценностно-нормативными ориентациями, которые побуждают или даже заставляют исследователя обращать внимание на различия сравниваемых обществ и культур. Эти идеи могут иметь эмпирическое приложение. Но для этого формальные схемы должны быть адаптированы к изучаемой ситуации: уточнены с точки зрения условий, которые делают схему примерно соответствующей реальности, и заполнены эмпирическими или историческими данными.

Выдвижение на первый план параметров самостоятельности, специфики, стабильности общества в ситуации воздействия динамичного Запада может быть истолковано именно как адаптация общей формальной схемы модернизации (развитие как движение в сторону современной цивилизации) к условиям самоопределения и дифференциации стран «третьего мира», повышения их роли в качестве самостоятельных субъектов мировой истории, культуры и политики. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в марксистской критике «социологии развития» дихотомия «традиционное – современное» критиковалась прежде всего за использование входящих в нее понятий как чисто формальных, идеальных. Между тем идеальные категории, понятия-нормы: «самобытность», «традиции», «культурное достояние», «связь времен», «стремление к новому», «самобытное развитие» и т.д., в 1970–1980-е гг. наполнились таким разнообразным эмпирическим содержанием, что и эти категории, и лежащие в их основе идеальные, умозрительные схемы уже могли трактоваться в однозначно реалистическом смысле как эмпирическая (то есть обусловленная сугубо конкретными условиями времени и места) реальность. Во всяком случае, на роль реального, эмпирического знания стали претендовать формальные гипотезы-предположения, теоретические постулаты: экономический рост рано или поздно покончит с бедностью, слаборазвитостью; рост числа «богатых» во всех случаях позитивно сказывается на доходах бедных; нормальный экономический рост (в том числе и беднейших стран) – это непременно рост, основанный на увеличении экспорта и притока внешних инвестиций; ценности играют непосредственную и первичную роль в социальных изменениях или, напротив, являются отражением социально-классовых структур, если изменение затрагивает один из элементов организации общества, то это должно повлиять и на все остальные (так называемая когерентность структур); «неформальная экономика» всегда и всюду является маргинальной и, таким

образом, не может выполнять функции интеграции и структурирования общества. Многие из этих предположений постулатов оказали большое или определяющее влияние на политику и стратегии структурных реформ африканских экономик.

Таким образом, серьезное обновление теории модернизации в 1970–1980-е гг. так и не дало ясного ответа на вопрос, чего больше в этой теории – умозрения или реальности, и, вообще, в чем заключается ее значение как теории. Неясен самый статус этой теории: является ли она научной теорией как таковой, т.е. интерпретирующей модернизационные процессы с точки зрения эмпирических закономерностей социальных изменений, или же речь идет в первую очередь об идеальной схеме (схемах), устанавливающей с той или иной степенью эмпирической вероятности норму, образец, ценность того, что мы определяем как осовременивание общества. Эволюцию теории модернизации можно истолковать и в первом и во втором смысле: это теория, становящаяся все более «научной», или теория, все более ориентирующаяся на идеалы культуроцентризма, на релятивизацию единой линии прогресса мировой истории, общего мирового развития.

Так, в чем значение теории модернизации? Неясность в этом вопросе возникает от того, что не учитывается адекватным образом связь и одновременно значительная дистанция между двумя способами теоретического познания: законом (характеристика процесса через определяющий его объективный закон) и моделью (умозрительная схема, идеальная рамка, позволяющая обратить внимание на различие/сходство изучаемых объектов). Закон обладает качеством универсальности действия при сходных условиях состояния систем, сходных структурах ситуаций. Идеальная модель, то есть абстрагированная от реальности, приложима лишь к особым, идеальным ситуациям, не учитывающим всего многообразия эмпирических условий и способным

лишь приблизительно соответствовать эмпирической реальности.

Неопределенность относительно степени научности теории модернизации, на наш взгляд, может быть снята, если учитывать то место, какое занимают в образующих ее старых и новых концепциях элементы реального и умозрительного (идеального) значения. Лежащие в ее основе дихотомические схемы, по сути, не содержат никаких эмпирических характеристик, которые носили бы всеобщий и безусловный характер. Ясно, что осовременивание общества представляет собой в высшей степени относительное явление, условный, ограничиваемый структурой ситуации исторический процесс. Если интерпретировать факторы и тенденции этого процесса в совершенно реалистическом духе, определяя уровень осовременивания общества и культуры как нечто эмпирически строго определенное, то и интерпретации в чем-то окажутся ложными.

Базовое положение теории о том, что движение доиндустриальных обществ, основанных на традиционных типах социальности, идет исключительно или в основном в направлении обществ развитых стран, и это составляет сущность модернизации [15], представляет собой типичную теорию-предположение, теорию-рамку, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть абсолютно, поскольку ее задача – идеализировать (нормировать) множество реальных ситуаций социальных изменений, представив их как одну смоделированную ситуацию.

Впрочем, от этого идея осовременивания периферийного типа не теряет своего научного или даже решающего теоретического значения. В смысле обеспечения единства концептуальных подходов, интерпретаций эмпирических данных формальная схема необходима. Она оказывается в центре развития теоретического знания, когда открыто и решительно ориентирует это знание на создание теорий в собственном смысле этого слова, то есть объясняющих отдель-

ные, действительно наблюдаемые и эмпирически фиксируемые социальные изменения. Без формальных моделей в этом случае просто не обойтись. Без схемы «традиционное – современное», выраженной через эмпирические данные, анализ реальных ситуаций, невозможно было установить, например, четкую эмпирическую зависимость всех современных секторов африканской экономики от поступления импортных ресурсов вследствие несовместимости современного технологического сложного оборудования с низким уровнем переработки местного сырья [16]; корреляцию между структурными реформами африканской экономики с целью всемирного развития современных рыночных механизмов и усилением позиций неформального сектора экономики; прямую связь между динамизацией роста этого сектора и трансформацией экономических структур (рынков труда, товаров и капитала), и социальных отношений, институциональных и правовых систем [17]. Уже поэтому идея (идеал) модернизации не может быть полностью ложной, ненаучной по сути.

Однако в исследовательской практике необходимость использовать идеальные категории и схемы в теоретических обобщениях, при построении концепций сплошь и рядом выливается в приписывание этим категориям и схемам статуса самой реальности, качеств сущности и существования, законов и условий их реализации. По поводу многих этих концепций можно заметить, что они предлагают эмпирические выводы, претендуют на эмпирические обобщения, делают предсказания, которые чаще всего не подкрепляются достаточной суммой эмпирических данных. Таковы, например, попытки представить противоречия модернизации в ограниченном числе эмпирических моделей (синтез, симбиоз, противостояние самобытности и современности); представление «традиций» (чисто идеальная категория) как реальной базы внутреннего развития, линейности общественного развития, наличия в нем универсальных стадий как проявления действительных объективных социальных законов. Трудности, с которы-

ми сталкивается теория модернизации как определенная форма структуры научного знания, имеют своей причиной смешение содержательной и формальной сторон теории, формы знания и реальности или, более того, теории в собственном смысле слова и формальной теории [18]. Идеальные схемы и понятия модернизации, формальные модели – вестернизация, самобытное развитие, прогрессивные изменения и т.д. – получают номологические значения. Поэтому содержательное уточнение и расширение представлений о путях осовременивания общества, о первичной роли в этом процессе социокультурной системы, которая воплощена в самобытности этого общества, воспринимаются как релятивизация центральной идеи теории модернизации о догоняющем развитии как «столбовой дороге» современной цивилизации.

Спутывание модели и закона, формы и реальности объясняет, почему возможны противоположные и, по сути, произвольные интерпретации статуса теории модернизации и направления к эволюции (то ли в сторону большего эмпиризма, большей научности, то ли в сторону культурного релятивизма и большей идеологизации). В этом заключается имманентная слабость, потенциально кризисная основа состояния «социологии развития» в целом.

Объяснение (развитие по образцу, заимствованному или альтернативному, самобытному) смешивается с предвидением (утверждение господства Запада или, напротив, утверждение не-западных цивилизаций). Завышенной оказывается и способность теории к предвидению (прогноз ускоренного построения обществ современного, индустриального типа в Азии, Латинской Америке и Африке).

Предпосылки кризиса «социологии развития» возникли неслучайно. Они отражают вполне определенную ситуацию, в которой формируется знание о развитии стран «третьего мира», формируется как специальная теория развития. На эту ситуацию, ее структуру влияние оказали или оказывают большие номологические притязания общей идеи

развития; традиционная приверженность макросоциологии реалистической интерпретации социальных феноменов; отрицание или недооценка значения формальных (умозрительных) теорий как не представляющих интереса или вообще нелегитимных; смешение (не без влияния обыденного сознания) идеальных, нормативных категорий (идеалов) и эмпирической реальности; непосредственная связь «социологии развития» с практикой – экономическими, политическими, идеологическими запросами развивающихся стран.

С этих позиций можно и нужно определить и предел кризиса теории модернизации (и в целом «социологии развития»), за которым неизбежно ее саморазрушение как научного знания. Интерпретация в духе реализма идеальных категорий и умозрительных схем, то есть без адаптации их к реальности, способна не только приводить теорию к ложным прогнозам, но и выводить ее за грань науки – в область утопий, мифов, идеологий. Утопично, например, противопоставление друг другу традиционного и современного обществ, общины и современного «большого» социума, если это противопоставление (стагнация динамизм, гармония – противоречие, органическая – механическая солидарность) трактуется как реальность. Столь же утопичны представления о возможности реализации в чистом виде самобытного развития или, напротив, полное отрицание такой возможности и представление развития как «очереди» к современной цивилизации.

В этой логике предел кризиса теории модернизации может быть истолкован как претворение на практике ее идеальных аспектов, доведение до крайности реалистического восприятия формальных моделей. На основе формальных теорий можно сделать не только ложные выводы и предсказания. Но и опасные практические шаги макросоциального масштаба, способные повлечь за собой непредсказуемые, тяжелые последствия.

Развитие Африки (стран субсахарского региона) как проблема теоретического знания интересно в первую очередь как раз доведением до такого предела реалистических интерпретаций формальных моделей развития и последствиями этого «предприятия», в том числе и для самой теории.

Воздействие теории модернизации на внутренние процессы развития африканских стран, возможно, не было бы столь значительным, если бы ее восприятие ограничивалось рамками чисто интеллектуальных конструкций и идеологических утопий, оправдывающих власть новых правящих элит. Но формальные модели модернизации здесь трансформировались в нечто большее и инструментальное: они стали основой стратегий развития региона, а по мере их реализации – образом, конструкцией, способом целеполагания того или иного приоритетного направления развития. Эти направления неоднократно и радикально изменялись. Параметры и критерии «встраивания» в современность пересматривались и уточнялись. В 1960–1980 гг. модернизация общества по типу индустриального развития (индустриализация экономики, урбанизация, переход к массовой системе образования и здравоохранения). В 1980-х гг. самообеспечение продовольствием в континентальном масштабе, обеспечение национального суверенитета над природными ресурсами и их мобилизация с целью обеспечить хотя бы минимальное благополучие населения, развитие транспорта и связи для создания необходимой инфраструктуры развития и повышения уровня региональной интеграции.

Радикальный отказ с конца 1980-х гг. от этатистской, социально направленной модели модернизации и переход к неолиберальному и глобалистскому проекту социальных реформ: распространение на отдельные страны транснациональной финансово-экономической бездеятельности; либерализация условий международных хозяйственных и финансовых отношений; резкое, в духе неолиберальной идеологии, сокращение экономической роли и функций государства;

уменьшение затратных, социально ориентированных статей госбюджетов.

Но общая, нормативно-ценностная рамка этих поисков в целом оставалась неизменной, идеальной, внешней по отношению к реальным условиям развития. Повторим: побудительным стимулом смены одной стратегии на другую оставалось убеждение в существовании некоего магистрального пути преодоления слаборазвитости, движение по которому уже само по себе снимает ограничения на прогресс. В реальности, правда, развитие мировой экономики – от индустриализации национальных хозяйств и консолидации национальных государств к неолиберальной политике уменьшения роли государства, широкой приватизации, дерегуляции международных хозяйственных и финансовых связей, – все дальше уходило от этой формальной схемы. Тем не менее сохранялся основополагающий идеальный принцип догоняющего развития – вера в то, что заимствование и копирование чужого опыта и образцов модернизации сами по себе могут обеспечить необходимые общественные сдвиги.

Не менее примечательно то, что все планы скорейшего вывода региона из состояния социально-экономической отсталости практически полностью отождествляли идеальный вектор изменений – прогресс, копирование признаков модерности с объективными факторами и тенденциями социокультурной эволюции. Статус объективного, эмпирического знания получало то, что в действительности являлось лишь гипотезой, формальной теорией-предположением, теорией-возможностью. Предположение, что развитие современного (национального) государства, коммерциализация аграрного сектора, мобилизация природных ресурсов и стратификация развивающегося общества неминуемо вызовут разложение собственно африканской социальности – общинно-родовых, этносоциальных (трибалистских) структур – и затем приведут общество именно туда, куда оно должно прийти – к перевесу развития над отсталостью, прогресса над

антипрогрессом, хорошего над плохим. Это имело и вполне определенные последствия. Прежде всего, появление иллюзии возможности не только регулировать, но и контролировать и предвидеть социальные изменения в масштабе государств, которые не имели адекватной социально-экономической основы для такого контроля и управления. Удивительны простота и легкость, с какой эти планы превращались в то, чем они не были и, по сути, не могли быть, – в инструмент предвидения социальных изменений. Для этого идеальный вектор модернизации надо было воспринимать и интерпретировать исключительно в духе реалистической иллюзии.

В той мере, в какой теория модернизации опирается на реальную эмпирическую основу, она сохраняет возможность критики своих формальных, идеальных оснований. Очевидно также, что это необходимое условие развития теории как научного знания. Однако в отношении африканских стратегий развития второй половины XX в. выход концепций и стратегии африканского развития за рамки чисто формальных моделей оказался заблокированным. Главную роль в этом сыграл синдром «периферийного», постколониального сознания европеизированных африканских элит.

Этот синдром вновь и вновь возрождает идеи «цивилизующего прогресса», «тотальной прогрессивности» современной цивилизации Запада, индустриальной экономики, рыночной системы, либеральной демократии и т.д., присущей этой цивилизации чудесной способности благодетельствовать всех людей, реорганизовать и, по выражению А. Рубцова, «привести в чувство едва ли не весь мир, и в ближней среде обитания и глобально» по формуле: «Цивилизация выводит заблудших и недозревших из варварства, люди делают людей из нелюди» [19].

Эти идеи и связанное с ними мироощущение не ушло полностью ни из европейского, ни из африканского сознания.

Сегодня утопизм идеи превращения африканских государств, африканских форм социальности и культурных коммуникаций в копию обществ модерна кажется уже очевидным. Это вполне достоверная оценка результатов развития обществ и стран региона в XX в. и особенно за последние 30–40 лет. Пришло время практической критики самой формальной модели догоняющего развития и лежащих в ее основе принципов.

Очевидны неудачи региона на пути догоняющего развития, особенно с точки зрения реализации его идеального вектора – устойчивого улучшения жизни большинства населения. Даже по минимальным показателям прогресса (качество питания, уровень здоровья, продолжительность жизни, характер труда, степень социально-политической стабильности) страны региона не приблизились к развитому миру. Несмотря на мобилизацию природных ресурсов, многократный рост ВВП, значительное снижение удельного веса сельского хозяйства (с 41 до 20% за 1960–1980 гг.), при соответствующем росте промышленности, строительства и сферы услуг, модернизация общества не приобрела качественного и устойчивого характера. Наращивание промышленного и сельскохозяйственного потенциала развития носило экстенсивный характер и обернулось деградацией аграрного сектора, масштабным разрушением традиционных хозяйственно-экологических систем, общим усилением зависимости африканских экономик от мировой хозяйственной конъюнктуры по важнейшим видам их традиционных сырьевых товаров.

Наблюдается растущий разрыв между используемыми средствами – материальными, финансовыми – и результатами модернизации. За почти полувековой период существования стран субсахарского региона как формально независимых государств в поддержание существования и развития этих государств вложены огромные материальные ресурсы в виде прямых инвестиций, кредитов, субвенций, помощи со стороны развитых стран и международных финансовых ор-

ганизаций. Создано множество государственных и межгосударственных структур, применены конкретные программы финансовой стабилизации и структурной перестройки африканских экономик, обозначены особые подходы к наименее развитым странам – и все ради того, чтобы сдвинуть в сторону прогресса развитие этой части мира, поднять в перспективе уровень и качество жизни большинства африканцев. И каков результат? По основным показателям прогресса ситуация в регионе в целом ухудшилась относительно многих других развивающихся стран. Из 53 государств Африки 33 относятся к группе наименее развитых. Уровень бедности в городах региона (42% городского населения) значительно превышает аналогичный показатель для всей группы развивающихся стран (28%) [20]. Социально-демографическая ситуация в ряде стран имеет признаки социальной катастрофы и демографического коллапса: хроническое недоедание и массовые случаи голода, малоземелье в деревне и раскрестьянивание сельского населения в города, пауперизация городского населения и т.д. В координатах прогресса эти тенденции могут быть определены скорее как анти-прогресс, анти-развитие [21].

Новый смысловой фокус концепций развития Африки

С трудностями дальнейшего развития постколониальная Африка столкнулась далеко не сегодня. Некоторые проныцательные наблюдатели предвидели трудности уже в 1960-е гг. [22]. Почему же только сегодня эти трудности оказались в фокусе научного анализа и мирового общественного внимания? И откуда, из каких пластов знания возникают возможность и реальность подобной фокусировки изменений, резкие, обобщенные, далеко идущие характеристики, негативные образы и метафоры (утопия и провал дальнейшего развития, «кризис Африки» и т.п.)?

В нашей интерпретации это объясняется не только эмпирической реальностью социокультурных трансформа-

ций в современной Африке – они слишком ситуативны, сложны и многообразны, чтобы их можно было подвести под одну общую схему.

В полной мере это объясняется изменением априорных условий познания и понимания этой реальности, глубокой трансформацией фоновых знаний и ожиданий по отношению к проекту «Ускоренное развитие больших африканских колоний: больше развития – больше прогресса». О всей картине и результатах трансформации фонового знания пока можно только догадываться. Новый фон окончательно не сложился, как не ушли в прошлое ключевые идеалы и образы прежнего фона: прогресс, современность, догоняющее развитие. Но некоторые важные и вполне ощутимые тенденции изменения фона восприятия региональных трансформаций можно выделить. Эти тенденции развиваются в общем контексте разрушения устоявшегося за столетия универсалистско-модернистского типа восприятия мира.

Прежде всего заметна релятивизация представлений о развитии как универсальном макроисторическом и макросоциальном проекте, предполагающем веру в прогресс, в его устремленность в будущее («золотой век» впереди), восприятие в качестве нормы разумности и закономерности мира, способности человека и общества эффективно направлять и контролировать социальные изменения. Нормы не исчезли, но что-то в их основании деформировалось, надломилось. Ощущение этого сдвига как разрушения гуманистических идеалов, конца большого секулярного проекта Нового времени жестко, но достаточно обоснованно выразил А.И. Неклесса: «Построение универсального сообщества, основанного на принципах свободы личности, демократии и гуманизма, на постулатах научного и культурного прогресса, на вселенском содружестве национальных организмов и повсеместном распространении модели индустриальной экономики (или же еще более амбициозный проект объединения населения Земли в рамках гражданского общества) – все эти

грандиозные цели и принципы оказались вдруг под вопросом» [23].

Другая не менее заметная тенденция – ощущение и ожидание все большего «сжатия» Мира, все более концентрированное восприятие его через стандартные культурные и поведенческие образцы, распространяемые глобальными сетями СМИ, и параллельно с этим ощущение распада культурной гомогенности окружающего мира, разрушение его целостности (смещение Центра и периферии, высокого и низкого, большого и малого), роста социокультурного партикуляризма. Прежние образы Мира как упорядоченной дифференцированной целостности («центр – периферия», «развитые – развивающиеся страны») замещаются образами неупорядоченных, угрожающих, катастрофических разрывов мирового пространства (Запад versus ислам. Север versus Юг), картиной демонтажа традиционных социальных и нормативно-ценностных иерархий и замещения их хаосом культурных мозаик, переплетения Большого Мира и элементов локальных «экзотических» культур.

Изменения фоновых ожиданий сегодня уже явным образом влияют на содержание формальных теорий развития, перестраивая – все более радикально – привычные способы обобщения и моделирования социальных изменений. Базовая для теории модернизации типология социальной организации «традиционное – современное» замещается новой дихотомической схемой: глобальное – локальное. В отличие от прежней в новой типологической схеме значимыми, типичными, «идеальными» изменениями являются процессы, связанные с трансформацией пространственных параметров социальной организации (глобальное – локальное), пространственно-смысловых уровней идентичности (национальное – этническое), способов адаптации к окружающему миру (технологический прогресс – интенсификация использования природной среды, постэкономические ценности и мотивации – физическое выживание). Теоретическое знание о раз-

витии в значительной степени утрачивает при этом целостность и универсальность прежней формальной модели догоняющего развития. На роль нормативной рамки сравнения условий и результатов социальных изменений начинают претендовать модели, образы, категории, которые подчеркивают разрывы в мировом экономическом и культурном пространстве, разнородность, чуждость и даже враждебность по отношению друг к другу глобальных регионов, геополитических блоков и цивилизаций (глобальный Юг versus глобальный Север, «конфликт цивилизаций», «страны-изгой»). Формируется альтернатива жесткому универсалистскому пониманию общественного развития как изменений исключительно векторных, связанных, прежде всего, с восхождением по ступеням универсального и этически окрашенного прогресса. На роль альтернативного понимания претендует идея плюрализма типов, форм и видов развития (восходящих, нисходящих, возвратных, тупиковых, инверсионных, безвекторных и т.д.), «нормой развития» становится несводимость развития к какому-либо одному вектору или содержанию [24]. Таков новый фокус, в котором концентрируется сегодня видение действительно больших трудностей развития, сконструированных по внешним, заимствованным моделям африканских государств-наций и национальных экономик. Новые фоновые знания и ожидания проблематируют не просто эти трудности, но саму возможность их преодоления на пути восходящего развития, наличие в африканской социокультурной среде достаточного потенциала эволюции и в связи с этим способности успешно адаптироваться к «вызовам глобализации».

Влияние «фона» и соответственно «фоновые значения» подобных оценок и выводов однако не рефлексированы, не принимаются в расчет, даже если очевидна их чрезмерная обобщенность или крайний негативизм. И в этом проглядывает все та же логика «научного реализма», о которой мы подробно говорили выше. Кажется, что реалии со-

временных африканских кризисов намного значимее, весомее, нежели «нематериальные» «фоновые ожидания», априорная предрасположенность исследователя к определенным выводам и т.д. И с этим можно согласиться, пока мы не сталкиваемся с попытками представить нормативные, этически окрашенные и зачастую предельно широкие выводы о низком потенциале развития региона как эмпирическую реальность социальных изменений.

Поскольку многие стороны современной африканской жизни плохо вписываются в представления о достойном, цивилизованном уровне существования человека, то смешение реальности социальных изменений и упорядочивающих их норм, оценок, образов приобретает ярко выраженный этический и эмоциональный контекст, не менее, а даже более важный, чем эмпирический анализ. Этически окрашенные оценки кризисных процессов в Африке обычно тем сильнее, чем больше социальные изменения воспринимаются как тяжелые, бедственные, ненормальные. И это, повторим, вполне естественно. Но все же такие оценки не могут подменять, сводить к однозначным схемам и образам содержание научного знания об Африке, теорию изменений как таковую. Между тем в отечественной африканистике эта практика получает широкое распространение (видимо, в порядке компенсации прежних «прогрессистских иллюзий»). Становятся привычными эсхатологичность, катастрофическая акцентированность оценок кризисных тенденций африканского развития – «зона хаоса и социального распада», «нагромождение бед», «земля отчаяния» и т.п.

Переживание действительно сложных драматических ситуаций в ряде стран региона как диссонирующих с образами и нормами цивилизованного бытия способно дать новый толчок субъективным представлениям о будущем Африки. Заменить прежние утопические идеалы всеобщего прогресса на идеи и образы антиутопий. Такая опасность возни-

кает в ситуации, когда конкретные проявления срывов модернизации, проявлений демодернизации начинают изображаться как трагическое, катастрофическое движение от хорошего (то есть достижений цивилизации) к плохому и ужасному – торжеству асоциальных и антисоциальных сил, представляемых обычно в образах «анти-цивилизации» и «анти-развития». Эти образы, похоже, отражают в немалой степени травмированное сознание самих исследователей. Во всяком случае, они побуждают экономистов, социологов постоянно маркировать явления социального распада, хаоса, разрушения социального порядка. При этом возникает опасность нарастания, в ущерб объективному анализу, этического нормативизма.

Наименее радикальное и, скорее, позитивное проявление этой тенденции – гуманитарный подход к проблемам Африки. Эксперты рассказывают о тяжелой ситуации в регионе как о гуманитарном бедствии XXI в., угрозах социальной и экологической катастрофы, обращается внимание на необходимость восстановления порядка в зонах конфликтов, подчеркивается связь будущего Африки с будущим всего человечества.

Более радикальное и, скорее, негативное проявление той же тенденции – возведение своего рода формальной, идеальной (то есть данной лишь в идеале) границы между «цивилизованным порядком» и «анти-цивилизованным» беспорядком (массовая преступность, системная коррупция, теневая экономика, нерегулируемое насилие), имеющей очень сильный африканский акцент. Такая граница моделируется, получает значение скорее символическое (культурно-знаковое) и морально-этическое. Исследователь стремится заявить о великом принципе осевых цивилизаций – разделении Порока и Добродетели, представить знаки разрушения этого принципа, распада Цивилизации на огромных территориях современного мира. Характерны используемые для это-

го образы, они заключают в себе как бы идеальные сущности, модели, прототипы анти-цивилизации и анти-развития: «черная зона» социума, «мировая Тень», «тень греха» (!), круговорот «света» и «тени» как механизм общественного развития, «вырожденческое» и «первозданно дикарское» начало (!!), «отъем» как один из базовых способов существования всего живого (!!!) и т.д. Легко заметить, что эти определения воспроизводят прежние прогрессистские схемы развития, но с противоположным смыслом и знаком «анти». Чисто этическая оценка явлений «анти-развития» в этих определениях настолько довлеет над выделением его объективных, этически нейтральных показателей, что определения становятся тавтологичными. Распространение негативных явлений общественного развития выводится из разрушения цивилизации, единственным доказательством чего служит сам факт распространения подобных явлений.

Тем не менее эта схема напрямую прилагается к реальности и получает статус универсальных утверждений, смысл и логику которых четко выразил К.Л. Майданик – «от уголовной статьи к глобальной проблеме» [25].

Появились и другие формальные модели, подчеркивающие и символизирующие возможность деградации и растворения в окружающей среде социума. Основной упор в них делается на исчерпанность, тупиковость развития социальных отношений определенного типа. Такова модель «патологического социокультурного кризиса», связанного с «общим расстройством» социальных отношений, «метанием» общества от одной кризисной ситуации к другой и сползанием «его в конечном счете к катастрофе» [26]. Близка к этому типу моделей концепция органической встроенности в естественную среду, и шире – в макрокосм самой личности африканца как общего свойства «тропическо-африканской цивилизации», исключавшего ее «стадиальное развитие» [27], «изживание» особенностей, характерных для низких

фаз развития. Эмпирическая реальность социальных изменений отождествляется, таким образом, с вырождением или инверсионными типами развития как «идеальными тупиками» эволюции.

Экспансия нормативных и оценочных суждений

Теоретическое понимание проблем развития субсахарской Африки сегодня переживает не лучшие времена. Теория модернизации и тесно связанная с ней «социология развития» обнаруживают такие противоречия между своими постулатами и объективными результатами развития региона, что под сомнением оказывается общая правомерность объяснения и решения этих проблем в русле идей прогрессивного, форсированного, догоняющего развития. В последние 15–20 лет реальность постоянно опровергала эти идеи.

Возникли целые системы и структуры, призванные программировать естественный ход социокультурной эволюции африканских обществ, направлять ее по пути прогресса, развития, роста (государства-нации, международная помощь, программы социально-экономических и политических реформ). Однако вместо ожидаемого заметного и устойчивого перевеса прогрессивных составляющих над антипрогрессивными («положительная девиация») произошло прямо противоположное – усилились или возобладали антипрогрессивные составляющие и тенденции развития: коррупция, монополизация власти/собственности правящими группировками, экологическая деградация, прогрессирующая бедность населения, то есть несомненная «отрицательная девиация» развития. Рост устойчивого неравновесия в обществе в пользу современных структур и стимулов развития – государства, рынка и т.д. как условие модернизации обернулся ростом дестабилизации и деградации (понижение социокультурной сложности) общественных структур: «лож-

ная урбанизация», развитие «субкультуры бедности», децентрализация и упадок государственной власти и т.д.

Нельзя сказать, что эти несоответствия полностью разрушают теорию модернизации, лишая ее каких-либо оснований. Если интерпретировать реальные трудности модернизации африканских обществ с формальных позиций, т.е. по отношению к идеальному направлению, идеальному механизму догоняющего развития, то нетрудно представить эти трудности как проявления особого африканского пути или линии модернизации. Эта линия извилиста, отклоняется от «вектора прогресса» в силу изначальной глубокой отсталости («архаичности») африканских обществ, неадаптированности их к условиям современного экономического развития и современной государственности, необеспеченности реального суверенитета стран региона. Но общий курс модернизации обоснован, сохраняются возможности для выхода этих стран на новые рубежи и траектории догоняющего развития. Указывается на возможности демографической и экологической модернизации в контексте перехода развитого мира к экологически ориентированному экономическому развитию.

Сложность, однако, в том, что теория модернизации сохраняет таким образом свои позиции исключительно в качестве теории-предположения, теории-возможности, не учитывающей весь набор реальных условий сокращения региональной базы модернизации и снижения значения этой базы модернизации и снижения значения этой базы в масштабе современного мирового хозяйства. В условиях резкого снижения, начиная с 1970-х годов, эффективности использования факторов производства [28], угрозы необратимой деградации природной среды, кризиса государственности, барьер достижения модернизационных сдвигов («положительной девиации» развития) не уменьшился, а увеличился.

Время «социологии развития» как господствующего научного направления уже прошло. Во всяком случае, не ее нормативно-ценностные установки сегодня определяют об-

щий интеллектуальный фон понимания современных трансформаций африканских обществ. Занявшая ее место критика опыта африканского развития меняет этот фон, предполагает новые способы осмысления проблем региона, которые отличаются от модернистской парадигмы общественного развития. Понимание этих проблем сегодня уже трудно представить без идеально-типических понятий и категорий, которые еще 10–15 лет назад могли показаться второстепенными, локальными, произвольными: неформальная (народная) экономика, неформальный сектор общественного развития, маргинализация Африки, неопатримониальные режимы, локальные социокультурные группы и сообщества (этнические, религиозные, земляческие, клановые, семейные), параллельные структуры власти, африканская идентичность, антирежимные движения и власть лидеров повстанческих группировок. В этих понятиях закрепляется, по существу, новый смысловой и нормативно-ценностный инвариант понимания специфики африканских трансформаций. Принципиально уязвим западный (модернистский) проект реформ в Африке. Проект создания в регионе государств западного типа обречен на неудачу. Неэффективны попытки преобразования африканских обществ посредством коррумпированного государственного регулирования или навязываемых извне структурных реформ [29].

Заметны также изменения в том, что можно назвать «метаязыком научных исследований, – в тематической рубрикации, структуре (порядке) проблематики научных исследований. В 1960–1980-х гг. этот порядок формировался вокруг тематики социального целого (национальная экономика – социальная структура – политическая система). Начиная с 1990-х гг., на фоне роста влияния культурного релятивизма, вперед выдвигается социокультурная тематика (культурная самобытность и ее связь с социально-экономическим развитием, особенности политической культуры, метальные установки и запросы массового сознания, африканская идентич-

ность) [30]. Проблематизация слаборазвитости африканских стран начала сдвигаться от нормативно-смысловых формул «поэтапного развития» (единство мира, всемирный исторический процесс, универсальные стадии развития, эшелоны модернизации) к формулам цивилизационного плюрализма (низкие темпы развития, неадекватность взаимодействия с индустриальной цивилизацией Запада как результат цивилизационной специфики африканских обществ) [31].

Структура знания об африканском развитии, таким образом, меняется. Но стала ли эта структура как сочетание содержательных и формальных аспектов теории более достоверной, приближенной к реальности, а заодно и контролируемой, то есть способной четко отличать создаваемые исследователями умозрительные схемы от самой реальности? Разделение содержательных и формальных аспектов теории усложняет ответ на этот вопрос. Но зато уточняется его сущность и появляется более достоверный критерий реалистичности и надежности новых подходов.

С точки зрения содержания – эмпирических обобщений, выводов и следствий – новые теоретические конструкции стоят ближе к африканским реалиям, чем теория модернизации, особенно ее классические образы. Наконец преодолевается характерное для нее отождествление различных типов, форм, видов развития с идеальным вектором прогрессивных изменений. Этический идеал прогресса перестает довлеть над сознанием исследователей, выводами и следствиями теории. Достаточно увидеть, какое разнообразие векторов и форм эмпирических изменений вбирает, фиксирует понятие «неформальный сектор общественного развития» или понятие «африканская идентичность».

Пожалуй, впервые появляется возможность развести объективные факторы и закономерности общественных трансформаций, связанные с изменениями естественной среды, демографическим фактором, развертыванием потребностей, давлением внешней социально-экономической среды,

конфликтом социальных интересов и т.д., с одной стороны, и структурами, программирующими развитие, толкающими действие объективных факторов в определенном направлении – с другой. В свете драматического опыта африканского развития становится очевидным: в течение достаточно длительных периодов времени развитие может принимать в значительной мере запрограммированный характер или даже становиться искусственным (если развитие сильно отклоняется в направлении заимствованных или навязанных внешних культурных форм, институционализированных образцов изменений). Этот опыт в сочетании с опытом колониальных трансформаций доказывает, что ход и направление общественного развития определяются не только собственно естественноисторическими процессами, но в большей степени резкими эволюционными сдвигами (скачками, катастрофами). Сдвигами, обусловленными, прежде всего, изменениями собственно программирующих структур и систем изменений (культурное ядро социальной системы, ее политическая организация, сфера духовных ценностей и мотиваций).

Но форма и даже самая возможность формального конструирования новых понятий, тематических рубрик, а также стоящих за ними фоновых ожиданий в качестве полноценных научных теорий развития вызывают большие сомнения. Основания для таких сомнений возникают и усиливаются по мере того, как интерпретация эмпирической сложности социальных изменений на континенте, кризиса и частичного отторжения навязанных извне образцов развития отливается в формулы и модели анти-развития, анти-государства, анти-цивилизации.

Выше уже отмечалось, что существует тенденция отождествлять заключенное в этих формулах этическое содержание (осуждение криминальных и теневых практик, коррупции, социального беспорядка) с эмпирической реальностью (развитие неформальных, не регулируемых жестко социальных практик, распределение ресурсов на основе патро-

нажно-клиентельных отношений). При всей кажущейся правомерности таких отождествлений лежащее в их основе утверждение не является в полной мере достоверным, объективным, поскольку оно распространяется на все социальные ситуации, придает оценочным, нормативным характеристикам универсальное значение закона независимо от набора условий, при которых эти характеристики совершенно правомерны и имеют адекватный смысл. Если такое соответствие не определено специально, то существует опасность сдвига формальной модели в область правдоподобия, конъюнктуры, обыденного сознания, культурных и политических мифов, что, как уже говорилось, лишает такую модель статуса научной теории.

На определенные размышления наводит также повышенный нормативизм популярных сегодня социокультурных версий африканской слаборазвитости (низкий адаптивный потенциал африканских культур, приспособленность исключительно к условиям природной среды, слабая дифференцированность традиционных социальных систем, сравнительная неразвитость традиций принуждения к труду и т.д.).

В содержательном плане постановка вопроса о культурных нормах (образцах) социальных изменений, форм социальной динамики кажется вполне правомерной, хотя даже в рамках одной культуры или цивилизации эти нормы могут варьировать в зависимости от социальных ситуаций, наборов эмпирических условий. Однако попытка определить общую норму изменений для большого конгломерата разных локальных (этнических) культур или их цивилизационного единства представляет собой типичный идеальный образец, нормативно-ценностный конструкт. Такой конструкт может иметь свой идеальный прототип в виде форм духовности, идей, учений, символики и ритуалов данной цивилизации, или же существовать только в воображении исследователя. Но в любом случае он представляет собой идеальную модель (тип, образец), а не эмпирическую категорию. Описание та-

кой модели в реалистической манере и, тем более, ее априорное распространение на все ситуации социальных изменений опаснее реалистической интерпретации простой типологической схемы «традиционное – современное»: место простой схемы занимает иллюзия реальности в ее конкретной комплексности.

Объяснение трудностей модернизации африканских обществ их социокультурными особенностями производит впечатление большей достоверности и эмпиричности, нежели объяснение причин их отсталости колониальным господством Западной Европы (не очень длительным), империалистическим разграблением ресурсов континента. Социокультурные версии отсталости апеллируют к африканским реалиям системного порядка. В качестве таковых фигурируют отсутствие четких структурных границ между современным и традиционным хозяйственными секторами, доминирование в социально-экономических сферах традиционалистских интересов – семейных, клановых, общинных и т.п. Между тем, строго говоря, научная правомерность таких выводов зависит от структуры конкретных ситуаций, которые подлежат эмпирическому анализу. Самое большее, на что, действительно, могут претендовать подобные всеохватывающие определения (определения – рамки, определения – предположения), – это указание на частоту проявлений соответствующих характеристик. Даже если в данный момент времени они правомерны для большинства ситуаций, постулируемые зависимости не могут полностью исключать других, альтернативных вариантов изменений. Не допуская такие варианты, мы рискуем превратить видимый реализм социокультурных характеристик в очередную, но весьма масштабную реалистическую иллюзию. Срок ее жизни будет зависеть от того, сможет ли она объяснять все новые и новые ситуации изменений, а также от появления альтернативных теорий и их популярности.

Тип знания, который формируется в рамках социокультурных концепций отсталости, включает в себе и гораздо больший, практический риск сокращения пространства выбора вариантов изменений. Этот риск связан с формированием так называемых неприемлемых реальностей. Реальностей, которые отвечают логике данной формальной схемы, но лишают пространства выбора, буквально загоняют в угол реальных агентов изменений, не оставляют им возможностей изменений правил игры, т.е. фактически лишают их полноценного статуса социальных субъектов.

В самом деле, относительное, сугубо оценочное свойство отсталости в этих версиях превращается в определенно-однозначное структурное свойство традиционной африканской культуры и ее цивилизационного типа. Уже само по себе это вызывает сомнение. Абсурд, но иррационально стремление построить целостную, непротиворечивую модель африканских социокультурных практик за счет их отживших или несоразмерных современности элементов, внушающих сегодня скорее чувства беспомощности и бессилия. Трудно найти цивилизацию, носители которой согласились бы считать ее главным свойством отсутствие социальной динамики, особенностью – неспособность адаптироваться к современному миру и богатствам, привязанность к природе. Но еще более странным, неприемлемым кажутся вытекающие отсюда варианты будущего этой цивилизации, которые теоретически открываются для африканцев. Либо сохранение локальной африканской цивилизации в качестве культурного изолята, выключенного из глобальной системы междивизиационных связей, либо ее разрушение и гибель ранних ее носителей, если не физическая, то культурная.

Если норма изменений для одной цивилизации (западной) определяется как динамичное развитие, а для другой (африканской) – как преимущественно социальная статика, поглощенность человека коллективом, отсутствие стимулов к эволюционным сдвигам, такая позиция является культуро-

центрической, мотивированной разочарованием в прогрессе африканских стран. И правомерность такой позиции определяется не столько уровнем доказательств, сколько распространенностью отраженных в этой позиции эмоций. В этом отношении становящийся популярным «концептуальный культурализм» сильно уступает теории модернизации, которая все-таки стремилась удерживать баланс между культурным универсализмом (всеобщие идеалы современности и мирового прогресса) и релятивизмом (культурная самобытность), идеями доминирования мирового Центра и самобытного развития его периферии.

И еще в одном аспекте, важном для сохранения собственного научного статуса формальных схем, концепции социокультурной специфики и обособленности обществ субсахарской Африки проигрывают теории модернизации. Мы имеем в виду не очень явную, но растущую тенденцию к размыванию целостных и универсальных категорий социального познания. Категорий, которые делают возможными и понятными способы обобщения эмпирического материала, обуславливают необходимую инвариантность знания, обеспечивают необходимым научным аппаратом глобальные социальные, политические и экономические теории, структурируют научное мышление, мешают ему превратиться в набор случайных или произвольных языковых средств, образов, конструктов.

В теории модернизации как частной теории развития «глобальные» социальные категории сохраняли в целом свою универсализирующую роль. Категории «государство», «национальная экономика», «социальная структура» и «макросоциальные группы» и «прогресс» не просто обобщали эмпирическую реальность, но обеспечивали необходимый формат (преимущественно национально-государственный) упорядочения изучаемой реальности – целостный (общество как социальная система), имеющий единую темпоральность и единое универсальное, мировое пространство всеобщей

истории. Этот формат имел интегрирующее значение и в культурологическом смысле, позволяя воспринимать «чужие» культуры как уже в значительной степени «свои», по крайней мере понимать их в единых категориях современного научного мышления. Общим фоном этих категорий служил прочный дифференцированный образ общества как совокупности разных сфер (уровней) общественной организации. Благодаря ему (этому образу) возникал своего рода метаязык, на котором экономисты, социологи, политологи могли оценивать ход и результаты модернизации, выражать и понимать их смысл в качестве движения от традиционного состояния к современному.

Это в полной мере относится и к африканским исследованиям. В 1960–1980-х гг. исследователи представляли разнообразные социальные процессы в Африке в хорошо структурированном формате, совпадавшем преимущественно с рамками национальных государств и включавшем понятный набор основных социальных категорий. Понятия «государство», «хозяйственные уклады (секторы)», «макросоциальные группы» с теми или иными оговорками и уточнениями значили примерно то же, что и применительно к другим регионам «третьего мира». Все это позволяло общей идее развития и основанной на ней теории модернизации организовывать как социальный опыт модернизации, так и опыт ее исследований.

Однако в последнее время, особенно начиная с середины 1990-х гг., обобщенная картина социальных изменений в регионе как целостная и отчасти единая мыслительная конструкция утрачивает былую ясность и понятность, «понятийную прозрачность». Пользоваться этой конструкцией приходится «блуждая» во все менее определенном контексте оценочных, нормативных суждений, неустоявшихся понятий и смысловых конструктов, постоянно требующих определений, терминологических и культурных клише типа «африканская отсталость», «теневая экономика», «неформальный

сектор» и т.п. Характерно, что место привычных реальных определений, т.е. собственно определений понятий, отражающих существенные признаки предмета, неявно начинают занимать определения номинальные, которые объясняют значения слов, обозначающих используемое понятие. Например, использование в африканском контексте понятий «государство», «власть» сопрягается с терминами и словосочетаниями, которые как таковые требуют определений и объяснений: «неопатримониальный характер государства», «государства-рантье», «государство второго сорта», «этнополитические кланы», «представительный клиентизм», «баланс различных пластов политической культуры» и т.п. Универсальное значение понятия «государство» при этом номиналистически разлагается на частные, более мелкие составляющие, которые, в свою очередь, требуют номинальных определений и понятны скорее в определенном локальном, этнополитическом контексте.

Теряет ясный, универсальный смысл понятие «африканская экономика». Теперь это уже не четко структурированное целое, а скорее ситуативное смешение различных форм хозяйствования, которые объединяют понятия «неформальный сектор экономики», «народная экономика», «экономика привязанности». Дать определение этих терминов в рамках устоявшихся целостных, универсальных определений экономики практически невозможно. Чрезвычайно трудно определить понятие «неформальный сектор экономики». Приходится специфику неформального, теневого сектора определять по контрасту с «белой» экономикой (в терминах: «неорганизованный», «неофициальный», «нерегистрируемый» и т.п.) Но это требует дополнительных и сугубо частных номинальных определений. Как отмечает Е.А. Брагина, каждое из определений неформального сектора, и «все вместе выделяют его основную качественную характеристику» [31, с. 44, 46].

Аналогичную картину можно наблюдать и в исследованиях социальных процессов. Место идеальных категорий макросоциальных групп начинают занимать имена неопределенных социальных образований и общностей-конгломератов, социальных множеств: обширная маргинальная общность, маргинальное поколение, избыточная людская масса, социальные категории, ориентированные на космополитизм и локализм, массовые слои, которые не успевают и уже не в силах поспеть за модернизационным процессом и т.п.

С точки зрения организации научного знания, сохранения его как целостного, универсального структурного образования, дробление целостных категорий, когда оно приобретает самодовлеющий характер, таит в себе опасность так называемого номиналистического разложения – распада определений макросоциальных и макроисторических целостностей на все более мелкие и трудно фиксируемые единицы. Внешним знаком того, что в африканских исследованиях идет именно такой процесс и что он влияет на общую картину восприятия социальных трансформаций в регионе, является ставшее заметным увлечение представлять эту картину в терминах «хаос», «социальный беспорядок», зоны социального распада, массовой социальной аномии и т.п.

Опасность (и достаточно серьезная) процесса фрагментации целостной структуры познания состоит в том, что он приводит к невозможности или неспособности помыслить социальные изменения в категориях коллективных сущностей, макросоциальных и макроисторических целостностей, что потенциально грозит исчезновением самого объекта знания о развитии. Ведь развиваются не отдельные кланы, «агенты неформального сектора», «масса населения», а целостные субъекты исторических процессов.

На это, конечно, можно возразить, что «измельчание» социального целого обусловлено не определениями, а самой африканской реальностью, которую эти определения отра-

жают: кризис государства, распад традиционных структур и социальная деструкция городской среды. И с этим трудно не согласиться. Но не абсолютно. Верно и то, что более мелкий, локальный, неопределенный, плохо структурированный формат восприятия реальности заставляет, даже помимо нашей воли, трактовать ее как всецело маргинальную, лишенную начал самоорганизации, распадающуюся. А чтобы зафиксировать, рационализировать эти определения придется использовать еще более мелкие и неопределенные понятия и образы. Куда может привести логика этого процесса, как не к распаду целостной структуры научного знания. Невозможно провести ясные различия между обществом и государством, этничностью и социальными группами, экономикой, властью и коррупцией, процессами общественной самоорганизации и нерегулируемой деэтизацией.

Культуроцентристская идея о принципиальной несовместимости всего массива африканских культур и современного мирового развития кажется в этих условиях особенно опасной. На ее фоне фрагментированная, утрачивающая качества целого социальная реальность неизбежно будет восприниматься как все более незнакомый, чуждый мир. Мир, который невозможно осмыслить в категориях современного, рационального мышления, а можно воспринимать лишь как нечто совершенно иное, как некий этнографический объект. Вместо категорий универсального, целостного знания получаем категории и образы культурного разрыва: иное, чужое, альтернативное современной цивилизации, ее радикальное отрицание.

Теория развития на переломе

Каков же общий баланс достижений и потерь теории развития применительно к региону субсахарской Африки?

Почти молниеносное завоевание независимости странами региона породило уверенность в том, что и предоставлена почти безграничная свобода выбора путей и темпов раз-

вития. Не подтвержденная опытным путем, эта установка приобрела значение реальности в теоретическом и идейном пространстве социальных наук. Выделение общности развивающихся стран и признание ее главным признаком целенаправленного преодоления слаборазвитости обеспечили как будто бесповоротно господство в этом пространстве теории развития. Уверенность в развитии как этически окрашенном движении к прогрессу, к экономическим и политическим системам, характерным для развитых стран, побуждала видеть в этой теории гарантию того, что ситуация в африканских странах изменится правильным путем и скоро принесет ожидаемые результаты.

Сегодня баланс достижений и потерь для теории развития складывается иначе. Свобода выбора путей развития оказалась политическим мифом. В теоретическом и идейном пространстве науки идея выбора путей развития предстает скорее как идеальная норма ориентации, программирования развития, которая не получила адекватного (в смысле модернизации) воплощения в регионе. Но дала толчок антимодернизационным тенденциям развития, связанным с присвоением, точнее, расхищением общественных ресурсов правящими элитами, развитием клиентельных практик, ведущих в конечном счете к экономическому упадку и кризису государственности. Из теории развития, таким образом, ушло практически все то, что определяло ее смысл и значение в качестве нормы и образа изменений – вера в прогресс как движение исключительно вперед и в интересах большинства населения. Убежденность в способности государств региона трансформировать формальный суверенитет в реальную возможность направлять развитие своих стран – формировать единые национально-политические общности и экономические структуры, ограничивать отрицательное влияние на экономическое развитие мирового рынка и т.д.

В изменении баланса приобретений и потерь теории развития можно увидеть (и мы к этому всячески стремились)

и проявление ее собственных внутренних противоречий, заключенных в структуре, организации знания о социальных изменениях. Кроме варьируемого эмпирического содержания (повышение или уменьшение дифференциации – интеграции социальной системы под влиянием разнообразных факторов эволюции), эта теория, как подчеркивалось выше, дает формальную, нормативную рамку для интерпретации реальных ситуаций. Смысл и значение этой рамки состоят прежде всего в придании эмпирическому содержанию развития определенного вектора движения, действию объективных социальных законов целенаправленного, рационального, телеологического характера.

Взятая сама по себе в абстрактном виде идея направленности развития устанавливает не эмпирическое содержание социальных изменений, а лишь их определенный принцип, идеальную модель – возможность программирования социальных изменений институтами власти, культурными кодами, системами ценностей. Как определенный теоретический принцип, модель, конструкт эта идея не содержит и не может содержать в себе ни собственного подтверждения, ни опровержения. Из нее вообще нельзя извлечь какой-либо эмпирический вывод. Собственно научное, содержательное понимание того, куда и каким образом направлено развитие и что при этом развивается в первую очередь, становится реальным лишь с того момента, когда заложенная в образе вектора определенная матрица, образец, рамка изменений наполняются эмпирическими данными и обобщениями, сопрягаются с конкретными структурами социальных ситуаций. При этом в структуре самого теоретического знания не могут не возникать напряжения, противоречия, кризисы, обусловленные несоответствиями и разрывами между теоретической матрицей развития (восходящая, нисходящая и т.п. линии развития) и эмпирической реальностью изменения (или же возможностью смешения того и другого).

Реальные «векторные величины» развития удается обнаружить, например, в контексте эмпирической истории мировых религий и других форм универалистского самосознания (цивилизационного, имперского), ориентирующих спонтанные социальные изменения на некие высшие, всеобщие цели. Вектор изменений получает в данном случае четкое эмпирическое изменение – распространение определенного типа культуры, религиозных верований на максимально широкий круг людей, потенциально на все человечество. Типичными эмпирическими референтами идеи (модели, матрицы) направленного развития выступают развитые рыночные системы и политические структуры современного государства, способные устойчиво отклонять естественную социальную эволюцию в сторону, нужную большинству граждан или правящему привилегированному меньшинству. Особенностью этих механизмов, по крайней мере в современных развитых странах, является то, что они способны, так сказать, принципиально отклонять развитие в пользу улучшения, а не ухудшения жизни большинства населения. Другими словами, добиваться устойчивого и долгосрочного превышения прогрессивных составляющих над антипрогрессивными. За не очень долгий период существования современной западной цивилизации это отклонение приобрело характер интеллектуального стандарта, императивной этической и эмоциональной установки, отождествляющей развитие с этическим прогрессом. Однако это не значит, что в эмпирической реальности развития нет отклонений в пользу его антипрогрессивных составляющих и что они вообще в принципе не могут определять характер развития, его цели и приоритетные сферы.

Объективные факторы социальной эволюции, например, такие, как стабильный и длительный демографический рост, спонтанные изменения естественной среды, давление периферии на центры цивилизаций и т.д., могут действовать и как эффективные ограничители социального прогресса.

Больше того, как свидетельствует история Европы XX в. (Освенцим, Гулаг), даже длительная социальная и моральная традиция возвышения прогрессивных составляющих над антипрогрессивными не гарантирует от попыток улучшить жизнь «своих» за счет «чужих» путем национального и социального геноцида.

Поэтому баланс приобретений и потерь теории развития зависит во многом от того, в какой мере она доводит идеальные схемы до собственно научного объяснения, то есть объяснения четко определенных процессов и конкретных ситуаций, а в какой – облекает в псевдонаучные одежды этические стандарты, культурные образы и доминирующие эмоции. Если баланс этих составляющих теории нарушается, теория развития способна в той или иной степени терять свое научное значение. Сегодня этот вывод, пожалуй, более чем когда-либо актуален для понимания проблем, с которыми сталкивается теория развития в субсахарской Африке.

В условиях распада колониальных империй теория развития во всем наборе ее элементов стала важнейшим интеллектуальным средством программирования постколониального развития региона. Ее важнейшее эмпирическое содержание составили не разнообразные реальные зависимости социальных изменений от исторически сложившейся организации общества (развития экокультуросистем, оставшегося в ведении социальной антропологии), а главным образом обоснование экономических и политических структур, культурных кодов и ценностей, обеспечивающих такое программирование. Характерным подтверждением этого стало превращение идеи развития как целенаправленных, управляемых, прогрессивных изменений в политический миф, секулярную утопию. Политический конструкт, который обеспечивал, с одной стороны, приспособление к внешней социокультурной среде развитых стран новых африканских элит, а с другой – адаптацию политики развитых стран к внутренней среде региона.

Конвертация основных идей теории развития в политические мифы и социальные утопии дало немало для развития этой теории. Без этого процесса вряд ли приобрела бы широкое значение «социология развития». В практику африканских исследований вошли универсальные категории «государство», «гражданское общество», «национальная экономика», «социальная структура» и т.д., позволяющие в эмпирическом анализе идти от социального целого, конструировать макросхемы изменений.

Однако при том руководящем значении, какое идеи направленного развития получили в самих африканских странах, официальном отношении к этим идеям как к истинной действительности и конечной цели, баланс научных и ненаучных элементов в структуре теоретического знания не мог не сдвигаться в пользу последних. С неизбежными потерями для научного знания могли учитываться лишь те траектории развития, которые были напрямую связаны с программированием спонтанных социальных изменений (становление централизованных государств, экономический рост, внедрение ценностей «модернизма», насаждение современных моделей образования и т.д.).

В качестве реализуемой утопии теория развития становилась непосредственно причастной к эволюционному сдвигу, скачку в характере, реальном содержании структур, программирующих африканское развитие. Однако все значение этого сдвига оказалось сведенным в контексте теории к нормативной модели догоняющего развития и «реалистическим иллюзиям» имитационной модернизации.

Научное содержание теории развития в этих условиях было серьезно подорвано, если не сказать, сведено к нулю. Когда планы реализации широких модернизационных проектов в регионе зашли в тупик, обнаружилось, что теория развития в ее африканских версиях не обладает достаточным уровнем адаптации своих постулатов, нормативных образцов к ситуациям распада государственной власти, самоорганиза-

ции и социально-экономического доминирования неформального сектора, противостоящего государству, развития специфической субкультуры бедности. Все, что имеется в распоряжении теории модернизации для оценки и анализа феноменов не то постмодернизации, не то антимодернизации, сводится, по существу, к двоичным, нормативным признакам: порядок/хаос, социальное целое/социальное неупорядоченное множество, нормальное/исключительное (катастрофическое) развитие/анти-развитие, цивилизация/антицивилизация. Если вдуматься, то возникает стойкое сомнение по поводу принципиальной новизны методологических основ критики достигнутых в регионе результатов модернизации. Новым в этой критике является лишь то, что она исключительно негативным образом, последовательно отрицательно определяет значение прежних элементов нормирования и программирования целого: государства-нации, официальной экономики, интегрированных социальных групп.

Таким образом, знание о развитии африканских обществ сегодня не располагает новыми подходами к проблеме ориентированного (направленного) развития африканских стран. В то же время прежние образцы и принципы этого знания, привязанные всецело к догоняющей модели развития (теории модернизации), по существу, уже нечего не могут предложить, кроме негативных оценок реальных африканских трансформаций. К этому же «классу» оценок, меняющих идеальные схемы на антиидеальные, относится и тезис о принципиальной неадаптированности африканской социокультурной среды к современному миру. Сам термин «неадаптируемость» представляет собой скорее эмоциональную оценку, поскольку непонятно его реальное эмпирическое содержание: отсутствие социальной динамики? Приспособление к нуждам этой среды привнесенных механизмов и форм использования общественных ресурсов (коррупция) и социальной интеграции (этнический клиентелизм), что невозможно без определенной динамики развития? Трансформа-

ция всего социального целого (эволюционный сдвиг) на собственно африканских социокультурных основаниях?

Свидетельством разрушения старой и отсутствия какой-либо новой теоретической рамки социальных изменений в регионе служит то, что негативные оценки потенциала развития африканских стран никак не согласуются с некоторыми очевидными проявлениями социальной энергии, культурного творчества, активной самоорганизации различных групп населения Африки. Выступая на конференции «Африканская цивилизация в глобализирующемся мире», М.А. Чешков справедливо отметил явное несоответствие идеи Африканского ренессанса описаниям «общего упадка, царящего в этом регионе во всех сферах социальных отношений». «И на таком фоне вдруг происходит – если это так – взрыв творческой культурной деятельности» [31, с. 53]. Критика возможностей быстро расширяющегося неформального сектора экономики и социальных отношений совершенно обходит характерный для этого типа социальной организации феномен структурного (эволюционного?) сдвига при сохранении примерно того же уровня сложности социального целого. Этот феномен вообще плохо вписывается в нормативную модель развития, особенно если отождествлять развитие с социокультурной эволюцией в целом.

Примечания

1. Постоянным объектом критики эта схема была в отечественной (марксистской) африканистике. Сегодня эта критика кажется избыточной. Некорректно отвергать понятие «традиционный», «современный» только на основании их «идеальности» и абстрактности. Любая научная типология строится на оперировании «идеальными типами». В этом смысле данные понятия ничем не лучше и не хуже понятий «капитализм», «рынок», «классовая борьба» и т.п. Кроме того, эта схема имеет совершенно определенную сферу применения – цивилизационную компаративистику, где она используется для сопоставления социокультурных типов обществ Запада и Востока, что очень трудно сделать с позиций

формационной теории (См. подробнее: *Ерасов Б.С.* Цивилизации Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 298–321).

2. *Ranger T.* Invention of Tradition Revisited: the Case of Colonial Africa // *Legitimacy and the State in Twentieth-Century Africa Colonial.* – L., 1993.

3. *Zomberg A.R.* Creating Political Order: the Party-States of West Africa. – Chicago, 1966; *Seton-Watson H.* Nations and States. – L., 1974; *Gonidec P.-F.* Les Systemes politiques africaines. – 3-e edition. Les Nouvelles democraties. – P., 1997; Общество и государство в Тропической Африке. – М., 1980; Африка: культурное наследие и современность. – М., 1985. – С. 27.

4. При этом отмечается, что патримониализм в современной Африке является не столько устойчивым состоянием политического господства, сколько вероятностным процессом, зависящим от доступных общественных ресурсов. Когда объем ресурсов падает до минимума, прочные патронажно-клиентельные связи распадаются, и патримониализм переживает упадок, как это произошло в 80–90-е годы XX века. Кроме того, этот процесс базируется на симбиозе традиционных отношений, привнесенных конституционных норм и идеологических ориентаций и современных силовых структур, что находит отражение в понятии «неопатримониальные режимы» (*Young C., Turner T.* The Rise and Decline of the Zairian State. – Madison, 1985. – P. 166–167; *Севортьян Р.Э.* Государство и власть в современном мире: Теория. Политика. Реальность. – М., 1977. – С. 173–174; Африка: власть и политика. – М., 2004. – С. 54–55).

5. Тесную связь этих парадоксов с теорией модернизации как универсального перехода к порядку современного западного общества прослеживает Л.Г. Ионин (*Ионин Л.Г.* Основания социокультурного анализа. – М., 1995. – С. 113–116).

6. *Africa in the 1980s. A Continent in Crisis.* – N.Y., 1979. – P. 70–79.

7. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? – М., 1996; *Maldonado C., Gauftyaу B. et al.* L'economie informelle en Afrique francophone: structures, dynamiques et politiques. – Geneve, 2001.

8. Как отдельный тип («патологическая форма модернизации») власть клептократии, обусловленная механизмами спроса и

предложения, а не законами и правилами, была описана на африканском материале английским социологом С. Андрески в конце 1960-х гг. (*Andreski S. The African Predicament. A Study in the Pathology of Modernisation. – L., 1969*). В российской африканистике системное исследование «деструктивных форм организации власти» предпринял – преимущественно на нигерийском материале – Л.В. Гевелинг (*Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. – М., 2001*).

9. Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (Афро-азиатские страны и Россия). – М., 2001.

10. *Некlessа А.И.* Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М., 2002. – С. 17–47.

11. *Гевелинг Л.В.* Указ. соч. – С. 184.

12. Что нашло выражение в идее «самобытного развития» как ключевого момента модернизации, противостоящего ее европоцентристским моделям (*Гордон А.В.* Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.). Научно-аналитический обзор. ИНИОН РАН. – М., 1998. – С. 104–106).

13. Формальные в том смысле, что они не могут быть соотношены с реальностью непосредственно, без уточнения и наполнения эмпирическими данными об условиях их осуществления.

14. *Ерасов Б.С.* Цивилизации Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 373.

15. Он же. Социальная культурология. – 2-е изд. – М., 1996. – С. 458.

16. *Виганд В.К.* Африка: Национальное богатство и международное перераспределение ресурсов. – М., 2004. – С. 79.

17. *Maldonado C., Gaufryau B. et autres auteurs.* Op. cit. – P. 5.

18. Термин «формальная теория» (в социальных науках) восходит к предложенному немецким философом и социологом Георгом Зиммелем в дискуссии с Э. Дюркгеймом понятию «формальная социология» (теория, разрабатывающая типологические схемы, формальные образцы, модели изменений, но не фиксирую-

щая объективные законы таких изменений). Будон Т. Критика теорий социальных изменений. – М., 1998. – С. 84–87, 239–263, 254, 268).

19. Рубцов А. Глобальный этос и постсовременный либерализм // Этос глобального мира. – М., 1998. – С. 60.

20. Лебедева Э.Е. Тропическая Африка на пороге XXI века // Мировая экономика и международные отношения (МЭ и МО). – 1999. – № 9.

21. Никак нельзя назвать прогрессом быстрое развитие на континенте «черного рынка» оружия, беззакония наемных «частных армий», грабеж алмазов, золота, меди и пр. для финансирования антиправительственных вооруженных группировок, широкое использование ими «детей-солдат».

22. Dumont R. L'Afrique Noire est mal partie. – P., 1967.

23. Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2000. – С. 45.

24. Чешиков М.А. Идея развития: возможность обновления // МЭ и МО (в печати).

25. Майданик К.Л. От уголовной статьи к глобальной проблеме // Теневая экономики и политическая коррупция... – С. 9–20.

26. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994. – С. 70–71; Социальный кризис в Африке. Есть ли выход? – М., 1999. – С. 5–7.

27. Бондаренко Д.М. Цивилизация Тропической Африки и ее судьбы в доколониальные эпохи // Цивилизации. – Вып. 4 – М., 1997. – С. 65–78.

28. Суммарная эффективность этих факторов, определяемая как «общий фактор производительности», устанавливается в соответствии с уровнем развития социальной и экономической инфраструктуры, долей квалифицированной рабочей силы, устойчивостью административного правопорядка. Для стран Тропической Африки этот показатель остается наименьшим по сравнению с другими развивающимися странами. В 1973–1985 гг. этот показатель резко упал (до –27%) (Виганд В.К. Глобализация и понятие «африканская отсталость» // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М., 2002. – С. 363–364).

29. Clapham C.H. Discerning the New Africa // International Affairs. – L., 1998. – P. 263–269; Chabal A.A. Few Consideration of De-

mocracy in Africa // Ibid. – P. 289–303; *Makumbe J.* Is there a Civil Society in Africa // Ibid. – P. 305–317.

30. Эта тенденция отчетливо прослеживается и в отечественной африканистике (Околдованная реальность. Мир африканской ментальности. – М., 1994; *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических структур современных государств Тропической Африки. – М., 1996; *Синицына И.Е.* В мире обычая. – М., 1997; Африка: власть и политика. – М., 2004).

31. Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. – Т. I–II. – М., 2006.

Н.Д. Косухин

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В АФРИКЕ

Современная теория политического плюрализма

Плюрализм как политическая теория сформировался главным образом в США и Великобритании. Истоки современного плюрализма содержатся уже в документе № 10 «Федералиста» четвертого президента США Джеймса Мэдисона. Для предотвращения господства отдельных лиц и групп над властью Дж. Мэдисон выдвинул идею диффузии (распространения) власти, которая получает свое воплощение в демократической форме правления.

Систематическое обновление плюрализм получил в период становления буржуазной политической системы. Плюрализм с самого начала рассматривался как дополнение к концепции разделения властей и прав человека.

В современной науке политический плюрализм означает признание естественности (законности) существования различных интересов, взглядов, позиций, мнений, их свободное выражение, защиту и политическую терпимость. Политический плюрализм означает также наличие многообразия политических партий, общественных объединений, организаций с присущими им идейными и политическими позициями, которые способствуют осуществлению их интересов и целей [1, с. 59].

Таким образом, политический плюрализм означает свободу политического самовыражения, выражения лично или через политические организации своих соображений и позиций. Плюрализм, по существу, затрагивает основы общественного устройства государства и прежде всего пробле-

му сущности политического режима. Демократический режим обеспечивает развитие плюрализма и артикуляцию многообразных интересов различных слоев общества. Плюрализм обеспечивает конкретные механизмы участия граждан в политическом процессе через деятельность партий, групп давления или общественных организаций. Вместе с тем плюрализм начинается там, отмечает отечественный философ Т.А. Алексеева, где формируются «различия во мнениях при условии согласия с основными принципами общественного устройства» [2, с. 44].

Основа гражданского общества состоит в плюрализме, который проявляется в сочетании и учете интересов самых разнообразных социальных и политических сил, достижения консенсуса между ними. «Чтобы демократия была действенной, нужен плюрализм гражданского общества», отмечает немецкий политолог Р. Дарендорф [3, с. 796]. Американский политолог Роберт Даль выдвинул концепцию полиархии (от греч. *polys* – многочисленный, *arch* – править), означающую правление всех граждан [3, с. 619]. В последующем концепция полиархии дополнялась существенными признаками, затрагивающими институциональные, процессуальные и культурологические аспекты плюралистической демократии. Р. Даль выделил семь признаков полиархии:

1. Выборность органов власти, гарантированная конституцией; с помощью выборов осуществляется контроль над правительственными решениями.

2. Регулярное и периодическое проведение свободных и честных выборов, при которых исключен механизм принуждения.

3. Всеобщее избирательное право, когда практически все взрослое население наделено правом участия в выборах.

4. Право быть избранными в органы власти; практически все взрослое население наделяется данным правом, хотя возрастной ценз для права быть избранным может быть выше, чем для права участвовать в выборах.

5. Свобода самовыражения. Граждане имеют право на свободу высказывать свое мнение без страха подвергнуться наказанию по широкому кругу политических проблем, включая критику органов власти, правительства, режима, социально-экономического строя и господствующей идеологии.

6. Альтернативная информация. Граждане имеют право добиваться альтернативных источников информации. Более того, эти альтернативные источники охраняются законами.

7. Автономия ассоциаций. Для реализации своих многообразных прав граждане имеют также право создавать относительно независимые ассоциации и организации, включая политические партии и группы по интересам [4, с. 221].

Выделенные признаки полиархии, которые необходимо рассматривать комплексно, в их взаимосвязи, с одной стороны, позволяют систематизировать основные черты современной демократии, а с другой – оценивать степень демократического развития в каждой отдельной стране.

Р. Даль отмечал ряд условий, обеспечивающих стабильность полиархии:

- политические лидеры для завоевания власти и ее обеспечения не должны прибегать к средствам принуждения, т.е. использованию силовых структур (армии, полиции);
- необходимо наличие современного, динамичного общества, организованного на плюралистических принципах;
- конфликтный потенциал субкультурного плюрализма должен уравниваться высоким уровнем терпимости;
- среди граждан государства, особенно политически активных слоев необходимо наличие политической культуры и системы убеждений, тяготеющих к идеям демократии и полиархии [4, с. 225].

Существенным тормозом Р. Даль считает чрезмерную концентрацию и централизацию власти. Поэтому важным фактором развития полиархической демократии является рассредоточение экономических и политических ресурсов.

К концепциям полиархической демократии тесно примыкает модель общественной демократии (совместная власть, соучастие в отправлении власти). Теоретическая модель общественной демократии была разработана американским исследователем голландского происхождения А. Лейпхартом. Это модель демократического развития в ряде государств, отличающихся многосоставным (плюралистическим) характером общественной структуры, где общество разделено на множество сегментов. Такое общество отличается двумя главными особенностями:

- во-первых, вертикальной сегментацией населения на различные языковые, этнические, расовые или идеологические общности;
- во-вторых, институционализацией процесса их взаимодействия, которая осуществляется на уровне элит этих общностей.

А. Лейпхарт на основе опыта политического развития ряда государств (Австрия, Бельгия, Канада, Нидерланды, Швейцария) пришел к выводу, что достижение национального согласия в многосоставных обществах возможно при следующих условиях:

- осуществление власти «большой коалиции» всех значительных сегментов многосоставного общества; она может выступать и как кабинет «большой коалиции» в парламентской системе, и как коалиция президента с другими должностными лицами при президентской форме правления, и как большой коалиционный комитет с важными совещательными функциями;
- пропорциональное представительство сегментов общества во всех ветвях государственной власти;

- взаимное вето;
- высокая степень автономности сегментов общества [5, с. 182–183].

Все эти признаки отличают режим общественной демократии.

Для общества с моделью общественной демократии характерна, с одной стороны, относительная непроницаемость социальных связей между сегментами, а с другой – прочные вертикальные связи, объединяющие массы с элитой внутри каждой субкультуры. Поэтому отличительной чертой этого типа демократии является институционализация соглашения путем переговоров между элитами различных блоков. В связи с этим к ней часто применяют также термин «консенсусная демократия» в противовес мажоритарной демократии, где принятие решений основано на дихотомии «большинство – меньшинство».

На практике данная модель существовала не только в странах Запада, но и в ряде развивающихся стран на отдельных этапах их политического развития, например, в Ливане, Малайзии, Нигерии, Индии, ЮАР. В связи с этим некоторые исследователи, учитывая крайне неоднородный характер обществ развивающихся стран, рассматривали вариант общественной демократии как наиболее оптимальный для этих государств.

Надо признать, что модель общественной демократии в значительной степени носит теоретический характер. Об этом свидетельствует дальнейший ход мысли А. Лейпхарта. Так, по его мнению, для формирования и функционирования общественной демократии необходимы девять условий, из которых два имеют наибольшее значение: 1) отсутствие такого сегмента, который представлял бы собой абсолютное большинство и 2) отсутствие значимого социально-экономического неравенства между сегментами. Остальные семь благоприятных условий не столь принципиальны, хотя они сохраняют известное значение. К ним отно-

ются: 3) примерно одинаковые размеры сегментов (численность групп), что позволяет обеспечить равновесие сил между ними; 4) ограниченность числа групп, чтобы переговоры между ними не превратились в слишком сложный процесс; 5) относительно небольшой размер страны, что упрощает процесс принятия решений; 6) наличие внешней опасности, способствующей усилению внутреннего единства; 7) наличие общих, единых для всех сегментов общества ориентаций, смягчающих ориентации отдельных его сегментов; 8) компактное проживание групп населения, составляющих сегменты, что позволяет при необходимости прибегать к федерализму как форме обеспечения их автономии; 9) наличие исторических традиций достижения компромисса и согласия.

А. Лейпхарт считает, что президентское правление и мажоритарную избирательную систему нельзя считать абсолютно несовместимыми с общественной демократией, но гораздо более предпочтительны для нее парламентское правление с коллегиальным органом во главе исполнительной власти и пропорциональная избирательная система [5, с. 28–29].

В африканских странах такие условия вряд ли возможны, но здесь важно учитывать общий подход к решению непростой проблемы, имеющей принципиальное значение.

В этом контексте заслуживают внимания его соображения относительно тех институтов, совокупность которых могла бы обеспечить стабильность и способствовать демократическому развитию в полиэтническом государстве. К таким институтам он относит многопартийность, в том числе и многопартийный кабинет министров, пропорциональное представительство в законодательных и исполнительных органах власти, политическую децентрализацию, законодательное закрепление прав меньшинств. Для того чтобы эти институты оказались эффективными, в состав правящей коалиции и государственного аппарата должны входить представители всех значительных этносов [6, с. 23].

Каждый этнос должен обладать правом налагать вето на решения, затрагивающие его интересы, и каждый этнос должен иметь возможность самостоятельно вести собственные дела. Эти институты и меры вписывались в его идею общественной демократии.

Межэтническая напряженность может быть снята, если этносы на практике доверяют судебной системе, ориентированной на обеспечение равенства прав всего населения, независимо от этнической принадлежности. В тех случаях, когда этническая группа находится в неравноправном положении с точки зрения ее позиций в экономической и социальной сфере, требуются специальные меры для поднятия экономического статуса и благосостояния данного этноса.

Проблема политического плюрализма для африканских стран имеет особое значение, поскольку африканские общества по своей природе плюралистические: с точки зрения этничности, культуры, языка, конфессий, социально-возрастных групп и т.п.

Проблема плюрализма в Африке широко обсуждается в западной политической науке. Высказаны различные точки зрения на сущность плюралистического общества в большинстве бывших колониальных территорий. По мнению американских исследователей Л. Купера и М. Смита, плюралистические общества представляют собой агрегат различных слабо связанных или совсем не связанных между собой социальных единиц, в роли которых обычно выступают этнос, община, каста, большая семья и т.п. Эти социальные общности, существующие в рамках одной и той же политической или административной единицы, имеют ярко выраженные религиозные, культурные и языковые различия.

Антрополог Ван ден Берг дополняет эти основные признаки плюралистического общества следующими чертами: 1) отсутствие общепринятых ценностей; 2) наличие культурной гетерогенности; 3) наличие конфликтных ситуаций между основными социальными группами;

4) автономное существование отдельных частей социальной системы; 5) относительная значимость насилия и экономического взаимодействия как основы социальной интеграции; 6) политическое преобладание одной из корпоративных групп над остальными и 7) приоритет сегментарных, утилитарных, функционально специфичных отношений между корпоративными группами и преобладание всеохватывающих, неутилитарных, четко не выделенных связей внутри каждой из таких групп [7, р. 67–68]. По словам Ван ден Берга, его концепция социального плюрализма является как бы более «собирающей», но вместе с тем совпадающей в своей основе с характеристиками Л. Купера и М. Смита.

Таким образом, «плюралистическое общество» оказывается эквивалентом любого неразвитого в социально-экономическом отношении общества, включающего целый ряд различных социальных образований, не имеющих еще экономической, культурной, национальной общности. Несложно заметить, что по своему смыслу понятие «социального плюрализма» приближается к таким широко используемым в социологии терминам, как «традиционное», «переходное» или «призматическое» общество. В конечном счете все эти термины служат для обозначения и описания различных типов обществ, не принадлежащих к индустриальной цивилизации. Недостаток данных концепций заключается в том, что в их рамках растворяются такие специфические черты любого общества, как уровень социально-экономического развития, особенности культурной, политической и религиозной жизни, этнический состав и т.д. Американские авторы пытаются как-то углубить концепцию «плюралистического общества», наполнить ее определенным историческим содержанием. Так, Л. Купер конструирует две наиболее возможные модели «социального плюрализма»: «сбалансированную» и «конфликтную». Прототипом «сбалансированной» модели служит такое «плюралистическое общество», интеграция которого достигается за счет «функциональных

связей между институтами и общепринятыми ценностями или за счет динамичного баланса множества независимых социальных групп, с их ограниченными функциями и множеством межличностных связей» [7, р. 17]. Л. Купер не расшифровывает более подробно смысл своего построения, однако, судя по контексту, можно сделать вывод, что «сбалансированная» модель является эквивалентом общества, в котором отсутствуют трения или конфликтные ситуации между отдельными социальными (этническими, религиозными и т.д.) единицами, существующими в рамках такого общества в состоянии устойчивого «равновесия». «Конфликтная» модель, напротив, отражает существование в обществе подобных напряжений и конфликтных ситуаций. По мнению Л. Купера и М. Смита, модели «социального плюрализма» могут служить теоретической основой для социологического анализа африканских обществ. В результате такого анализа, считают они, можно разработать пути и методы трансформации обществ в тот тип, который соответствует более эффективной «сбалансированной» модели.

Главными предпосылками развития плюралистического общества в общество, социально сбалансированное, М. Смит считает следующие: во-первых, эффективную институционализацию условий для социального и политического равенства в стране, и прежде всего ликвидацию элитарных или этнических привилегий; во-вторых, создание равных и необходимых условий для членов различных социальных групп в экономической и профессиональной областях и в сфере образования; в-третьих, введение всеобщей свободы слова, вероисповедания, свободы шествий, собраний, структурные сдвиги в экономической, политической и культурной сферах, которые могут и должны стать реальным залогом введения подлинно демократических свобод в плюралистическом обществе.

Однако, как считает сенегальский исследователь П. Диань, главная проблема многообразия и плюрализма в

постколониальной Африке заключается «в невозможности воспитать людей таким образом, чтобы они вышли из состояния общинности (societies) к гражданственности и почувствовали общую судьбу и ответственность вне традиционной и психологической боязни и противодействия, связанных с расовыми, этническими или культурными различиями» [8, p. 84].

Вместе с тем полиэтнические общества, так же как и многонациональное государство, не могут существовать без некоторых общепринятых надэтнических ценностей и должны ради самосохранения стремиться хотя бы к минимальной интегрированности. Этносоциальная и национально-политическая интеграция формируется на основе согласия большинства людей различного этнического происхождения следовать единой системе ценностей.

В последние годы в рамках теории плюрализма появилась концепция мультикультурализма, которая возникла на американской почве, изобилующей этнокультурным многообразием.

Мультикультурализм используется, как правило, в двух основных значениях. В первом – это этнокультурная фрагментация социума. В другом – это «многокультурность в рамках общей культурной общности». Этот термин выступает синонимом разнообразия, выделения этнических ценностей. В таком смысле мультикультурализм применим к африканским реалиям, поскольку занимается такими проблемами, как этническая идентичность, самоопределение, права меньшинств, практика многосоставных демократий и др.

Как бы ни трактовался мультикультурализм, он способствует поискам оптимальных путей решения проблем «культурного разнообразия», дискриминации этнокультурных меньшинств, ведет к толерантности в обществе [9, с. 77].

Российский этнолог В.А. Тишков считает, что «мультикультурализм – это не просто процедура эмпирического установления и признания в том или ином обществе или го-

сударстве наличия культурных различий у разных групп населения. Мультикультурализм есть также определенная концептуальная позиция в сфере политической философии и этики, которая может воплощаться в правовых нормах, отражаться в характере общественных институтов и в повседневной жизни людей. Главное во всем этом – обеспечить поддержку культурной специфики и возможности индивидов и групп полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни от экономики и политики до культуры» [9, с. 69].

Концепция мультикультурализма противостоит ассимиляционистской доктрине «плавильного котла». Опыт независимого развития африканских стран показал, что программа социальной ассимиляции в рамках «нации-государства» не оправдала себя.

Начались поиски программ, учитывающих этническую автономию, а также федеральный принцип государственного устройства. В Африке сделана попытка осуществить принцип мультикультурализма в политической практике Эфиопии. Прежде всего, следует отметить, что этничность в Эфиопии проявляется в различных областях – в функционировании партий, властных органов, армии, в общественной и экономической жизни, в области культуры и в других сферах.

Правительство, пришедшее к власти после свержения в 1991 г. режима Менгисту Хайле Мариама, официально декларировало федеральный принцип государственного устройства в полиэтничной стране, где насчитывается более 80 этносов. Согласно Конституции 1995 г., Федеративная Демократическая Республика Эфиопия – федеративное государство, состоящее из девяти штатов и управляемое федеральным правительством.

Конституция предусматривает предоставление регионам автономии, включая право на отделение. Нельзя не согласиться с выводами Р.Н. Исмагиловой о том, что федерализм нужен прежде всего для того, чтобы приблизить институты власти к интересам и нуждам различных этнокультур-

ных общностей, живущих в одном государстве, обеспечить условия для сохранения и развития культур народов, способствовать изживанию межэтнической напряженности и конфликтов.

При всех недостатках, имея в виду лишь тенденции, можно отметить некоторые позитивные моменты утверждения этнического федерализма в Эфиопии:

- законодательное закрепление и передача властных полномочий штатам;
- создание местных органов самоуправления, что дает возможность (при всех имеющихся недостатках) решать значительную часть проблем – как в области сохранения этнокультурного многообразия, так и в сфере налаживания межэтнических отношений;
- придание федеральному центру мультикультурного характера;
- предоставление гражданам возможности изучения и использования в обучении родных языков;
- законодательное закрепление основ этнокультурной автономии путем создания в некоторых штатах зон на узкоэтнической основе.

Вместе с тем события в Эфиопии показывают, что этнофедерализм пока не привел к существенному улучшению межэтнических отношений. Более того, после выборов в мае 2005 г. этнополитическая ситуация в стране крайне обострилась. Открытое недовольство ряда этнических групп вызвало массовые репрессии со стороны официальных властей [10, с. 28].

Демократия в полиэтническом обществе предусматривает признание этносов в качестве легитимных субъектов политики. В африканских странах продолжаются поиски государственно-административных форм общественного устройства, которые обеспечивали бы гражданское равенство независимо от этнической принадлежности, а этнокультурным обществам давали бы гарантии сохранения их культуры

и справедливого участия в экономической, политической и общественной жизни [11, с. 118].

Для сохранения и поддержания этнического баланса, учета интересов всех этносов и этнических групп важную роль играет институт этнических посредников (П. Шредер). Как правило, эта роль отведена элите, этническим лидерам, которые доводят требования своих этносов до национального правительства, а также информируют свои этносы о правительственных решениях, требованиях и пожеланиях. При этом этнические посредники должны уметь достигать соглашения не только среди соперничающих групп внутри своего этноса, но и с другими этносами при продвижении своих интересов на национальном уровне.

По мнению Р.Н. Исмагиловой, «необходимо импортировать традиционные методы разрешения конфликтов в современные системы» [12, с. 117]. В более широком контексте эта проблема была затронута в выступлении исследователя из Камеруна Э. Йеншу Вубо, который отметил, что «структуры традиционных организаций общинной жизни и социальной мобилизации способствовали проведению переговоров в критические периоды модернизации в Африке как на глобальном (национальном), так и на микроуровнях (общинном) [12, с. 117]. Больше того, по его мнению, эти структуры выполняют роль гражданского общества, поскольку служат «паллиативом проблемам выживания в экономике» через «союзы по сбережению средств», «кассы взаимопомощи», кредитные общества, потребительские кооперативы, органы по организации общественных работ, партии и движения для защиты неблагополучных слоев населения. Нельзя не согласиться с его мнением, что «они являются подлинной основой, вокруг которой реализуется современность, сохраняя преемственность с прошлым обществом» [12, с. 118]. Таким образом, проблема национальной интеграции в африканских странах требует учета традиционных факторов для достижения гражданского согласия.

Политический плюрализм и становление многопартийности в Африке

В политической науке существуют различные взгляды на место политических партий в гражданском обществе.

Изучая различного рода институты, которые способствуют развитию демократии, А. де Токвиль особое внимание уделял политическим ассоциациям и партиям, которые он считал ключевыми институтами гражданского общества.

Политические ассоциации и партии артикулируют и представляют групповые интересы населения. Такой точки зрения придерживается классик политической науки, американский ученый С.М. Липсет, который в одной из последних работ особо подчеркивает центральную роль соперничества партий в развитии демократии, которая им непосредственно связывается со становлением гражданского общества.

Ряд исследователей отмечают, что партии действуют как посредники между гражданским обществом и государством. Так, Р. Кац и П. Мэйр пишут: «С одной стороны, партии агрегируют и представляют требования гражданского общества к государственной бюрократии, но с другой – они действуют как агенты этой бюрократии, защищая государственную политику перед населением» [13, с. 33]. Среди отечественных политологов такая точка зрения широко распространена. Ю.А. Юдин также отмечал, что партии являются «институтом гражданского общества» и действуют на основе публичного права и поэтому «становятся и публично-правовым институтом» [14, с. 17].

С.П. Перегудов подчеркивает «двухэтажную» структуру политических партий. Одна часть функционирует на уровне общества... а другая – на уровне государства (парламентские фракции и, если партия находится у власти, – формируемое ею правительство). На уровне общества партии выполняют общественные функции. Партии синтезируют импульсы, генерируемые в рамках гражданского общества, и

передают их в государственные структуры, прежде всего с помощью выборов. Такая «двухканальность», по мнению С.П. Перегудова, не может служить поводом для разведения единого общественного организма, каким является гражданское общество, которое взаимодействует «с государством и как с институтом, и как с олицетворением порядка и правовой культуры» [15, с. 59–60].

Цель политических партий состоит как в формировании, так и в реализации интересов тех слоев населения, от имени которых они выступают. «Партии, – отмечает К.С. Гаджиев, – соединяя гражданское общество с государством, способствуют преодолению или смягчению конфликтов, имманентно присущих их отношениям» [16, с. 144].

Как отмечалось выше, политические партии выявляют вызревающие в недрах общества социальные и иные запросы и транслируют их на уровень государственных институтов [17]. Автор разделяет точку зрения вышеназванных исследователей и считает, что современные африканские партии можно рассматривать в двойном качестве – как элемент гражданского общества и как составную часть политической системы. Однако это специфическое свойство присуще, по видимому, лишь неправящим (в т.ч. оппозиционным) партиям. Правящие же, занимая (даже в коалиционном формате) все или, в любом случае, ключевые позиции в государственной машине (политической системе), по определению «выпадают» из структур ГО как социального визави государства.

Многопартийная система, несомненно, способствует в африканских странах развитию политической активности, формированию и выражению интересов различных этносов, особенно в период избирательных кампаний и национальных референдумов. В этом случае партии становятся инструментом политической воли граждан, фактором, влияющим на исход волеизъявления населения.

В рамках гражданского общества важнейшей функцией политических сил должно стать согласование интересов

по основным направлениям социально-политической и экономической деятельности. В африканских странах существуют острейшие проблемы – бедности, медицинского обслуживания, развития регионов и т.д., по которым необходим консенсус политических сил. Эти проблемы находят отражение в программных документах большинства политических партий, но личностные амбиции и этнические предпочтения не способствуют выработке национального консенсуса. Важнейшей задачей партийного строительства в африканских странах должно стать формирование общенациональных партий.

Главная проблема плюралистической демократии заключается в совмещении борьбы различных сил за власть с обеспечением целостности общества, стабильности, единства в многообразии. Базисом такого единства может стать совпадение коренных интересов людей в организации политической системы общества.

Краеугольным методом решения этой проблемы становится политический диалог, сопоставление программ и выработка общей позиции, гражданского согласия. «Плюралистическая демократия, – отмечал французский политолог М. Дюверже, – требует минимального консенсуса между всеми партиями, несмотря на их расхождения. В особенности необходимо, чтобы они были согласны сосуществовать длительное время. Если этого не произойдет, то каждая из них будет стремиться злоупотребить властью, когда ее достигнет, и уничтожить другие партии, уничтожая, таким образом, плюрализм» [18, с. 84].

Политический плюрализм предполагает существование оппозиции – основополагающего признака демократии как власти большинства при уважении прав меньшинства [19, с. 152–159].

Становление многопартийной системы, подготовка и проведение выборов, деятельность африканских политических партий в ходе предвыборных кампаний дают опреде-

ленные возможности для уяснения их характерных особенностей и политической практики. При этом следует учитывать, что процесс перехода к партийному плюрализму на континенте начинался по-разному: в одних странах – со стихийного возникновения множества партийных образований и последующего законодательного оформления сложившейся многопартийности (Кения, Камерун), в других – с принятия новых конституций или соответствующих поправок к ним (Замбия, Кабо-Верде, Габон), в третьих – с законодательных актов, принятых национальными конференциями (Республика Конго, Мали).

Прежде всего, обращает на себя внимание многочисленность партий. В Нигерии, например, после легализации оппозиционных партий в конце 1990 г. было зарегистрировано 30 партий. Многие из них вскоре распались, а 17 под давлением властей составили две непрочные коалиции. В Мали в 1991–1992 гг. насчитывалось 47 партий, из них только три – Альянс за демократию, Суданский союз – Африканское демократическое объединение и Национальный комитет демократической инициативы – претендовали на общенациональную поддержку. При этом все они страдали от постоянной фракционной борьбы и внутренних расколов. На Мадагаскаре в парламентских выборах 1993 г. участвовали 122 партии и организации. Депутатские мандаты завоевали только 26 из них. В Камеруне в середине 2006 г. насчитывалось 176 партий, в Того – 70, Чаде – 78, Буркина-Фасо – 30. В Бенине на начало 2004 г. было зарегистрировано 150 партий. В результате на 45 тыс. жителей приходится одна политическая партия. Новое бенинское законодательство требует для регистрации новой партии, чтобы она насчитывала не менее 120 человек. Прежде было достаточно и 36 членов. В Демократической Республике Конго в 2006 г. в парламентских выборах приняло участие 260 политических партий [20, р. 207, 234, 269, 151, 105, 336].

Эта «множественность» не отражает идейно-политического разнообразия партийных программ и установок. Как правило, партии формировались по региональному и этническому признаку, несмотря на то, что в большинстве африканских стран такой принцип формирования запрещен конституциями. Например, конголезская партия Панафриканский союз за социальную демократию пользовалась поддержкой в областях Ниари, Буэнза, Лекуму, где проживают бембе; Конголезская партия труда, считавшаяся общенациональной, представляла интересы мбоши; кенийская КАНУ – в основном интересы кикуйю.

Бывший премьер-министр Франции М. Рокар пишет, что в Африке политические партии выполняют две функции: структурируют клиентелу лидера или выражают этническую, религиозную и языковую идентичность [21, р. 24].

Этническая основа африканских партий свидетельствует о продолжении процесса политизации этносов, отражает пестроту африканского населения, а также говорит о стремлении этнического объединения любого уровня иметь своего представителя во властных структурах. На политической сцене африканских стран имеется немало партий, отстаивающих, вопреки конституционным положениям, региональные интересы, что грозит нарушением территориальной целостности государства. Нередко центробежные тенденции проявляются в регионах, располагающих значительными природными богатствами, которые могут заинтересовать внешних инвесторов.

Официальный запрет трайбализма в большинстве стран Тропической Африки в значительной мере направлен на то, чтобы оппозиция не могла использовать этнический фактор в борьбе за власть. Именно поэтому оппозиционная организация, как правило, не столько отмежевывается от идеологии правящей партии, сколько стремится предстать перед избирателями в качестве партии, способной осущест-

вить ту же самую программу успешнее, чем это делает правящая партия.

Становление многопартийной системы в ряде стран происходит с большими трудностями и в борьбе с авторитарными тенденциями. В Уганде на протяжении 20 лет с 1986 г. деятельность ранее существовавших политических партий была официально запрещена, хотя они не были распущены и сохраняли свои структуры. Действовавшая на протяжении двадцатилетнего периода так называемая «непартийная демократия» характеризовалась деятельностью партии Национальное движение сопротивления (НДС) во главе с президентом Йовери Мусевени. НДС номинально объединяла все население Уганды. Концепция «непартийной демократии» аргументировалась преодолением партийных и этнорелигиозных разногласий.

Существовавшая иерархическая централизованная система управления в виде комитетов сопротивления (местные советы) пяти уровней выполнила свою задачу и возникла необходимость перехода к многопартийной политической системе, «открытому политическому пространству». В 2005 г. угандийский парламент принял решение об изменении конституции и переходе к многопартийной политической системе, а также о снятии ограничений на сроки пребывания в должности президента. На референдуме 28 июля 2005 г. большинство населения проголосовало за эти изменения.

В феврале 2006 г. состоялись президентские и парламентские выборы. Для участия в них были зарегистрированы 33 партии. Среди них, кроме правящей НДС, значился Форум за демократические перемены во главе с бывшим соратником И. Мусевени по партизанской борьбе К. Бесидже. Правящая партия НДС, выдвинувшая в предвыборном «Манифесте–2006 г.» лозунг на ближайшие пять лет «Процветание для всех», получила две трети голосов. Действующий президент Й. Мусевени набрал 59,26% голосов, более чем на

20% опередив своего главного оппонента К. Бесидже [22, с. 33].

Как уже отмечалось, программно-политический спектр новых партий не очень широк. Значительная их часть выдвигает демократические и либеральные задачи. Однако в реальной политической жизни на суд электората выносятся не различные стратегии развития, а взаимные обвинения. Оппозиция зачастую обвиняет правящую партию или коалицию в коррупции и различного рода скандалах; правящий режим стремится всеми силами скомпрометировать оппозицию и подчеркнуть свои достижения. При этом и те и другие пытаются завоевать симпатии избирателей заведомо невыполнимыми обещаниями.

В отличие от «старых» правящих партий, создававших свои массовые общественные организации (профсоюзы, молодежные объединения), почти все «новые» партии слабо связаны с обществом. Одна из причин этого явления заключается в чрезмерной социальной дезинтеграции, в низком уровне организованности отдельных групп общества, которые не могут стать мощной базой поддержки новых партий.

Немецкий политолог Г. Эрдман определяет «новые» партии как неопатримониальные. Их характеризуют следующие признаки: отсутствие политической программы (или она не имеет принципиального значения в практической деятельности партии) и постоянного бюрократического аппарата; преобладание неформальных отношений, опирающихся на разветвленную иерархическую систему патронажно-клиентельных связей. При этом партийное членство носит неформальный характер (хотя в отличие от клубных партий оно способно организовать массовую поддержку), а социальная база имеет территориально-партикуляристский характер [23, р. 397].

Особенность политических партий состоит в том, что их идейно-политическая основа редко содержит четко очерченные цели долговременного характера. Деятельность таких

партий скорее подчинена решению сиюминутных политических задач, которые в конечном счете определяются борьбой за власть. Откровенный прагматизм политических организаций часто выражается в изменчивости их программных установок, что ведет к формированию труднообъяснимых партийных союзов, блоков и коалиций.

Еще одной особенностью, характеризующей содержание партийной деятельности, является популизм партийных лидеров и всей партийной верхушки. Популизм проявляется в том, что в ходе предвыборных кампаний партийные лидеры дают массу невыполнимых обещаний, например, увеличить число рабочих мест и ассигнования на социальные цели, ликвидировать задолженность по зарплате и т.п. Прямым следствием популистского курса ряда политических организаций Африки могут служить кардинальные изменения их идеологических позиций. Примеры подобной трансформации обычно связаны с отречением от социалистических идеалов либо в пользу социал-демократических ценностей (Ангола, Мозамбик), либо – рыночных отношений (Мали, Бенин).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в африканских странах действуют и партии, имеющие четко сформулированные партийные программы. В их числе – бывшие правящие партии или их преемницы (МПЛА, ЗАНУ-ПТ, КПТ, Объединение тоголезского народа – ОТН), а также некоторые «новые» пришедшие к власти партии. Например, обоснованные экономические и социальные ориентиры содержались в программах чадского Патриотического движения спасения, пришедшего к власти в 1993 г., нигерского Демократического и социального конвента («Рахама») и ряда других организаций.

Особенности партийно-политической жизни африканских стран со всей очевидностью проявились в процессе перехода от однопартийности к партийному «плюрализму». Едва ли не единственной целью партийной борьбы стало завоевание власти, причем любыми способами. При этом на-

ционально-государственные интересы, как правило, оказывались далеко на периферии политических дискуссий. Подобная практика, граничащая с так называемым политическим аморализмом, приводила к трагическим последствиям – гибели сотен и тысяч людей, – а в некоторых странах провоцировала и затяжные гражданские войны (в Сьерра-Леоне, Демократической Республике Конго, Либерии и др.). Неспособность многих партий консолидировать политические силы и положить конец междоусобице имела весьма негативные последствия.

Так, на протяжении всего независимого развития Мадагаскара политический процесс характеризовался соперничеством различных политических сил. Особую остроту приобрела борьба против авторитарного стиля правления президента страны Д. Рацираки, который находился у власти с 1975 по 2001 г. (с небольшим перерывом с 1993 по 1996 г.).

Главной политической организацией Д. Рацираки была партия Авангард за обновление Мадагаскара, которая имела в Национальном собрании 40% депутатских мандатов (63). Однако на выборах в парламент в декабре 2002 г. партия получила всего три места. Победу одержала партия ТИМ – «Я люблю Мадагаскар», получившая 102 места из 160. Партия ТИМ была создана на базе широкого блока политических сил, в котором ведущую роль занимают предпринимательские и церковные круги. Во главе партии стал мэр столицы Антананариву предприниматель М. Равалуманана.

16 декабря 2001 г. в стране состоялись президентские выборы, основными кандидатами выступали Д. Рацирака и М. Равалуманана. По официальным данным, ни одному из кандидатов не удалось получить необходимого для избрания 51% голосов. В результате в стране требовалось провести второй тур голосования.

М. Равалуманана не признал итогов выборов и отказался участвовать во втором туре. Сторонники мэра поддер-

жали его решение и вышли на улицы городов, требуя отставки Д. Рацираки и утверждения М. Равалумананы на посту президента. Митинги и демонстрации переросли во всеобщую политическую забастовку, которая длилась более полутора месяцев. Д. Рацирака со своими ближайшими сторонниками был вынужден покинуть столицу и обосноваться в городе Туамасина, который был объявлен новой столицей Мадагаскара.

На волне массовых выступлений М. Равалуманана 22 февраля 2002 г. провозгласил себя президентом и главнокомандующим вооруженными силами, сформировал новое правительство. В свою очередь Д. Рацирака, опираясь на поддержку губернаторов большинства провинций и сохранивших ему верность элитных силовых структур, попытался подавить выступления оппозиции. Им были предприняты меры чрезвычайного характера: была установлена полная блокада столицы Антананариву и других городов, перекрыты дороги и мосты. В результате была парализована национальная экономика, возникли серьезные перебои в снабжении населения продовольствием, топливом. Раскол в обществе привел к вооруженным столкновениям.

Ряд международных организаций, и в первую очередь ОАЕ, предлагали свои посреднические услуги противоборствующим сторонам, но только спустя три месяца, 18 апреля 2002 г., в Дакаре при содействии ОАЕ, президентов Бенина, Сенегала, Кот-д'Ивуара и Мозамбика Д. Рацирака и М. Равалуманана достигли компромисса и подписали соглашение о путях выхода страны из политического кризиса. На основании решения Высшего Конституционного суда 6 мая 2002 г. М. Равалуманана был провозглашен президентом страны [24, с. 28–30]. На очередных президентских выборах в декабре 2006 г. М. Равалуманана был переизбран главой государства уже в первом туре, набрав 54,8% голосов [25, с. 59].

На состоявшихся в декабре 2002 г. парламентских, а в ноябре 2003 г. муниципальных выборах с большим преимуществом победила президентская партия ТИМ. Причина столь стремительного карьерного взлета бывшего столичного мэра М. Равалуманана заключается в самой личности нового президента. М. Равалуманана – предприимчивый и крупный бизнесмен, эффективный организатор и хозяйственник. Он начал свою карьеру с работы уличного торговца, но со временем добился крупных успехов в предпринимательской деятельности. Поддержку избирателей принесла не столько его предвыборная программа, сколько желание широких слоев населения изменить свою жизнь к лучшему, а его личный пример был весьма привлекателен.

В своей предвыборной программе М. Равалуманана подверг резкой критике существовавшую в стране систему государственного управления, выдвинул лозунг «быстрого и стабильного развития» при «новом отношении к работе». Появление на политической сцене такого лидера страны – показатель существенных сдвигов в настроениях малагасийского общества, когда социально-экономические соображения вытеснили регионально-этнические и религиозные моменты на второй план. Нового президента поддержали ранее соперничавшие народности, а католическая церковь отдала предпочтение президенту-протестанту.

Дальнейшая политическая судьба М. Равалуманана сложилась весьма драматично. Будучи президентом, он продолжал преследовать свои узкокорыстные интересы, оставаясь главным предпринимателем страны. М. Равалуманана назначал управляющих своих компаний на государственные должности, продвигал президентские бизнес-проекты, разрешил аренду земли иностранным компаниям и т.п. При этом он стремился к централизации государственной власти и концентрации основных рычагов экономики. Эти действия затрагивали интересы политического класса, особенно офицерского корпуса.

М. Равалуманана полагал, что расходы на вооруженные силы ложатся тяжелым бременем на бюджет страны, поэтому их содержание вряд ли целесообразно.

Эти и другие факторы были использованы молодым амбициозным мэром столицы Антананариву Андри Раджоелиной, который вывел на улицу молодых горожан.

Демонстрации столичной молодежи привели 17 марта 2009 г. к свержению президента Мадагаскара.

Аналогичная ситуация сложилась в Кении. В этой стране 27 декабря 2007 г. состоялись президентские, парламентские выборы, а также выборы в местные органы власти.

В президентских выборах приняло участие восемь кандидатов, однако основная борьба развернулась между действующим президентом Мваи Кобаки, который баллотировался на второй президентский срок, и Раилой Одингой.

Выборы вновь продемонстрировали огромную роль этнического фактора в политической борьбе. Следует иметь в виду, что 36 млн жителей Кении представляют 40 этносов. Наиболее многочисленные из них – кикуйю (22% населения), лухья (14%), луо (13%), каледжин (12%) и камба (11%). М. Кобаки – выходец из народности кикуйю, а Р. Одинга – представитель луо.

Уже первые предварительные итоги выборов подтвердили лидерство М. Кобаки, что привело к массовому выступлению сторонников Р. Одинги. Последние обвинили власти в фальсификации результатов голосования и потребовали пересчета бюллетеней или второго тура выборов. Ситуацию обострила победа оппозиции на выборах в национальный парламент, где блок партий во главе с Р. Одингой получил вдвое больше голосов, чем партии, которые поддерживали М. Кобаки.

Массовые акции протеста оппозиционных сил переросли в кровавые беспорядки, унесшие жизни нескольких сотен человек. Демонстрации и акции протеста продолжались в январе-феврале 2008 г. Только вмешательство между-

народных организаций и Африканского союза, а также деятельность бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана способствовали урегулированию конфликтной ситуации [26].

Надо сказать, что, как правило, побежденные партии оспаривают итоги выборов, отказывают в легитимности победы своего соперника. В Нигерии после выборов в 2003 г. оппозиционные партии создали постоянно действующую Конференцию нигерийских политических партий, в рамках которой стремились саботировать все инициативы правящей Народно-демократической партии по реформированию экономической и политической структуры страны [12, с. 51]. Оппозиция оспорила и президентские, и парламентские выборы, которые прошли в этой стране в апреле 2007 г.

Ведущей тенденцией в формировании многопартийной системы стало доминирование какой-либо одной партии, выполняющей функцию консолидации существующего политического режима.

Переход к многопартийности потребовал определить правовой статус политических партий. В условиях однопартийной системы правовой статус правящей политической партии – ее монопольное положение в политической системе, как правило, закреплялось конституцией. При отсутствии других политических партий в специальном правовом акте, который регулировал бы партийную деятельность, не было никакой необходимости. Иные «правила игры» складывались в многопартийном государстве. В новой политической системе образование и деятельность партий должны были быть поставлены в определенные правовые рамки. Значение этого требования не умалялось даже тенденцией к формированию партийно-политических систем с так называемой доминирующей партией. Подобные системы складывались в Ботсване, Замбии, Зимбабве, Кении, Конго, Мали, Мозамбике, Намибии, Танзании, ЮАР.

В африканских странах основы правового статуса политических партий определяются конституционными нормами. Значение этих норм исключительно велико: во-первых, само их включение в основной закон означает признание на конституционном уровне политических партий как самостоятельного конституционно-правового института; во-вторых, они образуют основу правовой регламентации партий, осуществляемую всеми другими нормативными актами. Как правило, конституции закрепляют принцип политического плюрализма, определяют роль политических партий в обществе и государстве, устанавливают требования, соблюдение которых обеспечивает партиям право на легальную деятельность.

Так, Конституция Республики Конго 2002 г. закрепила принцип политического плюрализма, что особенно важно для государства, где ранее действовал однопартийный режим. Вместе с тем в конституции было четко прописано, что создание партий на этнической, региональной, а также религиозно-сектантской основе запрещено. В основном законе Конго определено общее предназначение политических партий, которые призваны защищать и отстаивать фундаментальные права человека, способствовать консолидации национального единства, территориальной целостности. Отмечалось, что политические партии страны должны защищать демократические принципы, бороться с нетерпимостью, этническим экстремизмом и любыми попытками дестабилизации общества, уважать светский характер государства [27, р. 9].

В соответствии с положением новой Конституции 1992 г. в Гане была восстановлена многопартийная система. Чтобы предотвратить попытки ограничения или отмены этого положения, Конституция не разрешает парламенту издавать законы о введении в стране однопартийной системы. В частности, в ст. 3 говорится, что «парламент не вправе принять закон, учреждающий однопартийное государство», а

согласно ст. 55 «парламент не вправе принять закон, учреждающий или уполномочивающий учредить орган или движение, обладающие правом или властью навязать народу Ганы общую программу или комплекс целей религиозного или политического характера» [28]. Признаются незаконными действия, направленные на ограничение политической деятельности. Конституция декларирует принципы политического плюрализма, что закреплено в разделе «Политические партии».

В статье третьей Конституции Республики Сенегал говорится, что «политические партии конкурируют в борьбе за голоса избирателей. Они уважают конституцию и принципы национального суверенитета и демократии. Партиям запрещено объединяться по расовому, этническому, сексуальному, религиозному, языковому или региональному принципу» [29, р. 7].

На основе конституций в большинстве африканских стран приняты специальные законы о политических партиях. В Гане, например, согласно такому закону, принятому 18 мая 1992 г., каждый гражданин, достигший избирательного возраста, имеет право создавать политическую партию или вступать в нее и заниматься политической деятельностью. Любое лицо, препятствующее осуществлению этого права, совершает преступление и может подвергнуться штрафу на 50 тыс. седи, или тюремному заключению на срок до двух лет, или тому и другому вместе.

Закон запрещает воссоздавать старые партии (приводится список из 21 запрещенной партии); создавать новые на этнической, региональной, профессиональной или религиозной основе; использовать слова, лозунги или символы, которые могли бы вызвать этнические, региональные или религиозные разногласия.

Согласно закону, партии подлежат регистрации в избирательной комиссии. Закон определяет условия регистрации партий, требования к учредителям и руководящему со-

ставу, порядок отчетности и ведения документации, называет причины, по которым партии может быть отказано в регистрации или из-за чего регистрация может быть отозвана [30].

Наряду с общими законами о политических партиях, определяющими их правовой статус, имеется немало законодательных актов, регулирующих отдельные стороны партийной деятельности, например избирательные законы, регламентирующие участие партий в выборах, законы о печати и информации, определяющие порядок использования партиями средств массовой информации, и т.п. [14, с. 124–143]

Конституция Гвинейской Республики, принятая в декабре 1990 г., содержит положение о постепенном переходе к демократическому обществу и предусматривает создание двухпартийной политической системы (ст. 95). В ней закреплены общие принципы деятельности политических партий, устанавливается, что они «формируются по всей территории страны и не должны создаваться по расовому, этническому, религиозному или территориальному признаку. Они обязаны также соблюдать принципы национального суверенитета и демократии, территориальной целостности и общественного порядка» [31].

В Мали на Национальной конференции в 1991 г. была принята Хартия политических партий, по которой запрещалось формирование партий на конфессиональной основе, членство в них служащих государственного аппарата и магистратуры, а также финансирование партий из государственного бюджета.

В 2000 г. Национальное собрание внесло существенные изменения и дополнения в Хартию и приняло закон о статусе оппозиции. В обновленной Хартии запрещается формирование партий на этнической, религиозной, языковой, региональной, половой или профессиональной основе. В партию запрещено вступать судьям всех уровней, служащим контрольных органов, госсовета, военнослужащим, послам и генеральным консулам.

Деятельность партий не должна наносить вред безопасности и общественному порядку, им запрещается иметь военные или полувозможные формирования. Партии призваны способствовать созданию правового государства, упрочению демократии. Они могут иметь свою прессу, но не должны призывать к насилию и распространять клеветническую информацию.

«Статус оппозиции» провозгласил оппозицию важнейшим элементом плюралистической демократии. Любая партия или коалиция партий имеет право быть в оппозиции как в рамках парламента, так и вне его. Оппозиция имеет право следить за деятельностью правительства и высказывать критические замечания в целях развития демократии и прогресса. Оппозиция пользуется юридической защитой, имеет свободный доступ к информации, а также получает ее в государственных учреждениях. Оппозиционная партия может принять участие в формировании правительства или поддерживать его деятельность, но в таком случае она перестает быть оппозиционной [32, с. 98].

Сложившуюся внутрипартийную структуру имеют «новые» правящие партии, политические организации, некоторое время находившиеся у власти (в том числе их преемницы), а также те из оппозиционных партий, которые располагали солидным опытом легальной деятельности (такие партии были в Тунисе, Египте, Ботсване, Сенегале, на Маврикии и в некоторых других странах).

Бывшие правящие партии (ФРЕЛИМО, КПТ, ЗАНУ-ПТ, Объединенная партия национальной независимости (ЮНИП) в Замбии) имеют действующие уставы, территориальные секции, сформированные высшие партийные органы, выборные должности председателей, президентов и генеральных секретарей. Они достаточно регулярно проводят съезды и другие партийные форумы.

Особое внимание новое законодательство стран уделяет вопросу о членстве в политических партиях. При одно-

партийной системе в ряде стран членство в правящей партии было не добровольным, а обязательным или автоматическим (например, по конституциям Заира и Руанды все граждане объявлялись членами правящих партий). Именно поэтому новое законодательство большинства стран подчеркивает добровольный характер членства в политических партиях. Например, в законе Кабо-Верде говорится, что членство в политической партии является свободным, не может быть обусловлено никаким обязательством вступить в какую-либо партийную организацию или оставаться в ней. При этом никто не может быть лишен своих гражданских, политических и профессиональных прав по причине принадлежности или непринадлежности к какой-либо партии. Вместе с тем следует отметить, что преобладающей тенденцией законодательного регулирования этого вопроса становится лишение военнослужащих и работников правоохранительных органов права на членство в партиях (Алжир, Ангола, Бенин, Конго, Камерун и др.).

Перевод правовых предписаний в реалии политической жизни – это длительный и сопряженный с большими трудностями процесс, особенно в условиях африканского общества с его неразвитыми социально-экономическими и политическими структурами, отсутствием прочных демократических традиций и гражданской политической культуры.

Вместе с тем «в последние годы наблюдается существенное расширение демократических принципов. С 2001 и до конца 2007 г. в африканских странах прошло более 45 выборов на многопартийной основе, более эффективной становится законодательная власть, появляются ростки гражданского общества» [33, с. 10].

Формирование политических партий дало стимул для становления новой многопартийной политической системы, ядром которой остается государственная власть; в ее рамках особое значение продолжает сохранять исполнительная власть. Дальнейшее укрепление новой партийно-

политической системы во многом будет зависеть от взаимодействия и согласованности этнополитических элит, их способности к национальной консолидации, а также темпов и размаха политической модернизации.

Таким образом, партия как составная часть формирующейся современной политической системы в странах Африки находится в начале своего пути. От того, станет ли многопартийность ключевым элементом гражданского общества, будет зависеть стабильность африканских государств и решение стоящих перед ними социально-экономических проблем. Пока же результаты введения партийного плюрализма не внушают особого оптимизма, несмотря на то, что оно, конечно, дало толчок развитию общественной активности и росту социально-политического сознания значительной части африканского населения.

Л и т е р а т у р а

1. См.: *Кулинченко В.А.* Тенденции развития политического плюрализма в современной России // Политический плюрализм в современной России. – М., 2001.
2. *Алексеева Т.А.* Плюрализм: истоки и концепции // Там же.
3. Антология мировой политической мысли: В 5 т. – Т. II. Зарубежная политическая мысль. – М., 2007.
4. *Даль Р.* Демократия и ее критики. – М., 2003.
5. См.: *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. – М., 1994.
6. Большинство российских ученых разделяют точку зрения русского исследователя С. Широкогорова по поводу понятия «этнос». Он определяет его как группу людей, «говорящих на одном языке, признающих свое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освященными традицией и отличаемых ею от таковых других групп». – Цит. по: *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М., 2003.
7. См. *Kuper L., Swith M.* (eds.). *Pluralism in Africa.* – Berdley and Los Angeles, 1969.

8. *Diagne P.* Pluralism and Plurality in Africa // Democracy and Pluralism in Africa / Ed. by Dov Rohen Boulder. – Colorado, 1986.
9. См.: *Борисов А.А.* Глобализация и американская этнокультурная модель // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Политическая наука. Ежегодник. 2005. – М., 2006.
10. *Исмаилова Р.Н.* Эфиопия: этничность и федерализм // Нестабильность в Африке: уроки прошлого и современные процессы. – М., 2006.
11. См.: *Исмаилова Р.Н.* Этничность и федерализм: опыт Эфиопии // Этнографическое обозрение. – 2008. – №1.
12. См.: XI конференция африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия» (Москва, 22–24 мая 2008 г.). Тезисы. – М., 2008.
13. *Кац Р., Мэир П.* Изменение моделей партийной организации и партийной демократии. Возникновение картельных партий // Политическая наука. – М., 2006.
14. *Юдин Ю.А.* Политические партии и право в современном государстве. – М., 1998. – С. 17.
15. *Перегудов С.П.* Гражданское общество: «трехчленная» или «одночленная» модель // Полис. – 1995. – № 3.
16. *Гаджиев К.С.* Политическая наука. – М., 1994.
17. См.: *Чижев Д.В.* Российские политические партии как институт гражданского общества и политической системы. – М., 2006; *Он же.* Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. – М., 2008.
18. Социально-политические науки. – 1999. – № 12.
19. См.: об этом: *Винокуров Ю.Н.* Власть и оппозиция в странах Тропической Африки // Восток. – 2000. – № 4.
20. Africa South of the Sahara 2007. – L. and N.Y., 2007.
21. *Rocard M.* Le développement de L'Afrique, affaire de volonte politique // Etudes. – P., 2003. – № 1.
22. Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 8.
23. Africa Spectrum. Hamburg. – 1999. – № 3.
24. В таинственной стране Мадагаскар. Год 2005. – М., 2006.
25. Компас. ИТАР-ТАСС. – 2006. – № 51.

26. См.: об этом: *Косухин Н.Д.* Африка южнее Сахары: партийно-политические системы и проблемы плюрализма властных структур // *Азия и Африка сегодня*. – 2008. – № 5.
27. *La Constitution de la République de Congo*. – Brazzaville, 2002.
28. *Constitution of the Republic of Ghana*. – Accra, 1992.
29. *Constitution de la République du Senegal*. – Dakar, 1992.
30. *Political Parties Law*. – Accra, 1992.
31. *La Loi Fondamentale de la République de Guinée*. *Noroya Spécial, Conacry*. XII. – 1991.
32. Республика Мали: Справочник. – М., 2005.
33. *Васильев А.М.* Африка: виден ли свет в конце тоннеля? Доклад на XI конференции африканистов «Развитие Африки: возможности и препятствия».

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

М.Л. Вишневский

ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ОБАМЫ В АФРИКЕ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

Особенности политики администрации Обамы в отношении африканских стран на современном этапе прямо вытекают из американских интересов на этом континенте, которые не зависят от политических колебаний или рыночной конъюнктуры. Прежде всего следует подчеркнуть, что располагающий гигантскими природными богатствами и сравнительно дешевой рабочей силой континент всегда привлекал внимание американцев. На постоянной основе США получают из Африки такое важное стратегическое сырье, как марганец (Габон, Марокко, Гана, ДРК, ЮАР), хром (ЮАР, Зимбабве), медь (Замбия, Мозамбик, Габон, ДРК), цинк (ЮАР, Марокко), свинец (ЮАР, Марокко), бокситы (Гвинея), титан и цирконий (Сьерра – Леоне), уран (ЮАР, Намибия, ДРК) [1, с. 11].

Важнейшим показателем неослабевающего и даже усиливающегося интереса США к странам Африки является постепенное увеличение объема американских инвестиций (прямых и портфельных) в их экономику. В целом прямые частные инвестиции США в странах Африки на 1 января 2008 г. составляли 27,764 млн долл. В основном инвестиции поступают в нефтяную и горнодобывающую промышленность стран Африки [2]. Основные районы, куда направляются американские прямые частные инвестиции, это Египет

(7,513 млн долл.), ЮАР (4,839 млн долл.), Нигерия (828 млн долл.). Торговый оборот в 2007 г. – 99,571 млн долл. Основные статьи экспорта США в страны Африки – промышленное и сельскохозяйственное оборудование, машины, продовольственные товары, продукция нефтехимической промышленности; основные статьи импорта – нефть и природный газ, а также хром и металлы платиновой группы [3, April 19, 2004]. Экономическая и военная помощь (страны Африки южнее Сахары) составила 5,159 млн долл. в 2007 г. [2].

Координацию деятельности американского частного предпринимательства в странах Африки осуществляет Корпоративный совет по Африке, созданный в 1992 г. со штаб-квартирой в Вашингтоне. Эта организация объединяет более 170 компаний, что составляет примерно 85% всех американских фирм, действующих в африканских странах.

По мнению президента этого Совета С. Хейса, «Африка представляет собой один из быстро растущих рынков, которые все еще мало освоены американским бизнесом» [4].

Среди компаний из США, проявляющих интерес к Африке, – такие гиганты, как «Шеврон», «Даймлер Крайслер», «Эксон Мобил», «Лазар Каплан», «Кока-Кола», «Боинг», «Нортроп Грумман» и многие другие [4].

Кроме того, в связи с усилением роли углеводородного сырья в экономике США, по мнению авторов доклада «Более, чем гуманитаризм: стратегический подход США к странам Африки», «международное значение Африки все более возрастает. К 2011 г., как ожидается, страны Африки южнее Сахары станут таким же важным источником углеводородного сырья для США, какими сейчас являются страны Ближнего Востока и Персидского залива. КНР, Индия, Европа и другие государства будут соревноваться друг с другом и с США за право доступа к месторождениям нефти, газа и других полезных ископаемых в африканском регионе [5, с. XIII].

В «Стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» (март 2006 г.) также подчеркивается «растущее геостратегическое значение африканского континента» для США и «высокая приоритетность» развития отношений с африканскими государствами. При этом США признают, что американская национальная безопасность напрямую зависит от сотрудничества с африканцами в деле укрепления и развития «слабых государств» и взятия под контроль «эффективными демократиями» неуправляемых территорий на этом континенте [6, с. 37–38].

Положение дел в Африке непосредственно отражается на внутривнутриполитической ситуации в самих Штатах, что связано с наличием многомиллионного африкано-американского населения. Поэтому США проявляют желание получить поддержку африканских правительств своей внешнеполитической стратегии.

С военно-политической точки зрения, возрастание интереса США к африканским странам на современном этапе объясняется стремлением создать необходимые военную инфраструктуру и систему отношений для гарантирования беспрепятственного доступа к источникам минерального сырья в Африке. В начале 2007 г. в связи с нарастанием борьбы с соперниками за африканские природные ресурсы, особенно энергетические, администрация Буша приняла решение превратить африканский континент в один из стратегических районов развертывания американских вооруженных сил в случае большой войны или крупного регионального конфликта и создала Объединенное боевое командование для Африки (Unified Combatant Command for Africa) или АФРИКОМ (Africa Command) [7, February 6, 2007].

Судя по высказываниям тогдашнего верховного главнокомандующего войсками НАТО американского генерала Д. Джонса, Африка представляет «большую важность» для НАТО и США [3, May 2, 2003].

АФРИКОМ уже взял под свое крыло все ранее разработанные и внедренные на практике программы Пентагона относительно военного сотрудничества со странами Африки, прежде всего в сфере подготовки Африканских сил по поддержанию мира, что следует из бюджетного послания президента Б. Обамы Конгрессу США об ассигнованиях на 2010 финансовый год [3, June 11, 2009]. Так, к началу 2009 г. их численность достигла 100 тысяч человек. Центры по подготовке этих подразделений американскими инструкторами из АФРИКОМ расположены в Сенегале, Гане, ЮАР, Мали и Кении. Более того, при штаб-квартире ЭКОВАС во Фритауне (Сьерра-Леоне) работает военный советник из США, в задачу которого входит содействие тыловому обеспечению операций ЭКОВАС в области обеспечения мира и безопасности [7, February 8, 2009].

США действительно много сделали для создания Африканских сил по поддержанию мира, советниками которых выступают военные специалисты из АФРИКОМ. Вместе с тем существуют определенные сомнения, насколько велика их эффективность. Дело в том, что создание стратегического командования вне территории США предполагает применение крупных воинских формирований для достижения крупномасштабных целей, которые оправдывали бы такое развертывание вооруженных сил США. Естественно, что такими целями могут стать (предположим для Стратегического командования США в Европе – ЕВРОКОМ) сдерживание или ведение военных действий против крупного потенциального противника, каким исторически считается Россия, или (предположим для Центрального стратегического командования – СЕНТКОМ) – для защиты американских интересов в густонаселенных странах Ближнего и Среднего Востока.

Ничего подобного в Африке не наблюдается. На континенте просто не существует крупного потенциального противника для США, конфликт с которым предполагал бы стратегическое развертывание американских вооруженных

сил. В Африке не существует ни оперативного простора для боевых действий крупных воинских формирований, ни угрозы национальной безопасности США, которая оправдывала бы применение всей мощи американской военной машины, в том числе ее ядерной составляющей. Смешно применять эту мощь против вооруженного стрелковым оружием противника.

В Африке в очередной раз США сталкиваются с извечной своей дилеммой – как совместить ядерную мощь с борьбой против иррегулярных повстанческих формирований, применяющих партизанские методы ведения военных действий. Американская стратегия вновь и вновь оказывается в плену иллюзии, что крупное воинское формирование способно не просто захватить территорию противника, но и заставить его признать свое поражение, отказавшись от ведения партизанской войны. Наглядным недавним примером являются кампании против Афганистана и Ирака, когда, легко захватив территорию, США не знают, как реально умиротворить население, которое каждый день наносит удары по оккупантам и их сторонникам.

Примеры можно взять и из реальной обстановки, сложившейся в суданской провинции Дарфур и в Сомали. Так, на тыловое обеспечение операций гибридных сил ООН и Африканского Союза американская администрация уже истратила более 100 млн долл., однако до окончательного примирения враждующих сторон в этой провинции Судана еще очень далеко.

Равно, как и в Южном Судане. В июне 2009 г. Государственный департамент США созвал специальную конференцию, на которой обсуждались проблемы сохранения мира в этой части страны. Как выяснилось в ходе ее работы (на ней присутствовали постоянные члены СБ ООН, министры иностранных дел Эфиопии и Кении, а также большие делегации от центрального правительства Судана и бывших повстанцев), подписанное в апреле 2005 г. мирное соглашение практически не выполняется. Существует большая вероят-

ность возобновления военных действий. По мнению сопредседателя американского Проекта «Enough», который осуществляет общественный мониторинг с американской стороны этого Всеобъемлющего мирного соглашения Джона Прендергаста, «если на юге опять начнется война, то события в Дарфуре покажутся чуть ли не воскресным пикником» [8, June 24, 2009].

Эта конференция не приняла никаких конкретных решений по поводу положения на юге Судана (хотя специальный представитель президента Обамы по Судану генерал Скотт Грейшн просил об этом) [7, June 23, 2009]. Тем не менее она показала всю сложность и серьезность положения в этой части Судана, что не позволяет сосредоточиться только на одной проблеме – Дарфура.

В Сомали подготовленные американскими инструкторами африканские подразделения из Миссии Африканского союза не могут не только прекратить пиратство у сомалийских берегов, но и добиться подчинения враждующих между собой группировок власти международно-признанного правительства Сомали [9]. Дело дошло до того, что, когда пираты захватили датский корабль «Маерск Алабама» с американским экипажем на борту (корабль перевозил грузы по контракту с Пентагоном), моряки сначала не сумели предотвратить арест своего капитана, а затем целая эскадра американских военных кораблей ничего не смогла сделать для освобождения капитана «Маерск Алабама». Лишь введение в действие «Морских котиков» – американского спецназа позволило обезвредить пиратов и освободить капитана судна [10].

Примечателен тот факт, что приказ уничтожить этих пиратов отдал сам президент Барак Обама – главнокомандующий вооруженными силами США [10]. По нашему мнению, принятие решения об уничтожении группы пиратов на столь высоком уровне может означать только одно – американское руководство сковано в своих действиях политиче-

скими мотивами (например, применение силы против иностранных граждан, которые удерживают в плену американца, может быть расценено как акт вмешательства во внутренние дела независимого государства – Сомали) и поэтому неспособно адекватно реагировать на возникающие в Африке угрозы, что не может не отражаться на уровне безопасности африканских государств.

По данным газеты «Washington Post», администрация Обамы рассматривала возможность проведения военной операции против сухопутных баз пиратов в Сомали, однако отказалась от такого решения, поскольку «необдуманный удар мог бы иметь негативные для США дипломатические и политические последствия далеко за пределами Африканского Рога» [8, April 11, 2009]. Профессор политических наук Дэвидсонского колледжа из Северной Каролины Кен Менкхаус говорил по этому поводу на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам Конгресса США в мае 2009 г.: «Любые антипиратские инициативы, которые предполагают захват или убийство сомалийских пиратствующих юнцов, только стимулируют антиамериканизм в Сомали и играют на руку исламским экстремистам из организации «Shabab» [11].

Таким образом, создание АФРИКОМ явилось своеобразной военно-политической ловушкой для американской администрации. Вашингтон, с одной стороны, не может пойти на ввод в страны Африки регулярных подразделений США, опасаясь обвинений в проведении империалистической экспансии в этом богатом природными ресурсами регионе мира, что может поставить под угрозу отношения США с развивающимися странами в целом. С другой – явная неспособность подготовленных американскими инструкторами Африканских сил по поддержанию мира, как самостоятельно, так и в рамках Африканского союза, добиться урегулирования в проблемных для США странах Африки на американских условиях ставит под сомнение саму идею обеспе-

чения африканской безопасности под иностранным контролем.

Более того, АФРИКОМ не способен обеспечить безопасность даже в отдельно взятом регионе невзирая на просьбу законного правительства страны, например, Нигерии. Министр обороны этого государства Адемола Серики официально обратился к заместителю командующего АФРИКОМ Карлин Йейтс с просьбой обеспечить охрану долины реки Нигер, где добывается основная часть нигерийской нефти и где действуют местные банды, которые мешают этой добыче. В ответ К. Йейтс заявила, что США играют «вспомогательную роль» с точки зрения обеспечения африканской безопасности и все, что американская администрация может сделать, это внимательно выслушать мнения своих африканских партнеров. Американский посол в Нигерии Робин Сандерс прокомментировала эти высказывания в том смысле, что правительству Нигерии следует развивать демократические процессы в стране, прежде чем ставить вопрос об американском содействии укреплению безопасности Нигерии [12, April 22, 2009].

Этот вопрос снова возник во время визита государственного секретаря США Х. Клинтон в Нигерию в августе 2009 г. Клинтон ответила на него в том смысле, что она более внимательно изучит просьбу нигерийского правительства, потому что США рассматривают эту страну как «друга, союзника и партнера по многим важным вопросам» [7, August 13, 2009].

По нашему мнению, африканская безопасность должна быть заботой самих африканцев, а не присланных из-за океана советников и специалистов. Страна, которая неоднократно вмешивалась в прошлом во внутренние дела других стран и народов мира, по определению не может быть честным исполнителем воли африканских народов, искренне стремящихся к обеспечению нормальной жизни на своем континенте в условиях полной свободы и безопасности.

Особо хотелось бы отметить роль американского разведывательного сообщества в странах Африки. Как свидетельствует бывший посол США в Гвинее и Кении У. Этвуд, американские послы в Африке работают в тесном контакте с представителем ЦРУ в конкретной стране и осведомлены обо всех мероприятиях, проводимых по линии этого ведомства. По его мнению, «при должном контроле ЦРУ является и останется важнейшим орудием нашей внешней политики» [13, с. 183].

Это вновь подтвердил руководитель ЦРУ США Леон Панетта. Так, выступая в сенате США при утверждении своей кандидатуры на должность директора этого учреждения, он заявил, что работа в отношении России, Китая и стран Африки должна быть включена в список основных приоритетов деятельности ЦРУ в XXI веке [14]. Работа ЦРУ против России и КНР исторически понятна и не требует специальных комментариев. Однако – Африка?

Это заявление Л. Панетты, скорее всего, может свидетельствовать о том, что администрация Обамы действительно рассматривает африканский континент как особо важный для американской внешней политики в текущем столетии. По нашему мнению, при любой находящейся у власти администрации правящая элита будет предпринимать шаги, чтобы укрепить и развить свои позиции в этой части мира. Именно это обстоятельство подчеркивали как президент Б. Обама, так и государственный секретарь Х. Клинтон во время своих поездок по странам Африки.

Вместе с тем мировой экономический кризис накладывает свой отпечаток на африканскую политику американской администрации. Ее современные цели и намерения на этом континенте изложил на слушаниях в сенате США помощник государственного секретаря США по африканским делам Джонни Карсон. В целом, по его словам, политика администрации Обамы в Африке развивается в следующих направлениях:

1) содействие ускорению процессов интеграции африканских стран в мировую экономику;

2) участие в предотвращении и разрешении конфликтных ситуаций на континенте;

3) развитие и укрепление отношений с теми правительствами, институтами и организациями гражданского общества, которые привержены углублению демократии, обеспечению прозрачности государственного механизма и выделяют средства на борьбу с нищетой в странах Африки [3, April 29, 2009].

В рамках первого направления администрация Обамы принимает меры по дальнейшему развитию торгово-экономических отношений США с африканскими странами. При этом она делит эти страны по принципу способности местных властей эффективно управлять государственными делами и экономикой. Конкретно речь идет о таких градациях, как страны: а) с «хорошим управлением» (good governance), б) «средним уровнем управления» (average governance) и в) «слабым уровнем управления» (weak governance). Первая группа стран будет получать основную часть экономической и технической помощи, а также долгосрочные кредиты на срок от пяти лет и выше. Вторая группа стран будет получать помощь в эффективно работающие отрасли производства. Им будет оказано среднесрочное финансирование на срок от трех до пяти лет. Содействие другим отраслям производства будут оказывать уже американские неправительственные организации. Третья группа стран получит помощь исключительно от американских благотворительных организаций, которые будут действовать исключительно в своих интересах и с теми организациями в получающей такую помощь стране, которые вызывают доверие у конкретного донора из США [15].

Что касается развития торгово-экономических отношений в рамках Закона 2000 г. об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (Закон АГОА), то

речь идет прежде всего о том, чтобы принять участие в развитии сельскохозяйственного производства в странах Африки, повысить продуктивность ферм до уровня «зеленой революции», схожей с той, которая в конце 60-х гг. XX в. позволила поднять жизненный уровень многих азиатских стран. Основное внимание США уделяют развитию мелкотоварного производства и намерены продлить действие Закона АГОА за пределы 2015 г. [15].

В мае 2009 г. Торгово-промышленная палата США приняла Африканскую деловую инициативу (АВІ). Ее цель состоит в том, чтобы вовлечь предпринимательские круги США в торгово-экономические отношения со странами Черного континента. По мнению вице-президента Палаты по международным делам Майрона Бриллианта, «многонациональные корпорации США всерьез заинтересованы в инвестировании своих капиталов в африканских странах и в использовании в своем бизнесе местных людских ресурсов. Но большим препятствием для развития этой политики являются неизвестные риски. И задача Африканской деловой инициативы состоит в том, чтобы помочь предпринимателям уменьшить эти риски путем совета о способах их преодоления и выявления больших инвестиционных возможностей для США, которые существуют практически во всех африканских странах». ТПП США объединяет более трех миллионов компаний и предпринимателей из самых различных отраслей производства [3, May 19, 2009].

По официальным данным, США предоставляют странам Африки южнее Сахары значительную по размерам материальную помощь. Так, в 2008 г. «помощь развитию» составила 26 млрд долл. В том же году двухсторонняя помощь этим странам составила 6,5 млрд долл., а наименее развитым странам – еще 6,9 млрд долл. По линии Фонда тысячелетия в 2008 г. 18 африканских стран южнее Сахары получили 6,4 млрд долл. По линии гуманитарной помощи в том же году страны Африки получили 4,4 млрд долл. По линии Про-

грамм борьбы с туберкулезом и СПИДом африканские страны получили в 2008 г. 25 млрд долл. [7, July 8, 2009].

В целом африканские страны заинтересованы в развитии торгово-экономических отношений с США. Об этом свидетельствует не только положительная реакция на Африканскую деловую инициативу ТПП США, но и стремление к развитию взаимодействия в экономической сфере на двухсторонней основе. В частности, в мае 2009 г. с официальным визитом в Вашингтон прибыл министр иностранных дел Анголы Афонсо дос Аньос во главе правительственной делегации в составе заместителей министров обороны, транспорта, торговли, здравоохранения и энергетики этой страны. По прибытии в Вашингтон ангольский министр заявил: «Для меня большая честь прибыть сюда в Соединенные Штаты и принести послание американскому народу мира и желания сотрудничать, углублять наши отношения и просить США использовать свой опыт, чтобы помочь Анголе в развитии ее будущего. Американский народ вместе с ангольским народом будут работать вместе для реконструкции Анголы» [7, May 21, 2009].

Во время визита было подписано Генеральное соглашение по торговле и инвестициям между двумя государствами, а также создан Совет по торговле и инвестициям, который призван координировать ход выполнения указанного соглашения [3, May 19, 2009].

В сфере укрепления мира и безопасности на африканском континенте администрация Обамы занялась урегулированием застарелых африканских конфликтов. Так, проблема Дарфура должна быть решена на путях увеличения нажима на суданское правительство, чтобы оно прекратило расправы над гражданским населением и способствовало развертыванию сил ООН по поддержанию мира. Основные элементы этого плана были изложены в выступлении Государственного секретаря США Х. Клинтон в Государственном департаменте в октябре 2009 г. [7, October 7, 2009]. В рамках нового

плана президент Б. Обама фактически отошел от прежней линии, направленной на то, чтобы добиться отстранения от власти суданского президента Омара аль-Башира, заставив его сдаться Международному уголовному суду в Гааге. Теперь, судя по откликам в газете «New York Times», американская администрация готова согласиться с пребыванием его у власти при условии, что его правительство в полном объеме выполнит все договоренности в рамках Всеобъемлющего мирного соглашения 2005 г., которое формально прекратило войну между исламским Севером и анимистским Югом Судана [16, March 31, 2009]. По-видимому, имеет место некий компромисс – суданский руководитель остается у власти при условии, что будут обеспечены все условия для проведения в 2011 г. референдума на юге Судана о возможной независимости и отделении от Севера.

Выдвижение этого плана знаменует собой важный этап в развитии американо-суданских отношений, которые ухудшились после того, как Международный уголовный суд в Гааге выдал ордер на арест президента Судана за якобы совершенные им преступления против мирного населения в Дарфуре. В ответ арабские страны на своей конференции в Дохе (Катар) практически единогласно потребовали отозвать этот ордер как неимеющий под собой законных оснований. От их имени Генеральный секретарь Лиги арабских государств Амр Мусса обратился к СБ ООН и к членам Суда отменить этот ордер [16, March 31, 2009]. К этому требованию присоединился и Африканский Союз. 12-я Ассамблея глав государств и правительств АС призвала Международный уголовный суд в Гааге пересмотреть свое решение в отношении суданского президента [17]. Дело дошло до того, что руководитель Ливии Муамар Каддафи и председатель Комиссии Африканского Союза Жан Пинг развернули кампанию за выход стран Африки из состава подписантов Хартии Международного уголовного суда [8, June 30, 2009].

Кроме того, в этот трудный час поддержку президенту Судана выразили главы Египта и Ливии, которые пригласили его совершить государственные визиты в свои страны. В свою очередь, в Хартуме и других крупных суданских городах прошли многотысячные акции в поддержку президента Омара аль-Башира [16, March 31, 2009].

Вместе с тем в Африке имеются страны, правящие круги которых недовольны указанным выше решением Африканского Союза и требуют ареста и выдачи суданского президента. Например, Ботсвана. В заявлении МИД этой страны указывается, что Статут международного уголовного суда (среди прочих его подписали 30 африканских государств) позволяет требовать ареста и выдачи Суду лиц, совершивших тяжкие преступления против человечности. Кроме того, президент Ботсваны Ян Кхама (Ian Khama) заявил, что при первой возможности он арестует Омара аль-Башира и отправит его в распоряжение Международного уголовного суда (МУС) [3, July 6, 2009].

В отношении конфликта в Сомали администрация Обамы занимает менее четкую позицию, чем его предшественник, а его высказывания относительно борьбы с пиратством носят туманный характер. Возможно, эта политика еще окончательно не разработана и потребуются какое-то время, чтобы свести вместе разрозненные элементы подхода администрации Буша к этим делам и выработать отвечающую интересам США политику в отношении этой страны. Высказывания помощника государственного секретаря США по африканским делам Джонни Карсона в сенатской комиссии по иностранным делам в мае 2009 г. позволяют предположить, что, скорее всего, политика администрации Обамы в отношении Сомали будет основываться на том, что уже сделала в этой области предыдущая администрация США, которая осознавала всю опасность для международного судоходства в этих водах действий сомалийских пиратов.

Основываясь на резолюциях СБ ООН, а также на Конвенции ООН по предотвращению незаконных актов против безопасности морского судоходства (Convention on the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Maritime Navigation), администрация Буша создала Контактную группу по пиратству в районе Сомали (Contact Group on Somali Piracy). Задачами группы являются: а) выявление возможных объектов пиратства, б) координация действий против пиратов и в) привлечение к борьбе с ними судоходных компаний и частных юридических лиц. Предполагается вести борьбу с пиратством не только на море, но и на суше, прежде всего в форме рейдов на предполагаемые базы и опорные пункты пиратов [7, December 16, 2008]. В настоящее время в составе Контактной группы представители таких стран, как Канада, Китай, Франция, Германия, Греция, Япония, Южная Корея, Индия, Голландия, Португалия, Россия, Саудовская Аравия, Сингапур, Испания, Турция, США, а также НАТО, Военно-морских сил Европейского союза, Объединенных военно-морских сил под руководством командующего 5-м флотом США со штаб-квартирой на Бахрейне, ИНТЕРПОЛа и судоходных компаний [7, May 30, 2009].

По решению Совета НАТО с весны 2009 г. эта организация проводит операции против пиратов в районе Африканского Рога. Причем если первая из них – «Союзный защитник» – имела целью исключительно борьбу с разбоем на море, то вторая – «Океанский щит», которая началась в августе того же года, имеет более широкую задачу, связанную не только с борьбой против пиратов на море, но и предоставление «помощи государствам региона в развитии их возможностей противодействия пиратству». Текущий контроль над операциями возложен на главный штаб ВМС НАТО в британском порту Нортвуд, а непосредственно у берегов Африки действует вторая постоянная военно-морская группа во главе с британским фрегатом «Корнуолл» [18].

Вместе с тем случай с захватом пиратами в апреле 2009 г. датского судна «Маерск Алабама» с американским экипажем на борту заставил администрацию Обамы принимать конкретные решения по сомалийскому вопросу в целом и по борьбе с пиратством в частности. По мнению Государственного секретаря США Х. Клинтон, решению этой проблемы может помочь более активная дипломатия Вашингтона, направленная на то, чтобы убедить Переходное правительство Сомали более активно заняться этим вопросом. Кроме того, она предложила «заморозить» банковские счета пиратских группировок, чтобы лишить их возможности приобретать на свободном рынке быстроходные катера и оружие для своих целей [3, April 21, 2009].

В конечном итоге администрация Обамы решила помочь сомалийскому Переходному правительству создать эффективную службу береговой охраны по примеру американской. Американская поддержка выразилась в том, что по распоряжению Государственного секретаря США Х. Клинтон и по решению Национального совета безопасности в июне 2009 г. в адрес Переходного правительства Сомали было отправлено 40 тонн военного снаряжения на сумму в 10 млн долл. Кроме того, администрация Обамы обратилась к правительству Уганды срочно поставить сомалийским переходным властям стрелковое оружие и снаряжение, обещав впоследствии компенсировать Уганде эти поставки за американский счет. Наконец, американская администрация согласилась оплатить услуги угандийских, кенийских и бурундийских военных специалистов, которые обучают сомалийские подразделения [8, June 27, 2009].

Эти договоренности получили подтверждение со стороны государственного секретаря США Х. Клинтон во время ее встречи с президентом Сомали Ахмедом в Кении в ходе ее поездки по странам Африки в августе 2009 г. [8, August 8, 2009].

В политическом плане администрация Обамы приняла попытку оказать нажим на правительство Эритреи – его обвинили в поддержке сомалийских повстанцев, которые ведут борьбу с Переходным правительством. Однако эти усилия были отвергнуты эритрейскими властями как вмешательство во внутренние дела [8, August 8, 2009].

Вместе с тем, стремясь привлечь на свою сторону страны Африки, администрация Обамы пускает в ход и чисто популистские решения, которые не решают кардинально проблемы, однако создают иллюзию полнокровной активности, которая вот-вот достигнет эффективного результата. Так, у берегов Африки на постоянной основе курсирует американский военный корабль «Нашвиль». На его борту находятся до 500 военнослужащих из США, стран Европы, африканских государств и Бразилии. Он не только занимается патрулированием прибрежных вод, но и проводит учения с местными ВМС по защите морского судоходства от пиратов, борьбе с браконьерским ловом рыбы в прибрежных водах и т.д. На корабле служат на основе ротации военно-морские офицеры из Нигерии, Сьерра-Леоне, Сенегала и других прибрежных государств Африки [8, May 21, 2009].

Насколько эффективными окажутся все изложенные выше меры, покажет будущее. Ясно, однако, другое. Администрация Буша, создав такую структуру, как Африканское командование (АФРИКОМ), явно не рассчитывала на то, что она окажется бесполезной для ведения военных действий против противника, который использует асимметричные формы ведения боев как на суше (партизанские действия), так и на море (пиратство с использованием быстроходных катеров). Вместе с тем, судя по реакции правительств африканских стран на создание АФРИКОМ, можно предположить, что сами африканцы считают развитие Континентальной системы раннего предупреждения наиболее эффективным способом добиться укрепления своей безопасности на самых ранних стадиях развития конфликта. В практическом

плане этим должен заниматься Совет мира и безопасности Африканского союза, который использует свои возможности для миротворческих операций и проведения постконфликтной реконструкции. Иными словами, все решения принимаются на коалиционной основе, что только повышает их конечную эффективность [19].

Малопродуктивность одностороннего вмешательства США без поддержки друзей и союзников во внутренние дела других государств начинают осознавать и в правящих кругах США. Примерами могут служить высказывания президента Б. Обамы о партнерских отношениях Вашингтона с исламским миром, о стремлении США создать новую коалицию государств, цель которой борьба с политикой, основанной на «маргинальной идеологии» [20].

Аналогичные мысли содержались и в выступлении президента Обамы в парламенте Ганы, куда он прибыл с официальным визитом в июле 2009 г. Оправляясь в эту поездку, американский президент хорошо подготовился к встрече с ганскими руководителями, а через них и к виртуальному общению с остальными африканскими лидерами.

Во-первых, после того, как в 2007 г. в Гане открыли крупные месторождения нефти, эта страна стала для США своеобразной альтернативой Нигерии, где добывающие нефть американские компании сталкиваются со все возрастающей враждебностью местного населения, особенно в дельте р. Нигер, которое требует увеличения материальных выплат за право ее беспрепятственной добычи [8, August 8, 2009]. Техасская компания «Kosmos Energy» уже контролирует одно из крупнейших нефтяных месторождений у берегов Ганы, его запасы оцениваются в 1,5 млрд баррелей [21, July 7, 2009].

Кроме того, Гана уже включена в американскую программу «Инициатива – топливный терминал», в рамках которой ганский международный аэропорт Тамале будет принимать тяжелые транспортные самолеты C-3 из США. Они

предназначены для доставки из Европы американских военнослужащих из Европейского командования для защиты разрабатываемых компаниями из-за океана нефтяных месторождений в Гане [22, May 27, 2009].

Во-вторых, администрация Обамы подготовилась к этому визиту и с политической точки зрения – в июне 2009 г. Конгресс США впервые в истории этой страны принес официальные извинения африканским государствам за многолетнюю практику вывоза рабов и содержания их на территории США. По данным американской организации «Slavevoyages», с 1628 по 1866 г. в Соединенные Штаты было ввезено рабов из Африки в количестве 305 328 человек, которые в основном работали на плантациях на юге страны [23]. Также было осуждено дискриминационное законодательство, которое практиковалось в США с 1876 по 1965 г. в виде «законов Джима Кроу» – оно предполагало «равное, но раздельное» существование людей с белым и темным цветом кожи [24, June 20, 2009].

Это решение американского Конгресса вновь оживило многолетнюю полемику в средствах массовой информации США, в которой участвуют, с одной стороны, африкано-американские и африканские неправительственные организации (типа «Национальной коалиции за репарации» в США и «Ганского фонда за репарации и репатриацию») и правительства США, Великобритании и других государств, которые принимали участие в работорговле. Так, накануне визита Б. Обамы в Аккру, Ганский фонд за репарации и репатриацию обратился к президенту Атте Миллсу с просьбой потребовать от американского руководителя положительно рассмотреть этот вопрос, особенно принимая во внимание указанное выше решение Конгресса США [25, July 7, 2009]. Точных данных о том, обсуждал ли ганский президент с американским вопросом о выплате репараций, не существует, однако тот факт, что Б. Обама посетил историческое место, где временно содержались африканские рабы перед отправкой в

Америку, позволяет предположить, что вопрос о репарациях был одним из предметов переговоров.

Как представляется, Б. Обама косвенно дал понять как ганской, так и вообще африканской аудитории, что его администрация ценит благожелательное отношение к Америке со стороны африканцев и займется серьезным анализом всех трудных проблем, в том числе и репарационной. Ведь не случайно появление таких заявлений, как то, что, по мнению американского руководителя, партнерские отношения со странами Африки – реальность XXI века, поскольку «Африка вместе с Америкой являются составной частью единого взаимозависимого мира» [16, July 11, 2009].

В-третьих, визит американского президента в Гану проходил на фоне активизации «ячеек Аль-Кайды» в странах Северной Африки, с которыми длительное время борются обученные в рамках АФРИКОМ американскими инструкторами местные вооруженные формирования из Мали и других государств. Официальная версия этих событий – борьба с терроризмом. Как говорил командующий АФРИКОМ генерал Уильям Уорд: «Существует ли угроза? Разумеется, да». Эта угроза уже распространилась на обширные территории Мали, Мавритании, Нигера и Южного Алжира, где открыты промышленные запасы углеводородного сырья [16, July 10, 2009].

Как правило, жертвами выступлений этих «террористов» становятся французские, английские и специалисты из других стран, которые работают по контрактам на этих месторождениях, что не может не вызывать определенную настороженность в американо-европейских отношениях в Африке.

Высказывания Барака Обамы в Гане о «партнерских» отношениях со странами Африки дополнила и развила Государственный секретарь США Хилари Клинтон во время своей поездки по семи африканским странам в августе 2009 г. Прежде всего представляет интерес сам выбор стран для по-

сещения – Кения, ЮАР, Ангола, ДРК, Нигерия, Либерия и Кабо-Верде. Во всех этих странах Х. Клинтон подчеркивала, что США считают их приоритетными для своей политики на континенте. По сути, это означает, что правящая элита указанных стран получит полную политическую поддержку и щедрую экономическую помощь при выполнении ею ряда условий, среди которых наибольшую ценность для Вашингтона представляет согласие правительств этих государств обеспечивать «хорошее управление» (good governance) своими странами и претворять в жизнь демократические принципы, почерпнутые из американской практики.

Однако тон, который выбрала Государственный секретарь США при общении со своими собеседниками из правительственных кругов, а также во время публичных выступлений, – тон, который можно определить как менторский, вызвал вполне закономерную реакцию психологического отторжения идей, которые высказывала Х. Клинтон. Так, в Кении многие политики были недовольны тем, что вынуждены выслушивать длинные «лекции», в которых они вовсе не нуждаются. Призывы Х. Клинтон увеличивать объемы торгового оборота со странами Африки в рамках АГОА, с которыми Государственный секретарь США обратилась к африканским участникам очередного собрания с подведением итогов годичной работы механизмов реализации этого законодательства, были скептически встречены африканскими представителями, поскольку эти призывы не сопровождаются практической деятельностью американской администрации по снижению субсидирования собственного сельскохозяйственного производства [8, August 14, 2009].

Кенийское руководство прохладно отнеслось к американскому требованию создать специальный трибунал, который будет разбирать причины и искать виновников беспорядков, последовавших после объявления результатов президентских выборов в начале 2009 г. Всего погибло более 1000 человек. В заявлении правительства по этому вопросу

содержится разъяснение, что существующая судебная система, основанная на кенийской Конституции, позволяет решать любые сложные юридические вопросы без применения экстраординарных мер [16, August 6, 2009].

В Конго Х. Клинтон оказалась в неловком положении во время своего выступления перед студентами Университета в Киншасе. Складывается впечатление, что она не ожидала таких вопросов, как, например, почему она вообще приехала в ДРК? Студентка, которая задала этот вопрос, напрямую спросила у Государственного секретаря США, испытывает ли она чувство жалости к людям, которые живут в нищете в богатой минеральными ресурсами стране? Х. Клинтон не нашлась, что ответить; она лишь заявила, что другие африканские страны приветствуют американскую помощь.

Однако наибольший резонанс в американских средствах массовой информации получили раздраженные высказывания Государственного секретаря США на вопрос одного из участников ее встречи с представителями общественности в Киншасе – может ли она привести мнение своего мужа, бывшего президента США, относительно размеров китайских инвестиций в Конго. Х. Клинтон буквально прокричала в микрофон, что «мой муж не является государственным секретарем США. Этот пост занимаю я». По мнению столичной «Washington Post», данное высказывание Х. Клинтон своей недипломатической откровенностью «омрачило» всю атмосферу ее африканской поездки [8, August 14, 2009].

В целом анализ выступления президента Б. Обамы в Аккре, а также высказываний Х. Клинтон во время ее поездки по странам Африки в августе 2009 г. позволяет предположить, что США и Запад в целом намереваются превратить Гану, а также другие государства, в которых побывала Государственный секретарь США (она назвала эти страны «наиболее многообещающими» [16, August 15, 2009]), в витрину демократии в Африке в назидание сторонникам «маргинальной идеологии» на этом континенте. По нашему мнению, под

этим новым в американском политическом словаре термином подразумевается хорошо известная в прошлом политика изоляции и уничтожения тех сил, которые по разным причинам не приемлют американскую модель глобализации и выступают за дифференциацию своей внутренней и внешней политики.

Именно таким государством, на наш взгляд, является Зимбабве. Непримируемое отношение к режиму президента Р. Мугабе в этой стране существует в правящих кругах США уже продолжительное время. В свою очередь, президент Мугабе стремится отстаивать независимость своей страны и не входит в число политиков, которые приветствовали приход Б. Обамы к власти. Для них этот африкано-американец мало чем отличается от Дж. Буша с его неоконсервативной идеологией. Для Р. Мугабе Барак Обама – это деятель, поддержавший в 2001 г. принятие Конгрессом США Закона о зимбабвийской демократии и экономическом оздоровлении страны (Zimbabwe Democracy and Economic Recovery Act – ZIDERA). Согласно этому закону, американская администрация обязана принимать всевозможные меры, прежде всего санкции, для устранения зимбабвийского руководства с политической арены. Б. Обама неоднократно выступал против лично Мугабе с обвинениями, что он «украл» недавние выборы в Зимбабве и использует методы насилия против собственного народа [3, November 7, 2008].

Дж. Буш считал, что режим Мугабе «тиранический», а самому Р. Мугабе – пора «покинуть» свой пост [26, December 9, 2008]. Как бы в ответ на эту рекомендацию зимбабвийская газета «Геральд» обвинила противника Мугабе на прошедших в 2008 г. в Зимбабве президентских выборах – Моргана Цвангираи – в том, что тот «принимает решения на основании инструкций, которые исходят от его западных покровителей» [27, December 31, 2008].

Примирение двух ярых оппонентов – Р. Мугабе и М. Цвангираи, которое было достигнуто в январе 2009 г. при

участии южноафриканской дипломатии, – отнюдь не означало, что глубинные корни противоречий были исчерпаны. Так, сам президент Обама не верит в долговечность правительства национального единства в Зимбабве, он распорядился продолжать давление на Р. Мугабе по всем каналам, в том числе и в рамках ООН [3, January 28, 2009]. В марте 2009 г. Барак Обама своим указом продлил еще на один год введенные администрацией Буша санкции против руководителей Зимбабве, которые представляют «необычайную и чрезвычайно серьезную угрозу внешней политике Соединенных Штатов». Эта мера последовала практически сразу же после заявления в парламенте Зимбабве премьер-министра М. Цвангираи, в котором он обратился к странам Запада снять любые санкции против Зимбабве [3, March 5, 2009].

В мае 2009 г. Государственный секретарь США Х. Клинтон повторила ранее сделанные призывы президента Джорджа Буша-младшего добиться ухода президента Р. Мугабе со своего поста, что произойдет «в наилучших интересах всех». Одновременно она обратилась к правительству ЮАР предпринять дополнительные усилия, чтобы затруднить пребывание у власти нынешнего зимбабвийского руководства [3, May 26, 2009].

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что нападки администрации Обамы на представителей зимбабвийских властей встречают отпор в средствах массовой информации Зимбабве. В частности, 21 мая 2009 г. газета «Financial Gazette» из Хараре опубликовала большую полемическую статью, в которой приводятся факты причастности президента Обамы и Государственного секретаря Клинтон к деятельности известного Бильдербергского клуба. По мнению газеты, еще почти за год до президентских выборов в США на совещании в вашингтонской гостинице Мэрриот в начале 2008 г. мировое «теневое правительство» решило, что именно эти два политика будут бороться за возможность стать руководителем сверхдержавы под названием США. Это реше-

ние было принято по просьбе знаменитого американского политика, в прошлом Государственного секретаря США Г. Киссинджера, который считал, что для спасения и реинкарнации капитализма нужны «новые лица» (не из состава традиционной вашингтонской элиты) пусть даже с небелой кожей [28, May 21, 2009].

Настойчивость президента Б. Обамы в отношении ограничительных мер против руководителей Зимбабве, однако, не получила поддержки в странах Африки, например, в ЮАР. В апреле 2009 г. Верховный суд этой страны рассмотрел дело «Стандарт банк оф Саут Африка против Бреденкампа (Bredenkamp)». Его суть состояла в том, что южноафриканское отделение английского «Стандарт банка» отказало в выдаче кредита зимбабвийскому предпринимателю Бреденкампу для развития его бизнеса в Зимбабве. Его обвинили в развитии нелегальной торговли табачной продукцией и в тесных связях с президентом Р. Мугабе. Причем этот предприниматель упоминается в списках Министерства торговли США, которые называют компанию и ее руководителя как подвергающихся процедуре ограничений на основании решения американского президента. В конечном итоге Верховный суд ЮАР постановил, что южноафриканский филиал английского «Стандарт банка» должен выдать кредит Бреденкампу на развитие его предприятий в Зимбабве, а американцы так и не смогли помешать принятию такого решения [27, April 3, 2009].

Длительный, но безуспешный нажим на зимбабвийское руководство не принес американской администрации желаемого эффекта и в июне 2009 г. она решила сменить тактику в этом вопросе. В Хараре побывал председатель подкомитета по Африке и международному здравоохранению Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США Дональд Пейн, который провел переговоры с президентом Р. Мугабе и другими зимбабвийскими официальными лицами. В частности, обсуждалась

возможность пересмотра Закона 2001 г. о зимбабвийской демократии и экономическом восстановлении в части отмены эмбарго на торгово-экономические отношения с этой страной. По-видимому, миссия Д. Пейна оказалась успешной, поскольку в начале июня 2009 г. в поездку по странам Европы и США отправился премьер-министр Зимбабве М. Цвангираи. Его цель состояла, в частности, в том, чтобы убедить президента Обаму отменить указанное выше эмбарго, а также собрать 700 млн долл. у американских организаций на развитие экономики Зимбабве. Кроме того, он намеревался просить американского президента оказать содействие Зимбабве в получении экономической помощи до 10 млрд долл. на международном рынке [3, June 4, 2009].

Результаты этого визита оказались противоречивыми для Зимбабве. Судя по заявлениям американских официальных лиц, М. Цвангираи не получил того, на что рассчитывал, отправляясь в заграничную поездку. Не упоминая напрямую этого зимбабвийского политика, сам президент Обама сказал в Аккре, что Америка на стороне тех сил в Африке и, в частности, в Зимбабве, которые отстаивают демократические принципы перед лицом грубого насилия – «Африка более не нуждается в сильных людях, ей нужны крепкие демократические институты» [16, July 11, 2009].

В ответ на недружественную политику со стороны западных руководителей, прежде всего американской администрации, президент Зимбабве Роберт Мугабе заявил, что если Запад не может поддержать коалиционное правительство в Зимбабве, ему следует «оставить нас в покое». «Эти англосаксонские страны создают для нас одни проблемы. Мы им говорим сегодня. Мы не нуждаемся в вашем вмешательстве, поскольку мы сами способны решать свои проблемы» [16, July 11, 2009].

Вместе с тем стремление к развитию всесторонних отношений с США, в том числе военно-политических и экономических, характерно для ряда африканских государств,

среди которых ведущее место принадлежит Либерии. Так, в апреле 2009 г. президент Либерии Эллен Джонсон-Серлиф пригласила «инвесторов из Калифорнии» принять участие в развитии своей страны. По ее мнению, штат Калифорния входит в число десяти самых развитых экономик планеты. Аналогичное приглашение получили и предприниматели из Миннесоты во время ее неофициального визита в США [3, April 9, 2009]. Успешно развивается и военно-политическое сотрудничество с США. Так, столица страны город Монровия рассматривается как возможное расположение штаб-квартиры Африканского командования, которая в настоящее время находится в Штутгарде (Германия) [7, December 5, 2007].

Во время этого визита в присутствии Государственного секретаря США Х. Клинтон либерийский президент заявила о своей глубокой признательности правительству США за те усилия, которые оно принимает, чтобы построить в Либерии властные структуры, которые применяют «хорошее управление» (good governance) страной и способствуют демократическому развитию, что позволяет исключить Либерию из американского списка «несостоявшихся государств» (failed states) и превратить эту страну в «образец» успешного выхода из постконфликтного состояния при помощи Администрации и Конгресса США [7, April 22, 2009].

В свою очередь, как бы подчеркивая свое удовлетворение внутренней и внешней политикой либерийского руководства, администрация Обамы добилась от Мирового банка списания долга Либерии в размере 1 млрд долл. и обещала полностью списать либерийский долг США. Во время встречи с президентом Либерии в Вашингтоне Государственный секретарь США Х. Клинтон заверила ее в твердом намерении американской администрации поддерживать либерийское руководство в его действиях как в Африке, так и на мировой арене [3, April 24, 2009]. Аналогичная тональность была ха-

рактерна для переговоров двух государственных деятелей и во время визита Х. Клинтон в Либерию в августе 2009 г.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что политика администрации Обамы в Африке в условиях мирового экономического кризиса отличается от политики ее предшественницы – администрации Джорджа Буша-младшего, по сути, только одним – более осторожным подходом к насущным проблемам африканских стран, что не может не вызывать симпатий в правящих элитах этих государств. Практичные руководители из стран Черного континента один за другим посещают США и ведут переговоры на самом высоком уровне. Их результативность измеряется в каждом конкретном случае, что в целом не меняет общей картины прагматичного отношения к американской администрации во главе с африкано-американцем – первым в истории США президентом из этой среды.

Этот прагматизм был замечен уже с момента избрания Б. Обамы на пост президента США. В частности, председатель Комиссии Африканского союза Жан Пинг на конференции по внешней политике под названием «Вызовы и возможности для новой администрации США», которую организовало Объединение черных конгрессменов в палате представителей американского Конгресса (Congressional Black Caucus), говорил, что:

– африканские страны будут продолжать выполнять Программу НЕПАД и они ожидают от новой администрации США всесторонней поддержки этих усилий, в частности в форме расширения привилегированных торгово-экономических отношений в рамках Закона 2000 г. об экономическом росте и торговых возможностях в странах Африки (Закон АГОА);

– африканцы рассчитывают на продолжение «политического диалога» с США, чтобы представить американскому правительству и общественности в наиболее полном

объеме свои «надежды и чаяния», что позволит администрации принимать основанные на фактах решения в отношении африканских стран. Для этой цели предполагается активизировать работу Миссии США при Комиссии Африканского союза и Миссии Африканского союза в Вашингтоне. При этом следует отметить, что ни одна другая страна мира, кроме США, не имеет дипломатического представительства при Африканском союзе в Аддис-Абебе;

– африканские страны рассчитывают на то, что новая американская администрация продолжит линию своей предшественницы на представительство и защиту их интересов на совещаниях Большой Восьмерки и других международных объединений [3, September 28, 2008].

Эти общие ожидания наполнялись конкретным содержанием по мере развития политики администрации Обамы в Африке, прежде всего накануне и в ходе визита американского президента в Гану. Так, например, в конце июня 2009 г. кенийская газета «East African Standard» опубликовала статью относительно планов Конгресса США распространить на Бангладеш и Камбоджу торговые привилегии, которые получают африканские производители, в основном текстильной продукции, на внутреннем рынке США по Закону АГОА. Такая мера неизбежно нанесет новый сильный удар по африканским производителям, которые из-за соперничества со стороны этих двух азиатских государств были вынуждены сократить свой экспорт в США на 10%. Вместе с тем Камбоджа увеличила экспорт своих изделий в США на 11%, или на 3,5 млрд долл., в 2008 г., а Бангладеш – на 2 млрд долл. [29, July 29, 2009].

В конце июня 2009 г. в Вашингтон по приглашению Государственного департамента США прибыла угандийская делегация во главе с министром обороны Криспусом Кьонга (Crispus Kiyonga), которая приняла участие в финальном обсуждении в Конгрессе США Закона 2009 г. о разоружении Армии сопротивления Лорда и восстановления Северной

Уганды [7, July 22, 2009]. Этот Закон предусматривает, что администрация Обамы будет способствовать разоружению подразделений Армии сопротивления Лорда и выделит средства на восстановление Северной Уганды [30, May 19, 2009].

В свою очередь, визит американского президента в Гану вызвал противоречия среди африканских государств. Так, общественность Кении и Нигерии выразила недовольство тем фактом, что Б. Обама проигнорировал их страны. Например, главный редактор нигерийской газеты «Guardian» Рубен Абати писал о «преднамеренном» характере решения Б. Обамы отказаться от поездки в Нигерию, поскольку он недоволен правлением президента Умару Ярадуа. В Кении были «разочарованы» отказом президента африканоамериканца посетить «Родину предков» [8, July 11, 2009].

В Гане, куда Б. Обама прибыл с визитом, он получил открытое письмо от известного ганского ученого профессора Агьемана Баду Акоса (Agyeman Badu Akosa), в котором тот напомнил американскому президенту о событиях февраля 1966 г., когда ЦРУ США организовало свержение законно избранного ганского президента Квам Нкрумы и о тяжелых последствиях для народа этой страны действий США. Сейчас же, как он ожидает от администрации Обамы, США должны предпринять конкретные действия по восстановлению разрушенного во время переворота экономического потенциала Ганы и, в частности, завершения начатых по инициативе К. Нкрумы работ по Атомному энергетическому проекту в Буи. Ожидается, что после его запуска Гана не только получит полную энергетическую самостоятельность, но и сможет экспортировать электроэнергию в соседние страны Африки [25, July 11, 2009].

Реакция Б. Обамы на это послание была вполне предсказуемой: он признал, что К. Нкрума – это «гигант» Африки, но развитие зависит от «хорошего управления» со стороны африканцев. При этом ганская экономика уже показала «впечатляющие темпы роста» [8, July 11, 2009].

Столичная газета «Washington Post», комментируя высказывания президента Обамы в Аккре, пояснила, что «будущее Африки зависит от самих африканцев» [8, July 12, 2009]. В этой связи практически настроенные представители африканской общественности (например, Абдула Ханан Конфиденс из Тамальского колледжа обучения медсестер) говорят о том, что не следует слишком буквально воспринимать африканское происхождение Б. Обама – «он прежде всего президент США, а не Африки» и добиваться того, чтобы любое соглашение с ним было в интересах африканцев, а не американских предпринимательских кругов [25, July 11, 2009].

Судя по тону статей в американской печати во время визита Б. Обамы в Гану и после него, можно предположить, что прагматизм африканцев проявляется и в том, что они стремятся использовать в своих интересах растущее соперничество США и КНР в Африке. Так, газета «The New York Times» подчеркивает, что «разумеется, африканцы могут получить деньги и ноу-хау из Китая, который в подавляющем большинстве случаев не обращает внимания на плохое управление, нарушение демократии и прав человека. Каждый год в Африку приезжает высокопоставленная делегация из Китая. Вашингтону президента Обамы следует учесть этот китайский опыт» [16, July 18, 2009].

В принципе это соперничество затрагивает многие сферы отношений двух держав в Африке, в частности в отношении владения нефтеносными полями на юге Судана. По решению Постоянного арбитражного суда в Гааге, суданский район Абеуи, где расположены богатые месторождения нефти (месторождение Heglig), передан под управление центральной администрации в Хартуме, где сильны сторонники развития торгово-экономических отношений с КНР. По мнению «New York Times», автономная администрация на юге Судана больше склоняется к взаимодействию с США [16, July 23, 2009].

Хотя это решение Суда в Гааге и дало определенные преимущества китайцам в Судане в смысле эксплуатации нефтяных месторождений, в южной части Судана ходят упорные слухи о том, что в 2011 г. во время референдума об окончательном статусе автономного района на юге Судана американцы попытаются взять реванш и добиться возвращения района Абеуи с его богатыми нефтяными полями под управление администрации южного Судана [16, July 23, 2009].

Реакция же простых африканцев на кризисные явления в современной американской экономике является достаточно убедительной – прибыв в период экономического бума в США на заработки, эти люди теперь «голосуют ногами» и в большом количестве возвращаются назад в африканские страны. По данным столичной «Вашингтон пост», наблюдающийся в последнее время стабильный экономический рост на континенте и соответственно повышение качества жизни, прежде всего, для представителей «среднего класса» (именно выходцы из этого класса составляют костяк местных африкано-американских объединений в США), служит надежным оправданием «второго» издания движения «Назад в Африку». Газета приводит историю типичного представителя новой тенденции выходца из Кении человека по имени Одхиамбо (Odhiambo), который на скопленные в США деньги намерен открыть свой бизнес на родине и работать на благо своей семьи в нормальном ритме, а не в бешеном потогонном темпе, как в США [8, May 26, 2009]. И таких людей становится все больше в Америке при администрации Обамы.

Л и т е р а т у р а

1. *Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy. An Analyses of Power and Purpose. – Boston, 1969.
2. The Statistical Abstract of the United States. – Wash., 2009.
3. www.allafrica.com. – Wash.

4. The Philadelphia Inquirer. – Philadelphia.
5. More Than Humanitarianism: A Strategic U.S. Approach Toward Africa. A Report of An Independent Task Force Sponsored by the Council on Foreign Relations. – N.Y., December 2005.
6. President George W. Bush. The National Security Strategy of the United States of America, March 2006, Wash.
7. The U.S. Department of State, Wash.
8. The Washington Post, Wash.
9. <http://news.mail.ru/incident/2506549/print/>.
10. <http://news.mail.ru/politics/2506579/print/>.
11. The U.S. Senate Committee on Foreign Relations. Developing A Coordinated and Sustainable Strategy for Somalia. Hearing before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate, 111th Congress, 1st session, Wash., May 20, 2009. – P. 9.
12. The Daily Trust, Lagos.
13. Эмуд У. Красные и черные: личные впечатления. – М.: Прогресс, 1968. Выпуск первый, пер. с англ.
14. <http://news.mail.ru/politics/235252/print/>.
15. The U.S. House of Representatives. Subcommittee on Africa and Global Health. Hearings on U.S. Assistance to Africa: A call on Foreign Aid Reform, April 23, 2009, Wash. – P. 9–10.
16. The New York Times, N.Y.
17. The 12th Assembly of the African Union. Decision on the Application by the International Criminal Court (ICC) Prosecutor for the Indictment of the President of the Republic of the Sudan. Assembly/AU/Dec.221(XII). Addis Ababa. – P. 1.
18. <http://news.mail.ru/politics/2827749/print/>.
19. The African Union. Meeting the Challenge of Conflict Prevention in Africa. Towards the Operationalization of the Continent Early Warning System. A Report. Addis Ababa, 2008.
20. <http://top.rbc.ru/politics/06/04/2009/292255.shtml/>.
21. The Nation. – N.Y.
22. The Chronicle. – Lagos.
23. <http://www.slavevoyages.com/task/assessments/estimates.faces>.
24. This Day. – Lagos.
25. <http://www.myjoyonline.com/tools/print/printnews.asp>.
26. The White House. Statement by the President on Zimbabwe. – Wash.

27. The Herald. – Harare.
28. The Financial Gazette. – Harare.
29. The East African Standard. – Nairobi.
30. The U.S. House of Representatives. LORD's Resistance Army Disarmament and Northern Uganda Recovery Act of 2009, H.R. 2478, 111th Congress, 1st Session, May 19, 2009.

Т.М. Соловьева

КИТАЙ И АФРИКА: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В XXI ВЕКЕ

Новое столетие характеризуется значительными изменениями в политике Китая по отношению к Африке, как и в его внешнеполитической стратегии в целом. Идет интенсивный процесс выработки подходов, нацеленных на закрепление Китая в роли великой мировой державы. Существенно меняются основные компоненты китайской внешней политики и дипломатии, которые призваны обеспечивать новую роль Китая в мировых делах. Китай готов взять на себя инициативу в мировых делах и усиливать свою активность в ходе экономической глобализации и создании многополюсного мира. В докладе Цзян Цзэминя и резолюции XVI съезда Компартии Китая (КПК, 14–18 ноября 2002 г.) было отмечено, что первые двадцать лет XXI в. – «период наиболее важных стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать». Съездом была выработана программа построения к 2020 г. общества «средней зажиточности» (*сяокан шэжуэй*), в результате выполнения которой Китай должен превратиться в сильную мировую державу [1, с. 4].

Во внешнеэкономическом разделе доклада изложена программа нового этапа стратегии *цзоучуцзюй* (дословный перевод «выход вовне», по сути – «выход на мировые рынки»). Идея была сформулирована во второй половине 1990-х гг. как новый этап развития политики открытости, смысл которого состоит в более активном, масштабном и интенсивном включении экономики Китая в международное экономическое и техническое сотрудничество. Данная политика включает в себя государственную поддержку конкурентоспособных китайских компаний в вопросах зарубежного инвести-

рования, стимулирование инвестиций в приоритетные для Китая отрасли, разработку законодательной базы инвестиционной деятельности, принципов льготного финансирования, страхование рисков, информационное и консультационное сопровождение [2, с. 98].

С приходом к власти в марте 2004 г. четвертого поколения китайских руководителей появились новые подходы в теоретическом обосновании внутреннего и международного курсов КНР. В апреле 2005 г. на саммите стран Азии и Африки и торжествах, посвященных 50-летию Бандунгской конференции в Джакарте, Председатель КНР Ху Цзиньтао впервые озвучил идею «гармоничного мира», в котором «мирно сосуществуют различные цивилизации, осуществляются равноправный диалог, общее развитие и процветание» [3].

В том же 2005 г. на саммите, посвященном 60-летию ООН, Председатель КНР Ху Цзиньтао предложил идею строительства гармоничного мира в качестве глобальной концепции мирового устройства [4]. С тех пор эта идея активно продвигается китайским руководством как основная концепция, призванная определять внешнюю политику и дипломатию КНР. Концепция строительства гармоничного мира рассматривается в единстве с концепцией построения гармоничного социалистического общества в КНР, цели и задачи построения которого были обозначены в решениях 6-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (8–11 октября 2006 г.) [5, с. 25–29], а также с традициями китайской цивилизации и китайской политической культуры.

XVII съезд КПК (15–21 октября 2007 г.) подчеркнул приверженность Китая делу мира и стабильности. В докладе Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао отметил, что страна будет «твердо держаться основной установки своей внешней политики на защиту мира во всем мире и содействие совместному развитию» [6, с. 55, 56]. Во внешнеполитическом разделе доклада сделан акцент на стратегическом вы-

боре Китаем пути мирного развития, на отказе от политики гегемонизма и от участия в гонке вооружений, была подтверждена верность концепциям мирного развития Китая и строительства гармоничного мира.

Китайским руководством также выдвигается задача формирования позитивного цивилизованного образа Китая, которая становится частью политики открытости, выхода Китая на внешнюю арену. Создание нового имиджа Китая в мировом сообществе, способствующего реализации национальных интересов Китая и решению текущих и долгосрочных целей его политики объявляется одной из важных задач китайской дипломатии и пропаганды. Причем с начала 2000-х гг., Китай перешел от оборонительной реакции на критику его внутренней и внешней политики к целенаправленной наступательной работе в этом направлении.

Видимо, именно с этим было связано исчезновение из доклада Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК задачи «мирного возвышения Китая», провозглашавшейся с 2003 г. Лозунг о мирном возвышении Китая на фоне его стремительного экономического роста стал вызывать обеспокоенность международного сообщества. Как отметил российский ученый А. Виноградов, «мировой статус Китая стал связан с более функциональными и менее разрушительными, чем рост экономики и военной мощи, факторами – с мирным развитием его культуры, которая образует основу его идентичности, отличной от диктовавшихся Западом – экономической и политической, где Китаю пока сложно претендовать на лидерство» [7, с. 128].

В последние годы китайские руководители стали обращать особое внимание на пропаганду современных достижений китайской культуры и популяризацию китайского языка. Выступая на открытии XVII съезда КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао в своем докладе назвал культуру «мягкой мощью государства», отметив, что в «современную эпоху культура становится все более важным источником

цементирующих и творческих сил нации и все более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи» [6, с. 54]. Китайские эксперты видят два основных источника «мягкой силы»: богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации страны. Одним из компонентов этой политики является открытие Институтов Конфуция по всему миру, проведение Годов Китая в России и Франции и т.д.

В целом внешнеполитическая доктрина Китая находится в стадии постепенного обновления. В последние годы китайские политологи все больше внимания уделяют разработке задач китайской внешней политики и дипломатии, связанных с изменением роли и места КНР в современном мире. Они считают, что Китай «постепенно выходит на передовую линию на международной арене и в мировой экономике и «превратился из политической державы в экономическую, из региональной – в глобальную» [8, р. 60–61].

В новейшей концепции уделяется большое внимание «третьему миру» как важному фактору и элементу мирового развития, в том числе отношениям КНР со странами Африки. На XVII съезде КПК взаимоотношениям Китая с развивающимися странами и положению последних уделялось больше внимания, чем на предыдущих партийных форумах. В докладе Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао провозгласил намерение Китая «путем собственного развития стимулировать совместное развитие мира», поддерживать мировое сообщество в оказании помощи «третьему миру» для усиления возможностей последних в самостоятельном развитии и сокращении разрыва между Севером и Югом, крепить сотрудничество с развивающимися странами, оказывать им помощь и защищать их справедливые требования» [6, с. 55-56].

Основные принципы африканской политики КНР в XXI в. изложены в одноименном разделе Документа о политике Китая в Африке:

- искренняя дружба и равноправие на основе пяти принципов мирного сосуществования и уважения права африканских государств самостоятельно выбирать путь развития;
- взаимная выгода и совместное процветание, поддержка экономического развития и государственного строительства африканских государств, сотрудничество с ними в торговой, экономической, социальной и других областях;
- взаимная поддержка и тесное взаимодействие, в том числе сотрудничество в ООН и других международных организациях;
- учеба друг у друга, заимствование опыта государственного управления и экономического развития, усиление сотрудничества в области науки, образования, культуры и здравоохранения [9].

Важную роль в современной китайской концепции взаимоотношений со странами Африки играет тезис о невмешательстве в их внутренние дела. Китай постоянно подчеркивает, что его сотрудничество с Африкой в отличие от Запада не обусловлено никакими требованиями относительно политики той или иной страны, соблюдения в ней демократических принципов и прав человека. Такой прагматический подход, несомненно, дает Китаю конкурентные преимущества перед странами Запада, возможности которых по укреплению своих позиций в Африке сужаются с выдвижением таких требований.

Но это не означает, что Китай не имеет больше политических интересов в Африке. Китай заинтересован, прежде всего, в расширении круга партнеров и союзников на мировой арене в целях обеспечения благоприятного международного фона для внутреннего строительства и внешнего влияния. По-прежнему актуальной остается задача воссоединения Китая, дальнейшего вытеснения Тайваня с Африканского континента. Из 25 стран мира, поддерживающих официаль-

ные дипломатические отношения с Тайванем, четыре – Буркина-Фасо, Гамбия, Свазиленд и Сан-Томе и Принсипи – находятся в Африке.

Особенностью китайско-африканских отношений является развитая концептуальная база. В ее основу положен тезис об общности исторического прошлого, а также современных интересов и задач, делается вывод, что установление нового справедливого и рационального международного порядка по-прежнему является политической и экономической базой развития взаимовыгодного китайско-африканского сотрудничества. Заявляя об общности своей позиции и взглядов «третьего мира» по многим международным проблемам, Пекин сохраняет постоянный круг своих союзников на мировой арене.

Китай, продолжая причислять себя к развивающимся странам, не только получает определенные экономические выгоды, например льготы от международных организаций, но и политические дивиденды во взаимоотношениях со странами Юга, в том числе – Африки. Имидж современного Китая как великой державы и в то же время признанного члена развивающегося мира, несомненно, находит отклик в странах Африки. Китай подчеркивает, что он вместе со странами Африки выступает за демократизацию международных отношений, совместное управление международными делами на основе плюрализма и механизма многостороннего регулирования. В целом Китай уже научился вполне успешно справляться с вызовами глобализации и даже извлекать из нее выгоды, получая более широкий доступ к товарным, инвестиционным и технологическим рынкам западных стран и богатым ресурсам развивающихся стран.

При рассмотрении внешней политики Китая в Африке в новом столетии следует отметить три особенности:

Первой особенностью китайско-африканского взаимодействия в XXI веке является смена приоритетов в

пользу обеспечения экономических интересов Китая в Африке, среди которых наиболее насущными являются:

1) *Удовлетворение потребностей стремительно растущей экономики КНР в энергоресурсах и минеральном сырье.* Африка, как известно, чрезвычайно богата природными ресурсами. Здесь сосредоточено 80% мировых запасов хромитов, 90% платиноидов, 60% кобальта и марганца, 40% алмазов, 37% золота и т.д. Континент фактически является сырьевой базой мировой экономики, обеспечивая 92% ее потребностей в платине, 70% – в алмазах, 35% – в марганце, 34% – в кобальте, 15,5% – в бокситах [10, с. 41].

В настоящее время особое значение в мире придается нефтяным ресурсам континента. Запасы углеводородного сырья на африканском континенте и на разведанных участках его шельфа на начало 2006 г. составляли около 8% мировых. Нефтегазовые месторождения обнаружены в 23 государствах и регионах Африки (из 56), из них в 18 странах и регионах начаты освоение и добыча. Около 85% новых нефтяных месторождений, открытых в 2001–2004 гг., находятся в Западной или Центральной Африке.

Для Китая, который с 2003 г. стал вторым после США импортером сырой нефти в мире с потреблением 5,46 млн. баррелей в день, поставки нефти имеют стратегическое значение. По данным на 2006 г., Китай импортировал в среднем 3,5 млн баррелей нефти в день. По оценкам Международного энергетического агентства, к 2030 г. эта цифра вырастет до 13,1 млн. баррелей в день. В 1999 г. африканский экспорт сырой нефти покрывал более 20% потребностей КНР, в 2004 и 2005 гг. – почти 30% [11, р. 6]. Более 60% производства Судана шло в КНР и обеспечивало 5% китайской потребности в нефти. Ангола и Нигерия направляли в КНР по 1/4 производимой ими нефти. В 2006 г. Ангола превзошла Саудовскую Аравию как самого большого поставщика КНР, поставляя 15% китайского нефтяного импорта. В целом на

Китай приходится почти 1/10 африканского нефтяного экспорта [12, р. 98].

В 2005 г. Китай ввозил из Африки 30% импортируемой им нефти, 21% хлопка, 26% алмазов, 15% древесины, 34% марганца и 44% табачной продукции. Китай импортировал фосфаты и кобальт из Марокко, древесину из Кот-д'Ивуара и стран Центральной Африки, кофе и какао и т.д. Сырье и продукция первичной переработки составляли более 86% импорта Китая из африканских стран [13, с. 40].

2) *Потребность в новых рынках сбыта для китайских товаров и услуг.* На фоне перенасыщения внутреннего рынка и усиливающегося торгового протекционизма в мире, прежде всего в развитых странах, эта задача становится все более острой для Китая, ставшего, по сути, «мировой фабрикой». Африканские рынки с низкой конкуренцией и значительным потребительским спросом очень привлекательны для КНР. Специалисты отмечают, что китайские товары по своим характеристикам идеально подходят для африканского рынка [14, с. 36].

3) *Поиски новых мест вложения капитала.* За годы реформ в Китае накоплены внушительные финансовые резервы. В 2006 г. Китай по золотовалютным запасам (1200 млрд долл.) вышел на первое место в мире. Несмотря на попытки диверсифицировать валютную корзину, большая часть валютных резервов пока представлена долларами США. Стимулируя прямые зарубежные инвестиции, китайское правительство пытается снизить давление на экономику огромной массы необеспеченных долларов. Африка же является самым выгодным местом для инвесторов, по статистике министерства торговли США, окупаемость инвестиций в субсахарскую Африку составляет 24–30%, в то время как средний показатель для развивающихся стран равен 16–18% [15, с. 7].

Второй особенностью политики Китая в Африке в XXI веке является институционализация (чжидухуа) китай-

ско-африканских отношений, то есть придание им более четко оформленного, системного характера.

Институционализация проявляется в создании Форума китайско-африканского сотрудничества, выработке механизма регулярных консультаций министров иностранных дел, опубликовании Документа о политике Китая в отношении Африки, сформулировавшего стратегию, цели и направления сотрудничества.

Новый механизм взаимодействия – Форум сотрудничества Китай–Африка (министерская конференция) – был запущен в 2000 г. Это новый формат сотрудничества, аналогичный Саммиту «Франция–Африка», Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД), Форуму «Африка–ЕС», и т.д. На первом Форуме (Пекин, 10–12 октября 2000 г.) с участием министров иностранных дел, внешней торговли и международного сотрудничества, экономики, социального развития КНР и 48 африканских государств были приняты два документа: 1) «Пекинская декларация» и 2) «Программа китайско-африканского сотрудничества в экономическом и социальном развитии».

Пекинская декларация содержала призыв к установлению нового справедливого международного мирового порядка и реализации программы стратегического партнерства с целью обеспечения устойчивого развития в XXI в. Наряду с этим в ней говорилось о необходимости разработки новой стратегии экономического роста, о необходимости диверсификации форм и содержания сотрудничества, об упоре на конечный результат, а также о стремлении к разрешению возникающих проблем в духе доброжелательства. В документе подчеркивалась необходимость совершенствования механизма двусторонних консультаций [16].

Программа предусматривала значительное увеличение помощи КНР странам Африки и сокращение долгового бремени 31 стране континента на 1,27 млрд долл.

В июле 2001 г. в Замбии была выработана Процедура механизма контроля за исполнением решений Форума сотрудничества Китай–Африка. Этот документ предусматривал созыв Форума каждые три года попеременно в КНР и Африке. Между ними с интервалом в 1 год планируется проведение двух встреч на высоком уровне. Для обеспечения решений Форума китайская сторона создала в декабре 2000 г. комитет, в состав которого вошли представители 21 министерства. Аналогичные комитеты были созданы в ряде африканских стран [14, с. 23].

Второй форум прошел 15–16 декабря 2003 г. в Аддис-Абебе. Китайскую делегацию возглавлял премьер Госсовета Вэнь Цзябао, с африканской стороны участвовал ряд глав государств, а также министры 44 стран континента и председатель Комиссии Африканского Союза А.У. Конаре, присутствовал тогдашний Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Была принята Программа действий Форума на 2004–2006 гг.

В ходе форума был одобрен ряд инвестиционных проектов КНР на континенте, в том числе строительство сахарного завода и фармацевтической лаборатории в Нигерии, сахарного и цементного завода в Эфиопии, цементного завода в Руанде, хлопкового завода в Уганде, линии электропередач и ГЭС в Судане и т.д.

По итогам второго форума КНР и 45 африканских стран подписали «План действий Аддис-Абебы», в котором предусматривалось, в частности, активизировать сотрудничество в вопросах сохранения мира и безопасности, КНР взяла обязательство активнее участвовать в миротворческих операциях в Африке, а также оказать финансовую помощь Совету мира и безопасности Африканского Союза. Китай обязался оказать поддержку созданному в Алжире центру исследований по проблемам терроризма. Африка заручилась поддержкой Китая в вопросах вступления в ВТО, реализации программы НЕПАД, развития сельского хозяйства, образования, здравоохранения и культуры [14, с. 28]. Перед откры-

тием второго совещания министров было проведено заседание предпринимателей с участием 500 человек, подписано 11 программ сотрудничества на 500 млн долл. США [17, с. 27–28].

В ноябре 2006 г. в Пекине состоялся 3-й Форум сотрудничества Китай–Африка. На этот форум приехали 35 президентов и 6 премьер-министров африканских государств [18]. С китайской стороны в конференции участвовал сопредседатель форума Председатель КНР Ху Цзиньтао. На саммите были представлены 48 стран Африки.

Встреча завершилась принятием Декларации о стратегическом партнерстве. Декларация содержала недвусмысленную констатацию необходимости установления принципа многосторонней дипломатии в международных отношениях и осуществления реформы ООН и ее Совета Безопасности [19]. По итогам конференции был принят План действий на 2007–2009 гг., в котором намечались меры по укреплению экономического и политического сотрудничества. План затрагивал такие вопросы, как реформирование ООН, борьба с терроризмом, незаконная торговля оружием, превращение Африки в безъядерную зону, борьба с последствиями стихийных бедствий.

В ходе подготовки к 4-му Форуму сотрудничества Китай–Африка, который должен пройти в четвертом квартале 2009 г. в египетском Шарм эль Шейхе, министр коммерции КНР Чэнь Дэмин сообщил, что китайская сторона «собирается выступить с новыми, более соответствующими реальным требованиям африканских стран предложениями, предусматривающими расширение инвестиций китайских компаний в экономику Африки, увеличение объема африканского импорта, содействие континенту в развитии сельского хозяйства, борьбе с заболеваниями, освоении людского потенциала, снабжении чистой энергией и строительстве объектов инфраструктуры» [20].

Еще одним проявлением институционализации китайско-африканского сотрудничества явился Документ о политике Китая в отношении Африки, опубликованный китайским правительством в начале 2006 г. В этом документе китайско-африканское стратегическое партнерство нового типа характеризуется как триединство «равенства и взаимного доверия в политике, взаимовыгодного сотрудничества в экономике, взаимных обменов и заимствований в области культуры» [9].

Документ содержит подробное изложение направлений и механизмов реализации задач стратегического партнерства: укрепление политических контактов на высшем уровне, межпарламентские и межпартийные обмены, межмидовские консультации, развитие комитетов по вопросам торгово-экономического и научно-технического сотрудничества; сотрудничество на мировой арене в рамках ООН и других многосторонних организаций; многоплановое взаимодействие в экономической сфере, в области разрешения задолженности африканских стран, во многих областях гуманитарного сотрудничества, консульские контакты и ряд других. В нем особо подчеркивается, что китайское правительство, исходя из коренных интересов китайского народа и народов Африки, будет стремиться строить и развивать с Африкой «политически равноправные и доверительные, экономически взаимовыгодные отношения стратегического партнерства».

В первом разделе «Положение и роль Африки в мире» отмечается важная и постоянно возрастающая роль государств континента в международных делах.

Во втором разделе «Китайско-африканские отношения» подчеркивается общность исторических судеб Китая и Африки.

В третьем разделе, озаглавленном «Африканская политика Китая», излагаются основные принципы политики Китая в Африке.

Четвертый раздел «Расширение всестороннего сотрудничества между Китаем и Африкой» занимает две трети всего документа, раскрывает содержание различных аспектов двусторонних отношений.

Политическое сотрудничество включает визиты на высшем уровне, обмены парламентскими делегациями и обмены на партийном уровне, создание двусторонних комитетов по различным вопросам на парламентском и министерском уровнях, обмены по линии региональных властей.

Экономическое сотрудничество – сотрудничество в сфере торговли, инвестиций, финансовой кооперации, сельского хозяйства, развития инфраструктуры, разработки и использования природных ресурсов, туризма, снижении долгового бремени африканских стран перед КНР и экономической помощи.

По направлению «Мир и безопасность» – предусматривает обмены по военной линии, а также участие Китая в подготовке военных специалистов.

В сфере международных отношений подчеркивается необходимость координации усилий по различным проблемам международной политики в рамках ООН, защиты целей и принципов Устава ООН и борьбы за придание ООН большей роли в международных делах.

Пятый раздел документа посвящен Форуму сотрудничества Китай–Африка, которому придается большое значение как «механизму эффективного коллективного диалога и многостороннего сотрудничества между Китаем и Африкой, заложившему основу для отношений стратегического партнерства нового типа».

Шестой раздел документа касается взаимоотношений Китая с африканскими региональными организациями. В документе дается высокая оценка политической роли Африканского Союза в защите мира и стабильности на континенте и выражается готовность сотрудничать с ним. В документе

подчеркивается важность сотрудничества с субрегиональными организациями [9].

Третьей особенностью китайско-африканских отношений в XXI веке является усиление внимания к созданию позитивного образа Китая в Африке, активная и целенаправленная работа в этом направлении. Вероятно, применительно к китайско-африканским отношениям этот аспект имеет особое значение, так как именно в развивающемся мире наиболее остро чувствуется конфронтация между Китаем и странами Запада, прежде всего, США.

В конце 1990-х гг., когда начался резкий рост масштабов китайского присутствия в Африке, на Китай обрушился вал критики. Его обвиняли в проведении неоколониалистской политики в Африке, разграблении ее богатств, наводнении рынков континента низкосортной продукцией, провоцировании экологической катастрофы, поддержке тоталитарных режимов и т.д. Представляется, что это было вызвано, наряду с действительно имевшими место негативными проявлениями такого масштабного взаимодействия, недовольством, главным образом, западных держав усилением влияния Китая в Африке, появлением сильного конкурента, ростом цен на сырье и др.

С начала 2000-х гг. китайское руководство стало более активно предпринимать меры по преодолению реальных недостатков в сотрудничестве и одновременно перешло от оборонительной реакции на критику его африканской политики к целенаправленной наступательной работе по формированию позитивного восприятия страны в Африке и мире. К конкретным мерам можно отнести, например, усиление помощи странам Африки, ограничение на экспорт некоторых видов китайской продукции, например текстиля в ЮАР, предоставление права беспошлинного ввоза для поощрения импорта в Китай африканской продукции и преодоления дисбаланса в торговле.

Следует обратить внимание еще на одно «ноу-хау» – Китай все чаще обращается к понятию «мягкой силы» (*жунань шили*), то есть использованию «нематериальных властных ресурсов и политических идеалов» [21, с. 34] как средству укрепления взаимодействия с Африкой и своего влияния в этом регионе. В качестве основных компонентов «мягкой силы» рассматриваются дипломатия, культура, ценностные ориентации и китайская модель модернизации [22, с. 16].

В русле этой стратегии пекинское руководство активизирует гуманитарное сотрудничество со странами африканского континента. В 2000 г. министерство культуры КНР выделило специальный грант на развитие культурного сотрудничества с Африкой. В 2004 г. в Китае прошел первый молодежный фестиваль, в котором приняли участие 132 представителя от 44 стран – членов Форума китайско-африканского сотрудничества. В том же году в 18 странах Африки было проведено «сафари китайской культуры».

19 декабря 2005 г. в Африке был открыт первый Институт Конфуция в столице Кении Найроби. Вслед за этим Институты Конфуция стали создаваться в других странах континента. В конце 2008 г. в Пекин для участия в конференции, проводимой Главным управлением Института Конфуция, приехали представители 21 Института Конфуция из 14 государств Африки. С китайской стороны присутствовали представители из 15 университетов – участников программы [23].

Китай имеет соглашения о сотрудничестве в области образования с 50 государствами Африки. После саммита Форума сотрудничества Китай–Африка 2003 г. Министерство образования КНР создало специальные центры образовательной помощи Африке. Первый центр был создан при Тяньцзиньском технологическом университете в апреле 2003 г. В 2004 г. были открыты еще три центра: в Чжэцзянском и Цзилиньском педагогических университетах, Северо-Восточном университете.

В 2004–2006 гг. китайская сторона выполнила обязательство по подготовке 10 тысяч специалистов в рамках второго саммита Форума сотрудничества Китай–Африка. В 2005 г. Китай пообещал подготовить за три года еще 30 тысяч специалистов. Уже предоставлено 18 тысяч стипендий для 50 стран Африки для учебы в Китае, увеличена квота на обучение. Китай направил более 700 преподавателей в 33 страны Африки, установлен межвузовский обмен с 40 вузами Африки. На конец 2003 г. Китай осуществил 43 программы высшего образования и научных исследований в 21 африканской стране [24, с. 3–5].

В ноябре 2005 г. министры образования КНР и стран Африки провели форум «Стратегия образования в странах Африки и международное сотрудничество», подписали Пекинскую декларацию форума министров образования КНР и Африки.

Китай усилил сотрудничество с африканскими странами в области освоения людских ресурсов. В 2004 г. был создан межведомственный механизм координации сотрудничества в области освоения людских ресурсов – Фонд развития человеческих ресурсов в Африке, за 3 года 10 тысяч человек прошли обучение в КНР. Китай направил в Африку более 300 специалистов в области сельского хозяйства и более 60 преподавателей для оказания помощи в подготовке кадров [25, с. 14–18, 63].

Традиционно сильной стороной гуманитарного сотрудничества с китайским участием является здравоохранение. Китай постоянно направляет новые бригады медиков, поставляет антималярийные препараты, строит центры по борьбе с малярией, направил 16000 медиков в 47 стран Африки. Число больных, прошедших амбулаторное лечение, достигло 240 млн чел. Китай и Африка развивают сотрудничество в области борьбы со СПИДом [15, с. 38].

Еще одной важной составной частью «мягкой силы» является китайская модель развития. Успешный опыт модер-

низации страны, за короткий промежуток времени добившейся впечатляющих успехов, особенно в преодолении нищеты и отсталости, несомненно, привлекает внимание стран Африки. Заслуживает внимания и опыт адаптации Китая к экономической глобализации. Китайский опыт, по сути, показывает альтернативу западной модели развития. Следует отметить, что Китай вовсе не навязывает странам Африки китайскую модель. Руководители КНР постоянно подчеркивают, что Китай уважает право выбора собственного пути развития, исходя из конкретных условий каждой страны. Китайские ученые идут дальше, указывая, что есть и неприемлемый для Африки китайский опыт, например, экстенсивный путь развития, по которому довольно долгое время шел Китай, а также пренебрежение к экологии.

Значительную работу по формированию позитивного цивилизованного образа Китая в Африке выполняют китайские специалисты по Африке. Пекинское руководство уделяло и уделяет большое внимание изучению Африки. В конце 1990-х гг. Председатель КНР Цзян Цзэминь писал: «Последние годы я неоднократно подчеркивал, что исследование Африки должно вестись очень серьезно. ЦК КПК и Госсовет должны всемерно поддерживать эту работу» [26, р. 85]. Центром китайской африканистики является Институт Западной Азии и Африки Академии общественных наук КНР, открытый в 1961 г. по инициативе Мао Цзэдуна. Отделения африканистики есть также в Китайском институте международных исследований и Китайском институте современных международных отношений. Пекинский университет начал академические обмены с Африкой сразу после образования КНР. В 2000 г. здесь был основан Центр африканских исследований. Несколько центров африканистики действуют и в других университетах: Нанкинском, Юньнаньском, Шанхайском педагогическом, Чжэцзянском педагогическом, Сянтяньском университетах.

Количество африканистов в Китае сравнительно невелико – менее 300 человек, но они ведут очень большую исследовательскую и практическую работу. Специалисты не только консультируют правительство КНР, выполняют задания МИДа, Министерства коммерции и т.п. В последние годы они активно участвуют во всех международных научных конференциях, связанных с проблемами Африки, сотрудничают с африканскими исследовательскими центрами, ведущим из которых является Стелленбосский университет в ЮАР. Известные китайские африканисты, такие, как Ли Аньшань, Хэ Вэньпин, Лю Хун’у и многие другие, постоянно публикуют статьи в авторитетных академических и общественно-политических изданиях всего мира, разъясняя политику Китая в Африке, аргументированно опровергая обвинения в ее адрес. Видимо, такой деятельностью, сопряженной с практическими мерами руководства КНР в Африке, можно объяснить и изменение тона критики по поводу китайско-африканского сотрудничества, особенно заметное после 2006 г.

Так, на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2006 г. участники дискуссии пришли к выводу о том, что китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество «способствует экономическому росту Африки и дает новые экономические возможности Китаю» [27].

В тексте доклада, подготовленного помощником секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Госдепартамента США Томасом Дж. Кристенсеном и помощником секретаря по африканским делам Джеймсом Свеном для слушаний в Сенате США 4 июня 2008 г., отмечается: «Китай имеет серьезные интересы в Африке, которые не являются органически несовместимыми с приоритетами США и могут предложить новые возможности для континента. В целом мы рассматриваем растущую активность Китая на континенте как потенциально позитивную силу для экономического развития региона» [28].

Аналогичные оценки содержатся и в документе Министерства международного развития Великобритании (DFID) «Achieving the Millenium Goals in Africa. Working with China», опубликованном в апреле 2008 г. Отметив позитивный вклад Китая в развитие африканского континента, авторы документа призывают активизировать сотрудничество с ним ради решения проблем Африки [29]. В частности, вопросы взаимодействия в Африке обсуждались в феврале 2009 г. на встрече премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао и премьера Великобритании Гордон Браун.

Вероятно, значительную роль в улучшении имиджа Китая в Африке играет и то, что в заявлениях китайских руководителей и в выступлениях ученых постоянно подчеркивается, что Китай рассматривает африканские страны как равноправных партнеров. Постоянно озвучивается тезис о том, что Африка – континент, на котором находится больше всего развивающихся государств, занимающих почти треть мест в ООН – имеет важное значение для Китая. Китайские руководители неизменно благодарят страны Африки за поддержку КНР в 1971 г. при восстановлении ее места в ООН. Они не забывают о том, что, когда в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь страны Запада объявили КНР бойкот, президент Египта Хосни Мубарак пригласил в Каир председателя КНР Ян Шанкуня, а впоследствии именно африканские лидеры приезжали с визитами в Китай. Подчеркивается также, что именно благодаря африканским друзьям 11 раз с начала 90-х гг. XX в. были заблокированы антикитайские резолюции в Комитете по правам человека ООН, 14 раз резолюции о возвращении Тайваня в ООН, что африканские страны поддержали выбор КНР как страны-хозяйки Олимпиады-2008 и ЭКСПО-2010 [30].

Китайские ученые подчеркивают, что «душой китайско-африканских отношений является концепция равенства, равноправие, уважение суверенитетов и общее развитие» [31, с. 7–14], делают акцент на преимущества отношений Китая с

Африкой перед ее отношениями с традиционными партнерами. Например, известный африканист, профессор Чжэцзянского педагогического университета Лю Хун'у пишет: «Африка, которая считалась маргиналом в мировой системе, возглавляемой Западом, в китайской дипломатии всегда занимала центральное место. Китайско-африканские отношения стали точкой опоры, с помощью которой «была перевернута» система отношений Китая с внешним миром, они сыграли незаменимую роль в улучшении дипломатического окружения и повышении международного статуса Китая. Созданные ими за 30 лет новые стандарты международных отношений и новая модель эффективного сотрудничества Юг-Юг принесли новые надежды и веру всему человечеству в наше нестабильное время» [32, с. 80–88].

Последнее десятилетие характеризуется резкой активизацией китайской дипломатии в Африке. Результатом дипломатических усилий, подкрепленных экономическим воздействием, является то, что все больше стран Африки принимают сторону КНР в соперничестве с Тайванем. Если в 2000 г. из всех государств Африки дипломатических отношений с Китаем не имели восемь, то к настоящему времени число стран, сохраняющих дипломатические отношения с Тайванем, сократилось до четырех.

Важной составной частью африканской дипломатии Китая является обмен визитами руководителей высшего и высокого уровней. По неполным данным, начиная с 1990 г., состоялось около 150 визитов на континент китайских руководителей высокого ранга. В Африке побывали неоднократно все лидеры КНР. За 10 лет, с 1999 до 2009 г. Ху Цзиньтао в ранге заместителя председателя (до 2003 г.) и председателя КНР посетил страны африканского континента 6 раз. География визитов довольно широка: Мадагаскар, Гана, Кот-д'Ивуар и ЮАР (1999); Уганда (2001); Египет, Габон, Алжир (2004); Саудовская Аравия, Марокко, Нигерия, Кения (2006); Камерун, Либерия, Судан, Замбия, Намибия, ЮАР, Мозамбик,

Сейшельские острова (2007); Мали, Сенегал, Танзания, Маврикий и Саудовская Аравия (2009).

В 2009 г. в ходе государственных визитов Ху Цзиньтао в Мали, Сенегал, Танзанию и Маврикий подчеркивалось, что в острой ситуации финансового кризиса Китай и Африка должны еще более активно поддерживать друг друга. Ху Цзиньтао заверил партнеров, что Китай, «как истинный друг, выполнит все пункты, определенные Форумом африканского сотрудничества Китай–Африка, будет оказывать посильную поддержку, сокращать и списывать долги, увеличивать объемы торговли и инвестиций». В ходе визита было подписано около 20 соглашений о сотрудничестве в области торговли, инвестиций, энергетики, культуры, а также карантинного контроля и здравоохранения [33]. В условиях, когда страны Запада из-за кризиса сокращают свою помощь Африке, Китай расширяет свое присутствие на континенте.

Бурно развивающееся в последнее десятилетие экономическое сотрудничество Китая и Африки включает торговлю, инвестиции, технико-экономическое сотрудничество, помощь развитию и т.д. В экономическом сотрудничестве с африканскими странами Китай постоянно подчеркивает, что эти отношения строятся на принципах взаимной выгоды. Китай постоянно наращивает объемы помощи африканским странам, предоставляя дисконтные кредиты, списывая долги наиболее бедным странам и т.д. Китайское правительство рассматривает помощь как рычаг, помогающий китайским предприятиям расширять рынки сбыта и сферы зарубежного бизнеса. Сохраняются и политические мотивы помощи: сужение дипломатического пространства Тайбэя, укрепление политических позиций КНР в регионе и мире.

В XXI столетии мир стал свидетелем стремительного развития китайско-африканской торговли. Китай является третьим торговым партнером континента после США и ЕС. Главными торговыми партнерами Китая в этом регионе являются страны, богатые энергетическим и минеральным сырьем.

Таблица 1

Торговля Китая со странами Африки в XXI веке (млрд долл. США)

Год	Объем торговли	Экспорт	Импорт
2000	10,6	5,04	5,55
2001	10,8	6,0	4,8
2002	12,39	6,96	5,43
2003	18,5	10,2	8,36
2004	29,5	13,8	15,6
2005	39,74	18,6	15,65
2006	55,46	26,69	28,77
2007	73,66	37,3	36,36
2008	106,8		

Источники: Ежегодник внешнеэкономической статистики Китая (Чжунго дуйвай цзинци тунци няньцзянь) 2000–2005. – Пекин, 2006; Китайский статистический ежегодник (Чжунго тунци няньцзянь) 2008. – Пекин, 2009; Жэньминь жибао, 31.03.08; Синьхуа, 29.01.09.

В XXI веке Китай постоянно совершенствует товарную структуру своего экспорта в Африку. Продукция машиностроения, электроника, высокотехнологичная продукция уже составляет более половины всего экспорта. Китайское руководство уделяет большое внимание проблеме торгового дефицита в торговле с Африкой, предпринимает меры по его преодолению, в частности, путем предоставления части африканской продукции права беспошлинного ввоза. В последние годы импорт из Африки быстро растет, хотя это, по-видимому, объясняется, прежде всего, заинтересованностью стремительно растущей китайской экономики в природных богатствах континента.

В новом тысячелетии китайские руководители объявляют поощрение китайских инвесторов к вложению средств в экономику континента одной из приоритетных задач политики Китая в Африке. Принятая на первом заседании Форума китайско-африканского сотрудничества в 2000 г. Программа предусматривала такие меры, как защита и гарантии инвестиций, избежание двойного налогообложения, преференции инвесторам в рамках национального законодательства, обмен

опытом менеджмента, создание совместных и частных предприятий, льготы совместному бизнесу и т.д. По решению третьего саммита Форума китайско-африканского сотрудничества в ноябре 2006 г. был создан специальный Фонд для поощрения китайских предприятий, инвестирующих в Африку. В Африке созданы 11 центров содействия инвестициям и торговле, открыты частные консалтинговые компании для содействия процессу инвестиций. Результатом такой политики является постоянный рост инвестиций КНР в экономику стран Африки.

Таблица 2

Китайские инвестиции в Африку (млн долл.)

Год	ПИИ
2003	107
2004	135
2006	519,86
2007	1574,31
2008*	990

Источники: Китайский статистический ежегодник. – 2004–2009; Жэньминь жибао, 17 августа 2009.

Инвестиции китайских компаний направляются, прежде всего, в добывающие отрасли и инфраструктуру. В последние годы происходит диверсификация инвестиционных потоков, Китай все больше интересуется сферой высоких технологий, атомной энергетикой. Учитывая заинтересованность стран Африки в развитии сельского хозяйства и легкой промышленности, руководство КНР призывает китайские компании вкладывать средства в эти отрасли. Китай сочетает добычу и импорт сырья из стран Африки со строительством объектов инфраструктуры, переработки, социальных объектов. Кроме того, китайские инвесторы при поддержке государства готовы действовать в отдаленных, труднодоступных и политически нестабильных районах Африки, куда не рискуют идти западные инвесторы.

В целом, как отмечает Т.Л. Дейч, китайская концепция экономического сотрудничества с африканскими странами позитивно воспринимается на континенте, поскольку содержит ответы на многие вопросы, волнующие их страны, и конкретные предложения по решению их наиболее острых проблем [34, с. 141].

Однако есть и другие стороны экономического сотрудничества, прежде всего его отрицательное влияние на развитие местной промышленности, занятость, экологию и т.д. Китайское руководство признает существующие проблемы, принимает меры с целью устранить отрицательные моменты, в частности, придать торговле более сбалансированный характер, требует от китайских предпринимателей соблюдения экологических стандартов и т.д. Становится практикой, что одним из важных показателей деятельности китайских компаний в Африке является количество созданных рабочих мест для местного персонала. Хотя, видимо, это наиболее сложный момент для Китая с его огромной избыточной рабочей силой. Кроме того, дешевая, квалифицированная, дисциплинированная и многофункциональная китайская рабочая сила до сих пор являлась одним из важных компонентов конкурентного преимущества китайских компаний на африканском рынке инвестиций и строительных услуг.

Китайско-африканское сотрудничество в целом положительно оценивается в странах Африки. Большинство африканских политологов считают, что, несмотря на недостатки и проблемы, имеющиеся в двустороннем сотрудничестве, оно очень важно для Африки, так как дает африканским странам альтернативу и, соответственно, возможность выдвигать свои условия и западным партнерам.

Однако китайское руководство и ученых беспокоит тот факт, что в последнее время наблюдается рост антикитайских настроений на бытовом уровне в некоторых странах Африки, которые они объясняют как влиянием западных

СМИ, так и наличием отрицательных моментов сотрудничества, а также неправильными действиями некоторых китайских предпринимателей. Китайские руководители говорят о необходимости налаживания «народной дипломатии», которая позволит народам Китая и Африки лучше понять друг друга и устранить возникающее непонимание. Проводится работа с китайским персоналом, выезжающим на работу в Африку.

В целом, в начале XXI в. Китай, опираясь на заложенную в предыдущие десятилетия солидную базу взаимодействия, уже добился значительных успехов в Африке, и становится все более существенным фактором в политике большинства африканских государств. Китай постоянно совершенствует свою стратегию и политику в отношении Африки, учитывая интересы и потребности африканских партнеров, расширяя взаимодействие с международными организациями и другими странами в решении задач африканского континента.

Л и т е р а т у р а

1. *Цзян Цзэминь*. Доклад на XVI съезде КПК // Жэньминь жибао. – 2002. – 18 ноября.
2. *Маничева Е.С.* «Стратегия выхода на внешние рынки» КНР: государственное стимулирование прямых инвестиций за рубежом // Тезисы XVII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». – М., 2008.
3. *Ху Цзиньтао*. Выступление на саммите, посвященном 50-летию Бандунгской конференции в Джакарте // Жэньминь жибао. – 2005. – 25 апреля.
4. *Ху Цзиньтао*. Речь на саммите глав государств, посвященном 60-летию ООН // Жэньминь жибао. – 2005. – 16 сентября.
5. Китайская Народная Республика в 2006 году: политика, экономика, культура. – М., 2007.
6. XVII съезд КПК. Официальные документы: Политический доклад ЦК и Устав партии // Экспресс-информация. – М., 2007. – № 11.

7. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: Поиски новой идентичности. – М., 2008.
8. *Contemporary International Relations.* – 2004. – № 5.
9. Документ о политике Китая в отношении Африки (Чжунго дуй Фэйчжоу чжэнцэ вэньцзянь) // Жэньминь жибао. – 2006. – 13 января.
10. *Роцин Г.Е.* Иностраный капитал в Африке // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 4.
11. BP Company, BP Statistical Review of World Energy 2008.
12. *Sautman Barry, Yan Hairong.* Friends and Interests. China's distinctive links with Africa / China's New Role in Africa and the South: A Search for a New Perspective. – Nairobi, Oxford and Bangkok, 2008.
13. *Ло Цзяньбо.* Интеграция Африки и китайско-африканские отношения (Фэйчжоу итихуа юй Чжун-Фэй гуаньси). – Пекин, 2006.
14. *Пономаренко Л.В., Титов В.П.* Китай–Африка–Россия: феномен мировой политики XXI века. – М., 2008.
15. *Яо Шумэй, Чжуан Чэнгун.* Современное состояние и перспективы китайско-африканского сотрудничества // Гоци цзинци хэцзо. – 2008. – № 7.
16. Пекинская декларация Форума китайско-африканского сотрудничества (Чжун-Фэй хэцзо луньтань Бэйцзин сюаньянь) // Жэньминь жибао. – 2000. – 12 октября.
17. *Лу Мяогэн.* Прошлое и будущее китайско-африканских отношений (Чжун-Фэй юхао гуаньси хуэйгу юй чжаньван) / Бесценное единство. – Пекин, 2006.
18. Список глав делегаций на Пекинском саммите форума китайско-африканского сотрудничества // Синьхуа юэбао. – 2006. – № 12.
19. Декларация Пекинского саммита форума китайско-африканского сотрудничества (Чжун-Фэй хэцзо луньтань Бэйцзин фэнхуэй сюаньянь) // Жэньминь жибао. – 2006. – 6 ноября.
20. Жэньминь жибао. – 2009. – 28 января.
21. *Борох О., Ломанов А.* Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР// Pro et Contra. – 2005. – № 3.

22. Лю Юймэй. Мягкая сила и развитие китайско-африканских отношений (Жуань шили юй Чжун-Фэй гуаньси дэ фачжань) // Гоцзи вэньти яньцзю. – 2007. – № 3.
23. Жэньминь жибао. – 2008. – 13 октября.
24. Сотрудничество и контакты Китая и стран Африки в области образования (Чжунго юй Фэйчжоу гоцзя цзяоюй хэцзо юй цзяолю). – Пекин, 2005.
25. Ван Хун'и. Новый этап развития китайско-африканских отношений (Чжунфэй гуаньси цзиньжу синь цзедуань) // Гоцзи вэньти яньцзю. – 2006. – № 6.
26. Цит. по: *Li Anshan*. African Studies in China in the twentieth Century: A Historiographical survey // *African Studies Review*. – 2005. – № 48.
27. Цит. по: Обе стороны могут выиграть от укрепления китайско-африканского торгово-экономического сотрудничества (Чжун-Фэй цзяцян цзинмао хэцзо юван чуанцао шуан'ин) // <http://finance.sina.com.cn/j/20060128/13512312509.shtml>
28. *Christensen T J, Swen J*. China in Africa: Implications for US Policy // http://hongkong.usconsulate.gov/uscn_state_2008060401.html.
29. DFID. Achieving the Millennium Development Goals in Africa: Working with China. April 2008. // <http://www.dfid.gov.uk/Documents/publications/china-factsheet-english-dec08.pdf>
30. Хэ Вэньпин. Нельзя забывать добро // Жэньминь жибао. – 2006. – 23 июня.
31. Ли Аньшань. Китайско-африканские отношения в контексте «возвышения Китая» – с одновременным комментарием трех зарубежных точек зрения («Чжунго цзюэци» юйцзин чжун дэ Чжун-Фэй гуаньси – цзяньпин говайдэ саньчжун гуаньдянь) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. – 2006. – № 11.
32. Лю Хун'у. 30-летние связи Китая и Африки – точка опоры, перевернувшая структуру отношений Китая с внешним миром. (Чжун – Фэй гуаньси 30 нянь; таодун Чжунго юй вайбу шицзе гуаньси цзегоудэ чжидянь) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. – 2008. – № 11.
33. Ли Синфэн. Новая страница в китайско-африканских отношениях // Жэньминь жибао. – 2009. – 13 февраля.
34. Дейч Т.Л. Африка в стратегии Китая. – М., 2008.

И.В. Андропова

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ КИТАЯ В АФРИКУ:
К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ
И ИНСТРУМЕНТАХ РЕАЛИЗАЦИИ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ**

Африканский континент – крупнейшая мировая кладовая минеральных и других сырьевых ресурсов, всегда был ареной борьбы ведущих мировых держав за сферы влияния. Тем не менее, те процессы, которые происходят на африканском континенте сегодня можно с уверенностью назвать новым переделом. После распада биполярной системы мирового устройства и появления на мировой арене новых игроков, Африка стала одним из важнейших приоритетных направлений реализации их внешнеэкономических интересов. Инструментами внешнеэкономической экспансии западных стран остаются проверенные инструменты: инвестиции, торговля, помощь и т.д. На фоне этих инструментов особняком стоит Китай, чья стратегия экономической экспансии отличается от западной и является, на наш взгляд, более эффективной. Цель данной статьи заключается в раскрытии основных элементов стратегии Китая на африканском континенте.

Африканский континент составляет 23% (30 млн км²) мировой суши. На его территории проживает почти 14% мирового населения. По прогнозам ООН, к 2050 г. африканцы будут составлять 20% мирового населения и превысят население Европы в три раза. Геополитическое положение Африки делает континент чрезвычайно привлекательным. Действительно, континент омывается двумя океанами, Средиземным и Красным морями, вдоль его берегов проходят стратегического значения торговые морские пути, другие важнейшие коммуникации. Расположение в непосредственной близости от Европы, смыкание с Ближневосточным регионом,

который еще долгие годы будет оставаться важнейшим сосредоточием мировой политики и ключевым фактором мировой энергетической безопасности, уже привело к тому, что сегодня ряд африканских стран входят в Средиземноморский Союз, образованный по инициативе Франции. А ряд западных и российских исследователей говорят о том, что в настоящее время формируется единое геостратегическое пространство, в которое входят страны Африки, в том числе к югу от Сахары, и ближневосточные государства.

С точки зрения наделенности ресурсами, в период обострения мировых экономических проблем роль Африки как крупнейшей мировой кладовой минеральных и других сырьевых ресурсов многократно возрастает. Сегодня она обеспечивает 92% потребностей мировой индустрии в платине, 70% – в алмазах, 35% – в марганце, 34% – в кобальте, 15,5% – в бокситах и т.д. В недрах континента находятся 81% разведанных запасов хромитов, 90% – платиноидов, 76% – фосфатов, 60% – кобальта, 61% – марганца, 39% – алмазов, 37% – золота, 25% – атомно-энергетического сырья. И при этом геологоразведочные работы охватили лишь ограниченные анклавы африканского региона. Африканские страны обладают крупнейшим экологическим, биогенетическим потенциалом. Африканские экваториальные леса составляют треть «легкие планеты» (после российских и латиноамериканских). 70% биогенетических ресурсов, по оценкам экспертов Всемирного банка, находятся в Африке [1].

Такие природные богатства не могли оставить равнодушными ведущих мировых игроков. США, РФ, Великобритания, страны Ближнего Востока, Индия, Япония – вот лишь небольшой перечень стран, которые проявляют повышенный интерес к континенту. Они активно вкладывают деньги, направляют гуманитарную помощь, но по степени влияния и экономическим результатам практически всех указанных стран отстают от Китая, который за последние годы стал лидером в деле формирования регионального баланса сил.

В чем же специфика китайской стратегии экспансии и чем она отличается от западной, ближневосточной или стратегии других азиатских стран?

Основное отличие от перечисленных стратегий заключается в том, что Китай принципиально не вмешивается во внутривнутриполитические дела африканских стран. Придерживаясь лозунга, который еще на заре китайских реформ выдвинул Мао Дзэдун, – «Сначала экономика, потом демократия», Китай выстраивает свою политику в Африке исключительно с точки зрения национальных экономических интересов, с одной стороны, и принципа взаимовыгодности – с другой. Готовность сотрудничать со странами, являющимися объектом санкций западных стран-конкурентов, позиционирования себя в качестве альтернативного партнера таких государств, Китай в последние годы обеспечил себе значительное экономическое преимущество. При этом западные специалисты не устают критиковать Китай за такую поддержку стран с нестабильными и недемократическими режимами, называя ее напористой и агрессивной. Некоторые эксперты пошли еще дальше, сравнивая политику Китая в отношении стран Африки с неокOLONиализмом, обвиняя Китай, кроме всего прочего, в том, что на китайских фабриках созданы плохие условия для африканских рабочих. Однако, на наш взгляд, Китай лишь очень грамотно заполняет геополитические пустоты, которые образовались после ухода Советского Союза и ослабления позиций США и Европы. Причем хочется повторить, что делает он это очень продуманно, в соответствии с концепцией национальных экономических интересов. Сами африканские страны и их политическую элиту устраивают те выгоды, которые сулит им партнерство с Китаем, – экономические отношения и никакой политики.

Прагматичный подход Китая выглядит для них более привлекательным, чем западный, полный условностей и навязываемых западных ценностей, которые не свойственны народам континента и так и не прижились за всю длитель-

ную историю взаимоотношений между Западом и Африкой. Интересны в связи с этим слова президента Судана Омара Башира, который перед встречей с председателем КНР заявил журналистам: «У меня хорошее предчувствие, ведь Китай относится к нам намного справедливее, чем Запад» [2].

«Справедливое отношение», выражается еще и в том, что, не пытаясь поучать африканское руководство, китайское правительство постоянно подчеркивает сходство путей исторического развития Китая и Африки. Большая для Африки тема колониализма, для Китая стала тем важнейшим аргументом, которую Пекин постоянно использует, чтобы привлечь африканские страны на свою сторону. Действительно, разве может Африку не привлекать опыт страны, которая так же пострадала от колониального гнета и которая еще несколько десятилетий назад так же испытывала огромные экономические трудности, а сегодня является одной из самых передовых стран мира. Активно эксплуатируя эту тему, китайскому руководству удалось добиться огромных политических дивидендов в Африке, которые подкрепляются очень грамотной и продуманной экономической политикой.

12 января 2006 г. китайское правительство опубликовало документ «Политика КНР в отношении Африки», в котором излагаются цели и содержание политики КНР по вопросам ее отношений со странами этого континента.

Документ объемом в 5 тысяч иероглифов включает 6 разделов: «Статус и роль Африки», «Отношения между КНР и Африкой», «Политика КНР в отношении Африки», «Расширение всестороннего сотрудничества Китая с Африкой», «Форум сотрудничества Китай–Африка и его последующая работа», «Отношения между КНР и африканскими региональными организациями».

Общие принципы и цели африканской политики Китая, зафиксированные в документе, состоят в следующем:

– Sincerity, friendship and equality. *Искренность, дружба и равенство.* China adheres to the Five Principles of

Peaceful Coexistence, respects African countries' independent choice of the road of development and supports African countries' efforts to grow stronger through unity. Китай придерживается принципов мирного сосуществования, уважает выбранный африканскими странами независимый путь развития и поддерживает инициативы африканских стран, направленные на развитие региональных интеграционных процессов.

– Mutual benefit, reciprocity and common prosperity. *Взаимная выгода, взаимопомощь и совместное процветание. China supports African countries' endeavor for economic development and nation building, carries out cooperation in various forms in the economic and social development, and promotes common prosperity of China and Africa.* Китай поддерживает усилия африканских стран в экономическом развитии и государственном строительстве, осуществляет сотрудничество в различных формах в экономическом и социальном развитии и способствует общему процветанию Китая и Африки.

– Mutual support and close coordination. *Взаимная поддержка и тесное сотрудничество. China will strengthen cooperation with Africa in the UN and other multilateral systems by supporting each other's just demand and reasonable propositions and continue to appeal to the international community to give more attention to questions concerning peace and development in Africa.* Китай будет укреплять сотрудничество с Африкой в рамках ООН и других многосторонних систем, поддерживая друг друга, справедливые требования и разумные предложения и по-прежнему призывает международное сообщество уделять больше внимания вопросам, касающимся мира и развития в Африке.

– *Learning from each other and seeking common development. Учимся друг у друга. China and Africa will learn from and draw upon each other's experience in governance and development, strengthen exchange and cooperation in education,*

science, culture and health. Китай и Африка будут учиться и опираться на опыт друг друга в области управления и развития, укреплять обмен и сотрудничество в области образования, науки, культуры и здравоохранения. Supporting African countries' efforts to enhance capacity building, China will work together with Africa in the exploration of the road of sustainable development. Китай поддерживает усилия африканских стран в разработке модели устойчивого развития [3].

Кроме того, в документе подчеркивается, что Китай намерен сделать упор на оказание помощи Африке в наращивании ее собственного экономического потенциала, облегчение долгового бремени, а также развивать сотрудничество в сфере инвестиций в целях развития инфраструктуры, сельского хозяйства, туризма, освоения природных ресурсов. В сфере торговли предполагается обратить внимание на расширение притока африканской продукции на китайский рынок на основе устранения тарифов. Планируется провести переговоры по вопросу свободной торговли с африканскими странами и региональными организациями.

Действительно, правительство Китая призывает китайские фирмы вкладывать средства не только в добывающую промышленность, но и в сельское хозяйство, промышленное и гражданское строительство, создание объектов инфраструктуры и др. Для этого, в 2007 г. правительство КНР объявило о намерении сформировать в Африке пять специализированных экономических зон.

Специальные экономические зоны должны быть аналогами китайских свободных экономических зон. Китайские фирмы, которые будут в них инвестировать, получают дешевые кредиты и субсидии для расширения экспорта, а также налоговые и другие льготы от правительства КНР. Первая зона уже создана в «медном поясе» Замбии. Там уже действуют 10 предприятий, а объем инвестиций, согласно заключенным соглашениям, превысил 700 млн долл. Зона будет

обеспечивать страну медью, кобальтом, оловом, алмазами, ураном.

Очень важно, что для нормального функционирования специальных экономических зон требуется необходимая инфраструктура. По оценкам специалистов, Китай уже инвестировал в развитие инфраструктуры Африки больше, чем бывшие метрополии за всю историю пребывания в Африке. Следует отметить, что при этом применяются новейшие технологии. Так крупнейший поставщик телекоммуникационного оборудования в Китае ZTE строит для ведущего мавританского оператора связи мобильную сеть WiMax. Эта сеть станет первой масштабной коммерческой реализацией технологии как в Мавритании, так и на всем африканском континенте. Причем в перспективе этот проект распространится и на другие африканские страны.

С Эфиопией был заключен контракт, стоимость которого составила 158 млн долл. В рамках этого контракта будут построены мобильные сети в столичной Аддис-Абебе и еще в 8 городах страны. Первая фаза проекта обеспечит связью до 1,2 млн мобильных абонентов, в дальнейшем емкость сети будет наращиваться до 14 млн. Кроме мобильной связи, ZTE будет обеспечивать также развертывание оптоволоконных сетей, как опорной сети национального масштаба, так и транспортных для мобильной связи. И таких примеров можно привести достаточно много.

Инвестиции. По статистике, за последние более чем 50 лет Китай оказал африканским странам финансовую поддержку в реализации более 800 проектов, включая 137 сельскохозяйственных, 133 в сфере инфраструктуры и проекты в области перерабатывающей, легкой, текстильной и пищевой промышленности. С 2000 г. китайские предприятия в рамках подрядов построили в Африке свыше 6000 км автодорог, более 3000 км железных дорог, 8 крупных и средних электростанций. В 2007 г. на Африку пришлось 31% общего объема доходов Китая от внешних подрядных работ.

Всего же за последние 7 лет инвестиции Китая в Африку выросли в 15 раз. Тем не менее это не предел и в долгосрочные планы Пекина входит увеличение объемов инвестиций в Африку к 2020 г. до 100 млрд долл. (для сравнения: в Россию КНР намерена в перспективе вложить 20 млрд). В период мирового кризиса Китай со своими золотовалютными запасами, превышающими 2 трлн долл., является единственным в мире надежным государством-кредитором.

Китайско-африканский фонд развития. В развитии темы инвестиций в Африку, в 2007 г. China Development Bank (CDB) создал китайско-африканский фонд развития (China-Africa Development Fund) для покрытия инвестиционных рисков китайских предприятий в странах Африки. Данный фонд был создан после пекинского саммита в рамках Форума сотрудничества Китай–Африка. На сегодняшний день активы фонда составляют порядка 5 млрд долл. Фонд уже выделил около 1 млрд долл. для поддержки предприятий и компаний, инвестирующих в страны Африки, в том числе в 2008 г. вложил около 400 млн долл. в реализацию 20 проектов. К направлениям деятельности фонда относятся страхование кредитов, создание маркетинговых фирм для обслуживания малых и средних предприятий. Действуют также частные компании, оказывающие консалтинговые услуги инвесторам.

Торговля. Еще семьдесят лет назад среди африканских стран только Египет и Марокко вели торговлю с Китаем. В настоящее время Китай установил торговые отношения более чем с 50 странами и районами Африки, с более 40 странами подписал «соглашения о двусторонней торговле», создал с 35 странами механизм двусторонней торгово-экономической смешанной комиссии, подписал с 28 странами этого континента «двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций».

В 1956 г., когда были установлены дипломатические отношения между Китаем и Египтом, объем торговли между

Китаем и Африкой в целом составил только 12 млн долл. США; в 2000 г. этот показатель уже превысил 10-миллиардный рубеж, в 2008 г. – 100-миллиардный, составив 106,84 млрд долл. и увеличившись на 45,1% по сравнению с 2007 г. Количество африканских стран, товарооборот каждой из которых с Китаем превысил 1 млрд долл., увеличилось с четырнадцати в 2007 г. до двадцати в 2008 г. [3]

С 90-х гг. XX в. Китай открыл в африканских странах более 200 торговых компаний. В странах Африки действуют 11 центров содействия инвестициям и развитию торговли, а в большинстве африканских стран работают постоянные торговые миссии КНР. Export-Import Bank of China учредил под эгидой Госсовета КНР «Группу торгово-экономического и технико-экономического сотрудничества и координации отношений со странами Африки». В Пекине открыта китайско-африканская торговая палата, ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли с государствами юга Африки.

Согласно статистике, в настоящее время китайско-африканская внешняя торговля обеспечивает 20% в экономическом росте Африки.

Финансирование развития – еще один инструмент китайской модели экспансии. Придуманной отнюдь не китайцами, тем не менее, в китайской модели он действует гораздо эффективнее, чем в западной. Речь идет о том, что с приходом Китая в Африку изменяются правила финансирования экономического развития. Ранее Международный Валютный Фонд и Всемирный банк годами изучали возможности предоставления кредитов, выдвигая подчас невыполнимые для стран континента условия. Китайская помощь развитию в большинстве случаев предоставляется быстро, под небольшие проценты и без требований к экономической политике принимающих стран. После ряда характерных случаев, произошедших с МВФ в Анголе, Чаде, Нигерии, Судане, Эфиопии, Уганде, когда, затратив несколько лет на обсуждение договоров с правительствами этих стран, чиновники

МВФ накануне их подписания узнавали, что страны уже получили дешевые китайские долгосрочные кредиты, международные финансовые институты были вынуждены пересмотреть свою кредитную политику в отношении африканских стран. Если раньше получателями их кредитов являлись самые платежеспособные страны региона, то теперь они не оставляют без внимания даже самые бедные африканские страны.

Необходимо также отметить, что на конец 2009 г. Пекин списал африканским странам долги на 1,4 млрд долл. и, кроме того, выделил дополнительную помощь в размере 1,3 млрд долл.

«Мягкое влияние» – стратегия, которая также по происхождению не является китайской (ее разработчиком стал американский ученый и политик Дж. Най), но которую Пекин успешно использует для продвижения своих национальных экономических интересов. Суть этой стратегии состоит в том что, наряду с экономическим и военным инструментами, страна для продвижения своих национальных интересов в других странах должна использовать так называемые инструменты «мягкой силы»: культуру и ценности. То есть сделать так, чтобы принимающая страна сама захотела делать то, что выгодно в данном случае Китаю. Что бы этого добиться, необходимо сформировать или вырастить поколения африканцев, которые не просто лояльно относились бы к Китаю, но и разделяли их ценности. Как это сделать? Через развитие сферы образования и гуманитарного сотрудничества. Одним из примеров такого сотрудничества, может служить Институт Конфуция, который открыл свои филиалы в Египте, Зимбабве, Кении, Нигерии, ЮАР, Руанде и Мадагаскаре. Активно продвигается изучение китайского языка. Уже к 2006 г. в Африке было открыто 120 китайских школ в 16 странах. Китайское правительство на сегодняшний день предоставило стипендии более чем 200 тысячам учащихся из

50 африканских стран, послало на работу в Африку 47 тысяч китайских врачей.

Список гуманитарных программ можно продолжать очень долго, в заключение же хочется отметить, что механизмы и инструменты реализации внешнеэкономических интересов, которыми пользуется Китай, давно известны, но вот их сочетание и реализация вызывают огромный интерес у аналитиков. России, которая в качестве официальных документов имеет только «Стратегию внешней политики Российской Федерации» и «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации», очевидно, следует более внимательно изучить китайский опыт с целью разработки Стратегии взаимодействия страны со странами Африки.

Л и т е р а т у р а

1. <http://www.ru.china-embassy.org/>
2. Коммерсантъ. – 05.02.2007.
3. <http://www.fmprc.gov.cn/>
4. UNCTAD Handbook of statistics. – New York and Geneva: United Nations, 2008.

Бубакар Бадиан

КИТАЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В АФРИКЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С СЕНЕГАЛОМ

Африканский континент занимает все более важное место в современной внешнеэкономической политике КНР, связи с которым имеют стратегическое значение для устойчивого роста китайской экономики в условиях нарастающего дефицита ресурсов. Африка станет, видимо, одним из главных источников сырьевых ресурсов для Китая в новом столетии. С другой стороны, она является практически идеальным и почти не освоенным рынком широкомасштабного сбыта недорогих, технологически отвечающих местным условиям китайских товаров.

Последние годы отмечены резким всплеском интереса к Африке со стороны как государств-лидеров современного мира, так и стремящихся попасть в число таковых крупнейших азиатских держав. С начала 2000-х гг. в Африке снизился уровень конфликтности, до этого самый высокий в мире, и начался экономический рост. В условиях обострения глобального дефицита природных ресурсов ведущие страны Запада и Востока испытывают растущую потребность в них, стараются диверсифицировать их источники, чтобы обеспечить стабильность своего ресурсообеспечения.

Африка была и остается важной сырьевой базой мировой экономики. Весьма важны не только ее используемые и разведанные запасы платины, алмазов, хромитов, марганца, кобальта, золота и т.д., но и перспективы развития ее нефтегазового комплекса и других ресурсов. Кроме того, надо брать в расчет широкое представительство и растущую роль африканских стран в ООН и ряде других международных организаций. Словом, по мере углубления глобализационных

процессов, востребованность африканского потенциала и воздействие африканского фактора на мировое развитие будут увеличиваться. Этого не могут не учитывать США и Европа, крупнейшие азиатские державы.

Последние, и прежде всего Китай, нацеливаются также на то, чтобы, наращивая взаимодействие с развивающимся миром, в частности с африканским континентом, усилить свои геополитические позиции, приведя их в соответствие со своей увеличившейся и продолжающей быстро возрастать экономической мощью, и в конечном счете добиться полицентричности («многополярности») миропорядка. Соперничество за Африку нарастает. Таким образом, конкуренция между ЕС и США, с одной стороны, и с Китаем – с другой, обостряется не только за контроль над природными ресурсами Африки, но и за господство на ее рынках, за возможность использовать ее как фактор геополитики.

Начало XXI в. отмечено активизацией внешнеэкономической политики и деятельности КНР в Африке. В ноябре 2006 г. в Пекине состоялся имевший стратегическое значение Форум сотрудничества Китай–Африка, на который съехались представители 48 африканских государств. Он стал третьим по счету и своего рода кульминацией процесса, старт которому был дан на первом Форуме сотрудничества Китай–Африка в 2000 г. Эксперты отмечали, что собрать настолько представительный форум континента никогда не удавалось ни США, ни СССР. Дело в том, что в этот раз Пекин сделал ставку на экономику и откровенно снял идеологическую составляющую. Пекинский саммит заложил основы китайско-африканского стратегического партнерства нового типа, ориентированного на равенство и взаимодоверие в политике, взаимовыгодность и общие преференции в экономике, взаимное обогащение культур.

В ходе работы саммита между КНР и странами Африки было заключено инвестиционных соглашений на 1,9 млрд долл. В соответствии с принятой программой разви-

тия экономических связей до 2009 г. Китай должен был предоставить странам Африки льготные кредиты на сумму 3 млрд долл., экспортные кредиты на 2 млрд долл., а также создать фонд содействия китайским инвестициям в размере 5 млрд долл. В долгосрочные планы Пекина входило также увеличение объемов инвестиций в Африку к 2020 г. до 100 млрд долл. (для сравнения: в Россию КНР намерена в перспективе вложить 20 млрд долл.) [1, с. 107]. Китай пообещал списать часть долгов беднейших стран континента, постепенно открыть свои рынки для африканских товаров (пока, впрочем, преимущественно сырьевых), а также обучить в китайских вузах 150 тыс. студентов из африканских стран. Для развития контактов между деловыми кругами параллельно с саммитом в Пекине была организована грандиозная конференция с участием 1,5 тыс. бизнесменов, а также выставка экспортных товаров с Африкой [1, с. 107].

Принятый по результатам Форума Пекинский план действий на 2007–2009 гг. предусматривал наращивание взаимодействия в области сельского хозяйства, инвестиций, торговли, финансов, инфраструктурного строительства, энергетики, ресурсов, науки и техники. Всего в орбиту торгово-экономического сотрудничества с Китаем уже было вовлечено 50 стран континента, и это сотрудничество приобрело характер всестороннего, многоступенчатого, многоотраслевого сотрудничества и развивается по нарастающей.

Масштаб экономических связей с Африкой также иллюстрируется тем, что Китай реализует на континенте 900 проектов, там действует 800 китайских компаний. Вместе с этим Министерством коммерции КНР заявлено о цели довести к 2010 г. объем товарооборота между Китаем и Африкой до 100 млрд долл., что может быть достигнуто досрочно, поскольку в 2007 г. взаимный товарооборот превысил 70 млрд долл. (в 2006 г. – 55,5 млрд долл.) [2, р. 21].

Среди китайских компаний выделяется «China Road and Bridge Corporation», которая реализует в Африке порядка

500 проектов. Накануне саммита «China Civil Engineering Construction» подписала с Нигерией контракт на сумму 8,3 млрд долл. на строительство железной дороги из внутренних районов страны к атлантическому побережью, протяженностью 1200 км. Это, пожалуй, самый крупный зарубежный инвестиционный проект в современной истории Китая. Кроме того, китайцы помогают возобновить работу добывающих предприятий в Габоне, Замбии, Конго. Всего в сотрудничестве с африканским континентом участвуют свыше 600 китайских компаний, а за 6 лет с момента проведения первого саммита Китай–Африка было заключено свыше 40 новых торгово-экономических соглашений.

Экономическое проникновение Пекина в Африку сопровождается развитием и применением китайской модели, основанной на китайско-африканском взаимопонимании. Действительно, в прошлом и Африка, и Китай пережили унижения колонизации, в связи с этим последний настаивает на взаимодополняемости взаимоотношений с африканским континентом. Во время своего визита в Нигерию в апреле 2006 г. председатель КНР Ху Цзиньтао сказал, что китайско-африканское сотрудничество имеет большие перспективы, ибо у Африки есть богатые ресурсы и большой потенциал рынка, у Китая – успешный опыт и практические методы модернизации.

В своей аргументации председатель КНР основывался на адаптации китайских методов к социально-экономическому положению африканских стран, имея в виду их примитивность и неотесанность. Эта точка зрения китайского лидера понравилась большинству африканских руководителей до такой степени, что некоторые из них полагали, что китайско-африканское партнерство предложит перспективы реального развития для Африки.

Поскольку отношения США с Африкой – это отношения по линии «Север – Юг», то Китай выстраивает свою африканскую политику под лозунгом «Юг – Юг». Китай как бы

маскирует свое экономическое превосходство, декларируя в Африке тезис «общности судеб и задач». Китай часто напоминает, что он наиболее быстро развивающаяся страна, а Африка представляет собой наиболее крупную совокупность развивающихся стран, и их взаимодополняемость подразумевается сама собой.

Особенно привлекательным для африканских партнеров Китая является то обстоятельство, что Китай (в отличие от западных стран) не обуславливает реализацию масштабных проектов какими-либо политическими требованиями (например, построением демократии или обеспечением прав человека). Так, в числе партнеров Поднебесной оказался и президент Судана Омар-ал-Башир, обвиняемый в организации геноцида в Дарфуре, и президент Зимбабве Роберт Мугабе – одиозная для западных стран фигура.

Причины подобной успешной активности Китая на африканском направлении очевидны. Африка, обладая огромными запасами природных ресурсов (в том числе нефти и газа, остро необходимых китайской экономике), испытывает колоссальный дефицит средств – как на осуществление инвестиционных проектов, так и на социальные нужды. Таким образом, Африка и Китай оказались нужны и полезны друг другу. Около четверти импортируемой КНР нефти поступает из стран Экваториальной Африки и Судана; Африка становится важным рынком сбыта китайских товаров (от чего уже стонут тамошние производители). Китай, со своей стороны, инвестирует значительные суммы в африканскую экономику, главным образом, в те сферы, которые западные инвесторы считают чересчур рискованными – например, в инфраструктуру.

Согласно прогнозам британского «Economist Intelligence Unit» уже к 2010 г. Китай станет доминирующей торгово-экономической силой в Африке, в том числе – главным партнером таких крупнейших экономик региона, как Египет, Судан, Нигерия и Ангола. При этом КНР будет вытеснять с

континента традиционных партнеров – США, Великобританию и Францию [2].

Сотрудничество с Китаем действительно открыло экономические перспективы для ряда африканских стран. Положительные результаты китайского присутствия в Африке вытекают, прежде всего, из повышения спроса на сырье и увеличения прибыли от их продажи. Например, китайский спрос на сталь увеличился на 20% за 1992–2002 гг., мировой спрос – на 4%. Некоторые африканские государства отметили, что их экономический рост увеличился вследствие торговли с Китаем. Например, Нигерия и Алжир увеличили темпы роста более чем на 6,8% и на 10% соответственно.

Считается, что Африка достигла высочайшего темпа экономического роста – 6% в 2006 г. именно благодаря китайско-африканскому сотрудничеству. С середины 1990-х гг. удельный вес китайско-африканского товарооборота увеличился на 35%, и с 2006 г. Пекин стал третьим деловым партнером Африки после Франции и США.

Все это позволяет полагать, что Китай всерьез взялся за осуществление своих амбициозных планов в Африке. Он готов послать в Африку около 100 высококвалифицированных инженеров и агрономов для создания 10 исследовательских центров агрономии, построения 30 больниц, а также выделяет 300 млн юаней для борьбы с малярией.

Пекин отменил импортные пошлины на 256 наименований африканской экспортной продукции, и 97% африканского экспорта в КНР оказались свободными от таможенного обложения [3]. В рамках технологического сотрудничества Китай, видимо, будет содействовать передаче технологий для ускорения развития сельского хозяйства и промышленности стран Африки.

В области экономических перспектив для развития, надо полагать, что увеличение затрат на морской транспорт вынудит Китай строить предприятия по переработке боксита и железа прямо в местах их добычи в Африке. Подписание

соглашений об «Экономических партнерских взаимоотношениях» между африканскими региональными структурами и Евросоюзом (ЕС) побуждают китайских бизнесменов активнее внедряться в Африку, чтобы проникнуть на рынок ЕС. По мнению некоторых наблюдателей, в Китае и в других быстро развивающихся азиатских странах Африка надеется найти себе стратегическую опору укрепления своих позиций на международной арене.

Однако вслед за хорошей статистикой, касающейся китайского присутствия в Африке, возникают вопросы относительно будущего китайско-африканского сотрудничества. В середине 2000-х гг. многие африканские лидеры не скупилась на громкие заявления о «начале нового этапа отношений» с Китаем, о возможностях, которые африканские страны «не могут получить нигде больше» и т.д. Однако за этой громкой риторикой просматривался и другой ракурс китайско-африканского сотрудничества. Только за 2008 г. на предприятиях, созданных с участием китайского капитала в Африке, произошло более тридцати забастовок и демонстраций. Как правило, требования бастующих одни: чтобы китайские акулы капитализма умилили свои хищнические аппетиты. Кроме того, в Африке уже проявилась проблема «трудовых мигрантов» из Китая: они приезжают, чтобы работать на китайских предприятиях, тем самым лишая местное население новых рабочих мест. Самим же африканцам китайские работодатели намекают, что нужно выучить китайский язык, чтобы продвигаться по службе на совместном предприятии.

Кроме того, Китайско-африканский бизнес-форум (апрель 2008 г.) продемонстрировал озабоченность части общественно-политических кругов африканских стран мощной инвестиционной экспансией Китая в конфликтные зоны, где, манипулируя лозунгом невмешательства во внутренние дела стран континента, он не оказывает содействия или даже мешает международным усилиям (в частности ООН) по уре-

гулированию конфликтов, например, в регионе Дарфур (Судан).

Главным недостатком современных китайско-африканских отношений, который может весьма негативно сказаться на перспективах устойчивого экономического развития стран региона, является отсутствие, в отличие от их китайских партнеров, у африканских лидеров ясной и продуманной стратегии конструктивного сотрудничества с Китаем. Китайцы прекрасно знают, что им нужно от Африки и как этого добиться. Африканские же страны еще только намереваются создать общую платформу для переговоров, которая могла бы консолидировать их позиции по проблемам индустриализации, эксплуатации природных ресурсов, свободной торговли и регулирования инвестиций.

Отмечается как негативный момент и то обстоятельство, что, реализуя принцип политики двухстороннего сотрудничества, Китай поворачивается спиной к коллективным африканским инициативам, таким как «Новое экономическое партнерство для развития Африки» (НЕПАД), которое ясно указывает на необходимость интеграции крупных инвестиционных потоков в рамках коллективных проектов для Африки. При этом, в частности, в области развития инфраструктуры китайские инвестиции обычно направлены на строительство авто- и железных дорог, нефтепроводов и т.п., необходимых только для добычи и доставки сырья (например, в Судане).

Китайские инвестиции не соответствуют планам и директивам НЕПАД. Как подчеркнул И.Э. Амезо, если Африканский Союз (АС) и африканские правительства не решаются предложить более подходящую схему управления действиями Китая в Африке, то основные направления сотрудничества останутся без общей стратегии. Именно в этом контексте нужно понимать предостережение президента комиссии АС Альфа Умар Конаре, который еще в 2006 г. в Пекине

однозначно заявил о неспособности стран Африки извлечь максимальную выгоду из сотрудничества с Китаем [4].

На самом деле можно констатировать, что механизмы и формы предоставления китайских инвестиций не создают реальных условий для устойчивого роста африканской экономики. Фактически почти все китайские инвестиции направлены на эксплуатацию сырья, они не создают новые рабочие места, тем более что для реализации инфраструктурных проектов Пекин экспортирует в Африку свою дешевую рабочую силу. Китайские фирмы не разрешают местным предприятиям принимать участие в реализации этих объектов, что способствует укреплению конкурентоспособности китайских предпринимателей в Африке в ущерб африканским. К тому же китайское инвестирование в Африке не допускает передачу технологий местным предприятиям, наоборот, почти лишает их возможности развиваться. В то же время очевидно, что неэффективность использования инвестиций ведет к коррупции и ухудшению инвестиционного климата в Африке. (Китай предоставляет Африке инвестиции без всяких условий.)

Товарооборот в рамках китайско-африканского партнерства в целом характеризуется неравенством. Китай импортирует исключительно сырье из стран африканского континента, что не позволяет им диверсифицировать свои экспортные поставки. Кроме этого, необходимо отметить, что Китай насыщает африканский рынок своей готовой продукцией и даже заметно конкурирует с местными предприятиями. Например, в текстильной промышленности южноафриканские фирмы едва ли не разваливаются из-за лобовой конкуренции с китайскими компаниями. В связи с этим местные южноафриканские предприниматели потребовали от властей принять меры для борьбы с демпингом китайских ТНК.

Во время своего визита в ЮАР (2007 г.) Председатель КНР Ху Цзиньтао смог оценить накал антикитайских настроений профсоюзных организаций текстильного бизнеса.

После ликвидации так называемых «многопрофильных фибровых соглашений» 2005 г. вся текстильная индустрия Африки находилась под прямой угрозой конкуренции китайских фирм. Есть все основания опасаться развала текстильной индустрии в Марокко (45% рабочих мест всего промышленного сектора), Тунисе и Мадагаскаре (около 30%), и у других производителей хлопка в Западной Африке это вызовет чрезмерный рост безработицы и социальную напряженность.

Такие же забастовочные движения наблюдались в ЮАР, Экваториальной Гвинее, Зимбабве и Замбии, в связи с президентскими выборами. Некоторые из кандидатов в президенты осудили китайское присутствие и обещали, в случае избрания, выдворить китайские компании с их родины. В определенных кругах считают, что Китай появился в Африке как хищник, действующий по вчерашней модели колониальных государств. Его стратегия позволяет павшим режимам континента восстановить систему экономики, основанную на массовой и неэффективной эксплуатации природных ресурсов без реального создания добавленной стоимости и передачи технологии местному населению» [5].

Помимо разрушения самой промышленной базы ряда стран Африки, деятельность китайских компаний, как правило, доводит местные мелкие и средние предприятия и другие неформальные секторы экономики до грани банкротства. Протестуя против недобросовестной китайской конкуренции в Сенегале, «Национальный союз торговцев и промышленников» («UNACOIS») неоднократно инициировал массовые демонстрации в 2004–2005 гг. на улицах Дакара.

Китай и Сенегал. Китай налаживает сотрудничество не только со странами, богатыми природными ресурсами. В случае с Сенегалом большую роль играет политический вес страны на континенте, в международных организациях и т.п. Экономико-дипломатические факторы стимулируют сотрудничество Китая и Республики Сенегал, партнерские от-

ношения между которыми впервые были установлены в 1964 г. Китай и Сенегал возобновили дипломатические отношения 25 октября 2005 г. после десятилетнего перерыва (с 1995 по 2005 г.); они шли к этому с момента прихода к власти Абдулае Вад в 2000 г. Открылась новая страница в двусторонних отношениях – страны выразили готовность к «многопрофильному и образцовому сотрудничеству».

После восстановления дипломатических отношений торговля между двумя странами стала стремительно расти, Китай стал восьмым партнером Сенегала по объему взаимной торговли. Между двумя государствами существуют большие потенциальные возможности сотрудничества в области сельского и рыбного хозяйства, в ремесленной, химической, текстильной, автосборочной промышленности, в производстве одежды, строительстве и т.п.

Китайско-сенегальская модель сотрудничества является новым типом партнерства, который подлежит дальнейшей конкретизации, усилению и развитию. Эти отношения основаны на развитии сотрудничества на самом высоком уровне по вопросам торговли, экономики, науки и технологии.

В стремлении содействовать укреплению китайско-сенегальских отношений обе стороны, несмотря на идеологические различия, приступили к разработке стратегического плана, который призван наладить долгосрочное сотрудничество, следуя за принципами взаимоуважения, взаимодоверия равенства и взаимовыгодности в бизнесе.

Особенность этой модели сотрудничества заключается в разработке новейших нормативных актов по урегулированию возникающих споров и недопущении осложнения отношений, а также в решении давних проблем, обусловленных историей двусторонних отношений. Этот тип отношений отвечает фундаментальным интересам каждой из сторон и предусматривает механизмы преодоления любых форм

препятствия дальнейшему устойчивому развитию отношений.

Примером экономического сотрудничества является предоставление Сенегалу четырех безвозмездных кредитов, предназначенных для реализации ряда проектов, в том числе строительства больниц, плотин в г. Аффиньям (в Казамансе, на юге Сенегала), обмена опытом высококвалифицированных медицинских работников, инженеров, агрономов и т.д. В соответствии с подписанным соглашением о технико-экономическом сотрудничестве китайская сторона в 2006–2010 гг. предоставляет Сенегалу экономическую помощь в размере 200 млн долл. [6].

Активизация китайских дипломатических связей с Сенегалом обуславливается стратегическим положением Сенегала в Африке, а также той ролью, которую он играет в международных организациях. У Сенегала сложились доверительные отношения с Евросоюзом, США и африканскими государствами, что делает его одним из важнейших игроков в африканском регионе. К этому добавляется лидерство Сенегала на субрегиональном и на континентальном уровнях. В таких организациях, как «Экономическое сообщество государств Западной Африки» (ЭКОВАС), «Африканский Союз» (АС), «Новое экономическое партнерство для развития Африки» (НЕПАД), ООН и др., мнение Сенегала часто учитывается, и его позицию в большинстве случаев поддерживают другие нации.

Решение Китая возобновить дипломатические отношения с Сенегалом свидетельствует о признании дипломатического веса данного африканского государства. Исключение Сенегала из списка африканских партнеров лишило бы Поднебесную достаточно влиятельного участника регионального сотрудничества.

По сути, возобновление дипломатических отношений Китая с Сенегалом, на наш взгляд, даст обеим странам возможность извлечь максимальную выгоду, связанную с их во-

влечением в мировую экономику, избегая при этом негативного влияния глобализации. Однако реализация этой цели для Сенегала будет возможной лишь при условии быстрого и эффективного преодоления негативных последствий мирового финансового кризиса, стабилизации финансового положения страны, пополнения ее валютных резервов и формирования более привлекательной инвестиционной среды. С другой стороны, выход Сенегала из кризиса может быть ускорен именно посредством интенсификации экономических связей с таким гигантом, как Китай.

Л и т е р а т у р а

1. Пономаренко Л.В., Тутов В.Н. Китай–Россия–Африка: феномен мировой политики XXI века: Монография. – М.: РУДН, 2008.
2. Le Monde du Lundi 11/12/2006.
3. ИТАР-ТАСС, 28.02.2007.
4. Yves Ekoué Amaizo. Pour une nouvelle coopération Afrique-Chine: des erreurs à ne plus reproduire // http://www.afrology.com/eco/amazoi_chinafric.html, avril 2006.
5. Sino-African Cooperation to Rise to New High // Жэньминь Жибао. – Пекин, 10 марта 2000.
6. <http://www.russian.people.com.cn/31520/6539744.html>

Е.Ф. Черненко

АФРИКА В ОРБИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ США, КИТАЯ И РОССИИ

Несмотря на мировой кризис, Африка продолжает быть объектом растущего интереса со стороны наиболее значимых стран мира, таких как США, Китай, Россия и другие. Позиции Великобритании, Франции, Португалии и других бывших колониальных держав остаются традиционно устойчивыми на африканском континенте при поддержке Европейского союза, ассоциированными членами которого являются многие африканские государства.

При численности населения в 1 млрд человек (1/6 мировой численности) доля Африки в мировом ВВП – 2,1%. Африканский континент считается ресурсоизбыточным. Он занимает 1-е место в мире по запасам марганцевых руд, хрома, золота, металлов платиновой группы (МПГ), ванадия, алмазов, фосфоритов; 2-е по запасам медных руд, урана; 3-е место по запасам нефти, газа, железной руды. Запасы платины составляют 90% мировых, марганцевые руды – 62,5%, кобальта – 40,94%, золота – 34,2% (<http://www.mineral.ru>).

После визита в Гану Президента США Б. Обамы вскоре после избрания на этот пост, затем госсекретаря США Х. Клинтон, посетившую семь африканских стран, мировое сообщество не без оснований заговорило о всеобъемлющем дипломатическом наступлении на Африку. Главная цель, по мнению китайского агентства «Жэньминь жибао», видится в реальной экономической выгоде, которую связывают с обеспечением стабильных поставок нефти в США из ряда стран-производителей нефти в Африке (<http://russian.people.com.cn>). На форуме в Кении в августе 2009 года, состоявшемся в рамках визита в Африку

Х. Клинтон и посвященном проблемам торгово-экономического сотрудничества США и южных регионов Африки, фактически, так или иначе, затрагивались интересы практически 700 млн человек. Со стороны США был озвучен призыв устранить торговые барьеры. Звучали сентенции относительно того, что «реальный экономический подъем Африки будет зависеть от ответственного правительства» (Там же). В экономической политике США в Африке, да и не только там, всегда была очень заметна политическая составляющая, что нередко квалифицируется как «мягкая сила». Подобная линия поведения не очень устраивает лидеров африканских государств. Так, накануне визита Х. Клинтон премьер Кении Одингга призвал страны запада прекратить поучение стран Африки, как им следует строить свою внутреннюю политику. Такое поведение он назвал «невежливым и вульгарным». В нигерийских СМИ появилась статья «Африка: будущее без США», в которой отмечается, что «все иностранные правительства, защищающие интересы США, являются демократичными и с хорошим управлением, а пренебрегающие интересами Соединённых Штатов страны недемократичные» (<http://russian.people.com.cn>). Подобное отношение к американской политике на африканском континенте сформировалось давно, и смягчить его едва ли удастся совместными танцами Х. Клинтон с представителями местной элиты.

Тем не менее, к 2015 г. импорт нефти США из Африки может составить 25% от общего объема нефтяного импорта, что превышает объем импортируемой нефти из стран Персидского залива.

Серьезным конкурентом США в Африке является Китай. Противоборство между двумя этими странами обостряется, прежде всего, за энергетические ресурсы. Имея 5% мирового населения, США потребляют 40% мировых ресурсов. В свою очередь, Китай по потреблению нефти обогнал Японию и сегодня является вторым в мире потребителем нефти

после США. Товарооборот Китая с африканскими странами примерно равен товарообороту США в Африке.

В конкурентной борьбе за Африку США применяют не только дипломатические методы, но и силовое давление. Так, наряду с восстановлением дипломатических отношений США с Ливией имели место учения НАТО «Стойкий Ягуар» в Кабо-Верде в 2006 г., по срокам совпавшие с визитом по странам Африки Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао. Учения имели своей целью отработку мероприятий по охране транспортных коммуникаций, по которым перемещаются за пределы континента африканские энергоносители.

В настоящее время Африка является одним из приоритетов китайской внешней политики. Так, в ходе своего визита в Африку в 2004 г. Председатель Госсовета КНР Ху Цзиньтао заявил: «Китай – самая большая развивающаяся страна в мире, а Африка – континент, на котором больше всего развивающихся стран. Китай работает совместно с ними, чтобы не упустить исторический шанс углубить глобальное сотрудничество, способность к взаимному развитию» [1].

За 10 лет (1994–2004 гг.) объём торговли Китая с Африкой увеличился в 40 раз. В настоящее время он составляет свыше 50 млрд долл. (по некоторым данным свыше 70 млрд долл.) и в ближайшие годы может удвоиться (для сравнения в 2005 г. он составлял 39,7 млрд долл.). Объём торговли Китая с Африкой в 1990-е гг. вырос на 700%. На Африку приходится 25–28% всего объёма импорта нефти в Китай с перспективой увеличения этой доли до 45% к середине XXI в. (Газета, GZT.ru). Китай заявляет устами своего лидера, что будет по-прежнему поддерживать китайские компании в налаживании тесных связей со своими африканскими партнёрами. Цель сотрудничества с африканскими странами – «помочь нашим африканским друзьям увеличить их возможности самоуправления» [1]. Количество китайских частных компаний, сотрудничающих со странами Африки и

поддерживаемых государством, превышает 900 с тенденцией к увеличению.

При этом Китай действует избирательно. В 2007 году состоялся очередной визит Председателя КНР Ху Цзиньтао в 8 африканских стран наиболее интересных Китаю с экономической точки зрения. Были обсуждены вопросы финансовой помощи и крупные инвестиционные проекты. Подписано 16 соглашений общей стоимостью 1,9 млрд долл. По утверждению директора филиала Всемирного банка в КНР Дэвида Доллара, Африка предоставляет огромные инвестиционные возможности, и Китай уже финансирует там немало инфраструктурных проектов. Суммарный объём китайских инвестиций в Африку превышает 6 млрд долл. Это в 4 раза больше, чем суммарные инвестиции в Россию. Наибольший интерес у Китая вызывают ЮАР и Сейшелы. Сейшелы интересуют китайцев как порт. Китай является крупнейшим подрядчиком по строительству дорог в Мозамбике. Государственный концерн CNOOC купил нефтяное поле в Нигерии за 2,3 млрд долл. Ранее в этой стране в данном сегменте монополистами выступали концерны Европы и США. До 2010 г. Китай предоставляет преференциальных кредитов на сумму 2 млрд долл. и увеличивает количество беспроцентных займов до 3 млрд долл. (<http://news.students.ru /2007/11/26>)

На основе свыше 30 двусторонних соглашений Пекин заявил о готовности списать часть африканских долгов, прежде всего, простить долги наименее развитым и наиболее обременённым долгами африканским странам и вложить миллионы долларов в социальную сферу африканских государств.

В этой связи озабоченность запада оправдана. Результаты активности Пекина в африканских странах впечатляют. Китай построил здание МИД в Мозамбике, стадион в ЦАР, здание парламента в Кот-д'Ивуаре, национальный музей в столице Того Ломе, национальный театр в Гане. При этом деньги и рабочая сила использовались китайские, что обес-

печивало прибыли китайским предпринимателям и заработки китайским рабочим. В Анголе Китай восстановил 400 км дорог, проложил две железнодорожные линии, отремонтировал аэропорт и центральную больницу в Луанде. В Судане построил и передал этой стране нефтеперерабатывающий завод и нефтепровод, в Замбии – электростанцию и медные шахты, в Нигерии – 600 колодцев. Строительство новой ГЭС в Гвинее связано с наличием богатейших залежей бокситов в этой стране, так как для их переработки необходимо большое количество энергии. Нигер привлекает Китай своими урановыми рудами.

Не случайно раздаются голоса о «приручении» Китаем Африки [1]. В США и Европе в период встречи китайского руководства с руководителями африканских стран формировалось мнение о «китайской угрозе», о «глобальной китайской экспансии». Американская пресса пишет о растущей угрозе колонизации Африки Китаем [2]. Если в середине XX в. в Африке проживало примерно 27 тысяч китайцев, то на рубеже XX–XXI вв. – более 130 тысяч.

Раздаются обвинения в плохих условиях труда африканских рабочих на китайских предприятиях. Китай нередко обвиняют в поддержке диктаторских режимов. Запад упрекает Китай и в том, что он слишком легко и без особых условий предоставляет финансовую помощь африканским странам, безразлично относится к проблеме прав человека, не уделяет внимания вопросам добросовестного управления. «Большая игра в Африке» – так называлась статья вашингтонского военного аналитика, опубликованная в «The Weekly Standard» Томаса Скайпека. На самом деле, Китай использует всевозможные методы для достижения своих целей в Африке: от финансового участия в социальных программах до поставок оружия. Важной вехой в укреплении контактов Китая с африканскими странами явился Форум сотрудничества Китай–Африка состоявшемся в Пекине в ноябре 2006 г.

Сами африканцы высоко оценивают сотрудничество с Китаем, отмечая упрёки Запада в адрес Пекина. Так, президент Судана Омар Башир заявил: «У меня хорошее предчувствие: ведь Китай относится к нам намного справедливее, чем запад» [3]. К слову сказать, сотрудничество с Суданом в Китае также ценят весьма высоко, прежде всего в области разведки и добычи нефти. Большая часть нефти в этой стране добывается крупными китайскими нефтяными компаниями Sinorec и CNPC. Судан является одной из ключевых стран на африканском континенте с точки зрения интересов Китая. Благодаря инвестициям China National Petroleum Судан ежегодно экспортирует нефти более чем на 1 млрд долл. (58% бюджетных доходов). Судан – это не только нефть, но и уран, водные ресурсы, его рассматривают как потенциальную житницу для африканского континента. У Судана большая армия и свои интересы в сфере безопасности. Поэтому военно-политическая ситуация в этой стране Китаю небезразлична.

Кроме Судана, наиболее тесные отношения сложились у Китая с Зимбабве и Нигерией. Правительство КНР предполагает инвестировать 4 млрд. долларов в добычу нефти в этой стране и создание соответствующей инфраструктуры. Китай получил лицензии от руководства Нигерии на разработку четырех месторождений и контрольный пакет акций нефтеперерабатывающего завода в г. Кадуна. Кроме того, китайские компании будут строить электростанции и железные дороги.

Налицо активизация участия Китая в экономических и дипломатических процессах в Африке. Руководство Китая не устаёт повторять, что Китай это такая же развивающаяся страна, как и страны африканского континента, и поэтому с пониманием относится к проблемам африканских стран и готов им помогать, не вмешиваясь в дела других государств. Ещё в дореформенный период Китай ухитрялся наводнять своей незатейливой, но крайне нужной в быту продукцией

африканские рынки, формируя практически у каждого африканского крестьянина впечатление о Китае как о дружелюбной и заботливой стране. Следует признать, что современному Китаю действительно удаётся выстраивать хорошие отношения с разными африканскими политическими режимами. В отличие от США и европейских стран, Китай не обуславливает свою помощь африканским государствам жёсткими политическими условиями. Диалог Китай–Африка осуществляется в формате двусторонних и многосторонних форумов под эгидой ООН с целью поддержки частного сектора в Камеруне, Гане, Мозамбике, Нигерии, ЮАР, Танзании.

Запад особенно озабочен поставками китайского оружия в Африку, которое относительно дёшево и несложно в использовании. Китай же согласился на бартерные сделки, например, в Кении. Активно работает схема: оружие в обмен на нефть, минеральные ресурсы, квоты на лов рыбы и т.д. Замбия расплачивается медью, Зимбабве – цинком и алюминием. Перспективным покупателем китайского оружия считается Ангола, которая вполне в состоянии расплачиваться нефтью. Для сравнения, Россия и другие страны, которые могут поставлять военную технику и самолёты, предпочитают расчёты на валютной основе.

Реакцией США на распространение китайского влияния в Африке можно считать создание нового военного командования – AFRICOM. Миссия командования – как военная, так и дипломатическая. В июне 2008 года замминистра обороны по политическим вопросам Эрик Эдельман заявил членам сенатского комитета по иностранным делам, что полномасштабные действия Китая по усилению своего влияния и налаживанию связей в Африке могут иметь взрывоопасные последствия для Соединённых Штатов. Есть мнение, что AFRICOM является началом новой стратегии сдерживания, нацеленной на ограничение китайского влияния в Африке. Американцы считают, что поставки оружия Китаем

африканским странам могут создать угрозу для мира, усилить влияние Китая в Совете безопасности ООН и особенно в Африке среди непостоянных членов Совбеза. Сенатор Джон Маккейн в статье, опубликованной в «Foreign Affairs» в ноябре-декабре 2007 г., назвал подъём Китая «главным вызовом» для следующего президента США [4]. Вот почему в качестве одного из своих первых зарубежных визитов президент США Б. Обама совершил визит в Африку. Современный Китай действительно является глобальным геополитическим конкурентом США.

Не остаются в стороне и другие страны, стараясь противодействовать продвижению Китая в Африке. В частности, Япония и Индия наращивают свои инвестиции на африканском континенте. В политическом плане для Китая весьма важна поддержка африканских стран в вопросе о Тайване.

Что касается стратегического курса России в отношении Африки, то его озвучил Президент РФ во время своей африканской поездки в Египет, Нигерию, Намибию и Анголу в июне 2009 г. Так, выступая в столице Намибии Виндхукке 25.06.2009 г., он сказал: «Мы без ревности смотрим за тем, как в Африке бывают наши партнёры, но в то же время мы, конечно, хотели бы свои интересы здесь проводить – мы хотели бы продвигать российские компании. Это нормально для любого государства» Д.А. Медведев заявил, что визиты Б. Обамы, который побывал в Египте до него, «идут на пользу самой Африке», отметив, что Россия чуть не опоздала с развитием отношений с Африкой. «Нужно было раньше начинать работу с нашими африканскими партнёрами, тем более со многими из них у нас связи и не прерывались, они насчитывают десятилетия развития отношений дружбы». «Мы хотели бы, чтобы на африканском рынке была весомая доля российских компаний. У нас для этого есть и исторические предпосылки, и все условия» (<http://www.baltinfo.ru/news>).

После потери многих ранее освоенных позиций на африканском континенте в 90-е гг. XX в., своё «возвраще-

ние» в Африку Россия начала в XXI в. В 2005 г. российское руководство посещало Египет, в 2006 г. – Алжир, Марокко. В сентябре 2006 г. В.В. Путин первым из российских лидеров посетил АЮС, совершив официальный визит в ЮАР, в апреле 2008 г. – Ливию. В 2008 г. состоялся визит в Россию ливийского лидера М. Каддафи и президента Алжира А. Бутефлика. Дважды приезжал президент Анголы Жозе Эдуарду душ Сантуш (1998, 2006 гг.) и президент Египта Х. Мубарак (2001, 2006 гг.). Конечно, двусторонние контакты на высшем уровне России и государств Африки уступают по своей интенсивности таковым с Китаем и некоторыми другими странами. На сегодняшний день товарооборот между Россией и Африкой в 10 раз меньше, чем между Африкой и Францией, и в 13 раз меньше, чем между Африкой и Китаем.

В настоящее время экономические интересы сотрудничества с Африкой являются первоочередными. Это доступ к эксплуатации некоторых категорий стратегического минерального сырья (газ, металлы платиновой группы, алмазы), совместная разработка прочих ресурсов, позволяющих повысить значение стран-экспортёров в системе мирового хозяйства, сбыт промышленной продукции, экспорт услуг и капиталов. Россия могла бы поставлять оборудование и услуги в области спутниковой связи, технологии в области энергетики и геологоразведки.

По итогам визита Д.А. Медведева в Нигерии ОАО «Газпром» и Нигерийская национальная нефтяная корпорация подписали учредительные документы о создании совместного предприятия. «Газпром» будет участвовать в рамках СП в тендере на освоение двух из трёх крупнейших газовых кластеров в Нигерии. Федеральное агентство по рыболовству России и министерство рыболовства и морских ресурсов Намибии подписали меморандум о взаимопонимании. Предусматривается возвращение российского рыболовного флота в исключительную экономическую зону Намибии.

В отличие от других стран, активно стремящихся развивать свои экономические отношения с Африкой, таких как США, ЕС, Китай, Индия, Россия не склонна к наращиванию импорта из Африки необработанного минерального сырья, которым богата сама. Вместе с тем российская промышленность, безусловно, испытывает нехватку таких видов полезных ископаемых, как марганец, бокситы, хром и некоторых других. Российский аграрно-промышленный комплекс проявляет заинтересованность в импорте продуктов тропического земледелия.

Россия стремится сотрудничать по таким видам сырья, в производстве, переработке, транспортировке и сбыте которых она претендует на мировое лидерство (например, газ, алмазы, МПГ, нефть). Африканский уран имеет существенное значение для компании «Росатом». В связи с тенденцией к смещению структуры потребления в сторону газа и атомной энергетики Россию интересует статус энергетической сверхдержавы.

Дорогу российскому бизнесу в Африку прокладывают государственные компании. Частный бизнес России представлен крупнейшими промышленными и горнодобывающими компаниями. Будучи заинтересована в развитии рынков и расширении рамок внутреннего потребления в Африке, Россия готова оказывать содействие таким отраслям, как металлургия, энергетика, нефтехимия. Промышленные товары российского производства не всегда в состоянии выдержать конкуренцию со стороны как западных производителей, так и Китая, ни по ценам, ни по качеству. Однако можно увеличивать экспорт вооружений и технологического оборудования, например, энергетического, которое другие страны не склонны поставлять на африканский континент.

Возможности российского экспорта промышленной продукции в значительной степени связаны с модернизацией объектов, построенных СССР. Подобные проекты нуждаются в государственной поддержке по линии двусторонних

взаимоотношений, урегулирования долговых обязательств, экспортных гарантий и т.д.

В России серьёзно рассматривается перспектива экспорта услуг на африканский континент с растущим платежеспособным спросом населения. Подготовка специалистов для африканских стран может развиваться как в России, так и в Африке. На протяжении 50 лет эти вопросы успешно решаются Российским университетом дружбы народов. В настоящее время российские профессионалы работают в Африке не только в сфере образования, но и в области здравоохранения, безопасности и др.

Необходима разработка комплексной государственной программы, например, в русле инициатив G-8, которая способствовала бы расширению рамок сотрудничества с африканскими странами по таким направлениям, как создание новых рабочих мест, рост эффективности использования рабочей силы, увеличение доли несырьевого экспорта России. Последнее, крайне важно для диверсификации экспортной структуры российской экономики. В целом усиление ориентации на развивающиеся страны, в том числе Африку, могло бы улучшить структуру платёжного баланса России.

Высокие риски для бизнеса пока являются препятствием на пути экспорта российских капиталов, которые предпочитают уходить на Запад. Лишь высокая норма прибыли и государственные гарантии могли бы переломить ситуацию.

Неиспользованные резервы сотрудничества России с Африкой видятся в совершенствовании механизма экспортных гарантий, активизации взаимодействия с региональными экономическими интеграционными объединениями. В этой связи в качестве стратегических партнёров России следует рассматривать ЮАР и Нигерию, которые играют центральную роль в африканских интеграционных объединениях (SADC и ECOWAS).

Неэффективно управляются долговые обязательства африканских стран. Необходимо уделить внимание инфра-

структурным проектам: созданию транспортной, энергетической, коммуникационной систем. В этом смысле Китай поступает весьма разумно, занимаясь африканской инфраструктурой. Китайцы вкладывают средства в инфраструктурные проекты, которые в будущем могут объединить группы стран (например, строительство железной дороги, связывающей Танзанию с Замбией). Для сравнения, американцы создают экстерриториальные добывающие предприятия, не привязанные ни к одному из африканских государств.

Не следует забывать, что такие конкуренты России в Африке, как Китай и Индия, в отличие от стран Запада, не сдерживают искусственно развитие национальной промышленности, не вмешиваются во внутренние дела африканских государств. Выступая на бизнес-форуме в Кейптауне с участием 800 китайских и южноафриканских бизнесменов, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил: «Мы не стремимся экспортировать наши идеологические ценности или навязывать странам Африки наши модели развития» (Китай «приручает» Африку. – RBC daily (Москва) 22.06.2006).

Африканским странам мог бы пригодиться опыт участия России в миротворческих операциях и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Россия занимает одну из ведущих позиций на африканском рынке вооружений и военного инструктирования. Кроме того, Россия является страной, которая заинтересована в укреплении африканской государственности.

Непечатый край деятельности имеется и на правовом поле. В плане защиты инвестиций, двойного налогообложения, преференциальной торговли. Не оформлена организация, через которую могли бы реализовываться гуманитарные программы, программы помощи и сотрудничества. Россией вяло используется её официальный статус в международных организациях, в частности, члена Совбеза ООН для продвижения своих интересов в Африке.

США и Китай, с одной стороны, выступают как конкуренты России, с другой – нельзя исключать возможность взаимовыгодной системы разделения труда, в рамках которой российские компании могли бы заниматься высокотехнологичным экспортом. Возможно формирование альянсов, в составе которых мог бы выступать, например, «Газпром» и другие российские компании подобного уровня для совместного участия в тендерах на территории африканских стран.

Опираясь на положительный опыт продолжительного многоаспектного сотрудничества с Африкой, с поправкой на его необходимую деидеологизацию в современных условиях, учитывая наработки конкурентов в лице США, Китая и других стран, Россия в состоянии выстроить взвешенную стратегию внешнеэкономического сотрудничества со странами африканского континента, обеспечивая собственные национальные экономические и политические интересы и внося вклад в обеспечение международной безопасности.

Л и т е р а т у р а

1. RBC daily, 22.06.2006.
2. RBC daily, 26.11.2007.
3. Коммерсант, 5.02.2007.
4. Foreign Affairs, ноябрь–декабрь, 2007.

А.К. Воронков

ИНВЕСТИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ОАЭ В СТРАНАХ АФРИКИ

За последние двадцать лет Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) добились существенных успехов в экономическом развитии. За период с 2003 по 2008 г. среднегодовой прирост национального валового продукта составлял 8,8%, баланс по текущим счетам равнялся 9,7%, а размер НВП на душу населения в 2007 г. достиг 42 934 долл. США (IMF, World Economic Outlook, 2009; World Economic Forum, Global Competitiveness Report, 2008). По данным на 2008 г., ОАЭ занимает 31-е место по конкурентоспособности в мире и входит в группу инновационных экономик, где является единственным представителем арабского мира (World Economic Forum, Global Competitiveness Report, 2008). Страна успешно привлекает иностранные прямые инвестиции, занимая по этому индикатору ведущее место в регионе Ближнего и Среднего Востока (FDI Magazine, Apr/May 2009). И хотя, в связи с экономическим кризисом ожидается значительное замедление темпов экономического роста в 2009–2010 гг., международные эксперты прогнозируют их восстановление к 2014 г. (IMF, World Economic Outlook, 2009).

Безусловно, определенная роль в этом успехе принадлежит благоприятным факторам внешней конъюнктуры, таким как стабильный до недавнего времени рост цен на нефть (что предоставило в распоряжение ОАЭ значительные финансовые ресурсы), гражданская война в Ливане (создавшая потребность в поиске нового связующего центра между Европой, Ближним Востоком и Азией), революция в Иране и распад СССР (создавшие дефицит товаров как в Иране, так и на территории постсоветского пространства, и огромный реэкспортный рынок для ОАЭ), а также возникновение конфлик-

тов в Ираке и Афганистане, потребовавших инфраструктурного развития и создания безопасного логистического центра в непосредственной близости от зон боевых действий.

Необходимо отметить, что без стратегии, принятой правительством ОАЭ, страна вряд ли смогла бы извлечь максимальную выгоду для экономического развития из вышеупомянутых внешних факторов.

В основу этой стратегии легла политика диверсификации, которая была направлена как на развитие нефтяных секторов экономики внутри страны, так и на развитие внешних рынков. Важность развития внешней составляющей во многом определялась ограниченностью внутреннего рынка ОАЭ. Осознание невозможности добиться одновременного быстрого развития во всех областях стало причиной принятия кластерной формы стратегии диверсификации, которая позволила сконцентрировать ресурсы на ограниченном количестве приоритетных секторов.

На первом этапе в качестве приоритетных направлений были обозначены сектор туризма, транспорта и логистики, телекоммуникаций и информационных технологий, которые были дополнены через некоторое время кластерами финансовых услуг, а также строительства и недвижимости.

Для обеспечения динамичного развития этих секторов в ОАЭ был учрежден целый ряд свободных зон, созданы финансовые и фондовые биржи, быстрыми темпами развивались авиационные компании, дорожная и телекоммуникационная инфраструктуры. Одновременно происходило развитие экспорта товаров и услуг, а также стратегическое инвестирование в страны, с которыми ОАЭ традиционно связывали тесные экономические отношения.

Поддержание динамизма развития и эффективного использования потенциала созданной в ОАЭ инфраструктуры и его дальнейшего наращивания в условиях усиления конкуренции на традиционных для ОАЭ внешних рынках – таких как Индия, Пакистан страны Юго-Восточной Азии

(ЮВА) и Китай, а также проявление протекционистских тенденций в отношении эмиратских компаний в США и странах Европейского Союза (ЕС), потребовали поиска новых возможностей. В связи с этим представляет интерес изучение отношений между ОАЭ и африканскими странами, с их еще слабо освоенным рынком, обладающим значительным потенциалом. Изучение этого вопроса на начальной стадии развития отношений дает возможность проанализировать степень их важности для дальнейшего успеха реализации экономической стратегии ОАЭ и понять, в каком направлении и с какими акцентами эти отношения могут развиваться в будущем. С учетом успешной трансформации ОАЭ из слабо развитой страны, полностью зависящей от экспорта нефти, в государство с диверсифицированной экономикой, активно проникающей на рынки товаров и услуг как развитых, так и развивающихся стран, рассмотрение подходов и схем, принимаемых инвестиционными структурами ОАЭ для достижения аналогичных результатов в Африке, может быть интересно и для российских структур, намеревающихся использовать потенциал этого континента. Следует также отметить отсутствие литературы по данной проблеме как в России, так и на Западе.

Если рассматривать более подробно вопрос потенциала африканского рынка для ОАЭ, то он основывается на ряде следующих факторов:

- 1) значительных размерах африканского потребительского рынка, который при совокупном количестве потенциальных потребителей около одного миллиарда человек в 2010 г. вполне сопоставим с такими крупнейшими рынками, как Индия и Китай (UNPD, World Population Prospects, 2008);

- 2) богатых сырьевых ресурсах африканского континента, которые включают нефть, черные, цветные и драгоценные металлы, алмазы и другие драгоценные камни, древесину, а также земли пригодные для ведения сельского хо-

зяйства. По данным экономической комиссии ООН по Африке на этом континенте находится 9,84% мировых разведанных запасов нефти и 7,83% запасов газа (ЕСА/AU, Economic Report on Africa, 2008). И хотя цены на сырье заметно снизились во второй половине 2008 г., тем не менее, по прогнозам Международного Валютного Фонда, в среднесрочной перспективе ожидается их повышение, что повлечет за собой увеличение экспортных доходов африканских стран (IMF, World Economic Outlook, 2009);

3) достаточно высоких темпах роста экономики африканских стран, имевших с 2006 по 2008 г. среднегодовой показатель роста 5,8% (ЕСА/AU, Economic Report on Africa, 2008);

4) значительно меньшем уровне конкуренции в этом регионе прежде всего со стороны транснациональных компаний, которые почти не имеют прямого присутствия в большинстве африканских стран. Исключением из правила являются Uniliver, Coca Cola и нефтяные компании;

5) близости культурного уклада, для которого характерно сильное влияние традиционных семейно-племенных отношений во всех сферах жизни, что значительно упрощает проникновение и деятельность эмиратских структур в странах африканского региона;

б) географической близости ОАЭ к Африке, а также прохождении через ОАЭ значительного количества международных морских контейнерных линий и воздушных маршрутов на пути из Европы в азиатские страны, что делает ОАЭ удобным транзитным центром для африканского экспорта и импорта.

Руководство ОАЭ, очевидно, осознает значимость потенциала Африки для развития экономики Эмиратов. Об этом свидетельствуют предпринятые в последнее время различными эмиратскими государственными или окологосударственными структурами по развитию отношений с африканскими странами как в области увеличения торгового оборота,

так и в плане расширения эмиратских инвестиций в этот регион.

Согласно заявлению министра экономики ОАЭ, за период с 2004 по 2008 г. торговый оборот между ОАЭ и африканскими государствами вырос до 8 млрд. долл., что соответствует 120% роста. Импорт из африканских стран составил 3,6% от общего импорта ОАЭ в то время как нефтяной экспорт вырос на 30,3% и составил 4,7% от общего нефтяного экспорта (Eye of Dubai, 2009).

Ведущими торговыми партнерами ОАЭ, по данным на 2007 г., являлись африканские страны, указанные в табл. 1.

Таблица 1

№	Страна	Объем импорта в тыс. дирхам ОАЭ	Объем нефтяного экспорта в тыс. дирхам ОАЭ	Объем реэкспорта в тыс. дирхам ОАЭ
1.	ЮАР	4835205	263428	355830
2.	Танзания	583220	182417	2485285
3.	Ливия	1226556	169513	1715276
4.	Египет	1438716	511610	1080594
5.	Судан	618123	426363	1273332
6.	Кения	439758	207747	1481014
7.	Ангола	1020617	108379	636387
8.	Алжир	37448	106458	1481064
9.	Сомали	151555	134667	967144
10.	Нигерия	302791	80885	819498

Если рассматривать только африканские страны южнее Сахары, то список будет включать государства, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

№	Страна	Объем импорта ОАЭ в тыс. дирхам ОАЭ	Объем нефтяного экспорта ОАЭ в тыс. дирхам ОАЭ	Объем реэкспорта ОАЭ в тыс. дирхам ОАЭ
1.	ЮАР	4835205	263428	355830
2.	Танзания	583220	182417	2485285
3.	Кения	439758	207747	1481014

Окончание табл. 2

№	Страна	Объем импорта ОАЭ в тыс. дирхам ОАЭ	Объем нефтяного экспорта ОАЭ в тыс. дирхам ОАЭ	Объем реэкспорта ОАЭ в тыс. дирхам ОАЭ
4.	Ангола	1020617	108379	636387
5.	Нигерия	302791	80885	819498
6.	Эфиопия	453701	71904	516202
7.	Конго	238835	39387	39387
8.	Сенегал	115220	39515	225896
9.	Руанда	253	86234	278807
10.	Камерун	44244	42910	215479

Источник: Министерство экономики ОАЭ, Статистика Внешней Торговли.

Как видно из данных, приведенных в табл. 1 и 2, значительную часть торгового оборота ОАЭ с африканскими странами составляет реэкспорт, который значительно превышает объем экспорта товаров, произведенных в ОАЭ. Исключением из этого правила являются торговые отношения ОАЭ с ЮАР и Анголой. В случае с ЮАР это объясняется многопрофильностью и значительными размерами экспорта ЮАР. Что касается Анголы, то отрицательный торговый баланс с ней связан с большими объемами экспорта алмазов в ОАЭ.

Структура торгового оборота как с вышеприведенными, так и с другими африканскими странами в целом имеет достаточно узкий характер.

По данным Международного Центра Торговли, в импорте ОАЭ из Африки основное место занимают жемчуг, драгоценные камни и металлы, которые составляют от 60 до 90% импорта (ИТС, Trade Map, 2009).

В экспорте доминирует четыре категории товаров, включающие автомобили, электронное, электрическое и машинное оборудование, изделия из пластмассы и резины, а также нефть и нефтепродукты, которые вместе составляют более 50% экспорта (ИТС, Trade Map, 2009).

Что касается инвестиций ОАЭ в африканские страны, то только за период с начала 2007 до середины 2008 г. государственные или поддерживаемые государством компании ОАЭ инвестировали в африканские страны, расположенные южнее Сахары, 15 млрд долл. США в качестве прямых инвестиций (Eye of Dubai, 2009).

Необходимо отметить, что инвестиционные проекты в Африке в основном связаны с такими кластерами экономики ОАЭ, как транспорт и логистика (в африканском преломлении это прежде всего морские порты и свободные зоны), туризм и финансовый сектор, представленный в основном в портфельных инвестициях. Совсем недавно к ним добавились сектора добычи и переработки энергоносителей, энергетики и производства алюминия.

Исключение составляют сельскохозяйственные инвестиции, задача которых не столько обеспечить внешнюю составляющую внутреннего сельхозсектора, не играющего значительную роль в экономике страны, сколько обеспечить государственную продовольственную безопасность. Эта политика имеет своей целью снижение рисков, связанных с повышением цен на продовольственные товары на мировых рынках и возможные импортные ограничения странами-экспортерами продовольствия через приобретение сельскохозяйственных угодий в ряде развивающихся стран и обеспечение прямого контроля за производством продуктов питания и их поставками в ОАЭ по стабильным ценам.

На настоящий момент ОАЭ объявило о реализации или планировании целого ряда проектов в африканских странах, связанных с кластерными секторами экономики ОАЭ, более подробно рассматриваемых ниже.

Сектор логистики и транспорта

На настоящий момент Дубайская компания DP World имеет операторские концессии в следующих портах африканского континента:

- порт Джибути и контейнерный терминал Дурале – Джибути

- порт Дакар – Сенегал;
- порт Мапуто – Мозамбик;
- порт Сокна – Египет.

На различных стадиях завершения находятся проекты по получению концессий на управление следующими морскими терминалами:

- порт Дю Фютюр – Сенегал;
- порт Алжир – Алжир;
- порт Джен-Джен – Алжир;
- порт Нуакшот – Мавритания;
- порт Пуант-Нуар – Республика Конго.

Список вышеприведенных портов, уже находящихся под управлением DP World, позволяет предположить, что одним из основных критериев выбора концессий являлось стремление получить доступ как минимум к одному порту в каждом из основных районов Африки. Можно предположить, что целью подобной стратегии было обеспечение участия ОАЭ в обслуживании как африкано-европейского торгового оборота, занимающего первое место в суммарном грузообороте африканских стран с внешним миром с долей в 40% (UNCTAD, 2008 Economic Development in Africa), так и внутриафриканской торговли, для которой морской транспорт зачастую является наиболее предпочтительным вследствие слабой развитости инфраструктуры наземного транспорта.

Выбор DP World портов Сенегала, Алжира, Мавритании и Конго для расширения своего присутствия на африканском континенте говорит о растущем фокусе на развитие операций в западной и северной частях Африки, порты которых обслуживают большую часть африкано-европейского грузооборота.

Отдельное место занимают египетский порт Сокна и порт Джибути, которые располагаются на евроазиатском морском пути и играют важную роль в обслуживании этой торговой артерии, входя в список 20 ведущих контейнерных портов Африки, занимая в нем соответственно 17-е и 18-е места по данным на 2006 г. (UNCTAD, Review of Maritime Transport, 2006). Получение прав управления портами в Алжире, располагающимися в непосредственной близости от евроазиатского пути, может быть также использовано DP World для увеличения участия компании в обслуживании этого маршрута. Увеличение количества подконтрольных DP World портов, лежащих на евроазиатском пути или в непосредственной близости от него, позволит ОАЭ более активно участвовать в обслуживании товарооборота африканских стран с Китаем и Индией, который при отсутствии прямых морских путей между Африкой Китаем и Индией перенаправляется на африканские направления через один из связующих портов, располагающихся на евроазиатском пути в непосредственной близости от соответствующего африканского региона. Особенно это касается контейнерных перевозок, доля которых значительно возрастает в транспортировке готовых товаров (UNCTAD, RMT, 2008).

В отношении портов стран южнее Сахары, находящихся под управлением DP World, нужно отметить их хорошую сопряженность с наземной транспортной сетью, прежде всего железнодорожной, которая является основообразующим звеном транспортных коридоров, соединяющих внутриконтинентальные государства с морскими портами. Один из наиболее важных транспортных коридоров, протяженностью в 1250 км (рис. 1), соединяет Бамако с Дакаром. Важными для Юга и Востока Африки можно считать коридоры, соединяющие Мозамбик с ЮАР и Малави, а севернее Джибути с Эфиопией (UNCTAD, RMT, 2006).

Sub-Saharan Africa: selected inland transport corridors

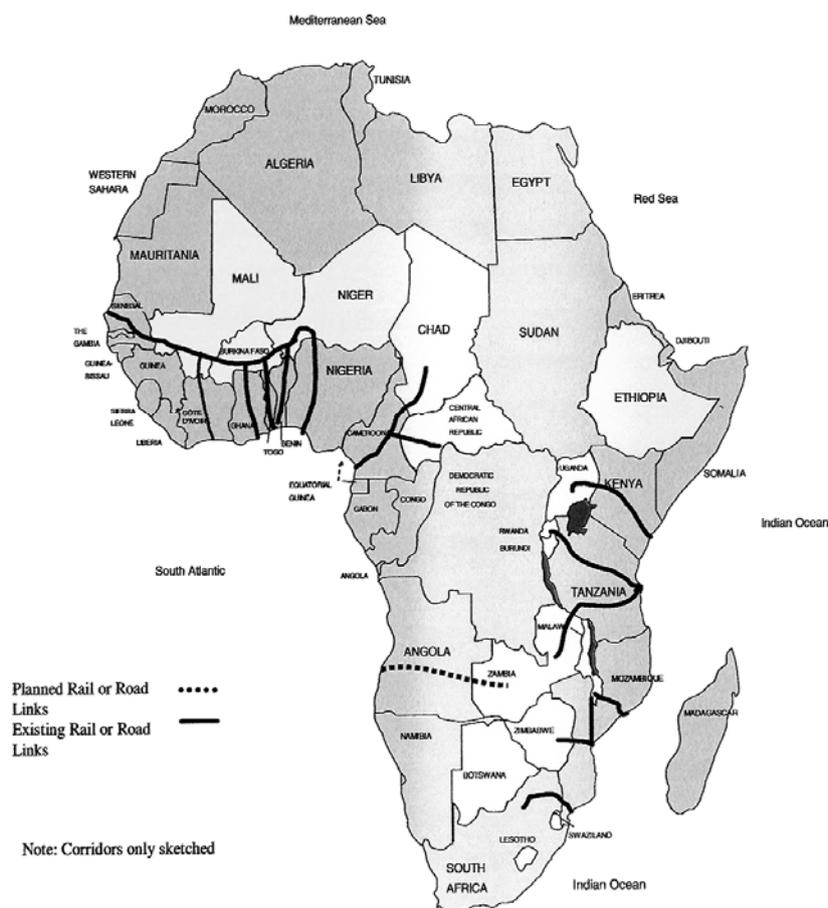

Рис. 1. Основные транспортные коридоры в африканских странах южнее Сахары

Вхождение в состав подобных коридоров значительно повышает потенциал морских портов в обслуживании как внешней, так и внутренней торговли африканских стран.

В выборе Мапуто, пока уступающего в объеме обработки грузов другим африканским портам, находящимся под

управлением DP World, возможно сыграл определенную роль фактор высоких темпов роста экспорта Мозамбика, выросшего с 1997 по 2006 г. на 32,6% и занимающего по этому показателю 4-е место среди африканских стран, располагающихся южнее Сахары (ЕСА/AU, 2008).

В более общем плане достаточно высокий потенциал и перспективность рынка логистики морских перевозок и портового обслуживания в Африке определяется, в первую очередь, ростом торгового оборота между африканскими странами и внешним миром. Доля африканских стран в общем мировом объеме отгруженных в морских портах товаров возросла с 2002 по 2007 г. с 6,4 до 10,5% (UNCTAD, RMT, 2006, 2008). Наиболее значительный рост был отмечен в отгрузке нефтепродуктов, доля которых в мировом объеме отгруженной нефти возросла за этот период с 17,9 до 27,2%, занимая по этому показателю на 2007 г. 2-е место в мире после стран Азии. Заметный рост был зафиксирован и в доле отгруженных в африканских портах сухих товаров, возросшей с 1,6 до 4,9% мирового объема, при одновременном увеличении использования контейнеров для их перевозки.

Немаловажную роль играет и увеличивающийся объем транзитного движения товаров через морские порты в результате изменения структуры международной торговли под влиянием глобализационных процессов. По свидетельству Обзора морского транспорта (Review of Maritime Transport), подготовленного Комитетом по торговле и развитию ООН (UNCTAD), доля транзита в обороте морских портов возросла с 10% в 1980 г. до 27% – в 2007 г. При этом большая часть товаров по пути транспортировки проходит через два и более портов (UNCTAD, RMT, 2006, 2008). Это значительно расширяет потенциальный размер рынка обработки грузов в морских портах, который уже сейчас, по данным Review of Maritime Transport, в три раза превышает суммарный объем торговли (UNCTAD, RMT, 2008).

Доступ на этот рынок облегчается для транснациональных компаний, подобных DP World, прежде всего низким уровнем технической оснащенности большинства африканских портов, а также отсутствием у большинства африканских стран средств для их модернизации, необходимой для более активного вовлечения африканских рынков в систему мировой торговли. Особенно это касается контейнерных терминалов, которые вследствие вышеупомянутого изменения структуры торговли и возрастания количества товаров, перевозимых в контейнерах, играют все большую роль в обеспечении морских перевозок.

Определенную роль в этом плане играет и растущее понимание в африканских странах ограниченности возможностей улучшения неэффективной системы менеджмента портов, находящихся под управлением государственного сектора. Следствием этого является усиление тенденции к передаче портов на концессионной основе под управление иностранных компаний, обладающих необходимыми ресурсами и ноухау. Учитывая, что, по данным на 2006 г., 68% общего грузооборота африканских портов приходилось на терминалы, находившиеся под государственным управлением, можно говорить о наличии значительного потенциала для дальнейшего развития проектов DP World на африканском континенте (UNCTAD, RMT, 2008).

О важности Африканского направления для DP World прежде всего говорит тот факт, что африканские порты составляют уже почти 10% от общего количества портов, находящихся под ее управлением (www.dpworld.com; 2009). По данным на 2006 г., компания заняла 2-е место среди глобальных операторов морских терминалов, оперирующих в Африке, по объему обработки контейнерных грузов (UNCTAD, RMT, 2006). В африканской экспансии DP World прежде всего опирается на опыт управления Дубайским морским портом, входящим в десятку крупнейших мировых портов по объему обрабатываемых грузов, а также на сеть из

50 управляемых компанией портов, располагающихся в различных регионах мира. При этом DP World, для укрепления своих позиций, зачастую после получения концессии на управление портом инвестирует не только в модернизацию погрузочно-разгрузочного оборудования, но и в значительное расширение контейнерного терминала порта или даже в создание новых контейнерных терминалов, как это имело место в Джибути и планируется в Алжире и Сенегале.

Еще одним фактором, определяющим наличие потенциала сотрудничества между ОАЭ и африканскими странами в области морского транспорта и логистики, является дефицит судов у африканских стран для транспортировки их растущего экспорта. По данным Review of Maritime Transport на 2005 г., торговый флот африканских стран, исключая страны открытого регистра, составлял 0,6% от суммарного тоннажа мирового торгового флота. В то же время объем обработанных африканскими портами товаров оценивался в 860 млн т, что составило 6,1% от мирового объема. При этом авторы обзора отметили крайне низкий процент контейнерных судов, равнявшийся всего 3,4% от суммарного тоннажа торгового флота Африки (UNCTAD, RMT, 2006). Оба фактора являются показателями наличия возможностей для использования судов торгового флота ОАЭ, который по тоннажу на 2005 г. составил 0,5% от суммарного тоннажа торговых судов мира и соответственно совсем немного уступал по этому важному показателю суммарному торговому флоту африканских стран, исключая страны открытого регистра (UNCTAD, RMT, 2006). К 2007 г. под контролем ОАЭ находилось уже 424 судна, тоннаж которых уже составлял 0,71% от суммарного тоннажа торговых судов мира (UNCTAD, RMT, 2008). При столь быстром росте подконтрольного торгового флота Эмираты заинтересованы в освоении растущего африканского рынка и наличии на африканском континенте морских портов, управляемых эмиратской компанией, что может зна-

чительно облегчить проникновение эмиратских судовладельцев на рынок транспортировки африканских грузов.

Решению задачи увеличения рынка для транспортных и логистических услуг также служат инвестиции Dubai World в создание свободных зон в африканских странах. К началу 2009 г. под управлением JAFZA – компании-оператора свободных зон, принадлежащей Dubai World, находились свободные зоны в Джибути, Сенегале и Марокко. JAFZA планирует создание свободных зон в Ливии, Мавритании и Республике Конго. Задачей подобных проектов является привлечение иностранных инвестиций, что, как правило, ведет к увеличению внешнеторгового оборота. Следует отметить, что свободные зоны создаются в странах где DP World уже оперирует в одном или нескольких морских портах, Свободные зоны, как правило, располагаются в непосредственной близости от портов или даже на их территории.

При активной инвестиционной политике в области морских портов компании ОАЭ не проявляют большого интереса к аэропортам. За исключением аэропорта Джибути, находившегося некоторое время под управлением дубайской компании DNATA, на настоящий момент нет информации о расширении этого опыта в других регионах. К причинам этого явления можно отнести как значительно меньшую роль аэропортов в обслуживании товарных потоков, так и связанность эмиратских ресурсов в нескольких крупных проектах внутри эмиратов. Прежде всего – это новый аэропорт Al Maktoum International в Дубае и расширение аэропорта Абу Даби.

На нынешнем этапе деятельность в области воздушного транспорта ограничивается расширением сети воздушных сообщений между ОАЭ и африканскими странами. Ведущую роль в этом играет дубайская авиакомпания Emirates, в маршрутной сети которой африканские направления составляют почти 15% (www.emirates.com, 2009). Emirates летает в большинство столиц африканских стран, где реализу-

ются проекты Dubai World, предоставляя логистическую поддержку существующим и разрабатываемым направлениям инвестиций, прежде всего в области туризма.

Сектор туризма

Специально для инвестирования в туристический сектор в Африке Dubai World создал специализированное подразделение Dubai World Africa. На настоящий момент инвестиционный портфель Dubai World Africa включает следующие проекты:

- гостиничный комплекс Victoria and Alfred Waterfront (7 пятизвездочных гостиниц, 5 – в стадии планирования) – ЮАР;
- Pearl Valley Golf Estate (поле для игры в гольф – 170 га, пятизвездочная гостиница и 60 частных квартир) – ЮАР;
- заповедник Shamwari – ЮАР;
- заповедник Sanbona – ЮАР;
- Jock Safari Lodge – ЮАР;
- гостиничный комплекс Kempinski Comoros Luxury Beach Resort and Residence – Коморские острова;
- гостиница – морской курорт с полем для гольфа Bilene – Мозамбик;
- гостиничный комплекс Kempinski – Джибути;
- морской курорт One and only – остров Занзибар, Танзания;
- экотуристические проекты в национальном парке Akagera и тропическом лесу Nyungwe – Руанда.

Необходимо подчеркнуть, что почти все вышеперечисленные проекты относятся к категории пятизвездочного уровня и предназначены для обслуживания наиболее состоятельной части туристического потока, как правило, обеспечивающего наибольшую норму прибыли. Во всех проектах

прослеживается присутствие местного государственного сектора в виде долевого участия.

Новым направлением развития в этом секторе являются экотуристические проекты, которые стали результатом отражения в области туризма популярной в Европе этической концепции глобального гражданина, одним из постулатов которой является ответственность каждого за состояние окружающей среды.

Основное внимание Dubai World Africa уделяет проектам в Южной Африке, занимающей первое место на континенте по объему доходов туристического сектора и второе – по количеству посещающих ее иностранных туристов (UNECA/AU, 2008). Активная инвестиционная деятельность в инфраструктуру туристического сектора ЮАР поддерживается с помощью надежного транспортного сообщения. Авиакомпания Emirates осуществляет три рейса в день в Йоханнесбург и по одному рейсу в день в Кейптаун и Дурбан, что намного превышает количество рейсов на других африканских направлениях.

Проекты в других африканских странах можно рассматривать как диверсификацию в популярные или набирающие популярность, но менее значимые по обороту туристические направления. В качестве примера можно привести Мозамбик, который в 2000 г. не входил в десятку наиболее популярных туристических направлений Африки, а в 2005 г. уже занял в этом списке 13-е место (WTO, 2007). Другим примером является Руанда, где сохранились массивы тропических африканских джунглей, являющихся средой обитания для целого ряда вымирающих видов животных, что делает страну привлекательной для набирающего популярность экотуризма. И хотя полномасштабная реализация проектов в Руанде отложена в связи с экономическим кризисом, следует ожидать продолжения развития этих проектов после преодоления его последствий.

В случае с Джибути, можно говорить об инвестициях в инфраструктуру логистического центра, обслуживающего зоны конфликтов в Сомали и в определенной степени в Судане, что, учитывая достаточно высокий уровень международной вовлеченности в эти конфликты и размер выделяемых ассигнований, сулит достаточно высокий уровень доходности от вложений в обслуживающую инфраструктуру, одним из компонентов которой являются гостиницы. Видимо, определенный устойчивый спрос на услуги этого сектора генерируется и благодаря базе французского иностранного легиона, расположенной в Джибути.

Одной из основных причин интереса ОАЭ к инвестированию в туристические проекты в Африке является высокий уровень развития этого сектора в ОАЭ. Согласно специальному докладу о конкурентоспособности в области туризма, составленному для Мирового Экономического Форума в 2009 г., ОАЭ занимает в этой отрасли 33-е место среди 130 стран, включенных в доклад. По таким показателям, как инфраструктура воздушного транспорта, наличие квалифицированных кадров и приоритизация туристического сектора в экономической политике ОАЭ входит в первую десятку (WEF/TTCR, 2009).

До проведения зарубежной экспансии ОАЭ, и прежде всего – Дубай, прошли этап развития внутреннего туристического сектора. На этом этапе задача сводилась к увеличению участия в перевозке европейских туристов, а также транзитного заземления на один-два дня в ОАЭ части туристического потока, следовавшего транзитом в популярные направления Азии и Африки. Для достижения этой цели была провозглашена политика открытого неба в аэропортах ОАЭ для обеспечения их максимального использования иностранными авиоперевозчиками в качестве транзитных аэропортов на маршрутах из Европы в Индию, ЮВА и Африку. Одновременно в ОАЭ была создана и современная гостиничная инфраструктура с активным привлечением междуна-

ных гостиничных конгломератов, обладавших необходимыми ресурсами. Параллельно решалась задача создания собственных авиакомпаний, способных постепенно взять на себя перевозку части этого пассажирского потока. В результате реализации этого подхода в ОАЭ на настоящий момент существуют две крупные авиакомпании – Emirates и Etihad, имеющие один из самых молодых воздушных флотов, сопоставимый по количеству судов с флотом ведущих европейских авиаперевозчиков и широкую маршрутную сеть. Для обслуживания региональных маршрутов, невыгодных для Emirates и Etihad, были созданы авиакомпании эконом-класса – Air Arabia и Air Dubai.

Таблица 3

Место страны по отдельным показателям конкурентоспособности в области туризма

Показатель	ЮАР	Мозамбик	Танзания	ОАЭ
Качество инфраструктуры воздушного транспорта	40	114	107	5
Наличие гостиничных номеров	90	112	101	29
Наличие человеческих ресурсов	118	130	119	42
Наличие природных ресурсов для индустрии туризма	21	61	1	108

Источник: WEF/TTCR, 2008.

Анализ ряда показателей, по которым проводилась оценка конкурентоспособности стран в области туризма, показывает, что ОАЭ выбирает в качестве объектов инвестиций страны, обладающие высокими показателями в области наличия природных ресурсов, которых практически нет в ОАЭ, и низкими показателями в области инфраструктуры воздушного транспорта, людских ресурсов, то есть в областях, где имеет намного более сильные позиции и ресурсы, которые могут быть использованы для успешной реализации зарубежных проектов (табл. 3). Что касается низких показателей ЮАР, Мозамбика и Танзании по количеству гостиничных номеров, то они свидетельствуют о наличии в них значи-

тельного потенциала в области туристической инфраструктуры. Подтверждением этого является и тот факт, что все эти страны на протяжении ряда лет входили в двадцатку ведущих африканских государств по количеству принимаемых туристов.

Сектор телекоммуникаций

Ведущую роль в реализации зарубежных инвестиций в этом секторе играет Телекоммуникационная Корпорация ОАЭ – ETISALAT, которая в течение последних пяти лет активно участвует в тендерах на получение операторских лицензий на Ближнем Востоке, в Азии и Африке.

В настоящий момент ETISALAT удалось получить лицензии в четырех африканских странах: Судане, Египте, Танзании и Нигерии. В каждом случае после получения лицензии были образованы местные компании, в которых ETISALAT является управляющей структурой, обладающей от 40 до 51% акций.

Информация о видах услуг, предоставляемых в каждом случае, приводится в табл. 4.

Таблица 4

Название компании	Страна	Виды предоставляемых услуг	Доля ETISALAT в капитале компании
ETISALAT	Египет	Сотовая телефонная связь в стандарте GSM, Интернет	40%
Kanartel	Судан	Фиксированная телефонная связь, спутниковая телефонная связь через систему Турая, Интернет	40%
Zantel	Танзания	Сотовая телефонная связь в стандарте GSM, Интернет, фиксированная телефонная связь	51%
EMTS	Нигерия	Сотовая телефонная связь в стандарте GSM, Интернет	Нет данных

Источник: www.kanartel.sd, www.etisalat.com.ng, www.zantel.com, www.emirates.net.ae

Принимая во внимание данные Международного Телекоммуникационного Союза, приведенные в табл. 5, согласно которым уровень проникновения услуг сотовой и в особенности фиксированной телефонной связи в перечисленных африканских странах намного ниже, чем в ОАЭ, а количество потенциальных пользователей телекоммуникационных услуг намного выше, можно говорить о значительном потенциале роста клиентской базы ETISALAT в этих государствах.

Реализация этого потенциала служит основой превращения ETISALAT из оператора, хотя и обладающего высоким уровнем экспертизы, но обслуживающего небольшой по размерам рынок ОАЭ, в значимого игрока на международном рынке телекоммуникационных услуг.

Таблица 5

Название страны	Население страны к 2010 г.	Количество пользователей услуг сотовой телефонной связи на 100 жителей	Количество пользователей услуг фиксированной телефонной связи на 100 жителей	Количество пользователей Интернета на 100 жителей
Египет	84 474	53,71	15,63	16,36
Судан	43 192			
Танзания	45 040	31,67	0,3	1,25
Нигерия	158 259	41,58	0,86	7,26
ОАЭ	4 707	207,87	33,50	85,73

Источник: ITU (2008) ITC indicators data / UN Population Department (2008) World Population Prospects Data Base.

Сектор переработки энергоносителей

В области переработки энергоносителей на стадии реализации находится только один проект, реализуемый компанией Dubai Natural Resources World Nigeria (DNRWN), созданной в 2008 г. при участии правительства Нигерии. Безусловно, это лишь первый шаг и стоит ожидать дальнейшего развития в этом направлении.

Реализация первого проекта в секторе переработки энергоносителей именно в Нигерии во многом закономерна. Нигерия является самым крупным экспортером нефти в регионе. По данным UNSD, на 2006 г. объем ее экспорта оценивался в 112 633 тыс. т (UNSD, 2008). Она возглавляет четверку ведущих нефтедобывающих стран Африки, которая обеспечивает 75% общей нефтедобычи континента (UNECA/AU, 2008). Нигерия также входит в число четырех основных газодобывающих стран, обеспечивающих добычу 95% извлекаемого из недр Африки природного газа, занимая в ней второе место после Алжира (UNSD, 2008). При этом мощность нефтеперерабатывающих предприятий Нигерии составляет 22 204 000 т, т.е. всего лишь 20% от общего объема добываемой нефти (UNSD, 2008). Принимая во внимание тот факт, что Нигерия, как и практически все остальные страны Африки, страдает от отсутствия необходимого количества квалифицированных кадров и современных технологий, можно говорить о достаточно больших инвестиционных возможностях в этой области для иностранных компаний.

Эксперты отмечают и другие факторы, влияющие на инвестиционную привлекательность страны. К ним можно отнести и относительно высокий уровень развития финансовых структур Нигерии, а также тот факт, что объем ее зарубежных резервов в размере от валового национального продукта превышает 40% (UNECA/AU, 2008).

Прорыв DNRW на Нигерийский рынок переработки нефтегазовых продуктов, видимо, во многом объясняется значительным увеличением фактора риска для западных нефтяных компаний, работающих в Нигерии, и соответствующего снижения их интереса к активному инвестированию в результате регулярных нападений на нефтяные объекты Нигерии со стороны движения за освобождение дельты Нигера, достаточно активно проводившихся в 2008 г.

Важно отметить, что фокус на секторе переработки связан с наличием значительного опыта у ОАЭ в этой облас-

ти и соответствующих людских и технологических ресурсов, способных обеспечить успешную реализацию проектов в этой области. Подтверждением этого могут служить сведения из энергетической базы данных ООН, согласно которым суммарная мощность нефтеперерабатывающих предприятий ОАЭ в 2006 г. оценивалась в 17 461 тысячу метрических тонн, превосходя в три раза аналогичные мощности Нигерии, оценивавшиеся в 5586 тысяч метрических тонн за тот же период (UNSD, Energy Statistics Data Base, 2008).

Сектор сельского хозяйства

В рамках политики осуществления стратегии продовольственной безопасности правительство Абу Даби приобрело 29 400 га земли в Северном Судане, где планируется начать производство сельскохозяйственной продукции к концу 2009 г. Инвестиции в сельскохозяйственный сектор Судана, Марокко и Алжира планирует эмиратский холдинг Al Qudra. Готовится соглашение между Министерством сельского хозяйства Египта и эмиратской компанией Japan о приобретении 42 000 га земли в Египте.

Таблица 6

Название страны	Размер с/х земель в 1000 га
1. Судан	136,773
2. ЮАР	99,378
3. Нигерия	78,500
4. Ангола	57,590
5. Чад	49,330
6. Мозамбик	48,800
7. Сомали	44,027
8. Нигер	43,515
9. Алжир	41,252
10. Мадагаскар	40,843

Источник: FAO Data, (2007) Agricultural Area

При этом следует отметить, что, по данным FAO, приведенным в табл. 6, Судан и Алжир входят в первую де-

сятку африканских стран по размерам пригодных для ведения сельского хозяйства земель, значительный процент которых уже орошается. Что касается Египта, то это единственная страна в Африке, где орошаются 100% сельскохозяйственных угодий (UNCTAD, 2006, Investment Climate and Infrastructure in Africa).

Приоритетность Судана в программах сельскохозяйственных инвестиций ОАЭ можно объяснить не только наличием в стране самого большого фонда пригодных для ведения сельского хозяйства земель, но также доступом к водным ресурсам Нила, относительной географической близостью к ОАЭ и отсутствием ограничений на экспорт сельхозпродукции, существующих в ряде стран, в частности в Египте. Видимо, определенную роль в активном развитии этого сотрудничества играет и ограниченность доступа Судана к ресурсам и технологиям стран Европейского Экономического Содружества и США, в которых Судан, как и большинство стран африканского континента, достаточно остро нуждается для модернизации сельскохозяйственного сектора.

Сектор строительства и недвижимости

В секторе строительства и недвижимости ведущую роль в зарубежных инвестициях играют дубайские девелоперские компании. На настоящий момент в африканских странах на разных ступенях реализации находятся следующие проекты, осуществляемые компаниями EMAAR и SAMA Dubai:

- EMAAR;
- Marina Al Qussor Tunis;
- Bahia Bay Morocco;
- Amelkis II Morocco;
- Oukaimeden Morocco;
- Saphira Morocco;
- Tinja Morocco;

- Uptown Cairo Egypt;
- Marassi Egypt;
- Cairo Gate Egypt;
- New Cairo City Egypt;
- Sama Dubai;
- Amwaj Rabat Morocco.

Интересно отметить практически полное отсутствие проектов в области строительства и недвижимости в африканских странах, располагающихся южнее Сахары. С одной стороны, это объясняется доминированием китайских строительных компаний в этом регионе, а с другой – невозможностью реализовать в африканских странах модель предпродажи недвижимости до начала строительства для обеспечения финансирования проекта, типичную для девелоперских компаний стран Персидского залива.

Концентрацию проектов недвижимости в странах Северной Африки можно объяснить наличием именно в этом регионе клиентской базы, аналогичной странам Персидского залива, для которой североафриканские страны являются привычным местом проведения отдыха. Прежде всего, она включает собственно представителей стран залива, европейцев и в какой-то степени обеспеченных слоев других арабских государств.

Сектор портфельных инвестиций

В секторе портфельных инвестиций ведущую роль играют абудабийские структуры, что вполне объяснимо, если принять во внимание тот факт, что именно в Абу Даби находятся основные нефтяные месторождения ОАЭ и, соответственно, именно здесь концентрируется основная доля нефтяных доходов. Нужно отметить, что наличие этих нефтяных сверхдоходов, с одной стороны, позволило обеспечить высокий уровень благосостояния граждан Абу Даби и финансировать целый ряд социальных и инфраструктурных программ

в остальных частях ОАЭ, не обладающих нефтяными запасами. С другой стороны, их наличие какое-то время отвлекло внимание правителей эмирата от активного участия в политике диверсификации, активно проводившейся в Дубае.

Как результат диверсификация от нефтяных доходов в понимании абудабийских структур до недавнего времени сводилась к инвестициям в акции зарубежных компаний и фондов. Основной организацией, отвечающей в Абу Даби за зарубежные инвестиции, является Abu Dhabi Investment Authority (ADIA), которая была создана в 1976 г. с целью заменить Комитет Финансовых Инвестиций, отвечавший ранее за эту деятельность.

Инвестиции ADIA в основном сконцентрированы в области финансов, телекоммуникаций и недвижимости. На африканском континенте ADIA ограничивает свою инвестиционную деятельность североафриканскими странами.

На настоящий момент инвестиционный портфель ADIA включает структуры, приведенные в табл. 7.

Таблица 7

Название компании	Страна регистрации компании	Доля участия ADIA в капитале, %
Bank de Tunisie et des Emirats	Тунис	38,90
Arab Interational Bank	Египет	25
Joint Arab Investment Corp.	Египет	–
EFG-Hermes Holding	Египет	8,65

Источник: Zawaya Marketing (2009)

Другой, недавно созданной инвестиционной структурой в Абу Даби является компания Mubadala. Ее инвестиционный портфель также включает ряд инвестиций в Африке, которые приведены в табл. 8.

Таблица 8

Название компании	Страна регистрации компании	Доля участия ADIA в капитале, %
Shell oil exploration Algeria	Алжир	20
Occidental oil exploration operation in Libya	Ливия	10
Hadjret-Ennouss Independent Power Project	Алжир	25,5
Guinea Alumina refinery	Гвинея	8,33
ETISALAT Nigeria	Нигерия	30
Beni Saf Aluminium smelter	Алжир	–

Портфельные инвестиции считаются более пассивным видом инвестиций по сравнению с концессионным управлением морскими портами или созданием курортных проектов, проводимых дубайскими структурами. Однако с насыщением внутреннего рынка Абу Даби в секторах, определенных как приоритетные направления развития этого эмирата, следует ожидать более активного участия абудабийских компаний в зарубежных проектах в таких областях, как транспорт и коммуникации, строительство и недвижимость, а также туризм и логистика в качестве управляющих компаний. необходимо подчеркнуть, что, как и в случае дубайских структур, организации из Абу Даби инвестируют в области, которые достаточно сильно развиты в этом эмирате, включая энергетику, финансы и нефтяную отрасль, в которых у них есть достаточно высокий уровень экспертизы.

На основе сводных данных по инвестиционным проектам ОАЭ в Африке, приведенных в табл. 9, и материала предыдущих разделов можно сделать ряд заключений относительно инвестиционной стратегии ОАЭ в африканских странах.

Таблица 9

Сводные данные по инвестиционным проектам (X) ОАЭ в Африке

Страна	Телекомму- никации	Транспорт и логистика	Туризм	Переработка энергоносителей	Сельское хозяйство	Строительство и недвижимость	Портфельные инвестиции
Алжир		X*					X
Гвинея							X
Джибути		X	X				
Египет	X	X			X		X
Коморские Острова			X				
Ливия							X
Мозамбик		X	X				
Марокко		X	X			X	
Нигерия	X		X	X			X
Сенегал		X	X				
Судан	X				X		
Руанда			X				
Танзания	X		X				
Тунис						X	
ЮАР			X				X

* Находится в стадии проработки.

Первое, что можно отметить, – это тесная увязка инвестиционных проектов с экономическими секторами, созданными в стране в результате стратегии диверсификации, такими как транспорт, логистика, торговля и туризм, в которых ОАЭ имеет достаточное конкурентное преимущество. Фактически этот инвестиционный подход можно назвать, используя определение Томсона, стратегией развития рынков, при которой существующие продукты или услуги с некоторыми модификациями предлагаются на новых рынках (Thomson, 2005).

В большинстве случаев, после реализации инвестиций, в одном из приоритетных секторов исследуется потенциал, возможность и целесообразность инвестиций в других областях, где у ОАЭ есть достаточный ресурс, с тем чтобы сформировать инвестиционный кластер. Компоненты подобного кластера могут поддерживать друг друга путем передачи сложившихся отношений с правительственными или просто влиятельными кругами страны, где производятся инвестиции, а также путем информационного и ресурсного обмена, создавая новые внешние и внутренние связи. Образование подобных связей, как отмечал Портер, создает новый тип конкурентного преимущества, который достаточно трудно копировать потенциальным конкурентам (Porter, 2004).

При этом выбор мест для проведения инвестиций носит чисто прагматический характер и основывается на наличии в выбранной для инвестиций стране секторов с достаточным потенциалом развития. Немаловажную роль играют и результаты анализа экономической эффективности проекта. На основании вышеупомянутых факторов в области туризма упор делается на проекты в ЮАР, занимающей ведущее место в Африке по доходам туристического сектора и второе место по количеству посещающих страну туристов. Наличие столь значительного рынка в сочетании с недостаточным развитием гостиничной инфраструктуры, безусловно, представляет интерес для потенциальных инвесторов.

В области переработки энергоносителей заключается соглашение с Нигерией, являющейся лидирующей страной в области нефтедобычи на африканском континенте, но не обладающей достаточными мощностями для переработки и половины добываемой нефти.

В качестве другой характерной чертой инвестиционного подхода ОАЭ можно отметить создание специализированных структур для реализации инвестиционного направления подобных DP World Africa. Такой подход направлен на предотвращение размывания инвестиционного фокуса и замедления реакции на изменение ситуации, которые практически неизбежны при сосредоточении контроля над всеми инвестициями в руках одной структуры.

Немаловажную роль в успехе реализации инвестиций ОАЭ в Африке играет активное привлечение в инвестиционные проекты государственных структур африканских государств и влиятельных лиц местной элиты, как правило в виде долевого участия в компании, создаваемой для реализации конкретного проекта. С эмиратской стороны в качестве участников также обычно выступают государственные организации. Подобная структура участия с обеих сторон обеспечивает значительную устойчивость проекта в отношении различных видов рисков, существующих в африканских странах.

Еще одним фактором успешного проникновения ОАЭ на африканские рынки является готовность инвестировать в страны с достаточно высоким по западным меркам уровнем рисков. Безусловно, эмиратские компании создают механизмы для минимизации возможного влияния рисков. К одному из таких механизмов относится упоминавшийся ранее механизм долевого участия местных государственных структур и местной бизнес-элиты в компаниях, реализующих проект на месте. Тем не менее реализация проектов в Руанде или Мозамбике, где незадолго до этого закончилась гражданская война, безусловно, требует высокой степени толерантности к

рискам. Эта готовность принимать более высокий, по сравнению с потенциальными конкурентами, уровень рисков позволяет эмиратским компаниям первым выходить на еще не занятый рынок и занимать на нем ведущие позиции в выбранном для инвестиций секторе.

В результате применения рассмотренных в статье подходов к инвестициям в Африке уже сейчас можно говорить о том, что ОАЭ превратились из страны, просто опосредующей торговые обороты африканских стран, в их партнера, под управлением которого находятся важные компоненты транспортной, туристической и телекоммуникационной инфраструктуры. Осуществляя контроль над ними, ОАЭ фактически получают влияние на экономическое и, в какой-то степени, политическое развитие этих стран. При этом ОАЭ не выглядят в глазах африканцев как колониальная держава, поскольку инвестиции проводятся в создание и управление инфраструктурой, а не в добычу природных богатств и их экспорт в метрополию.

Эта возможность влияния будет приобретать все большую ценность по мере реализации потенциала африканских рынков и вполне вероятно, что ОАЭ будут использовать эту карту в отношениях с мировыми экономическими центрами для реализации своих стратегических экономических задач. В пользу того, что этот потенциал будет достаточно скоро востребован, свидетельствует целый ряд факторов и прежде всего количество высокопоставленных визитов в африканские страны за последние полгода, включая визиты президентов России и США, министра иностранных дел США, премьер-министра Франции и вице-преьера и министра иностранных дел Израиля и др. Сторона, которая сумеет получить доступ к существующему позитивному потенциалу отношений ОАЭ с африканскими странами, сможет укрепить свои конкурентные позиции.

Следует отметить, что особый акцент в американской политике на поддержку и развитие демократии в Африке в ее

западном понимании и оказание содействия силам, борющимся за установление демократических режимов, отмеченные в выступлении Барака Обамы в Гане, могут негативно сказаться на возможностях США использовать потенциал отношений ОАЭ с африканскими странами. Прежде всего это связано с монархическим устройством ОАЭ, принципы которого противоречат целому ряду постулатов западной демократии и по этой причине призывы к установлению демократических форм по западному образцу не могут найти положительный отклик в правящих кругах ОАЭ. Не менее важным является и тот факт, что подобная политика США, предполагающая оказание давления на страны, где не соблюдаются демократические принципы, может негативно сказаться на экономической эффективности эмиратских инвестиций в этих государствах, если она приведет к ухудшению их экономической ситуации. Как можно отметить на основании данных, приведенных в табл. 9, достаточно значительная доля инвестиционных проектов ОАЭ приходится на страны, режимы в которых, с точки зрения администрации США, не являются демократическими. Это означает, что для значительной доли инвестиций расчетный уровень рентабельности может существенно снизиться.

Подобная ситуация может вызвать корректировку политических ориентиров ОАЭ в направлении укрепления сотрудничества с экономическими и политическими центрами, не стоящими на позициях западной демократии, для обеспечения поддержки своим интересам, которые могут оказаться ущемленными в результате политики США. В качестве таких потенциальных союзников могут выступать Россия и Китай, которые, в обмен на подобную поддержку, могут укрепить свои позиции на африканских рынках, используя существующий потенциал ОАЭ в этом регионе, и даже расширить доступ к различным сегментам внутреннего рынка самих Эмиратов.

Литература

1. Eye of Dubai, 2009 / UAE Ministry of Foreign Trade promotes improved trade and economic ties at 1st Africa-Arab Gulf Relationships Conference, 3rd March issue.
2. FAO (2007) Data, Agricultural Area.
3. FDI Magazine (2009) On top of the world, issue Apr/May.
4. IMF (2009) World Economic Outlook April 2009: Crisis and Recovery, IMF Publication Services. – Washington, 2009.
5. ITU (2008) ITC indicators data.
6. International Trade Center, Trade Map export/import statistics.
7. *Porter M.* Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. 1st export ed. – New York: Free Press, 2004.
8. *Thomson J.* with Martin. Strategic Management: Awareness and Change, 5th ed. Thomson Learning. – M., 2005.
9. UAE Ministry of Economy (2008) Foreign Trade Statistics.
10. UN Economic Commission for Africa, African Union (2008) Economic Report on Africa 2008: African ad the Monterrey Concensus: Tracking Performance and Progress. – Adis Abeba.
11. UNCTAD Economic Development in Africa: Strengthening. Regional Economic Integration for Africa's development. – New York/Geneva. – 2009.
12. UNCTAD Investment Climate and Infrustructure in Africa. – 2006.
13. UNCTAD Review of Maritime Transport. – New York/Geneva. – 2006.
14. UNCTAD Review of Maritime Transport. – New York/Geneva. – 2008.
15. UN Population Department World Population Prospects Data Base. – 2008.
16. UN Statistics Department Energy Statistics Data Base. – 2008.
17. World Economic Forum Global Competitiveness Report. – Geneva. – 2008.
18. World Economic Forum The Travel and Tourism Competitiveness Report. – Geneva. – 2009.
19. World Tourism organization (2007) Database.

Интернет ресурсы

www.adia.ae
www.dpworld.com
www.emaar.com
www.emirates.com
www.emirates.net.ae
www.etisalat.com.ng
www.kanartel.sd
www.mubadala.ae
www.sama-dubai.com
www.zantel.com
www.zawya.com

Ю.А. Коновалова

ИНДИЙСКО-АФРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

За последние 25 лет в африканских странах произошли весьма значительные перемены: заметна трансформация политического строя, экономической и социальной среды, усиление демократических основ. Меры, предпринимаемые сегодня странами Африки по либерализации правового режима регулирования ПИИ, безусловно, изменяют инвестиционный имидж стран региона в лучшую сторону, а постепенный рост экономики африканских государств подстегивается внешними факторами, такими как – рост мировых цен на сырье, списание долгов, а также благоприятная мировая экономическая конъюнктура. Одновременно с этим, проводя политику приватизации, африканские страны стремятся повысить эффективность национальных предприятий и получить дополнительные финансовые средства из местных и иностранных частных источников. Одним из давних и надежных партнеров африканских стран является Индия.

Доминирующее положение в комплексе африканской политики Индии занимают внешняя торговля и экономическое сотрудничество. Это обусловлено тем, что Индия имеет шансы в будущем по размерам экономической мощи занять третье место в мире после США и Китая, и ей необходимо иметь дополнительные устойчивые источники получения энергоресурсов и минерального сырья, а также рынки сбыта для быстро развивающейся промышленности.

Наиболее четко это прослеживается во внешнеэкономической деятельности Индии, направленной на интенсификацию торгово-экономических отношений со странами африканского континента, в стремлении укрепить связи с ин-

дийскими диаспорами, издавна занимающими специфическую экономическую нишу в Африке, а также в практических действиях по оказанию помощи африканским странам в укреплении вооруженных сил и правопорядка.

Долгие партнерские отношения Индии и африканских государств сегодня выходят на новый уровень. 8–9 апреля 2008 г. в Нью-Дели (Индия) состоялся Первый Индийско-африканский саммит. Индия заявила на саммите, что предоставит 34 самым неразвитым африканским странам торговые преференции, заключающиеся в снятии торговых таможенных пошлин, рамки которых охватывают 94 процента нынешних таможенных пошлин Индии. Индия также обещала, что в течение будущих пяти лет Экспортно-импортный банк Индии предоставит кредиты объемом 5,4 млрд долл. США на развитие индийско-африканской двусторонней торговли и торговли внутри африканского континента. Приоритетную поддержку получают железнодорожное строительство, информационные технологии, коммуникации, энергетика и биомедицина. В течение ближайших пяти лет индийская сторона намерена создать Совет по сотрудничеству с Африкой с целью содействия индийскому экспорту в страны Африки, в том числе за счет открытия кредитных линий и продвижения индийских товарных брендов на африканские рынки.

Основными сферами наращивания индийско-африканского сотрудничества определены также автомобилестроение, ювелирная отрасль, фармацевтика, сельское хозяйство, кожевенная индустрия, добывающая промышленность, а также развитие региональных финансовых и фондовых рынков, научных и технологических парков, образование, мониторинг и противодействие изменению климата. Участники мероприятия договорились проводить Саммит каждые 3 года [Подр. см.: <http://www.meaindia.nic.in/>; <http://indiaafricaconnect.in/>].

В области сельского хозяйства основными направлениями дальнейшего развития индийско-африканских отно-

шений являются: наращивание, а также создание мощностей, проведение более грамотной политики в отраслях сельского хозяйства, разработка и внедрение проектов по сохранению водных ресурсов, внедрение и совершенствование уже существующих ирригационных систем, обмен знаниями и передача технологий, создание новых сортов сельскохозяйственных культур более устойчивых к климатическим изменениям, создание благоприятных условий для малых и средних предприятий, в том числе в области кредитования и создания лучших условий для выхода фермеров на внутренний и внешний рынки.

Особое внимание на саммите было уделено возможному сотрудничеству Индии с Общим рынком Южной Африки (COMESA) и с Восточно-африканским сообществом (ЕАС). Не так давно Индией был подписан проект соглашения с Южно-Африканским торговым союзом в рамках Преференциального торгового соглашения.

Индия и Африка продолжают наращивать торговое сотрудничество на двусторонней основе путем усиления взаимосвязей между предприятиями в условиях развивающегося рынка. На основе взаимовыгодных партнерских отношений страны преумножают выгоды от либерализации торговли, предоставляя возможности экспортировать товары на рынок страны-партнера и снижая таможенные тарифы. В разработке находится совместная стратегия и план действий в сфере предпринимательства на взаимной основе.

Данные, предоставленные Департаментом торговли Министерства торговли и индустрии Индии (табл. 1 и 2), весьма показательно свидетельствуют о том, что большая часть индийского экспорта, поступающего в африканский регион, идет в Южную и Восточную Африку. А большая часть импорта, который поступает в Индию из стран Африки, поступает из стран Южной и Западной Африки.

Таблица 1

Индийский экспорт в страны Африки, 2007–2008 гг.
(млн долл. США)

№	Регион	2007–2008	2008–2009 (апрель–декабрь)
1	Южная Африка	3 609,23	2 424,83
2	Западная Африка	3 476,63	2 437,65
3	Центральная Африка	257,51	251,52
4	Восточная Африка	4 202,93	3 697,42

Источник: <http://commerce.nic.in>

Таблица 2

Индийский импорт из стран Африки 2007–2008 гг.,
(млн долл. США)

№	Регион	2007–2008	2008–2009 (апрель–декабрь)
1	Южная Африка	4 835,39	5 877,27
2	Западная Африка	9 745,30	10 069,40
3	Центральная Африка	49,00	137,42
4	Восточная Африка	319,34	234,91

Источник: <http://commerce.nic.in>

Одну из важных ролей играет создание и поддержка в африканских странах малых и средних предприятий, которые имеют ключевое значение в индустриализации африканского континента. В этой связи можно отметить, что индийско-африканское сотрудничество развивается в направлении разработки и внедрения программ поддержки предпринимательства, создания совместных предприятий, обмена знаниями и технологиями, предоставления необходимого специализированного образования и навыков и поддержки так называемых «старт-ап» проектов.

С момента принятия программы Индийского технического и экономического сотрудничества в 1964 г., Африка стала надежным партнером в ее реализации. Тысячи африканских студентов и экспертов, принявшие участие в про-

грамме, получили профессиональное образование в специализированных институтах Индии.

Сотрудничество Индии и африканских стран в образовательной сфере также весьма плодотворно – несколько тысяч африканских студентов сегодня обучаются в индийских университетах и колледжах, планируется повышение стипендий африканским студентам. В планах на ближайшие 5 лет – дальнейшее развитие сотрудничества и совместные образовательные программы с африканскими странами, на что Индия готова потратить 500 млн долл. США.

Еще одним весьма перспективным проектом сотрудничества является создание так называемой Индийской Пан-Африканской спутниковой линии связи, позволяющей сотрудничать африканским и индийским университетам, медицинским центрам и другим учреждениям.

Сфера здравоохранения является важным элементом любой экономики, поэтому налаживанию совместного сотрудничества по вопросам здравоохранения уделяется большое внимание как со стороны Индии, так и стран Африки.

По итогам 2007–2008 гг. двусторонняя торговля между Индией и африканскими странами достигла уровня в 36 млрд долл., в сравнении с 2000–2001 гг., когда данный показатель составлял 3 млрд долл. По некоторым прогнозам, в ближайшие 5 лет данный показатель может быть удвоен и составит около 70 млрд долл., если будут использованы все возможности, которые существуют в рамках двусторонней торговли.

Индия, являясь одним из крупнейших мировых импортеров необработанных алмазов и экспортером бриллиантов, основным источником данного сырья, рассматривает именно африканский континент, и сотрудничество в этом направлении наращивается. Более того, сегодня ситуация такова, что совместное плодотворное сотрудничество требует создания специализированного Института по обработке и шлифовке алмазов.

По итогам Индийско-африканского саммита, прошедшего в 2008 г., было подписано два важных документа – Декларация Дели и Африканско-индийские условия сотрудничества [подр. см.: <http://www.meaindia.nic.in/>]. На саммите не раз подчеркивалось общее историческое колониальное прошлое, борьба с колонизаторами и обретение независимости, выбор путей развития и налаживание сотрудничества.

Индия подписала торговые соглашения с более чем тридцатью странами Африки, более того, она планирует наращивать и развивать торговое сотрудничество и дальше. Правительства африканских государств возлагают большие надежды на индийских инвесторов, в частности в научной и технической сферах.

Африка, остро нуждающаяся в модернизации всей инфраструктуры, готова предоставить индийским инвесторам все условия и пойти на ряд серьезных уступок в отношении режимов регулирования ПИИ в тех секторах экономики, которые в этом нуждаются более всего. Вместе с тем это позволит сократить уровень безработицы, предоставит африканской молодежи рабочие места, тем самым способствуя росту уровня жизни в регионе. В первую очередь, серьезные индийские капиталовложения планируется направить в сельскохозяйственный сектор, освоение новых земель, модернизацию ирригационных систем, внедрение более совершенных технологий, также особого внимания заслуживают проекты по управлению водными ресурсами и работы с сельскохозяйственными культурами, выращивание новых культур, более устойчивых к различным климатическим условиям. В отношении сельскохозяйственного сектора уже был открыт ряд кредитных линий, что дало больше возможностей экономикам африканского континента. Африканско-индийское сотрудничество в области сельского хозяйства в дальнейшем планируется строить на взаимовыгодных проектах, которые способствовали бы процветанию фермерских хозяйств. Продовольственная безопасность является весьма важным аспек-

том сотрудничества Индии и африканских государств, на форуме, прошедшем в 2008 г., данной проблеме было уделено много внимания.

Мировой финансовый кризис не мог не затронуть и индийско-африканские отношения, однако, как утверждают эксперты и индийские экономисты, экономика Индии сегодня является одной из самых устойчивых, и даже в условиях мирового финансового кризиса темпы роста индийской экономики могут составить никак не меньше 7% в год.

В рамках индийско-африканского сотрудничества большое внимание уделяется вопросам Киотского протокола, вопросам изменения климата, прав человека и интеллектуальной собственности и передачи технологий и знаний. В рамках ВТО Индия и страны африканского континента намерены выработать ряд положений, способствующих доступу на внешний рынок продукции наименее развитых стран.

Сегодня Африка и Индия продолжают строить стабильные взаимозависимые и взаимовыгодные отношения.

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Л.В. Шкваря

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Социально-экономическое положение стран континента как объективная предпосылка развития интеграционных процессов

Вторая половина XX в. стала временем проявления новых тенденций в процессе экономического сближения стран Африки. Эти процессы, как и в других регионах мира, имеют свою специфику, связанную с особенностями социально-экономического положения стран континента, их местом в МРТ и мировой торговле.

Государства Африки чрезвычайно бедны, а их экономическая активность продолжает оставаться невысокой. Некоторые исследователи утверждают, что Африка – самый отсталый регион «третьего мира». Черную Африку Г. Ван дер Вее, исследователь послевоенной экономической истории мира, назвал даже «четвертым миром» [1]. В основном на этом континенте расположены наименее развитые страны (за исключением ЮАР, где проживает около 5% населения Африки и производится 40% промышленной продукции). Так, здесь находятся 33 из 48 наименее развитых стран мира.

У стран Африки существуют такие серьезные проблемы, как нищета, болезни, голод, неграмотность, а на контин-

ненте до сих пор сохраняются политические противоречия (внешние и гражданские войны, конфликты антиправительственного характера). Поэтому одна из важнейших задач экономической интеграции в Африке – содействие установлению мира на континенте.

Одним из инструментов для достижения социально-экономического прогресса на континенте выступает развитие торговых связей и в целом хозяйственного взаимодействия, что может быть достигнуто в рамках интеграционного сотрудничества.

Объективной основой развития интеграционных процессов в Африке выступают, прежде всего, тенденции глобализации мировой экономики, т.е. глобальные факторы. Кроме того, интеграционный процесс вызван экономическими потребностями африканских стран стимулировать развитие производительных сил, преодолеть экономическую отсталость и сократить сохраняющуюся асимметричную зависимость от промышленно развитых стран. При этом главная цель региональной экономической интеграции в Африке – содействие индустриализации, изменение колониальной структуры хозяйства, формирование современной структуры национальной экономики. Важными задачами выступают также преобразование промышленности и сельского хозяйства, их оснащение современными технологиями для повышения производительности и конкурентоспособности на мировом рынке. Для многих африканских стран эти вопросы имеют первостепенное значение, так как растущее население требует роста производства продуктов питания и предметов потребления, а социально-экономическое развитие стран Африки продолжает оставаться крайне низким (см. табл. 1).

В Африке интеграционные процессы протекают в условиях ее зависимого положения в системе мирового хозяйства, что в определенной степени сказывается на последовательности проводимых в странах реформ, формах и содержании экономической региональной интеграции. Вместе с

Таблица 1

Динамика некоторых макроэкономических показателей африканских стран
в рамках существующих интеграционных блоков в 1970–2007 гг.

Блок	Кол-во стран	Территория	Показатель	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	
CEPGL	3		I	2,357	4,878	8,47	6,77	12,04	7,927	7,714	7,585	7,848	7,915	9,097	9,984	11,365	13,826	
			II	0,085	0,152	0,227	0,138	0,236	0,139	0,118	0,113	0,113	0,111	0,111	0,124	0,132	0,145	0,210
			III	27,89	32,07	37,4	43,47	50,9	57,2	65,5	67,4	69,3	71,4	73,5	75,8	78,3	80,9	80,9
CEMAC	6		I	2,553	7,89	17,974	18,53	25,57	18,817	20,995	21,377	23,782	29,93	37,53	45,99	52,52	59,977	59,977
			II	0,176	0,481	0,96	0,858	1,021	0,651	0,636	0,631	0,684	0,838	1,025	1,226	1,368	1,527	1,527
			III	14,63	16,4	18,7	21,6	25,04	28,9	33,0	33,9	31,79	35,7	36,6	37,5	38,4	39,3	39,3
COMESA	19		I	26,15	54,37	109,29	99,074	144,51	161,2	201,77	194,89	183,3	179,21	199,17	242,18	286,11	331,537	331,537
			II	0,169	0,306	0,538	0,419	0,525	0,515	0,569	0,537	0,493	0,47	0,51	0,605	0,698	0,926	0,926
			III	154,6	177,6	209,2	236,5	275,1	312,8	354,4	363,2	372,0	381,1	390,4	400,1	410,1	420,5	420,5
ECCAS	11		I	7,796	15,93	31,909	31,449	47,96	31,784	37,885	37,946	43,116	51,86	66,465	88,856	111,232	129,37	129,37
			II	0,16	0,288	0,498	0,422	0,554	0,322	0,336	0,328	0,362	0,424	0,528	0,686	0,834	1,732	1,732
			III	48,58	55,36	67,98	74,5	86,6	98,56	112,6	115,8	119,0	122,4	125,9	129,6	133,4	137,3	137,3
ECOWAS	15		I	28,53	88,62	214,67	186,6	102,8	83,43	103,88	101,58	108,05	129,9	146,85	177,05	201,88	232,69	232,69
			II	0,282	0,768	1,611	1,209	0,575	0,404	0,438	0,417	0,433	0,507	0,559	0,657	0,731	0,822	0,822
			III	101,27	115,39	141,3	154,3	178,8	206,3	236,9	243,3	249,8	256,3	262,9	269,5	276,3	283,1	283,1
MRU	3		I	1,226	2,101	3,444	4,385	4,143	5,319	4,616	4,754	4,911	5,302	5,752	4,999	5,312	7,248	7,248
			II	0,155	0,246	0,356	0,401	0,338	0,391	0,292	0,293	0,294	0,31	0,327	0,277	0,287	0,382	0,382
			III	7,9	8,55	10,2	10,9	12,3	13,6	15,8	16,7	16,68	17,13	17,57	18,0	18,5	18,99	18,99
SADK	14		I	32,46	61,95	121,58	95,48	165,3	198,92	190,05	176,25	172,24	238,55	299,64	344,17	374,83	416,52	416,52
			II	0,335	0,591	0,941	0,641	0,973	1,013	0,865	0,784	0,75	1,016	1,248	1,403	1,495	2,153	2,153
			III	96,9	111,75	136,8	148,9	170,5	197,1	220,7	225,6	230,7	235,86	241,1	246,45	251,9	257,3	257,3

Окончание табл. 1

Блок	Кол-во стран	Территория	Показатель	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
УЕМОА	8		I	4,07	9,369	21,28	15,735	29,919	26,906	25,97	27,11	29,77	37,37	43,06	46,447	49,96	57,77
			II	0,137	0,272	0,53	0,334	0,542	0,419	0,349	0,354	0,378	0,462	0,518	0,543	0,569	0,64
			III	29,79	34,5	42,8	47,2	55,2	64,2	74,4	76,5	78,7	80,9	83,17	85,5	87,9	90,3
УМА	5		I	15,23	43,21	108,67	109,43	133,02	123,9	146,63	146,6	140,09	166,2	199,97	229,89	264,22	299,07
			II	0,407	1,008	2,193	1,904	2,052	1,733	1,901	1,84	1,766	2,065	2,45	2,777	3,147	3,511
			III	37,3	42,77	52,5	57,3	64,6	71,2	76,8	77,9	78,98	80,1	81,2	82,3	83,5	84,7

Примечание: I – ВВП, млн долл.; II – ВВП на душу населения, тыс. долл.; III – население, млн чел.

Источник: составлено автором по: UNCTAD Handbook of Statistics, 2008 [2].

тем, несомненно, состояние экономики стран Африки, особенности их социально-экономического развития, темпы интеграционных процессов находятся под большим влиянием традиционных институтов, сложившихся за многие годы норм и обычаев поведенческой культуры в сфере бизнеса.

Это особенно характерно для региональной интеграции среди стран Тропической Африки, то есть в регионе, где преобладают наименее развитые страны, подчас с весьма ограниченным экономическим потенциалом. Общность проблем развития, с одной стороны, заставляют страны находить пути их решения в интеграционных процессах, с другой – является тормозом в хозяйственном развитии.

Экономическая интеграция развивающихся стран Африки часто идет очень медленно вследствие воздействия целого ряда сдерживающих факторов, таких как:

- факторы внутреннего состояния экономики каждой страны (низкий уровень развития производительных сил, монокультурность, недостаточная интегрированность национальной экономики как в региональном так и мировом масштабе);

- факторы взаимных отношений (слабость материальной базы; недостаточное развитие инфраструктуры, в том числе разобщенность транспортных систем; интегрирующиеся страны мало дополняют друг друга с экономической точки зрения, имея однотипные народнохозяйственные и отраслевые структуры; недостаток финансовых ресурсов для осуществления совместных региональных процессов);

- факторы внешнего порядка (нарастание финансовой зависимости от индустриально развитых стран, значительный контроль ТНК над внешней торговлей и экспортным производством развивающихся государств);

- политическая нестабильность.

Все это свидетельствует о том, что экономическая интеграция в развивающемся мире в большей степени является

интеграцией формальной (особенно в Африке). Тем не менее стремление к ней отражает общую тенденцию развития мирового хозяйства.

В конце прошлого – начале нынешнего столетия многие государства Африки приступили к реформированию национальных экономик на основе использования рыночной модели хозяйствования. Реализация этих программ во многом осуществлялась на базе рекомендаций таких влиятельных международных организаций, как МВФ, МБРР, ЭКА и др. Одновременно появлялись попытки теоретического обоснования необходимости и возможности, а также путей развития африканской экономической интеграции.

Генезис интеграционной идеи в Африке

В постколониальный период афроинтеграционная идея эволюционировала в структурах межгосударственного института Организации африканского единства. Но истоки ее относятся к гораздо более раннему времени, к рубежу XIX–XX вв., когда возникла политическая идеология панафриканизма.

Ее «отцом» был У.Э. Дюбуа, американский писатель, историк, социолог и общественный деятель, выступавший с антирасистских позиций. Панафриканизм в первоначальной трактовке означал требование восстановления равенства между неграми и белыми, право «черного народа на человеческое отношение» к себе, как это записано в одной из резолюций панафриканского конгресса (1923 г.) [3, с. 20–23], организованного Дюбуа. В то же время усматривалась тесная связь между проблемами расизма в США, с одной стороны, и колониального угнетения черных народов Африки – с другой. Но в лозунгах движения, основными активистами которого вплоть до середины XX в. были негры-интеллектуалы Америки, еще не шла речь ни об африканском единстве, ни о независимости африканских стран. Возникновение и выдвиг-

жение на первый план этих аспектов panaфриканизма, особенно проблемы независимости, произошло в 1945 г. на V panaфриканском конгрессе в Манчестере. Это было вызвано как общим изменением международного положения в связи с окончанием Второй мировой войны, так и деятельным участием в конгрессе африканских студентов, обучавшихся на Западе. (Среди них был К. Нкрума первый президент Республики Ганы). Именно в Манчестере panaфриканизм стал принятым и развитым африканцами учением, направленным на освобождение континента от колониализма и содержащим идею единства Африки.

Поначалу ряд деятелей национально-освободительного движения, особенно Нкрума, Дж. Кениата (первый президент Кении), Л.С. Сенгор (первый президент Сенегала) и др., пропагандировали идею африканского единства преимущественно в субрегиональных рамках [3, с. 13]. Так, Нкрума выступал за объединение Западной Африки, Кениата считал необходимым создание восточноафриканской федерации. Субрегиональные образования рассматривались ими как шаг к общеафриканскому единству. Однако актуальность выдвинутого в Манчестере лозунга политического освобождения колоний определила господствующее положение в 1950–1960-е гг. идеологии национализма. Национализм стал главной силой – идеологической и политической – в борьбе за независимость африканских народов. Идея африканского единства не исчезла и в более поздний период. Она сохранялась в выступлениях Нкрумы, призывавшего к «общему фронту» африканских народов против колониализма, Сенгора, выдвигавшего идею Африки «больших ансамблей», ее влияние чувствовалось в речах П. Лумумбы (первый Премьер-министр Демократической Республики Конго) и других политических лидеров континента. Вместе с тем очевидно, что после Второй мировой войны произошла своего рода «национализация» panaфриканизма, то есть его превращение в идеологию национального освобождения, поле реального

влияния которой локализовалось в границах данной колонии, будь то Гана, Сенегал, Гвинея, Нигерия или любая другая. Будучи, в сущности, идеологией политической элиты, «чистый» panaфриканизм явно уступал по силе воздействия на широкие массы населения. Он декларировался понятными для последних лозунгами ликвидации колониальных порядков, установленных белыми завоевателями, требованиями независимости, которая ассоциировалась в массовом сознании с лучшей жизнью – доступностью образования, отменой принудительных работ, прекращением полицейских репрессий и т.д.

Эволюция panaфриканизма на этом не закончилась. В рамках движения выявились сторонники трех моделей будущего развития: «континенталисты», считавшие наиболее целесообразным создание сильных наднациональных органов и постепенный переход к федеративному государству общеафриканского масштаба; сторонники «Африки отечеств», выступавшие за самостоятельность новых суверенных государств и их экономическое сотрудничество; приверженцы так называемой «функциональной модели сотрудничества», предполагавшей тесное взаимодействие стран в различных сферах без создания наднациональных структур с широкими полномочиями.

С началом деколонизации эти концептуальные различия среди политической элиты освободившихся стран получили довольно четкие очертания. В понимании Нкрумы, первого президента первой субсахарской колонии, добившейся независимости, главного и самого яркого идеолога «континентального» panaфриканизма, единая Африка должна включать и страны, расположенные южнее Сахары, и арабский Север. Сахара – не граница, а мост, соединяющий чернокожее и арабское население.

Стремление стран Африки к созданию основ внутриконтинентального сотрудничества

Создание Организации африканского единства (ОАЕ) стало итогом взаимодействия вышеперечисленных подходов. Оно означало определенную институциональную реализацию идеи континентального panaфриканизма. В самом названии ОАЕ отражалась некая объединительная тенденция, не подкрепленная, однако, какими-то реальными, действенными средствами, властными полномочиями общеафриканского института, которые могли хотя бы отчасти нейтрализовать негативную для Африки административно-политическую раздробленность.

Эта раздробленность, привнесенная европейскими державами, в колониальную эпоху не имела существенного значения. Развитие и крупных, и мелких колоний направлялось метрополиями, исходя из своих целей и в интересах белых поселенцев.

Хозяйственные связи между колониями определялись этими же интересами и не выходили за пределы ареала, контролируемого той или иной метрополией.

В постколониальный период положение резко изменилось. Унаследованная от колониального прошлого дезинтегрированность африканского экономического пространства предстала во всей своей безысходности. Для множества мелких экономически нежизнеспособных государств перспектив самостоятельного развития практически не было. Понимая это, властвующие элиты стремились к установлению межстрановых хозяйственных связей, к созданию совместных организаций сотрудничества. По данным Экономической комиссии ООН, в Африке в конце 1980-х гг. насчитывалось более 200 таких организаций, из них 30 – межправительственных. Эти внушительные цифры не отражали, однако, какой-то цельной системы межстранового взаимодействия – большинство указанных организаций занимались (если по-

зволяли средства) отдельными узкими сегментами сотрудничества в технико-экономической сфере и, судя по всему, не оказывали ощутимого влияния на реальное положение дел.

Несмотря на создание примерно десятка субрегиональных интеграционных групп с более или менее широкими задачами, проблема налаживания внутриконтинентального экономического сотрудничества оставалась далекой от решения, и африканские лидеры периодически подтверждали свое стремление к прогрессу в этой области. В 1970–1980-е гг. имели место ряд соответствующих декларативных акций, среди которых отметим следующие:

- Африканская декларация о сотрудничестве, развитии и независимости, принятая Ассамблеей ОАЕ в Аддис-Абебе в мае 1973 г.;
- Киншасская декларация (декабрь 1976 г.), определившая принципы, цели и стратегию поэтапного создания Африканского экономического сообщества (АЭС);
- Монровийская стратегия экономического развития Африки, принятая в июле 1979 г. Ассамблеей ОАЕ и подтвердившая принцип создания АЭС как составной части африканской стратегии экономического развития;
- Лагосский план действий и Лагосский заключительный акт, принятые в апреле 1980 г.

В этих документах устанавливались база и основные принципы африканского развития, определялись этапы создания АЭС. Его цели формулировались следующим образом:

- способствовать быстрому достижению коллективной самодостаточности и самоподдерживаемого развития африканских государств;
- содействовать усилению сотрудничества и солидарности этих государств;
- координировать на всех уровнях интегрированное развитие африканских стран в экономической, социальной и культурной сферах.

Эти общие положения в дальнейшем стали принимать более конкретный характер. На 23-й сессии Ассамблеи ОАЕ (1986 г.) были рассмотрены заключения и рекомендации, подготовленные Постоянным комитетом программирования и Советом министров ОАЕ. Ассамблея поручила комитету составить проект договора, учреждающего АЭС, и ориентировочную программу этапов и действий по ускорению реализации идеи экономического сообщества. Генеральному секретарю ОАЕ было поручено предпринимать совместно с государствами-членами и субрегиональными экономическими группами необходимые информационно-пропагандистские меры в отношении идеи АЭС. Вопрос о ходе подготовки создания экономического сообщества отныне должен был рассматриваться на каждой сессии Ассамблеи ОАЕ. Подготовка шла, мягко говоря, неспешно. Лишь в феврале 1989 г. – через 12 лет после первого довольно развернутого изложения идеи АЭС – совет министров ОАЕ одобрил заключения и рекомендации комитета программирования. Они сводились к следующим основным моментам.

Концепция, содержание и рамки АЭС. Любое экономическое сообщество предполагает существование экономического и таможенного союза, общего рынка со свободным передвижением людей, товаров, услуг и капитала, единой денежной системы, согласованной экономической, социальной и культурной политики государств-членов. Процесс «стартует» от неинтегрированного этапа и постепенно идет через свободную торговую зону, таможенный союз и общий рынок к экономическому сообществу. Отсюда необходимость не только серьезного и последовательного программирования этапов с определением посекторных приоритетов, но также настоящей политической воли, эффективного контроля деятельности сообщества и осуществления любых изменений, диктуемых прагматическими соображениями.

Ни при каких условиях организация экономического пространства сообщества не может быть направлена на со-

действие иностранным интересам в ущерб устремлениям и первостепенным интересам африканских народов и государств. Следовательно, сообщество должно обеспечивать усиление сотрудничества и солидарности между всеми государствами-членами с тем, чтобы ускорить достижение их индивидуальной и коллективной самостоятельности.

Африке требуется интегрированное и интегрирующее сообщество, которое внедрено в ключевые секторы – транспорт и связь, промышленность, товарное сельское хозяйство, энергетику, образование, науку и технологию, торговлю, кредитно-денежную и финансовую системы. В таком сообществе действия по развитию производства должны предшествовать либерализации торговли. Поэтому необходимо всемерно усиливать, координировать и рационализировать мощности промышленного сектора.

Интегрированное и интегрирующее сообщество диктует необходимость наднационального органа, имеющего достаточные полномочия для решения политических и экономических вопросов от имени государств-членов, неспособных на это в индивидуальном порядке. Следовательно, государства-члены должны быть готовы поступиться какой-то частью своего суверенитета в сферах и секторах коллективного интереса, являющихся приоритетными или имеющих стратегическое значение.

Отношения между АЭС и субрегиональными группами. Главная задача здесь – избежать соперничества, дублирования, властных конфликтов и обеспечить максимум гармонии, содержательности и эффективности. Это тем более необходимо, что некоторые из субрегиональных групп функционируют весьма активно, тогда как другие по финансовым и иным причинам пребывают в летаргическом состоянии.

Комитет программирования сформулировал основные предложения относительно процесса создания Африканского экономического сообщества, получившие отражение в дого-

воре 1991 г. Весь процесс был рассчитан на 34 года и разбит на шесть этапов.

На первом, не превышающем пять лет, должно происходить укрепление существующих субрегиональных групп.

Второй этап (не более 8 лет) включал – на субрегиональных уровнях – стандартизацию торговой документации и подготовку графика устранения тарифных и нетарифных барьеров в торговле между странами – членами субрегиональной группы; усиление посекторной интеграции в торговле, сельском хозяйстве, денежной системе и финансах, транспорте и связи, промышленности и энергетике, координация и гармонизация их деятельности.

Содержанием третьего этапа (не более 10 лет) предполагалось создание зоны свободной торговли в каждой субрегиональной группе путем реализации программ устранения тарифных и нетарифных барьеров, а затем учреждение таможенных союзов с помощью общих внешних тарифов.

На четвертом этапе (не более двух лет) мыслилось осуществить координацию соглашений о субрегиональных таможенных союзах, перерастающих в континентальный таможенный союз.

Следующие четыре года стали бы пятым этапом создания африканского общего рынка путем разработки и принятия общей экономической, денежно-финансовой, промышленной и технологической политики, а также процесса свободного передвижения людей.

На заключительном – шестом – этапе (не более пяти лет) намечалось укрепление африканского общего рынка, при этом в качестве основных условий виделось установление свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала; создание экономического и валютного союза с единой африканской валютой; основание африканских многонациональных предприятий во всех секторах и формирование исполнительных органов АЭС – Ассамблеи глав государств и правительств; Совета министров; Всеафриканского парла-

мента; Экономической и социальной комиссии; Суда; Генерального секретариата; специализированных технических комитетов.

Из сказанного видно, что АЭС, частично «заимствуя» структуру ОАЕ (Ассамблея, Совет министров, Генеральный секретариат), фактически должно было составлять вместе с последней единое целое, выполняющее и политические, и экономические функции. Концептуальный анализ содержания этапов движения к интеграции свидетельствует о сочетании некоторых элементов политики «коллективной опоры на собственные силы» с «интеграцией развития» (разработка и совместное осуществление разновеликих проектов в различных сферах экономики), рыночно-институционального и дирижистского подходов.

Характерно, что в ходе подготовки договора об АЭС его разработчики отмечали важную эвентуальную роль социального фактора. В рекомендациях комитета программирования указывалось, что проводниками идей интеграции должны быть не только государства, но и предприниматели, молодежь, женщины, неправительственные организации. Комитет был «глубоко убежден, что незначительностью прогресса интеграционный процесс обязан тому факту, что правительства не смогли вовлечь в него различные категории непосредственно заинтересованных людей». Действительно, затронутый здесь вопрос о социальных носителях или социальной локализации интеграционной, объединительной идеи во многом определяет перспективы ее осуществления.

Л и т е р а т у р а

1. *Van der Vee G.* История мировой экономики 1945–1990 / Пер. с франц. – М.: Наука, 1994.
2. UNCTAD Handbook of statistics. – New York and Geneva: United Nations, 2008. – 419 p.
3. Африканская интеграция: социально-политическое измерение / Под ред. Ю.В. Потемкина. – М.: Институт Африки РАН, 2003.

Н.В. Дюжева

НЕТАРИФНЫЕ БАРЬЕРЫ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ СТРАН АФРИКИ

Значение нетарифного регулирования для современной международной торговли

В глобальной мировой экономике важнейшее значение внешней торговли, основанной на максимально выгодном использовании сравнительных преимуществ, наращивании экспортного потенциала, повышении эффективности участия страны в системе международного разделения труда, для обеспечения экономического роста практически всех национальных экономик мира очевидно. Либерализация международной торговли и повышение степени открытости товарных рынков стран интенсивно насаждаются Всемирной торговой организацией и другими международными экономическими, финансовыми институтами, поддерживаются лидирующими странами мира.

Несмотря на унификацию подходов к регулированию внешней торговли и масштабную либерализацию, протекционизм как внешнеторговая политика не изжил себя, а сохраняется и в ряде случаев даже усиливается. По сути, протекционизм меняется вместе с эволюцией мировой экономики и приобретает качественно новые черты, отвечая новым тенденциям развития мировой торговли. Происходит трансформация в методах и инструментах воздействия на экспортно-импортные потоки, мотивации и характере их применения, создаются протекционистские блоки в виде интеграционных образований.

При значительном сокращении уровней таможенного тарифа стран современный протекционизм реализуется преимущественно с помощью целого спектра нетарифных барьеров.

еров. Этот процесс иногда называют «законом постоянной защиты» (Я. Бхагвати). По расчетам, для каждого снижения уровня тарифной защиты на 1%, доля импорта, подверженная влиянию нетарифных барьеров, повышается примерно до 1,4%. Классификацию мер нетарифного регулирования дают МВФ, ВТО, МТП, ЮНКТАД, существуют собственные подходы к классификации в системах национальных законодательств, в теоретических разработках экономистов. Наибольшего внимания заслуживают подходы ВТО (с точки зрения ВТО, нетарифные барьеры в торговле делятся на пять групп: меры вмешательства государства во внешнюю торговлю; особенности таможенных и административных процедур; стандарты; количественные и валютные ограничения; ограничения, заложенные в механизме платежей), в рамках которой регулируются вопросы применения мер нетарифного регулирования, а также ЮНКТАД (насчитывает более 200 различных мер нетарифного регулирования), поскольку именно этой организацией поддерживается наиболее полная база о нетарифных барьерах (TRAINS).

По сущности и силе воздействия весь арсенал средств нетарифного регулирования внешней торговли делят на две крупные группы: экономические и административные. Группа барьеров экономического характера, действующая через механизм рыночного ценообразования, включает специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, отдельные формы субсидирования производства, экспорта и потребления, пограничные налоги и сборы, валютные и финансовые средства. К административным ограничениям, прямо воздействующим на объемы внешнеторговых потоков, относят эмбарго, квотирование, лицензирование, добровольные экспортные ограничения, различные виды технического регулирования, таможенные и другие пограничные формальности, ограничение числа участников ВЭД.

Проведенный нами в предыдущих научных исследованиях [1] анализ применения мер нетарифного регулирова-

ния в современной международной торговле позволяет выделить следующие важнейшие тенденции:

1) понятие и перечень нетарифных барьеров не является статичным по своему характеру, а постоянно расширяется за счет включения новых направлений внешнеторговой политики в переговорный процесс ВТО. Вопросы применения уже существующих мер регулирования дорабатываются, одновременно появляются принципиально новые виды нетарифных барьеров;

2) масштабы применения и сфера действия нетарифных барьеров существенно расширились, механизм их использования усложняется, становится более гибким и действует, фактически, не нарушая норм ВТО;

3) нетарифные барьеры либо восполняют утраченную со снижением таможенных пошлин протекционистскую защиту, либо, напротив, дополняют действие высоких тарифов в отдельных отраслях;

4) экономически крупные страны способны применять практически весь арсенал мер нетарифного регулирования без серьезных угроз введения ответных мер со стороны стран – торговых партнеров. Высокими возможностями обладают Китай, Индия, Мексика, Южная Корея и подобные им страны. Для других развивающихся стран, особенно наименее развитых стран, использование многих современных инструментов протекционизма ограничено их низкой эффективностью;

5) в секторах экономики, где преобладает межотраслевой обмен, масштабы использования нетарифных ограничений значительно шире. При внутриотраслевой торговле высокие объемы импорта не приводят к высокому уровню нетарифной защиты. Это, в том числе, объясняет, почему в одних экономических интеграциях нетарифные барьеры исчезают вслед за таможенными пошлинами, а в других, особенно интеграциях африканских стран, – нет;

6) круг наиболее защищенных отраслей включает олигополистические отрасли (автомобилестроение, авиационная промышленность), традиционные «зрелые» отрасли (текстильная и химическая промышленность, черная металлургия, сельскохозяйственный сектор), и динамично развивающиеся новые высокотехнологичные отрасли;

7) нетарифные барьеры все чаще носят «неоспоримый» характер, их применение обусловлено причинами неэкономического характера, связанными с решением проблем национальной безопасности, охраной жизни и здоровья людей, защитой растительного и животного мира, поддержанием экологической среды, вопросами этики, религии. Существенно увеличились масштабы использования нетарифных барьеров, применение которых сложнее контролировать и оспаривать на международном уровне;

8) запрещенные в соглашениях ВТО количественные ограничения приобрели легитимный характер и стали напрямую увязываться с реализацией технических, экологических требований, санитарных и фитосанитарных норм и правил. Многообразные технические барьеры становятся главным инструментом протекционизма в современной международной торговле развитых стран;

9) Дохинский раунд многосторонних торговых переговоров отражает серьезные разногласия и расхождение интересов развитых и развивающихся стран, что связано с неоднозначным воздействием либерализации на экономическое положение стран – членов ВТО и усилением диспропорций в уровне развития развивающихся стран.

Проанализируем и дадим оценку применению нетарифных барьеров по отношению к развивающимся странам в целом и более детально остановимся на странах Африки.

Нетарифные барьеры в торговле развивающихся стран

Применение нетарифных барьеров развитыми странами возрастает по мере развития промышленного производст-

ва в ряде развивающихся стран. Наиболее интенсивно нетарифные барьеры используются по отношению к трикотажным и текстильным товарам, обуви, древесине и целлюлозно-бумажным изделиям, синтетическим нитям и тканям, нефтепродуктам, различным видам стали, приемным аппаратам, автоматическим электронно-вычислительным машинам, офисному и электротехническому оборудованию, автомобилям, плавательным средствам и ряду других промышленных товаров.

В развитых странах сохраняется высокий уровень нетарифных ограничений для экспорта сельскохозяйственной продукции развивающихся стран (охватывают 42,8% экспорта), а по отдельным товарам частота использования нетарифных барьеров еще выше: рыба, ракообразные (от 50 до 63,8%), зерновые (от 65,5 до 82,3%).

В свою очередь, экспорт развитых стран сталкивается с нетарифными барьерами на рынках развивающихся стран в значительно меньшей степени, прежде всего, по товарам сельского хозяйства и рыбной промышленности, лекарственным препаратам, средствам транспорта, таким как легковые автомобили и автобусы, нефти и нефтепродуктам.

Количество используемых против отдельных товарных групп экспорта развитых стран мер нетарифного регулирования различается по регионам. Ближневосточные и североафриканские страны по сравнению с остальными развивающимися странами наиболее часто применяют нетарифные меры по поставкам из развитых стран лекарственных средств и препаратов (нетарифные барьеры используются в 81,2% случаев), самолетов (31,6%), продукции электромашиностроения (20%). Экспорт легковых автомобилей и других транспортных средств из развитых государств сталкивается с нетарифными барьерами в максимальной степени на рынках стран Южной Азии (51,9% экспорта), восточноазиатских и тихоокеанских стран (46%), транзитивных стран Европы и Центральной Азии (39,8%).

Во взаимной торговле развивающихся стран применение мер нетарифного регулирования зависит от уровня их социально-экономического развития и степени интеграции в международное разделение труда по производству отдельных видов продукции.

Так, экспорт развивающихся стран, являющихся поставщиками промышленной продукции, в наибольшей степени ограничивается по сельскохозяйственной и рыбной продукции в странах Ближнего Востока и Северной Африки (57,7%), Латинской Америки (34,2%), по промышленной продукции в тех же регионах – 11 и 11,7% соответственно, по отдельным видам товаров различия между регионами еще выше.

Экспорт стран – основных нефтяных экспортеров – сталкивается с нетарифными ограничениями по сельскохозяйственной и рыбной продукции (от 31 до 75%), нефтепродуктам (31,2–45,5%) в ближневосточных и североафриканских странах, государствах Латинской Америки, Европы и Центральной Азии, по продуктам органической химии (17,4–25,1%) – в азиатских и латиноамериканских странах, по древесине и изделиям из нее (20%) – в Латинской Америке, по текстильной продукции – на рынках всех развивающихся стран, но в гораздо меньшей степени, чем на рынках развитых стран.

Другие развивающиеся страны при экспорте товаров во взаимных поставках сталкиваются с максимальной степенью нетарифной защиты в отношении различных видов сельскохозяйственных товаров на рынках ближневосточных и североафриканских стран (44,6–75,1%), нефти и нефтепродуктов – Европы и Центральной Азии (30,6 и 45,5%), Южной Азии (37,1%), древесины и изделий из нее – на рынках латиноамериканских стран (19%), алмазов и других драгоценных камней – Европы и Центральной Азии (21–31,1%), электронного и машинного оборудования – ближневосточных и североафриканских стран (20%). Сильно защищены рынки

Таблица 1

**Частота применения нетарифных мер
по отношению к экспорту наименее развитых стран, % [2, р. 43]**

Описание	Разви- тые страны	Южная Азия	Ближний Восток и Северная Африка	Латинская Америка и страны Карибского бассейна	Европа и Цен- тральная Азия	Восточная Азия и тихо- океанские страны	Страны Централь- ной и Южной Африки	Четверка (ЕС, США, Япония, Канада)
Сельскохозяйственная и рыбная продукция	48,24	14,87	57,69	34,24	32,93	24,42	18,58	41,98
Ракообразные (живые)	58,64	8,33	75,00	30,98	43,56	22,22	20,00	50,00
Рыба	64,49	14,07	75,16	30,96	43,85	22,87	20,28	55,43
Фрукты и орехи	53,95	19,21	54,61	37,09	32,36	24,21	28,20	54,67
Кофе и заменители кофе	32,25	17,86	44,64	28,10	20,63	26,19	18,18	21,43
Семена масличных, хлебные злаки, семена и фрукты	53,93	14,20	68,55	40,75	38,49	28,71	25,12	37,41
Другие сельскохозяйственные и рыбные продукты	43,50	11,11	52,08	35,28	28,59	32,87	17,80	27,50
Минеральные и топливно- энергетические товары	6,72	3,29	5,73	6,64	6,72	4,52	0,16	6,53
Руды, металлы, шлак	1,74	0,98	3,31	9,93	10,03	6,05	0,00	1,47
Нефть сырая и нефтепродукты	26,88	22,73	28,13	14,53	38,01	17,75	4,55	12,19
Другие минеральные и топливно-энергетические товары	4,55	0,00	0,00	18,33	0,00	11,11	0,00	0,00

Окончание табл. 1

Описание	Разви- тые страны	Южная Азия	Ближний Восток и Северная Африка	Латинская Америка и страны Карибского бассейна	Европа и Цен- тральная Азия	Восточная Азия и тихо- океанские страны	Страны Централь- ной и Южной Африки	Четверка (ЕС, США, Япония, Канада)
Промышленная продукция	10,67	7,20	10,96	11,68	7,15	5,57	1,74	16,78
Резиновые изделия, кожа и козсырье, обувь	12,71	4,44	13,70	11,30	7,26	1,82	2,36	15,80
Древесина и целлюлозно- бумажные изделия	17,33	13,82	8,73	18,94	3,23	8,74	2,69	28,76
Изделия из хлопка	9,09	16,67	6,25	36,67	0,00	11,11	4,55	25,00
Трикотажные изделия	30,46	16,59	17,43	17,82	18,27	4,78	7,02	68,64
Другие текстильные изделия	30,89	16,53	17,96	18,35	19,02	8,26	2,27	66,15
Алмазы	9,09	11,67	12,50	0,67	31,11	11,11	9,09	12,50
Другая промышленная продукция	14,78	9,48	19,04	11,88	14,50	8,68	4,39	13,83
Прочие товары	13,27	7,42	15,30	13,70	9,12	7,65	3,19	16,52

автомобилей, деталей и запасных частей к ним практически во всех регионах, но более всего в странах Южной Азии (51,9%), Восточной Азии и Тихого океана (46%), Европы и Центральной Азии (39,8%).

Примечательно, что *самый высокий уровень нетарифных ограничений приходится преодолевать экспортерам наименее развитых стран* по экспорту товаров, представляющих для них наибольший интерес (рыба, ракообразные, фрукты, орехи, кофе, масличные и зерновые, другие сельскохозяйственные товары, текстильная продукция, древесина), практически во всех регионах, прежде всего, на рынках развитых стран, особенно ЕС, США, Японии, Канады, стран Северной Африки и Центральной Азии. При этом наименее развитые страны задействуют меры нетарифного регулирования очень незначительно. Активно защищаются рынки наименее развитых стран только по товарам сельского хозяйства и рыбной отрасли, поставляемым из других развивающихся стран, прежде всего тем, которые наименее развитые страны экспортируют сами. По промышленным товарам, за исключением лекарственных средств и препаратов (47,7%), частота применения мер нетарифного регулирования во многих случаях не превышает 1%, иногда колеблется от 2 до 5–7%. Такое положение напрямую касается африканских стран, большинство из которых относятся к странам наименее развитым (табл. 1).

Нетарифные барьеры в торговле развивающихся стран Африки

Анализ современного состояния внешней торговли африканских стран показывает, что большинство из них имеет очень ограниченное количество товарных позиций, составляющих более 75% совокупного странового экспорта (табл. 2). Относительно диверсифицированной структурой экспорта обладают только Египет (68 товаров), Кения (51), Марокко (72), Южная Африка (102), Тунис (159). У таких

стран, как Мадагаскар, Маврикий, Сенегал, Свазиленд и Танзания, – количество товарных позиций колеблется от 24 до 36. У остальных стран Африки – от 1 до 13 товаров основного экспорта, причем у многих – одна, две или три товарных позиции, преимущественно из разряда сельскохозяйственной (тропической) или сырьевой продукции (COMTRADE Database).

Таблица 2

Экспорт тропических продуктов отдельных африканских стран с высоким уровнем зависимости от рынка тропических продуктов, в процентах от валового экспорта товаров

Страна	Состав экспорта тропических продуктов	Страна	Состав экспорта тропических продуктов
Белиз	сахар – 30%, бананы – 32%	Гана	какао – 80%
Бенин	хлопок – 80%	Кения	чай – 56%
Буркина-Фасо	хлопок – 90%	Малави	табак – 67%
Бурунди	кофе – 80%	Руанда	кофе – 93%
Чад	хлопок – 90%	Судан	кунжут – 51%, хлопок – 27%
Кот-д'Ивуар	какао – 72%	Танзания	табак – 25%, хлопок – 20%, кофе – 20%
Эфиопия	кофе – 65%	Уганда	кофе – 51%
Гамбия	сахар – 54%, арахис – 30%		

Источник: составлено по данным ФАОСТАТ.

Цены на эти товары нестабильны, значительны конъюнктурные колебания, и несмотря на рост цен на сельхозпродукцию, нефть, металлы и другое сырье в последние несколько лет, позиции африканских стран в мировой торговле не меняются. Происходит дальнейшая маргинализация наименее развитых стран. Наблюдается снижение и без того незначительных долей стран Африки в мировом ВВП, мировом экспорте и импорте. Зависимость от экспорта, состояния

внешних рынков и получения экспортной выручки в африканских странах одна из самых высоких в мире.

Безусловно, для экономического развития стран и улучшения их позиций в системе международного разделения труда необходимо наличие благоприятных внутренних и внешних факторов развития. В странах Африки отсутствие прогресса в объемах внешней торговли и диверсификации ее структуры объясняется, прежде всего, слабостью экономической системы (и почти всех макроэкономических показателей), политической нестабильностью, отсутствием развитой транспортной инфраструктуры, политикой протекционизма и рядом других специфических условий. К внешним факторам, тормозящим развитие стран Африки, можно отнести торговые барьеры на рынках сельскохозяйственной продукции, в частности нетарифные барьеры развитых стран (ЕС, США и др.).

От Дохинского раунда МТП ВТО страны Африки ожидали, в том числе, и решения проблем, негативно влияющих на их внешнюю торговлю, которые должны нивелироваться за счет:

- усиления региональной и внутрирегиональной интеграции;
- уверенности в получении необходимой продовольственной помощи с одновременной защитой беднейших фермеров от нечестной конкуренции субсидированных экспортных продуктов;
- стабильных, больших по охвату и уровню использования преференций в их пользу;
- значительного снижения чрезмерных тарифов и других торговых барьеров, затрудняющих доступ африканских товаров на рынки стран-импортеров;
- уверенности в развитии сектора услуг и дальнейшей либерализации «трудовых услуг»;

- получения доступа к дешевым медикаментам, особенно для борьбы со СПИДом;
- уверенности в эффективном трансферте технологий и повышении технологической составляющей в товарах и услугах;
- обеспечения эффективного участия африканских стран в процессе принятия решений в ВТО;
- предоставления большего объема технической и другой помощи.

По результатам раунда практически по всем направлениям предприняты попытки изменения положения африканских стран в международной торговле как со стороны стран развитых, особенно ЕС и США, так и со стороны самих стран континента.

Так, Европейский Союз уже давно является крупнейшим спонсором (участником) инициатив «Помощь для торговли» (Aid for Trade initiatives), с объемами финансирования более 7 млн евро ежегодно. Наибольшая доля из этого – 2,7 млн евро – достается Африке.

В рамках 10-го Европейского фонда развития (EDF) Еврокомиссия практически удвоила объемы финансовой помощи для региональных интеграций стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейна по сравнению с периодом 2000–2007 гг. ЕС выделил 645 млн евро на поддержку региональной интеграции в Восточной и Южной Африке и регионе Индийского океана и 116 млн евро для Сообщества развития Южной Африки (SADC). На Северо-Южный транспортный коридор Еврокомиссия обещала предоставить 115 млн евро для улучшения торговых связей в регионе Южной и Восточной Африки. Совместно со странами Африки и Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АСР) ЕС разрабатывает Соглашения об экономическом сотрудничестве (EPAs), целью которых являются содействие гармонизации таможенных законодательств и процедур для упрощения торговли между ЕС и Африкой, облегчение региональной

торговли и транзита внутри и между африканскими торговыми группами.

ЕС предоставляет информационную помощь африканским компаниям – по европейским импортным процедурам, правилам и стандартам через Экспортную компьютерную службу помощи (Export Helpdesk) – о преференциальном импортном тарифе, таможенных документах, правилах определения страны происхождения товаров и торговой статистике.

Условия доступа на рынки крупнейших импортеров – ЕС и США для стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (АСР) носят беспрецедентно либеральный характер – они выигрывают от некоторых преференциальных схем в ЕС, США Канаде. Комбинация GSP+ ЕС (General System of Preferences +) Евросоюза является расширенной системой преференций для стран АСР и устанавливает более льготный торговый режим, чем обычная Общая система преференций для развивающихся стран), Акт содействия андской торговле и контролю над наркотиками (ATPDEA) и центрально-американское соглашение о свободной торговле (CAFTA) в результате дают устранение тарифов, с которыми сталкивается большинство экспортеров из других развивающихся стран на рынках ЕС и США. Комбинация Соглашения Котону, инициативы «Все кроме оружия» и Акта экономического восстановления стран Карибского бассейна (СВЕРА) также предоставляет беспопшлинный доступ на большинство экспортных товаров из стран АСР. Однако даже в расширенных преференциальных режимах сохраняется эскалация таможенного тарифа, не устраняются барьеры в торговле хлопком, сахаром и сахаросодержащей продукцией.

Доступ на рынки развитых стран в результате Дохинского раунда подвергается дальнейшей либерализации для всех развивающихся стран. Это вызывает опасные для стран Африки тенденции – они столкнутся с большей конкуренцией со стороны развивающихся стран с низкими издержками

производства, в настоящее время экспортирующих товары в рамках обычной GSP в ЕС, США и Канаду. И открытие доступа на рынки Японии и Австралии вряд ли компенсирует им потери и обеспечит сохранение позиций на мировых товарных рынках.

Если учесть, что основными торговыми ограничениями на рынках сельхозпродукции, представляющих особый интерес для стран Африки, являются жесткие правила определения страны происхождения товара, если импортер претендует на преференциальные льготы, а также обязательные технические регламенты и частные необязательные стандарты [3], нормы и правила, негласно соблюдаемые всеми компаниями-потребителями экспортной продукции африканских стран, то очевидно, что преодоление такого рода ограничений для наименее развитых стран будет иметь существенно большую стоимостную нагрузку на экспорт, чем для стран с низкими издержками производства и более высоким уровнем технологического развития.

Несмотря на постоянную критику в адрес развитых стран и их торговых барьеров со стороны африканских лидеров, мы можем констатировать тот факт, что тарифные условия доступа на рынки крупнейших экспортеров практически абсолютно либеральны. А также предположить, что высокие стандарты качества к продукции экспортного интереса стран Африки, помимо прочего, могут стимулировать в них самих некоторый технологический рост и повышение производственных стандартов, обусловленное стремлением сохранить за собой товарные рыночные ниши.

Основные причины стагнации экономического развития, количественного и качественного роста внешней торговли, заложены во внутренних проблемах африканских стран. Помимо облегчения доступа на рынки развитых стран (инициатив в рамках ВТО, инициатив США и ЕС) и получения зарубежной донорской помощи и финансирования, африканским странам необходимо достичь четырех ключевых задач:

- диверсификации товарной структуры экспорта;
- интенсификации интеграционных процессов на африканском континенте;
- обеспечения либеральной торговли по направлению Юг–Юг;
- решения инфраструктурных проблем.

В странах Африки сохраняется высокий уровень внешнеторгового протекционизма. В среднем страны к югу от Сахары устанавливают 34%-й тариф на сельскохозяйственную продукцию из других африканских стран и 21% на товары обрабатывающей промышленности – это наиболее протекционистский регион на Земле. Международные организации дают оценки, что устранение таких тарифов даст немедленные выгоды странам к югу от Сахары в размере 1,2 млн долл. США. Действительно, 70% всех торговых барьеров устанавливаются правительствами бедных стран против населения других бедных стран, намеренно создавая преграды, подрывающие инициативность населения и обмен товарами.

Учитывая превалирующую межотраслевую форму торговли, мотивация для либерализации внутрирегиональной торговли стран Африки ослаблена. Отсутствие активных действий связано с рядом причин.

Во-первых, существует традиционное, начиная с первых лет независимости, наследие по сильному государственному экономическому контролю, от которого, по политическим и идеологическим причинам, правительства в целом очень неохотно отказываются.

Во-вторых, излюбленный аргумент в пользу тарифов – что они являются основным источником правительственных доходов наиболее бедных стран. Инициативы же стран-доноров по компенсации потерь за счет улучшения эффективности сбора доходов и борьбы с коррупцией в системе, встречают внутреннее сопротивление. Так, британские

представители вынуждены были оставить свою работу в Мозамбике из-за угрозы своей жизни со стороны коррумпированных чиновников органов по сбору доходов, пытающихся защитить свои нелегальные доходы. Например, наименее развитые страны к югу от Сахары от 25 до 30% валовых внутренних доходов страны получают за счет таможенных пошлин. Для сравнения, в богатых развивающихся странах такой показатель составляет в среднем менее 2%.

В-третьих, многие правительства применяют импортные ограничения и специальные налоговые послабления как инструмент вознаграждения бизнесменов, поддерживающих их, или наказания своих оппонентов. Вплоть до предоставления наличных денег вне официальных счетов. Бизнес готов платить за гарантированную монополию в продаже своих товаров на внутреннем рынке с одновременной защитой от импорта.

В Африке многочисленные и повторяющиеся региональные экономические инициативы и торговые блоки приводят к приумножению правил и созданию крупных препятствий как во внутрирегиональной торговле, так и в международной торговле. Устранить протекционизм и безоговорочно открыть свои рынки хотя бы внутри существующих региональных интеграций – такой призыв является лейтмотивом всех последних встреч и конференций. (Встреча пяти региональных африканских интеграций в Найроби (Кения), речь Х. Клинтон в Кении, встреча ЕС и интеграций стран Восточной и Южной Африки в Лусаке (Замбия), Римская конференция по таможенным процедурам в Африканских странах и другие события 2009 г.)

Еще одной задачей является применение прозрачных торговых процедур как ключевого компонента внешнеторговой политики. Обременительные, устаревшие бюрократические процедуры и инфраструктурные проблемы душат торговлю и предпринимательство, препятствуют инвестициям и потворствуют коррупции. В среднем по миру затраты на тор-

говые процедуры могут варьироваться от 2 до 15% стоимости торгуемых товаров.

Африканский торговый потенциал подавляется неэффективностью и бюрократизмом. Один из примеров по Восточной и Южной Африке – дорожке переместить товары из Уганды к границе с соседними африканскими странами, чем поставлять товары из Уганды в Европу и США. Мелкие и средние африканские предприятия особенно уязвимы к процедурным трудностям, так как для них издержки составляют еще больший процент от товарооборота, чем у крупных фирм. Недостатка прозрачности в правилах и процедурах часто достаточно для абсолютного отказа предпринимателей от экспорта.

Для африканских стран немаловажной задачей является упрощение таможенных процедур, унификация программного обеспечения, применяемого в таможенных целях разными странами, введение практики предварительного декларирования и борьба с коррупцией в таможенных органах. Так, в наиболее значительном – для стран SADC и в Африке в целом – пункте пропуска Бейт Бридж (г. Дурбан), для тяжелого коммерческого транспорта пересечение границы и таможенное оформление на северном направлении (из ЮАР в Зимбабве) занимает от 63 до 83 часов (максимум – 125 часов), на южном направлении – от 23 до 44 часов. Очередь из грузовиков растягивается на 5 км, а каждый час задержки обходится в 49 долл. США дополнительных расходов. Не лучше ситуация с морскими судами – они стоят в очереди к терминалу въезда длиной 10–15 км.

Однако наиболее остро стоит первоочередной вопрос – устранение инфраструктурных ограничений, которые затрудняют расширение внутрирегиональной торговли, экономический рост и ускоренное сокращение бедности. Инициативные попытки предпринимаются африканскими правительствами масштабно и настойчиво, но, прежде всего, в виде попыток получения помощи из-за рубежа. Планируется

строительство Северо-Южного транспортного коридора (от Великих Озер до Южной Африки), финансируемого в значительной степени за счет развитых стран-доноров.

Итак, содействие гармонизации таможенных законодательств и процедур для упрощения торговли между ЕС, США, другими развитыми странами и Африки, значительное облегчение региональной торговли и транзитного движения в пределах и между африканскими сообществами – все это должно привести африканские страны к экономическому буму и процветанию. Однако реализуемость этих задач, а также достижение желаемого экономического эффекта до сих пор остаются дискуссионными и неоднозначными вопросами.

Примечания

1. См., например: *Дюжева Н.В.* Характер и причины перехода от тарифа к нетарифным методам протекционизма в международной торговле // Актуальные проблемы глобальной экономики: материалы конференции молодых ученых экономического факультета. – М.: РУДН, 2003; *Дюжева Н.В.* Нетарифные ограничения во взаимной торговле развитых и развивающихся стран // Управління розвитком. 2006. – № 5. – Спецвипуск – Збірник наукових робіт, – Харків, Вид, ХНЕУ, 2006; *Дюжева Н.В.* Нетарифные барьеры во внешней торговле России // Интеграция России в мировую экономику. – М.: РУДН, 2007.

2. *Bacchetta M., Bora B.* Post-Uruguay market access barriers for industrial products, Policy issues in international trade and commodities, Study series No.12, UNCTAD, UN. – NY and Geneva, 2001.

3. В отношении 131 из 134 тропических и «диверсифицированных» (продукции из запрещенных наркотических культур) товаров, обсуждаемых в ходе Дохинского раунда МТП, в ЕС, Канаде, США Швейцарии, Австралии, Японии применяются санитарные и фитосанитарные меры и/или обязательные технические стандарты. Причем основания их применения – везде разные. ЕС нацелен на защиту дикой природы, Канада сконцентрирована на защите здоровья растений, США, Япония и Швейцария – на защите здоровья людей, а Австралия охраняет как своих граждан, так и растения.

П.В. Кучерявый

РОЛЬ АФРИКАНСКОГО БАНКА РАЗВИТИЯ В ФИНАНСИРОВАНИИ СТРАН АФРИКИ

Африканский банк развития (далее – АБР, Банк) является региональным банком развития, в состав акционеров которого входят 53 страны африканского континента (региональные государства-участники) и 24 неафриканские страны (нерегинальные государства-участники) [1]. АБР наряду с Африканским фондом развития (далее – АФР, Фонд) и Нигерийским трастовым фондом (далее – НТФ) образует Группу АБР, являющуюся крупнейшим региональным институциональным инвестором в Африке: так, за период 1967–2008 гг. Группой АБР в виде кредитов и грантов было предоставлено на развитие африканских стран в общей сложности порядка 70 млрд долл. [2].

АБР учрежден в 1964 г. и официально начал свою операционную деятельность в 1967 г. Штаб-квартира Банка находится в Абиджане, Кот-д’Ивуар, однако из-за политической нестабильности в Кот-д’Ивуаре Сопредседательный комитет управляющих АБР в 2003 г. принял решение о ее временном переносе в столицу Туниса, Тунис.

Основная задача, возложенная на АБР его акционерами, заключается в содействии устойчивому экономическому развитию для целей снижения общего уровня бедности на африканском континенте. АБР решает данную задачу за счет финансирования широкого спектра проектов и программ развития посредством использования следующего набора инструментов:

- предоставления суверенного кредитования, кредитования частнособственнического сектора и вложений в акционерный капитал компаний;

- предоставления технического содействия для развития институциональной среды;
- государственных и частных капитальных инвестиций;
- помощи в вопросе координирования политик и планов развития региональных государств-участников;
- предоставления грантов до 500 тыс. долл. для целей оказания неотложной помощи.

АБР в своей работе отдает приоритет национальным и многосторонним проектам, нацеленным на продвижение региональной экономической кооперации и интеграции, он призван исполнять роль катализатора углубления интеграционных процессов в Африке.

Соглашение об учреждении АБР определяет Совет управляющих Банка в качестве высшего органа управления АБР, в состав которого входят по одному представителю от каждого государства-участника. Совет управляющих принимает решения по стратегическим вопросам деятельности АБР, внесению изменений в Соглашение об учреждении Банка, по принятию в Банк новых участников, а также по увеличению уставного капитала АБР. Совет управляющих избирает 18 членов Совета директоров, которому он делегирует часть своих управленческих полномочий. Совет директоров формируется по следующему принципу: 12 директоров номинируются региональными государствами-участниками и 6 директоров – нерегиональными государствами-участниками на трехлетний срок с возможностью его однократного возобновления. Совет директоров контролирует ход каждодневных операций АБР; он же избирает президента Группы АБР на 5-летний период, который может быть продлен на один срок. Президент АБР, который обязан быть гражданином одного из региональных государств-участников, председательствует в Совете директоров, ведет его заседания, назначает вице-президентов, официально

представляет Банк и руководит его повседневной деятельностью.

Банк предоставляет своим клиентам займы на рыночных (нелюбимых) условиях. В 1997 г. АБР ввел три новых кредитных продукта в целях наиболее полного удовлетворения клиентских потребностей [3]:

- моновалютные займы с переменной процентной ставкой, которая основывается на среднеквартальной стоимости фондирования этих займов;
- моновалютные займы с плавающей процентной ставкой, которая базируется на уровне 6-месячного Libor по валютам, входящим в валютную корзину АБР;
- моновалютные займы с фиксированной процентной ставкой, которая основывается на стоимости привлеченных АБР ресурсов для финансирования данных операций.

АБР предоставляет своим клиентам кредиты на следующие сроки:

- 20 лет, включая льготный период по возврату основного долга до 5 лет, для суверенных заемщиков;
- 14 лет, включая льготный период по возврату основного долга до 4 лет, для кредитных линий под суверенную гарантию;
- от 5 до 20 лет, включая льготный период по возврату основного долга от 1 до 3 лет, для кредитов коммерческому сектору.

Совокупные активы АБР по состоянию на конец 2008 г. составили более 19 млрд долл. [4], кредитный портфель – около 9 млрд долл., собственные средства – 7,2 млрд долл. Чистая прибыль по итогам 2008 г. составила 72 млн долл.

Другой стержневой организацией Группы АБР является Африканский фонд развития (АФР), который был создан в 1973 г. и начал свою операционную деятельность в 1974 г. Основная цель АФР заключается в сокращении бед-

ности в региональных государствах-участниках путем предоставления странам с низким уровнем доходов льготных (концессиональных) кредитов и грантов для целей реализации проектов и программ развития, а также технического содействия в вопросе расширения экономического потенциала [5]. Общий объем привлеченных Фондом финансовых ресурсов на конец 2008 г. составил порядка 25 млрд долл., объем свободных финансовых ресурсов – порядка 9 млрд. USD, кредитного портфеля – 7,5 млрд долл.

Высшим органом управления АФР в соответствии с уставными документами является Совет управляющих АБР. Совет директоров АФР, который, как и в АБР, осуществляет управление текущими операциями, имеет в своем составе 6 исполнительных директоров, номинированных правительствами нерегиональных стран-участниц, и 6 исполнительных директоров, представляющих АБР.

Ресурсы АФР формируются за счет целевых контрибуций и периодически вносимых дополнительных взносов участников (как правило на трехлетней основе). В рамках АФР-ХІ (2008–2010 гг.) было принято решение о внесении в Фонд около 8,9 млрд долл., что на 52% более АФР-Х. Данный взнос включает 5,7 млрд долл. донорской помощи и 3,2 млрд долл. в виде обязательств на пополнение капитала Фонда.

Кредитные ресурсы АФР предоставляются на беспроцентной основе, вместе с тем по ним предусматривается комиссия за обслуживание в размере 0,75% годовых и комиссия за резервирование средств в размере 0,5% годовых. Проектные кредиты имеют 50-летний срок возврата вложений, включая 10-летний льготный период по выплате основного долга. Кредитные линии Фонда имеют 20-летний период возврата с 5-летним льготным периодом по возврату принциала. Кроме того, АФР также предоставляет своим региональным участникам и грантовые средства, которые не пред-

полагают возмездности (за исключением случаев их нецелевого использования).

Третьей организацией Группы АБР, как сказано выше, является НТФ, представляющий из себя трастовый фонд, созданный в 1976 г. Группой АБР и правительством Федеративной Республики Нигерии. Уставная цель НТФ заключается в содействии развитию региональных государств-участников с низким уровнем дохода, чьи экономические и социальные предпосылки требуют концессионного финансирования [6]. Совокупные активы НТФ на конец 2008 г. составили порядка 440 млн долл., общий объем выданных за период 1976–2008 гг. средств – 328 млн долл.

НТФ начал свою деятельность в апреле 1976 г. Его первоначальный капитал в размере 80 млн долл. в 1981 г. был пополнен дополнительными 71 млн долл. В соответствии с учредительными документами срок работы Фонда ограничивался 30-летним периодом от момента образования НТФ. Несмотря на то что АБР и правительство Федеративной Республики Нигерии одобрили два одногодичных продления работы НТФ, после 25 апреля 2006 г. не было утверждено ни одного нового кредита или гранта.

Кроме того, в ноябре 2006 г. органами управления НТФ было дано поручение провести оценку деятельности Фонда и такая оценка была осуществлена к июлю 2007 г. На основании ее результатов и составленных рекомендаций, а также в соответствии с договоренностями между Банком и нигерийским правительством в ноябре 2007 г. Соглашение о НТФ было продлено еще на 10 лет, начиная с 26 апреля 2008 г. Ожидается, что новые проекты в рамках НТФ будут одобрены уже в текущем году.

На период 2008–2012 гг. деятельности Группы АБР будет сосредоточена на следующих направлениях [7]:

- инфраструктура – в первую очередь транспортная система, генерирующие и передающие электроэнергетические мощности, телекоммуникации; АБР планирует дости-

гать расширенное воспроизводство общественных благ за счет увеличения занятости и производительности труда населения; Банк также сконцентрируется на улучшении доступа к водоснабжению в сельской местности и качества санитарии;

- государственное управление – АБР расширит свою операционную деятельность, направленную на усиление государственного управления в тех секторах, которые напрямую связаны с операционными приоритетами Банка;

- частный сектор – АБР посредством суверенных, субсуверенных и частных инструментов финансирования планирует содействовать развитию частного сектора; операционный фокус будет отдан инфраструктуре, производству товаров и услуг, финансовым посредникам, малому и среднему бизнесу;

- образование, технологии и профессиональная подготовка – в частности, АБР планирует инвестировать в развитие национальных и региональных центров подготовки в целях улучшения условий для ведения научной деятельности и осуществления технологических инноваций.

Также Группа АБР намеревается оказать поддержку:

- развитию сельского хозяйства – путем развития систем водоснабжения, ирригации, сети сельских дорог, рыночной и складской инфраструктуры, агропромышленности;

- достижению целей тысячелетия, связанных с областью здравоохранения – Банк планирует оказывать поддержку социальной сфере, а также сделать плотную увязку между человеческим развитием и операциями в инфраструктурном секторе, например, в таких областях, как водоснабжение и канализация, свободный доступ к электроэнергии.

Горизонтальный акцент в работе Банка на срок действия стратегии 2008–2012 гг. будет сделан на следующих направлениях:

- *региональная интеграция* – более глубокая региональная интеграция в Африке позволит: сформировать новые

рынки и возможности для экономического роста, создания рабочих мест и улучшения жизненных условий; создать более устойчивые, конкурентные и диверсифицированные экономики; привлечь новые финансовые ресурсы и оздоровить инвестиционный капитал;

- *страны на этапе перехода* – Банк приоритетно будет помогать странам с посткризисным и постконфликтным переходом двигаться к более стабильному политическому и экономическому развитию;

- *страны со средним уровнем доходов* – АБР планирует выстроить более устойчивую связь между государственными и негосударственными операциями, развивать конкурентные кредитные продукты и на более систематической основе увязывать их со своими консультационными услугами.

Рассмотрим макроэкономическую среду, с которой Группе АБР пришлось столкнуться в 2008 г. Экономическая ситуация в Африке в прошлом году в целом оставалась довольно стабильной, несмотря на волатильность на рынках углеводородов и потребительских товаров, тяжелую ситуацию с продовольственным обеспечением (виной тому стали засуха и плохая урожайность), а также глобальный финансово-экономический кризис (ГФЭК). Рост континентального ВВП по итогам прошлого года составил 5,7% (по итогам 2007 г. он был зафиксирован на уровне 6,1%) [8]. Африканский ВВП в расчете на душу населения за 2008 г. вырос в номинальных ценах до 1624 долл. с 1404 долл. в 2007 г.

В то же время инфляция в Африке увеличилась с 7,5% в 2007 г. до 11,6% в 2008 г. Несмотря на то что в целом по континенту наблюдался рост объемов торговли, сальдо по счету текущих операций и государственных бюджетов, 11 стран имели дефицит текущих счетов в размере более 10% их страновых ВВП и 8 стран имели коэффициент обслуживания долга в размере более 20% ВВП.

Заглядывая вперед, можно заключить вывод, что африканские экономики встретятся с серьезными трудностями, порожденными ГФЭК [9]. В мире уже произошло существенное сокращение глобального спроса на потребительские товары, которое повлекло за собой снижение цен на продукцию африканского экспорта. Более того, финансовый кризис привел к замедлению темпов капитальных вложений в региональные государства-участники АБР, уменьшению объемов предоставляемой помощи и уходу краткосрочного капитала.

Во второй половине 2008 г. произошло драматическое падение котировок африканских компаний на всех африканских торговых площадках за исключением Тунисской фондовой биржи, произошла девальвация национальных валют большинства региональных стран – участниц АБР (кроме Анголы и стран Центральноафриканского финансового союза). При этом от ГФЭК наиболее сильно пострадали экспортноориентированные страны, и особенно те, чьи доходы в значительной степени зависели от горнодобывающего дела, турбизнеса и обрабатывающей промышленности.

В ответ на кризис в ноябре 2008 г. АБР совместно с Комиссией Африканского союза и Экономической комиссией по делам Африки Организации Объединенных Наций провел в Тунисе конференцию на уровне министров финансов и управляющих центральных банков стран Африки. На конференции были обсуждены проблемы, стоящие перед странами Африки, а также возможные пути их решения. На ней же АБР предложил ряд новаторских механизмов по смягчению негативных последствий ГФЭК – таких, как Инициатива торгового финансирования и Инструмент предоставления неотложной ликвидности для помощи региональным членам Банка, особенно в части мобилизации финансовых ресурсов и торгового финансирования.

АБР использовал широкий набор инструментов по финансовой поддержке государств – получателей средств АФР по следующим направлениям:

- поддержка государственных бюджетов;
- долгосрочное инфраструктурное финансирование;
- развитие частнособственнического сектора.

АБР также без промедления отреагировал против последствий продовольственного кризиса, который поразил африканский континент в течение 2008 г. масштабным ростом цен на продукты питания, особенно на зерновые культуры.

В целях решения вышеуказанной проблемы, после соответствующих консультаций с региональными странами – участницами АБР, международными банками развития и другими международными организациями развития, Банк организовал в 2008 г. специальный фонд по решению африканского продовольственного кризиса. Цель его образования заключается в сокращении распространившегося голода (в краткосрочной перспективе) и обеспечении устойчивой продовольственной безопасности (в долгосрочной перспективе). Фонд должен сосредоточить свою деятельность на развитии сельскохозяйственной инфраструктуры, включая усовершенствование систем ирригации, сельских дорог, а также создание запасов саженцев посевных культур.

Ожидается, что по линии вышеназванной инициативы будет предоставлена финансовая поддержка в общей сложности порядка 730 млн долл. в ближайшей перспективе и порядка 2,1 млрд долл. в средне- и долгосрочной перспективах.

Совокупный объем операционной деятельности Группы АБР (кредиты, гранты, прочие финансовые инструменты) в 2008 г. составил порядка 5,4 млрд долл. в сравнении с 4,9 млрд долл. в 2007 г. (10%-й рост). Из этих средств порядка 4,9 млрд долл. были предоставлены в форме кредитов и грантов и 500 млн долл. в виде списания долговых обяза-

тельств, прямых капитальных инвестиций, частных гарантий, специальных фондов.

На долю АБР (неконцессионное направление) в 2008 г. пришлось порядка 2,8 млрд долл. одобренных операций (51,2%), на АФР (концессиональное направление) – 2,6 млрд долл. (47,2%), на НТФ – 45 млн долл. (0,8%), операции в рамках специальных фондов по водообеспечению также составили 45 млн долл.

Двумя основными финансовыми инструментами Группы АБР были проектные кредиты и гранты. Проектное финансирование (включая кредиты коммерческому сектору) в 2008 г. составило порядка 3,2 млрд долл. и сократилось по сравнению с годом предыдущим на 12%. Это сокращение, в первую очередь, объясняется тем обстоятельством, что в последние годы высокими темпами развивалось кредитование частного сектора. Пик этого кредитования был достигнут в 2007 г. за счет двух крупных инфраструктурных проектов, а именно: развитие энергетических компаний Eskom Holding в ЮАР (порядка 530 млн долл.) [10] и Abu Qir Power в Египте (порядка 350 млн долл.) [11]. Несмотря на небольшое сокращение, проектное финансирование составило порядка 58,2% общего объема всех одобренных проектов АБР.

Вместе с тем кредитование на цели экономических преобразований, составившее по итогам 2007 г. 82 млн долл., в 2008 г., увеличилось более чем в 10 раз и составило 846 млн долл. В этом отражается стремление Банка расширить возможности региональных государств-участников в проведении макроэкономических политик и реформ своих систем управления, создавая таким образом благоприятный инвестиционный климат и предпосылки для дальнейшего экономического роста.

В отношении отраслевого распределения одобренных в 2008 г. кредитов и грантов Группы АБР следует сказать, что основными бенефициарами стали следующие сектора:

инфраструктура, смешанные отрасли, финансовый сектор и производственный сектор.

Объем одобренных инфраструктурных проектов в 2008 г. составил порядка 2,2 млрд долл. (или 44,5%). Среди компонентов инфраструктуры наибольшее внимание было уделено транспортному сектору; следом за ним идут электроэнергетика и водообеспечение.

И АБР, и его региональные участники признают за инфраструктурой эффективный фактор социально-экономического развития. Наличие качественной инфраструктуры создает более благоприятную среду для ведения коммерческой деятельности и работы частного сектора, а также для привлечения инвестиций. Региональная инфраструктура развивается Группой АБР и другими финансовыми институтами развития через такие инструменты, как Африканское финансовое партнерство, созданное в сентябре 2008 г. в целях преодоления торговых барьеров, создания эффекта экономии на масштабе и придания импульса для увеличения экспортной выручки и ВВП.

Доля многосекторных проектов увеличилась с 3,6% в 2007 г. до 23% в 2008 г., то есть почти семикратно. Это стало следствием стремления Группы АБР по продвижению высоких стандартов управления как средства развития институциональных возможностей государств-участников для надлежащего и прозрачного бюджетного управления.

Субрегиональное распределение операций в целом по Группе АБР имело следующий вид: Северная Африка – 25,9%, Западная Африка – 20%, Восточная Африка – 18%, Южная Африка – 15%, Центральная Африка – 2,3%, 18,8% – межнациональные проекты.

Как уже указывалось выше, совокупный объем одобренных операций АБР в 2008 г. составил порядка 2,8 млрд долл. по сравнению с 2,6 млрд долл. в 2007 г. Инструментальная структура этих операций имела следующий вид: кредиты – 2,3 млрд долл., гранты, списание задолженно-

сти, участие в частном акционерном капитале, гарантии – 0,5 млрд долл.

Особенное внимание АБР в 2008 г. было уделено частному сектору. Одобренные в нем операции составили порядка 1,4 млрд долл. или около половины одобренных операций по линии АБР и около четверти всех одобренных операций Группы АБР. Такой значительный объем операций в частном секторе демонстрирует, что АБР сделал фокус на факторах, содействующих процессу сокращения бедности. Половина всех проектов в частном секторе была направлена на поддержку финансовых посредников, например, это проекты по участию в уставном капитале либерийского Access Bank [12] и конголезского Advans Bank [13]. АБР также предоставлял кредитные линии коммерческим банкам (например, кредиты Zanaco Bank в Замбии [14], CRDB Bank в Танзании [15]) для последующего перекредитования этих средств малым и средним предприятиям.

Совокупный объем одобренных кредитов и грантов в рамках окна концессионального финансирования по линии АФР, как отмечалось, в 2008 г. составил порядка 2,6 млрд долл. по сравнению с 2,2 млрд долл. в 2007 г. При этом объем одобренных кредитов и грантов возрос с 1,7 млрд долл. в 2007 г. до 2,5 млрд долл. в 2008 г. (почти на 50%).

Двумя основными секторами-получателями этих средств стали инфраструктура (1,1 млрд долл.) и мультиотраслевые проекты (1 млрд долл.).

Проектные и программные кредиты, одобренные АФР в 2008 г., составили порядка 1,7 млрд долл. по сравнению с 1,2 млрд долл. в году предыдущем. Размер одобренных грантов в 2008 г. увеличился до 850 млн долл. с 480 млн долл. в 2007 г. Выборка средств по операциям Фонда возросла в 2008 г. до уровня 1,7 млрд долл. с 1,1 млрд долл. в 2007 г.

Таким образом, Группа АБР в кризисном 2008 г. смогла нарастить масштабы своей операционной деятельности для целей социально-экономического развития африкан-

ского континента, достичь максимального в своей истории объема одобренных операций как по линии АБР, так и АФР, составившего порядка 5,4 млрд долл.

Группа АБР продемонстрировала способность оперативно реагировать на вызовы, генерируемые ГФЭК, смягчать его негативные последствия, в т.ч. в части обеспечения продовольственной безопасности в Африке, выступила координатором ряда региональных антикризисных инициатив, продолжила работу по развитию частного сектора, банковской системы и финансовых рынков на континенте.

Л и т е р а т у р а

1. Соглашение об учреждении Африканского банка развития в редакции от июля 2002 г.
2. <http://www.afdb.org/>
3. Общие условия предоставления Группой Африканского банка развития кредитов и грантов.
4. Годовой отчет Группы Африканского банка развития за 2008 г.
5. Соглашение об учреждении Африканского фонда развития в редакции от июля 2003 г.
6. Соглашение между Африканским банком развития и Федеративной Республикой Нигерия в редакции от мая 2004 г.
7. Среднесрочная стратегия Африканского банка развития на период 2008–2012 гг.
8. <http://www.imfstatistics.org/>
9. <http://www.imf.org/>
10. <http://www.eskom.co.za/>
11. <http://www.arabfinance.com/>
12. <http://www.accessbankplc.com/>
13. <http://www.advansgroup.com/>
14. <http://www.zanaco.co.zm/>
15. <http://www.crdbbank.com/>

Р.И. Беккин

СУДАН: ИСЛАМСКАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ СТРАНЕ

Африке принадлежит особая роль в развитии исламских финансов. Именно здесь появились первый в мире исламский банк («Мит Гамр» в Египте) и первая в мире исламская страховая компания («Исламик Иншурэнс Компани» в Судане). На протяжении 1970–1990 гг. Африка служила своего рода лабораторией для апробации исламских финансовых институтов и методов, прежде чем они находили применение в странах Персидского залива и на Западе. Со второй половины 1990-х гг. по мере становления и развития исламских финансовых институтов в мире африканский континент стал рассматриваться исламскими банками из стран Персидского залива как одно из приоритетных направлений экспансии исламского капитала.

В новом тысячелетии африканские страны уже не находятся в авангарде исламских финансов. Однако их потенциал в деле развития исламских финансов недооценен. Во многих странах Африки со значительным мусульманским населением и спросом на исламские финансовые продукты отсутствуют какие-либо исламские финансовые институты. Данное утверждение справедливо не только в отношении стран южнее Сахары, но и применительно к странам Северной Африки. Даже в такой стране, как Египет, исламские банки и другие исламские финансовые институты пока что недостаточно представлены в финансовой системе государства. Исключение составляет Судан – единственная страна не только в Африке, но и в мире, где весь финансовый сектор был реформирован в соответствии с требованиями шариата.

По мнению американского исследователя суданского происхождения А.-Х.М. Башира, исламизация экономики в

Судане прошла 4 этапа [1, р. 1]. Рассмотрим ниже каждый из них в отдельности.

Первый этап (1977 – сент. 1983 г.) ознаменовался появлением первого в Судане исламского банка – «Фейсал Исламик Бэнк оф Судан» и первой не только в стране, но и в мире исламской страховой компании – «Исламик Иншурэнс Компани оф Судан». 40% акций банка принадлежали Саудовской Аравии, другие 40% – состоятельным гражданам Судана, в числе которых были президент страны, вице-президент, министры правительства, лидеры суданских «Братьев-мусульман» и др., а оставшиеся 20% – другим арабским странам.

К 1983 г. в стране появилось еще три исламских банка: «Тадамун Исламик Бэнк оф Судан», «Суданиз Исламик Бэнк» и «Исламик Кооперейтив Бэнк» – первый правительственный исламский коммерческий банк.

Исламские банки в достаточно быстрый срок сумели составить конкуренцию традиционным банкам в вопросах мобилизации депозитов и роста активов [2, р. 1–24].

Второй этап (сент. 1983–1985), сравнительно короткий, характеризуется попыткой режима Нимейри исламизировать финансовый сектор страны. Причины введения исламских гражданских и уголовных законов были сугубо политические. Находившийся у власти с 1969 г. Джа‘фар Нимейри решил перехватить инициативу у своих оппонентов, прежде всего – у «Братьев-мусульман» во главе с Хасаном ат-Тураби.

В 1983 г. был издан президентский декрет, предписывавший всем коммерческим банкам в Судане приостановить процентные операции и привести их в соответствие с шариатом. Данный запрет не касался операций с зарубежными партнерами, – по крайней мере, решение вопроса о том, как соблюсти исламский запрет ростовщичества в международных экономических отношениях, было отложено на неопределенное время.

Застигнутые врасплох подобным решением, банки стали осуществлять 90% своих операций на основе договора *мурабаха*. Фактически же исламскими транзакции банков были только на бумаге: в бухгалтерских книгах и их отчетах перед Банком Судана (Центральным банком), специалисты которого смотрели на сложившуюся ситуацию сквозь пальцы, рассматривая решение об исламизации экономики как политическое, а не экономическое [3, р. 22].

В этот период были учреждены еще два исламских банка «ал-Барака Бэнк» и «Исламик Бэнк фор Вестерн Судан».

Поняв, что политика исламизации не принесла ему ожидаемых политических дивидендов, Нимейри стал с начала 1985 г. сворачивать экономические и иные преобразования в духе ислама. Большинство традиционных банков, которые в свое время были принудительно исламизированы, очень быстро вернулись к прежней практике.

Третий этап (1985–1989 гг.) – период после свержения режима Нимейри – ознаменовался восстановлением действия некоторых принятых ранее исламских законов. Но о возврате к политике исламизации экономики речь пока не шла. К началу 1980-х гг. экономика Судана находилась в тяжелейшем состоянии. В 1985–1986 гг. на Судан обрушилась сильная засуха.

Дефицит платежного баланса достиг 1 млрд долл., а внешняя задолженность составила 4 млрд долл. [4, с. 107]. В 1987 г. МВФ отказался предоставить Судану новый заем объемом 750 млн долл. С каждым годом ситуация только ухудшалась.

В этот период некоторые политические силы (прежде всего левые) пытались устранить исламскую финансовую систему, но данные попытки не увенчались успехом.

Четвертый, и последний, **этап** исламизации экономики страны начался с июня 1989 г. с приходом к власти Омара Хасана Ахмада ал-Башира. Именно в этот период был

реанимирован проект по исламизации экономики, вернее – финансового сектора страны. Экономические реформы в духе ислама стали проводиться более последовательно, но не столь поспешно, как при Нимейри. В Основной закон Судана 1998 г. было внесено следующее положение: «Государство стимулирует развитие национальной экономики путем планирования на основе трудовой деятельности, производства и свободного рынка, запрещая монополии, ростовщичество и мошенничество» (ст. 8).

В 1992 г. был учрежден специализированный орган по наблюдению за соответствием реформы финансового сектора шариату – Высший шариатский совет, куда вошли специалисты по шариату, юристы, экономисты. До этого некоторые его функции выполнял специальный отдел технического контроля при центробанке, но он не имел полномочий в вопросах, относящихся к шариату.

Статус Высшего шариатского совета регламентируется Законом о регулировании банковской деятельности 2003 г. Совет состоит из 11 членов, большинство из которых – мусульманские правоведы, однако в Совет также входят экономисты и банкиры (в том числе Управляющий Банком Судана). Все члены Совета – суданцы. Они назначаются президентом страны по представлению Управляющего Банком Судана и министра финансов. Срок полномочий членов Совета не установлен. Иными словами, теоретически членом Совета можно быть пожизненно [5]. Допустимо также сочетать членство в Высшем шариатском совете и шариатских советах коммерческих банков.

Решения Совета принимаются простым большинством голосов в случае невозможности достижения консенсуса, но практика свидетельствует, что в большинстве случаев решения принимаются на основе консенсуса.

Высший шариатский совет также является апелляционной инстанцией по спорам между исламскими банками, исламскими банками и Банком Судана, исламским банком и

его клиентами. Таким образом, Совет не осуществляет непосредственный надзор за банковской деятельностью.

Банки обращаются в Высший шариатский совет как в последнюю инстанцию, если они не согласны с решением, принятым внутренним шариатским советом банка. Характерной чертой шариатского совета в некоторых банках (например, в «Тадамун Исламик Бэнк оф Судан») является то, что он является внутренним структурным подразделением, своего рода *in-house law department*, который ежедневно решает различные правовые вопросы, но одновременно выполняет и функции наблюдательного органа. В то же время в большинстве исламских банков в мире шариатский совет – это своего рода надзорный орган, как совет директоров или наблюдательный совет.

Фетвы Высшего шариатского совета не основаны на воззрениях какой-то одной правовой школы (например, *маликитской*, господствующей в Судане). Председателем Высшего шариатского совета в настоящее время является профессор ад-Дарир, один из «отцов» исламской экономической системы в Судане.

В период с 1999 по 2002 г. в стране была проведена финансовая реформа, позволившая не только ввести в банковскую практику положения, выработанные Базельским комитетом, но и привести их в соответствие с принципами мусульманского права. В Судане учли ошибки при проведении экономических реформ в духе ислама в других странах, в частности в Пакистане, где Государственный банк практически лишь выполнял поручения идеологических структур типа Совета исламской идеологии. Высший шариатский совет в Судане не вмешивается в вопросы, не относящиеся к его компетенции.

На сегодняшний день банки в Судане при осуществлении своих операций используют только те контракты, которые известны мусульманскому праву. Банк Судана не делает различий между исламскими и традиционными банка-

ми. Последние также должны использовать в своей деятельности лишь признаваемые Банком Судана исламские финансовые механизмы.

Однако строительство исламской экономики в Судане было бы сложнее осуществить без помощи из-за рубежа. Примечательно, что содействие Судану в исламизации финансового сектора оказывал Международный Валютный Фонд. При участии специалистов МВФ была, в частности, разработана схема выпуска государственных облигаций в соответствии с механизмом *мушарака*.

Таким образом, несмотря на некоторые отступления от курса исламизации экономики, Судан оказался единственной страной, которая более или менее последовательно осуществляла реформы в указанном направлении. Исламизация затронула банковский и страховой секторы, были разработаны соответствующие требованиям шариата ценные бумаги [6].

В 1994 г. была создана Хартумская фондовая биржа. В настоящее время на бирже торгуются акции 54 суданских компаний и 9 инвестиционных фондов, а также 12 выпусков правительственных *сужук*. Существуют высокие требования к раскрытию информации на бирже, что обеспечивает высокий уровень прозрачности. При бирже функционирует свой шариатский совет, который одобряет все новые продукты перед их допуском к торгам. Подобный консервативный подход позволяет избежать спекуляций [7].

В 2003 г. при Хартумской фондовой бирже начал работать индекс, разработанный при поддержке МВФ. За пять лет он вырос с 1000 до 2500 пунктов. На сегодняшний день Хартумская фондовая биржа входит в пятерку крупнейших африканских фондовых бирж и занимает 5-е место (10,5 млрд долл. – по объему торгов акциями, без учета торгов *сужук*).

Из-за отсутствия спекуляций на бирже цена акций, торгующихся на ней, в большинстве случаев равна их номи-

нальной или балансовой стоимости (*book value*). Поэтому проблемы на мировых фондовых площадках практически не затронули суданский фондовый рынок.

Правила листинга на Хартумской фондовой бирже содержатся в принятом в 1994 г. Законе о Хартумской фондовой бирже. В Судане, как и в других странах, одним из востребованных финансовых инструментов за последние годы являются *сукук* [8, с. 19–22]. Первые *сукук* появились в стране в 1999 г.

Большая часть торгов на Хартумской фондовой бирже приходится на операции с правительственными *сукук*. К числу таковых относятся:

а) правительственные *мушарака*-сертификаты (GMC), или *shahama-bonds*. GMC представляют собой краткосрочные ценные бумаги. С помощью данного инструмента государство заимствует деньги на внутреннем рынке вместо того, чтобы эмитировать денежные знаки. По истечении одного года обладатель такой ценной бумаги вправе предъявить сертификат к погашению или продлить его на новый срок. Доходность по сертификатам может достигать 33 % в год. Сертификаты обеспечены портфелем акций различных компаний, принадлежащих правительству Судана (Министерству финансов Судана), т.е. эти *сукук* обеспечены активами. Доходность по ним зависит от результатов деятельности компаний, чьи акции обеспечивают данные *сукук* [9]. Следовательно, доход по GMC не фиксированный, а плавающий. Выпуск *мушарака*-сертификатов проводится ежеквартально, четыре раз в год. Размещение проходит очень быстро: за шесть дней. Первый выпуск был проведен в 1999 г.

Существенная проблема заключается в том, что доход по данным ценным бумагам большей частью направляется правительством не на цели развития, а для покрытия расходов на содержание чиновничьего аппарата, на оборону и др;

б) правительственные инвестиционные сертификаты (GIC) – среднесрочные ценные бумаги, обеспеченные раз-

личными контрактами, которые финансирует Министерство финансов Судана: *истисна*’, *мурабаха*, *иджара*.

Выпуск данных *сукук* по структуре напоминает традиционную секьюритизацию, при этом Министерство финансов Судана выступает в роли originатора. В основе GIC лежит ограниченная *мудароба*. Это означает, что привлеченные от выпуска *сукук* средства инвестируются в строго оговоренный условиями выпуска проект;

в) *иджара*-сертификаты Банка Судана (CIC). По закону исламские банки обязаны инвестировать до 30% средств, привлеченных на депозиты, в вышеперечисленные государственные ценные бумаги. *Иджара*-сертификаты обеспечены зданиями, принадлежащими Банку Судана. В основе CIC лежит такой метод финансирования, как *иджара*. По истечении срока *иджара*-сертификата независимый оценщик производит оценку здания.

Во все вышеперечисленные виды *сукук* могут инвестировать только банки, перепродавать их также можно только банкам.

В октябре 2003 г. при Министерстве финансов создан специальный комитет по *сукук*. В задачи комитета входит изучение способов эффективного использования привлеченных через выпуск *сукук* средств.

Преимущества выпуска правительственных *сукук* перед методами денежно-кредитной политики, используемых на Западе, состоит в том, что в их основе лежат реальные активы. Подобные инструменты позволяют сдерживать уровень инфляции (поскольку не печатаются деньги, денежная масса не увеличивается). За пять лет Министерство финансов привлекло около 3,5 млрд долл. через выпуск *сукук* (600 млн каждый год).

Сукук до сих пор выпускаются в документальной форме, однако недавно был учрежден депозитарий. В ближайшем будущем планируется автоматизировать процедуру

клиринга, и операции с ценными бумагами на бирже будут осуществляться через депозитария.

Не остались без внимания реформаторов финансовой системы в Судане и налоги. Однако здесь не удалось добиться тех же результатов, что и в банковской сфере. В 1984 г. был принят Закон о *закяте* и налогообложении. В отличие от прежнего закона 1980 г., где выплата *закята* рассматривалась как добровольный акт, в Законе о *закяте* и налогообложении данный очистительный налог выступает в качестве обязательного для всех мусульман – граждан Судана, проживающих как в самой стране, так и за ее пределами.

Законом 1984 г. были отменены 19 других законов, регулировавших взимание различного рода налогов и сборов [10]. Вместо них новым законом вводились три новых налога:

- 1) налог на социальную устойчивость, взимаемый с местных немусульман, а также иностранных граждан, постоянно проживающих в Судане;
- 2) налог на строительство и капиталовложения [11];
- 3) гербовый сбор.

Следует отметить, что время для налоговых реформ было выбрано не вполне удачно: в 1984 г. в Судане разразилась сильнейшая за всю новейшую историю страны засуха. Очень скоро выяснилось, что проводимые преобразования не оправдали ожиданий правительства. По окончании первого бюджетного года после введения *закята* вместо ожидаемых поступлений в размере 118 млн суданских фунтов бюджет недополучил средств на указанную сумму [12, р. 89]. Уже через несколько недель после обнародования бюджета руководство страны вынуждено было ввести налог на добавленную стоимость (НДС) и налог на социальную справедливость.

Пришедшее в апреле 1985 г. к власти новое руководство Судана восстановило прежнюю налоговую систему. Но *закят* сохранил свое значение в качестве одного из государ-

ственных налогов. В настоящее время система *заката* существует как бы обособлено от налоговой системы страны. *Закаят* выплачивается до уплаты налогов, для целей налогообложения *закаят* рассматривается как расход, т.е. налогооблагаемая база будет уменьшена на сумму выплаченного *заката*.

В Судане не стали повторять грубые ошибки, допущенные в ходе осуществления налоговых реформ в Пакистане, и сбор в стране *заката* попытались сопроводить облегчением налогового бремени, а не его ужесточением. Но оставшихся после введения в действие закона 1984 г. налогов оказалось недостаточно для пополнения бюджета и для решения такой важной для мусульманской страны задачи, как ликвидация пропасти между богатыми и бедными за счет справедливого перераспределения материальных ресурсов в обществе.

В соответствии с представлениями многих мусульманских экономистов и юристов *закаят* должен быть главным налогом в налоговой системе мусульманской страны. Остальные налоги (как прямые, так и косвенные) – это всего лишь дополнительные платежи, призванные решить задачи, с которыми не справился *закаят*. Вся налоговая система мусульманской страны должна строиться вокруг *заката*. В Судане же все получилось как раз наоборот. *Закаят* де-факто выведен за рамки налоговой системы государства, что не позволяет ему выступать в качестве ее центрального звена. Кроме того, система по сбору и распределению *заката* непрозрачна, что создает почву для злоупотреблений.

В настоящее время разрабатывается новая модель распределения *заката*, при которой средства будут направляться нуждающимся напрямую.

Что касается такого института исламской благотворительности, как *вакф*, то в отличие от многих стран Ближнего Востока, в Судане *вакфы* не нашли применения в современной исламской экономической инфраструктуре. Большинство *вакфов* относятся к категории религиозных. Распростра-

нены *вакфы* в виде магазинов по продаже золотых изделий и другой продукции на территории мечетей.

* * *

Признавая прогресс Судана в деле исламизации финансового сектора, западные специалисты отмечают, что проведенные реформы принесли стране скорее политические, чем экономические дивиденды. Исламские финансовые институты на деле не выполняют те функции, которые должны выполнять подобные структуры в бедной сельскохозяйственной стране. Большинство исламских банков стремится инвестировать в краткосрочные коммерческие проекты с использованием механизма *мурабаха*, а не в промышленное производство или сельское хозяйство. 90% инвестиций исламских банков в Судане направлено на финансирование экспортно-импортных операций. В то же время в сельское хозяйство инвестируется не более 4% [13, p. 63].

В последние годы в Судане получило развитие микрофинансирование на основе исламских принципов.

Между тем исламским микрофинансовым организациям присущи те же проблемы, что и исламским банкам. Так, например, подавляющее число проектов (до 95%), как и в исламских банках, финансируется на основе модели *мурабаха*. Лишь незначительная часть проектов (не более 10 %) финансируется микрофинансовыми организациями с использованием механизма *мушарака*.

Примечания

1. *Abdel-Hamid M. Bashir*. Risk and Profitability Measures in Islamic Banks: the Case of Two Sudanese Banks // *Islamic Economic Studies*. – 1999. – Vol. 6. – № 2. – Muharram (May).

2. Подробнее об этом см.: *Abdel-Hamid M. Bashir*. Risk and Profitability Measures in Islamic Banks: the Case of Two Sudanese Banks // *Islamic Economic Studies*. – 1999. – Vol. 6. – № 2. – Muharram (May).

3. *Osman Ahmed*. Sudan: the Role of the Faisal Islamic Bank // *Islamic Financial Markets* / Ed. Rodney Wilson. – L., 1990 // цит. по: *Ziauddin Ahmad*. *Islamic Banking: State of the Art* // *Islamic Economic Studies*. – 1994. – Vol. 2. – № 1. – Rajab (December).

4. *Поляков К.И.* Хасан ат-Тураби: во главе исламских фундаменталистов в Судане // *Ближний Восток и современность*. – М., 1999. – Вып. 7.

5. В исламских банках члены шариатского совета, как правило, назначаются на срок три года с возможностью пролонгации их контракта.

6. В соответствии с Всеобъемлющим мирным соглашением, подписанным в январе 2005 г. суданским правительством и Народно-освободительным движением Судана, действие законов об исламизации финансового сектора не распространяется на юг страны. Власти Южного Судана поставили исламские банки, действовавшие в регионе, перед выбором: или преобразоваться в традиционные, или полностью прекратить свою деятельность.

7. Важно также учитывать и то обстоятельство, что банки в Судане не ссужают деньги на спекулятивные операции. На Западе коммерческие банки предоставляют кредиты чаще всего не для целевого использования, т.е. деньги могут использоваться для спекуляций. Исламские же банки дают деньги лишь под конкретный проект. В мусульманском праве запрещен *short-selling*, поскольку недопустимо продавать то, чем не владеешь. В настоящее время власти США в условиях кризиса пытаются стабилизировать рынок, в том числе и через запрет коротких продаж.

8. Подробнее о *сукук* см., например: *Прудникова Ю., Беккин Р.* Механизм функционирования исламских облигаций // *Рынок ценных бумаг*. – 2007. – № 14 (341).

9. Итоги подводятся в конце года на основании данных финансовой отчетности.

10. Среди отмененных налогов был и акцизный сбор с алкогольной продукции, приносивший немалые средства в бюджет.

11. Данный налог не вполне вписывается в цели и задачи построения исламской финансовой системы, поскольку шариат, не имея ничего против капиталовложений, выступает против тезаврирования.

12. *Mohammad Hashim Awad*. Adjusting Tax Structure to Accommodate Zakah // Management of Zakah in Modern Muslim Society. – Jeddah, 2000.

13. *Björklund I., Lundström L.* Islamic Banking: An Alternative System. – Kristianstad, 2004 // <http://eprints.bibl.hkr.se/archive/00000223/01/dissertation.pdf>

В.И. Русакович

ВАЛЮТНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

В начале XXI в. экспорт нефти и формирование более благоприятного климата в странах Центральной Африки способствовали как экономическому росту, так и усилению интеграционных процессов. Однако ориентация экономики более всего на производство сырья не позволяет в полной мере стабилизировать ни социально-экономическое, ни интеграционное развитие региона. Необходимость диверсификации национальных хозяйств, модернизации сельского хозяйства, стабилизации финансовой системы предполагают как повышение эффективности государственного регулирования, так и дальнейшее развитие региональной экономической интеграции, в том числе ее валютно-финансовой составляющей.

Экономическое сообщество государств Центральной Африки (СЕЕАК)

Интеграционные процессы в Африке с последнего десятилетия XX в. осуществляются все более последовательно. Спецификой их осуществления выступают не только торговля, но и валютно-финансовые отношения. Ярким примером такого сотрудничества выступают, в частности, некоторые блоки Центральной Африки.

Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭСГЦА; англ.: Economic Community of Central African States, ECCAS [1]; фр.: Communauté Économique des États de l'Afrique Centrale, СЕЕАС) включает 10 государств с общим населением свыше 100 млн чел.: Ангола, Бурунди, Камерун, Центральноафриканская Республика, Республика

Конго, Демократическая Республика Конго, Чад, Экваториальная Гвинея, Габон, Сан-Томе и Принсипи [2].

Договор о создании СЕЕАК был подписан 18 октября 1983 г. в Либревиле (Габон), а вступил в силу в 1985 г.

Сообщество, формально функционирующее с 1985 г., в течение некоторого периода не осуществляло активной деятельности вследствие финансовых затруднений стран-партнеров (неуплата членских взносов стран-участников) и конфликт в районе Великих Озер. Война в Д.Р. Конго также в значительной степени усиливала противоречия между странами, как и противостояние Руанды и Анголы.

На достаточно длительный период организация фактически самоустранилась от решения конкретных вопросов экономической интеграции, 80–90% бюджета шло на функционирование административной деятельности Генерального секретариата. На инвестиции при этом выделялось менее 1% бюджетных средств.

Однако в конце 1990-х гг. начался процесс формирования новых основ Сообщества. По просьбе ЭСГЦА, Экономическая комиссия ООН разработала Программу ускорения процессов региональной интеграции, предусматривающую налаживание многостороннего сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, культурной областях при обеспечении в субрегионе устойчивого мира и безопасности.

На внеочередной сессии Конференции глав государств и правительств государств Центральной Африки в Либревиле 6 февраля 1998 г. было принято решение о возрождении Сообщества. Конференция обратилась с просьбой в Экономическую комиссию ООН по Африке (ЭКА) помочь выработать теоретическую основу этого процесса.

В январе 1999 г. была одобрена новая базовая схема организации секретариата ЭСГЦА, которая будет действовать с 2002 г., принято решение о внесении соответствующих изменений в Договор ЭСГЦА 1985 г., о подписании согла-

шения с Африканским экономическим сообществом. В рамках ЭСГЦА одобрен протокол о вхождении в эту организацию КОПАКС, подписан пакт о взаимной помощи между государствами.

СЕЕАК задумывался как универсальная объединительная организация центральноафриканского региона, развивающая интеграцию стран-членов по всем направлениям. Предполагается создание таких механизмов интеграции, как Форум региональной интеграции Центральной Африки, Фонд на цели реконструкции и решения специальных задач в Центральной Африке, Региональная коммерческая ярмарка Центральной Африки, Форум учреждений региональной интеграции Центральной Африки. «Перекрестное» членство ряда государств СЕЕАК в различных субрегиональных структурах рассматривалось в рамках концепции не как разъединяющий фактор, но как предпосылка к созданию единого африканского сообщества. Ангола, Руанда, Бурунди, ДРК выступали, по мнению экспертов, в роли своеобразного «моста» между Центральной, Южной и Восточной Африкой. Одновременное членство позволяло странам более полно использовать возможности сотрудничества на африканском континенте.

Основной отраслью экономики большинства стран Центральной Африки является сельское хозяйство, в нем занята преобладающая часть самодеятельного населения региона, создается основная часть совокупного национального продукта. Во многих государствах Центральной Африки сельское хозяйство занимает ведущее место в экспорте, обеспечивая поступление значительной части валютных доходов.

Социальные проблемы в Центральной Африке во многом обострены из-за низкого душевого дохода и невысокой производительности труда, ограниченного уровня сбережений, спроса и инвестиций в физический и человеческий капитал. В то же время уровень прироста населения здесь

очень высок: 2,7% против 0,7% в развитых странах. Это создает свои демографические проблемы, влияющие на специфику экономического развития этих стран, т.е. оказывает свое влияние на производство, занятость и структуру рынка.

Основными нерешенными проблемами на национальном уровне и на региональном уровне остаются: низкая самообеспеченность основными видами продовольствия; выработка комплекса экономических мер развития сельскохозяйственного производства; создание национальных продовольственных запасов (особенно зерна); стабилизация механизма внешней торговли; обеспечение наименее защищенных групп населения основными видами продовольствия и др.

Темпы экономического возрождения и перспективы политической стабилизации в Центральной Африке во многом зависят от развития интеграционных процессов в регионе, а специфика механизма международно-правового регулирования экономической интеграции стран-участниц определяется двумя аспектами: внутренним, связанным с экономической отсталостью, и внешним, связанным с изменением положения этих государств в современном мировом хозяйстве, подсистемой которого они являются.

Цель СЕЕАК – продвижение регионального экономического сотрудничества, достижение коллективной независимости, повышение жизненного уровня населения и поддержание экономической стабильности посредством гармоничного взаимодействия.

Основными задачами СЕЕАК провозглашены:

- расширение и укрепление гармоничного и взаимовыгодного сотрудничества, взаимной поддержки в социально-экономической сфере во имя всестороннего развития;
- устранение в торговле между странами СЕЕАК таможенных пошлин и других платежей по экспорту и импорту;

- освобождение стран-участниц от количественных и других нетарифных ограничений во взаимной торговле;
- создание и сохранение единого внешнего таможенного тарифа Сообщества;
- разработка единой внешнеторговой политики стран СЕЕАК в отношениях с третьими странами;
- постепенная отмена ограничений на перемещение услуг, капитала и физических лиц между странами – участниками СЕЕАК;
- гармонизация национальных политик в сфере регулирования промышленного и сельскохозяйственного развития, создания и эксплуатации объектов инфраструктуры, транспорта и коммуникаций, в энергетике, использовании ресурсов (природных, финансовых и людских, включая инвестиции в них), в сфере культуры, науки и технологий;
- создание Фондов взаимодействия и развития;
- содействие более быстрому прогрессу в социально-экономической сфере наименее развитых стран блока;
- финансовая взаимопомощь и создание льготных таможенных условий для стран-членов, не имеющих выхода к морю (Чад, ЦАР);
- установление мира и безопасности в центрально-африканском регионе.

Другими словами, страны СЕЕАК декларируют развитие интеграционного сотрудничества в рамках объединения от формирования Зоны свободной торговли (ЗСТ) до Общего рынка, включая «четыре свободы».

Торговое и валютное сотрудничество в СЕЕАК

Создание зоны свободной торговли (ЗСТ) началось 1 июля 2004 г. как поэтапное снижение и отмена тарифных и нетарифных ограничений с тем, чтобы к концу 2007 г. выйти на нулевые ставки. Создан также Фонд СЕЕАК, призванный компенсировать наименее развитым странам потери, могу-

щие возникнуть в процессе формирования ЗСТ [3]. С июля 2005 г. началась реализация программы поэтапного устранения таможенных и иных барьеров. К 31 декабря 2007 г. зона свободной торговли в рамках сообщества должна была полностью функционировать.

Формирование таможенного союза в рамках СЕЕАК планировалось начать в 2008 г.

Основные направления сотрудничества СЕЕАК охватывают наиболее остро стоящие перед странами региона общие проблемы (см. табл. 1).

Таблица 1

**Основные региональные проблемы
и направления их совместного решения**

Проблемы	Направления их решения
Мир и безопасность	Прекращение конфликтов как между странами, так и на внутрискановом уровне, совместная борьба за мир. Для справки: за последние годы в 7 из 11 стран – членов сообщества нормальная жизнь была нарушена гражданскими войнами
Торговля (взаимная и мировая)	Формирование ЗСТ, впоследствии – ТС и ОР
Перемещение рабочей силы между странами-партнерами	Соглашение о свободном перемещении трудовых ресурсов (граждан стран СЕЕАК) было принято в 1990 г. с исправлениями от 2002 г. Активизация деятельности в этом направлении (поэтапная отмена ограничений) началась в 2005 г.
Сельское хозяйство	17 июня 2002 г. принята программа региональной продовольственной безопасности, включающая координированное развитие сельского хозяйства стран-партнеров
Энергетика	12 апреля 2003 г. в Браззавиле (Конго) создано Энергетическое объединение Центральноафриканских стран (фр.: Le Pool Energétique de l'Afrique Centrale – РЕАС). К финансированию проектов Объединения привлекаются ресурсы Африканского банка развития, а также стран СЕЕАК
Окружающая среда	Разработана совместная стратегия защиты окружающей среды стран СЕЕАК

Окончание табл. 1

Проблемы	Направления их решения
Экономическое развитие	27 января 2004 г. принята программа развития интеграционного экономического и политического сотрудничества СЕЕАК, отражающая основные задачи объединения. В частности, предполагается налаживание промышленной кооперации, создание СП и др.
Транспорт	В 2004 г. принято решение о формировании объединенной транспортной системы стран СЕЕАК
Здравоохранение	Усилия государств субрегиона направлены на активизацию борьбы с эпидемией ВИЧ и СПИДа. В частности, план действий на 2004–2005 гг. в этой сфере предусматривал проведение профилактических мероприятий и принятие мер по снижению цен на лекарства от этих заболеваний

Источник: составлено по: <http://www.ceeac-eccas.org>

Страны стремятся также к выработке общих подходов во взаимодействии с внешним миром (основными странами-партнерами, блоками и организациями). Принято решение сотрудничать в целях осуществления долгосрочной социально-экономической программы «Новое партнерство для развития Африки» (НЕПАД) и обязательство соблюдать ее принципы. Страны объединения постепенно наращивают усилия по росту потенциала саморазвития и совершенствуют необходимые условия для усиления интеграционных процессов. В то же время проблемы бедности и безработицы, переживаемые всеми странами Центральной Африки, затрудняют достижение поставленных целей.

В сообществе сформирована следующая организационная структура.

Высший орган Сообщества, принимающий решения по основным направлениям развития Сообщества – Конференция глав государств и правительств (проводится ежегодно, на ротационной основе избирает председателя Сообщества).

Совет министров осуществляет общий контроль за развитием интеграционных процессов. Консультативный ор-

ган ЭСГЦА – консультативная комиссия (в будущем – межгосударственный комитет экспертов) имеет в своем составе технические комитеты по отдельным отраслевым направлениям.

Генеральный секретариат – рабочий орган Сообщества, осуществляющий текущую деятельность, располагается в Либревиле. Генеральный секретарь избирается на 4 года и имеет трех помощников. Нынешний председатель организации – президент ДРК Дж. Кабила (избран на саммите в 2008 г.).

Созданы также Суд СЕЕАК и консультационные комиссии.

В перспективе предусматривается создание парламента сообщества, Форума региональной интеграции Центральной Африки, Фонда реконструкции и специальных программ Центральной Африки, Региональной торговой ярмарки Центральной Африки, Форума учреждений региональной интеграции Центральной Африки, регионального центра по правам человека.

В качестве наблюдателей в работе органов объединения принимают участие представители ПРООН, ОАЕ, других международных организаций. СЕЕАК считается одной из составляющих Африканского Союза.

Очередной саммит состоялся в марте 2006 г. в Нджамене (Чад). Речь вновь шла о создании panaфриканского механизма предотвращения и урегулирования конфликтов.

На внеочередном саммите в Киншасе в марте 2008 г. рассматривалась ситуация в Чаде. В итоговом документе отмечена необходимость сохранения территориальной целостности страны, осуждены попытки дестабилизации обстановки, содержится призыв к налаживанию политического диалога между Чадом и Суданом.

Таким образом, можно говорить о том, что в Сообществе, после относительно длительного периода «застоя», осуществляется организационная работа, разрабатываются

планы и программы в намеченных областях сотрудничества и взаимодействия. Говорить же о реальных достижениях блока и его эффективности пока не представляется возможным.

Новая схема интеграции определяется следующим образом: основу процесса составляют Валютный и Экономический союзы, так как в рамках союза используется общая валюта – *франк КФА* (в обиходе африканский франк). При его введении в 1945 г. аббревиатура КФА складывалась из начальных букв французских слов *colonies françaises d’Afrique* (французские африканские колонии).

Курс франка КФА изначально был четко привязан к курсу французского франка (в 1999 г. после введения евро, Франк КФА был привязан к евро). В обмен на гарантию конвертируемости франка КФА со стороны Франции эти страны согласились поместить 65% своих валютных резервов на специальный счет в Казначействе Франции. Также метрополии было предоставлено право вето в отношении денежной политики стран Зоны франка в случае овердрафта счета (то есть кредитования банком владельца текущего счета сверх остатка на счете), открытого в Казначействе. Данные возможности французское правительство имеет и сейчас и, таким образом, продолжает сохранять свое влияние.

Члены группировки имеют единый Центральный банк, каковым является Банк Центральноафриканских государств (франц. *Banque des Etats de l’Afrique Centrale*, ВЕАС), созданный еще в 1955 г. Страны-участницы имеют также возможность получения льготных кредитов в Банке развития государств Центральной Африки (БДЕАС).

СЕЕАК является пока довольно аморфным объединением, в котором так и не развернуты интеграционные процессы, что полностью касается и валютно-финансового сотрудничества. Это во многом объясняется тем, что оно включает в себя государства с существенными историческими, культурными, языковыми, этническими и другими различиями. При этом сохраняется их разноплановая ориентация на

свои бывшие метрополии. Однако лидеры Сообщества настроены на реанимацию этой субрегиональной организации.

Тем не менее, активно развиваются связи Сообщества с третьими странами и их объединениями. В частности, укрепляются связи Сообщества с Евросоюзом. В ноябре 2008 г. был запущен механизм министерских «троек» ЕС и СЕЕАК, направленный на выстраивание взаимовыгодного партнерства в политической, экономической и оборонной сферах.

Россия поддерживает поступательное развитие интеграционных процессов в Центральной Африке, направленных на обеспечение мира, стабильности и безопасности в этом регионе, обеспечение условий для устойчивого экономического развития, плодотворного международного сотрудничества.

Примечания

[1] <http://www.ceeac-eccas.org/> – Официальный сайт Экономического сообщества государств Центральной Африки.

[2] Ранее в состав СЕЕАК входила Руанда, но в 2007 г. страна вышла из состава объединения.

[3] <http://www.ceeac-eccas.org/index.php>

Литература

1. *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики 1945–1990 / Пер. с франц. – М.: Наука, 1994.

2. UNCTAD Handbook of statistics. – New York and Geneva: United Nations, 2008. – 419 p.

3. Африканская интеграция: социально-политическое измерение / Под ред. Ю.В. Потемкина. – М.: Институт Африки РАН, 2003.

4. Африканская интеграция: социально-политическое измерение / Под ред. Ю.В. Потемкина. – М.: Институт Африки РАН, 2003.

5. *Шкваря Л.В.* Особенности интеграционных процессов в Африке // Африка: моделирование нового мира: Сб. статей. – М.: РУДН, 2009.

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

И.Н. Белова

ЭВОЛЮЦИЯ СБЫТОВОЙ ПОЛИТИКИ ТНК «ДЕ БИРС» НА МИРОВОМ РЫНКЕ АЛМАЗОВ

На рубеже тысячелетий на мировом рынке алмазов прекратила существование специфическая форма монопольно-картельной организации этого рынка. Одна из крупнейших в мире компаний на рынке необработанных алмазов «Де Бирс» отказалась от роли мирового монополиста по поставкам алмазов. Это означало прекращение существования ранее действовавшей одноканальной системы сбыта, которая устраняла конкуренцию между производителями, в том числе и борьбу за долю на рынке. Это также вызвало значительные перемены в структуре рынка и его организации, формирование более конкурентной рыночной среды. Учитывая факт, что все рычаги управления данным рынком были сосредоточены в руках одной компании, устанавливавшей цены и регулировавшей общую рыночную ситуацию, от которой и сегодня в большой степени зависит эффективность функционирования алмазного рынка, представляется целесообразным рассмотреть эволюцию сбытовой политики многолетнего лидера этой отрасли – ТНК «Де Бирс».

Особенности мирового рынка алмазов

Мировой алмазный рынок является сырьевым товарным рынком со сложной структурой, представляющей совокупность продавцов и покупателей, связанных экономиче-

скими отношениями, в результате которых формируется спрос, предложение и цена на алмазы, и обладает рядом особенностей, присущих только этому рынку.

Во-первых, это уникальность самого представленного на рынке товара – алмаза, обладающего рядом индивидуальных характеристик, которые делают его столь привлекательным как в ювелирной, так и в промышленной сферах.

Во-вторых, это крайняя концентрированность производства алмазов и бриллиантов.

Алмазы добываются на всех континентах, в более чем 20 странах мира. Большая же их часть (свыше 90%) добывается в 8 странах: Ботсване, России, ЮАР, Демократической Республике Конго, Канаде, Намибии, Австралии.

Территориально мировой рынок предложения алмазов сосредоточен в нескольких крупных торгово-гранительных центрах, расположенных в Бельгии (Антверпен), Израиле (Тель-Авив), США (Нью-Йорк), Индии (Бомбей), Гонконге, Таиланде и в России.

В-третьих – сама организация мирового алмазного рынка, на котором до недавнего времени все рычаги управления были сосредоточены в руках одной компании, монопольно устанавливавшей цены и регулировавшей общую рыночную ситуацию. Компания «Де Бирс» является старейшим и самым крупным в мире производителем алмазов, с деятельностью которого связана вся современная история развития мирового рынка алмазов.

***История монополизации мирового рынка алмазов
и формирования одноканальной системы сбыта
на мировом рынке алмазов***

«Де Бирс» занимается алмазным бизнесом с 1888 г., с тех пор, когда Сесиль Джон Родс, которого поддерживали Ротшильды, объединил крупных промышленников, приобрел компанию «Кимберли сентрал майнинг компани» в Южной

Африке и образовал монополию «Де Бирс консолидейтд майнз лтд.» (De Beers Consolidated Mines Ltd.).

В условиях мирового экономического кризиса и перепроизводства алмазов в начале 90-х гг. XIX в. был создан лондонский Алмазный Синдикат для совместного сбыта южноафриканских алмазов. До начала 20-х гг. XX в. Синдикат в целом справлялся со своей главной задачей – поддержанием постоянных цен через регулирование объемов добычи и продаж в соответствии со спросом.

Серьезным испытанием для рынка алмазов и бриллиантов стала Первая мировая война, которая вынудила «Де Бирс» в 1915 г. закрыть свои рудники. В этом же году Южно-Африканский Союз оккупировал Юго-Западную Африку (ЮЗА), чем воспользовался Эрнест Оппенгеймер, в ту пору бывший бургомистром Кимберли и директором прииска «Ягерсфонтейн», создав на базе алмазных рудников в ЮЗА компанию Consolidated Diamond Mines of South-West Africa, в которой становится членом наблюдательного совета.

Его стратегию относительно алмазного рынка можно проиллюстрировать простой фразой, сказанной в обращении к акционерам своей компании: «Мой опыт меня научил, что, лишь ограничивая количество алмазов, выпускаемых на рынок соответственно спросу, и делая это через единый источник, будет возможно удерживать стабильность алмазной торговли». Для достижения этой цели он добился не только контроля над «Де Бирс», став в 1929 г. президентом этой компании, но и над Алмазным Синдикатом.

С этого времени начинается этап, связанный с формированием системы стабилизации мирового рынка алмазов и поддержанием постоянных цен через регулирование объемов добычи и продаж в соответствии со спросом, т.е. установление монополии «Де Бирс», которая к этому времени стала ведущим игроком мирового рынка алмазов.

Положение компании на протяжении пятидесяти лет было весьма устойчивым. Лишь Великая депрессия вынуди-

ла Э. Оппенгеймера сократить алмазодобычу в Южной Африке. Но и в этот период «Де Бирс» активно скупала алмазы, поступавшие из Анголы и Бельгийского Конго, чтобы предотвратить крах рынка.

Даже во время Второй мировой войны компания не закрывала рудники, а к 1950-м гг. контролировала уже 95% всего мирового рынка алмазов. За это время «Де Бирс» превратилась в мощную транснациональную группу, состоящую из компаний, занимающихся добычей, скупкой и реализацией алмазного сырья.

На сегодня она является самой крупной алмазодобывающей группой в мире, добывая порядка 60% мирового объема алмазов на своих рудниках в ЮАР, рудниках Ботсваны, Намибии и Танзании, находящихся в совместной собственности с правительствами этих стран, а также Гвинеи, Зимбабве, ДРК, Анголы и Канады.

«Де Бирс» является мировым лидером по добыче алмазов и технологии обогащения и в настоящее время ведет алмазодобычу из аллювиальных, прибрежных, подводных и коренных месторождений открытым и подземным способами.

***Одноканальная система сбыта
как важнейшая составляющая
сбытовой политики «Де Бирс»***

Сбытовая политика, разработанная в ходе более чем вековой эволюции деятельности компании «Де Бирс», состоит в приоритетности сбыта максимально возможной доли добычи алмазов через ***один канал*** для обеспечения гарантированной поставки ювелирного алмазного сырья торговым и алмазогранильным фирмам, а также упорядочения сбыта алмазного сырья в интересах его ведущих производителей.

Для понимания особенностей торговли ювелирным сырьем на фактически монополизированном рынке целесообразно рассмотреть всю цепочку движения товара от поставщика до потребителя.

Первый этап начинается, по сути, непосредственно на алмазодобывающих предприятиях, где сырье проходит первую грубую сортировку с выделением ювелирного.

Далее, алмазы, добываемые на рудниках, принадлежащих или находящихся под контролем «Де Бирс», скупались «Даймонд Трейдинг Компани» через дочернюю компанию «Де Бирс» – «Даймонд Печесинг энд Трейдинг Ко».

Закупку алмазов у компаний, не входящих в структуру «Де Бирс», осуществляла «Даймонд Корпорейшн» в соответствии с типовыми соглашениями с производителями, заключаемыми на срок до 5 лет. В соответствии с данными типовыми соглашениями «Де Бирс» через центральную сбытовую организацию (ЦСО) контролировала все 100% производства алмазов данной страной или компанией. Исключение составляли Россия и Австралия, где соглашение касалось только экспортируемых алмазов, и Канада, заключившая торговое соглашение в 1998 г. и продававшая ей только 35% добываемого сырья. Через механизм долгосрочных соглашений в ЦСО поступало до 90% мировой добычи.

Там, где значительное количество ювелирного сырья добывается старателями, поступление алмазов в ЦСО происходило через закупочные конторы, принадлежащие «Де Бирс», расположенные в этих странах.

В рамках такой сложившейся системы маркетинга ювелирные алмазы направлялись в подчиненную «Де Бирс» компанию «Даймонд Трейдинг Ко» (ДТК), которая сортировала их и затем в виде индивидуально сгруппированных в «боксы» (пакет) камней предлагала к продаже на показах («сайтах»), проводимых 10 раз в год каждые 5 недель, узкому кругу представителей торговых и гранильных фирм в течение недели в Лондоне.

Нужно отметить, что боксы составлялись с учетом пожеланий своих постоянных клиентов («сайтхолдеров»), которые за 3 недели до продаж сообщали «ДТК» свои потребности и примерную стоимость покупаемой партии. Од-

нако гарантии того, что сайтхолдер получит только необходимый ему набор алмазов не было.

Клиенты не имели права требовать ни изменения цен, ни замены предложенной им партии алмазов. Однако они вынуждены были покупать эти боксы, так как в противном случае могли потерять место на сайтах, и, следовательно, потерять основной источник снабжения алмазным сырьем. Торговля велась по принципу «все или ничего».

Платеж за товар осуществлялся в течение 7 дней с момента заключения сделки в долл. США. Лишь после этого опечатанный бокс отправлялся в адрес покупателя, причем престиж такого бокса настолько высок, что клиент мог его перепродать с прибылью, не срывая печати «ДТК», а лишь предъявляя сопроводительный счет-фактуру.

Клиентами ЦСО являлись мощные гранильные фирмы и крупные дилеры, способные снабжать сырьем мелких производителей бриллиантов, не устраивая при этом собственных сайтов. Практически в каждом гранильном центре существует 3–4 таких дилера, являющихся клиентами ЦСО.

«ДТК» тщательно следила за подбором своих клиентов. Обычно компания, старающаяся стать клиентом ЦСО, обращается за помощью к одной из 5 брокерских фирм, также являющихся структурами «Де Бирс». Брокеры, после тщательного изучения основных данных деятельности этой фирмы, представляли ее кандидатуру на рассмотрение ЦСО. При решении о включении данной компании в списки постоянных клиентов ЦСО большое значение имели хорошие финансовые показатели, коммерческая самостоятельность, следование клиентом политики ЦСО, а также, возможность превращения этой компании в перспективе в крупного клиента ЦСО, играющего важную роль в алмазном бизнесе. Кроме того, решающее значение имели персональные качества клиента. Это подтверждается тем фактором, что хотя алмазный бизнес является семейным, место на сайте и по настоящее время не передается по наследству.

Брокеры ЦСО также тщательно следили за развитием возможных клиентов, иногда даже содействуя развитию рынков отдельных стран, в результате которого может появиться новый кандидат (так клиентами на сайтах ЦСО в свое время стали представители Тель-Авива в 40-х годах, Бомбея в 60-х годах, Таиланда, Японии, Гонконга в 70–80-х гг. прошлого столетия).

***Особенности механизма контроля «Де Бирс»
над предложением и ценами на мировом рынке алмазов***

Как видно из вышеизложенного, способ взаимодействия, избранный «Де Бирс», не предполагал ни согласования производственных квот, ни ценового сговора. Все добытые крупнейшими производителями алмазы выкупались ЦСО, представляющей собой сеть компаний, которые занимались приобретением алмазного сырья у промышленных производителей, в центрах старательской добычи, его последующей сортировкой и продажей.

Закрываемые между сторонами долгосрочные соглашения предусматривали эксклюзивное право ЦСО на закупку всех добытых продуцентами алмазов. Лишение продуцентов возможности самостоятельно продавать алмазы кардинально повышало оперативность регулирования рынка.

Несмотря на частые изменения объемов продаж, уровень производства практически не изменялся, что позволяло не только обеспечивать стабильность добычи, ритмичность производственных процессов, но и амортизировать любые неожиданные дисбалансы спроса и предложения. В роли буфера выступали коммерческие запасы (алмазов) ЦСО.

Эту же задачу решали и товарные интервенции – наиболее специфический инструмент системы контроля «Де Бирс» над предложением алмазного сырья на мировом рынке. При возникновении тенденции снижения цен ЦСО скупала на рынке «излишки» сырья. Механизм мог действовать и

автоматически – как только цены свободного рынка оказывались на уровне цен, по которым продавала алмазы ЦСО, на рынке имелся покупатель, готовый приобрести любые предлагавшиеся количества.

Такая система давала «Де Бирс» эффективный контроль над предложением и абсолютный контроль над ценами. ЦСО имела возможность предотвращать снижение рыночных цен, которое могло возникнуть вследствие либо избытка предложения, либо недостатка спроса, сокращая свои продажи и скупая алмазы сторонних производителей. В годы высокого спроса «Де Бирс» увеличивала объемы своих продаж, в том числе и распродавая накопленные ранее запасы, и повышала цены.

Несмотря на то что, с точки зрения покупателей алмазов, созданная «Де Бирс» система организации рынка обладала всеми внешними признаками монополии, на мировом рынке алмазов была сформирована «квазимонополия». В отличие от обычного картеля на алмазном рынке предложение регулировалось не согласованием производственных квот крупнейших продуцентов, а непосредственно определялось сбытовым органом.

Стремление «Де Бирс» к контролю мировых цен на алмазном рынке не может в полной степени быть объяснено желанием получения монопольной прибыли от своей коммерческой деятельности.

«Де Бирс» получала доход от разницы между продажными и закупочными ценами, которая устанавливалась либо явно – в виде скидки с цен продажного прейскуранта ЦСО (соглашения с ЮАР, Ботсваной и Намибией), либо применялся закупочный прейскурант и оговаривались условия контроля над соотношением закупочного прейскуранта и рыночных цен (как правило, продажи продуцентом партий алмазов на свободном рынке).

При закупке алмазов собственных месторождений «Де Бирс» маржа составляла 10%, но не вся разница в ценах

являлась прибылью ЦСО. Из этих 10% 2–3% расходовалось на рекламу, 4–5% составляли издержки на оплату труда сортировщиков, оценщиков, коммерческого и управленческого персонала, прочие расходы. Прибыль могла составлять 2–3% стоимости продаж.

Свободные рыночные цены при нормальном, не кризисном состоянии рынка превышали продажные цены «Де Бирс» на 3–5%, хотя в неблагоприятные годы цена свободного рынка часто оказывалась ниже продажных цен ЦСО. Эта разница являлась маржой сайтхолдеров, многие из которых исполняли роль дилеров и осуществляли дальнейшее распределение алмазов. Давая согласие на реализацию своих алмазов через одноканальную систему, производитель недополучал 13–15% от уровня рыночных цен, тем не менее участие всех ведущих производителей в системе «Де Бирс» означало, что они с такой разницей согласны, понимая, что большая ее часть направлялась на покрытие реальных, связанных с товародвижением затрат, а им гарантировалась закупка всего объема добычи с немедленной оплатой и по стабильно растущим ценам (то есть практическое отсутствие коммерческих рисков). Кроме того, «Де Бирс» брала на себя обязательства по регулированию рынка, созданию условий для роста цен и противодействию их снижению.

Выгоды от поддержания цен для самой компании не столь очевидны, так как при такой рыночной политике она несла значительные прямые и косвенные издержки. Для стабилизации рынка «Де Бирс» должна была сокращать свои продажи, что могли не делать производители, не связанные с ней, и более того – тратить средства на скупку их алмазов. Тем самым «Де Бирс» добровольно шла на сокращение своей рыночной доли и тратила часть прибыли на товарные интервенции. Более того, никакой дополнительной прибыли от противодействия снижению цен и в целом функционирования одноканальной системы «Де Бирс» не могла извлекать,

напротив, если бы политика по поддержанию цен не проводилась, расходы были бы меньше,

Оценивая торговую составляющую доходов группы, необходимо отметить, что основную прибыль «Де Бирс» получала не от коммерческой деятельности, где она составляла 100–170 млн долл. в год, а от алмазодобычи, где её величина значительно больше и может превышать 1 млрд долл. Это объясняется многократным превышением цен на алмазы над издержками добычи в силу их «естественной редкости», т.е. положением, при котором платежеспособный спрос многократно превосходит возможности добычи из-за объективной ограниченности ресурсной базы.

Очевидно, «Де Бирс» придерживалась такой рыночной политики, в связи с тем, что была готова нести дополнительные расходы для обеспечения своей монопольной власти, стратегической стабильности на собственных алмазных месторождениях.

Подобный подход оправдывает себя, если все алмазодобывающие компании проводят скоординированную сбытовую политику, участвуя в одноканальной системе и неся расходы по её содержанию, но он оказывается нерациональным при появлении крупных независимых производителей, так как пропадает смысл держать цены для всего рынка, сокращая свои продажи и расходуя значительные средства на поддержание запасов, если выгодами от этого будут пользоваться другие продуценты, не затратившие для этого своих усилий.

***Современные факторы и тенденции
на мировом рынке алмазов
и их влияние на сбытовую политику «Де Бирс»***

Как видно из вышеизложенного, современный период развития алмазного рынка характеризовался жестким регулированием со стороны «Де Бирс». С другой стороны, имен-

но в этот период стали проявляться новые тенденции развития рынка, которые не согласовывались с одноканальной системой сбыта и в конечном итоге привели к существенным изменениям на рынке алмазов в конце XX – начале XXI в.

Главными предпосылками этих тенденций, как представляется, послужили следующие события.

В начале 1990-х гг. стал возрастать поток «конфликтных» алмазов из районов Африки, охваченных войной. Потрясение на рынке произошло, когда в Анголе активизировалась незаконная добыча высококачественных алмазов, которые в больших количествах контрабандно поступали на свободный рынок. Цены на такие алмазы были значительно ниже устанавливаемых «Де Бирс», что приводило в отдельные периоды к резкому уменьшению спроса на камни, предлагаемые традиционными поставщиками.

Для поддержания удовлетворительной конъюнктуры компания вынуждена была в большом количестве скупать такие алмазы; кроме того, чтобы уменьшить поток контрабанды, ЦСО организовала сеть своих закупочных контор в Анголе и скупала алмазы у старателей и перекупщиков. Сумма таких закупок достигала 500 млн долл. в год. В августе 2000 г. «Де Бирс» была вынуждена свернуть в Анголе все свои операции (в связи с обвинениями в сделках с «кровавыми» алмазами), что означало для нее потерю контроля над почти 0,5 млрд долл.

В середине 90-х гг. прошлого века «Де Бирс» значительно (до 25%) снизила закупочные цены на мелкие и ювелирные алмазы, в очень больших количествах поступающие на рынок. Особенно сильно это ударило по австралийской компании «Аргайл» – их главному производителю. Возникший конфликт стал предметом длительных переговоров компаний, однако компромисс так и не был найден, и в середине 1996 г. «Аргайл» вышла из картеля, начав самостоятельный маркетинг своей продукции. Несмотря на её сравнительно небольшую долю в общей стоимости закупок

«Де Бирс», это заметно отразилось на конъюнктуре, особенно мелких алмазов («индийского ассортимента»), так как покупатели этих алмазов (в основном это огранщики из Индии) получили вместо одного поставщика двух. В этой ситуации цены на сырьё сильно упали, что ударило как по торговцам алмазами, так и по огранщикам. В то же время у «Де Бирс» не было желания поддерживать цены на мелкие алмазы, дабы не работать на конкурента. Официальная точка зрения была выражена управляющим директором «Де Бирс» Гарри Рейфом, который сказал, что мелкие алмазы дают всего лишь треть выручки ЦСО и поэтому не являются приоритетными.

В это же время стало известно о новых открытиях алмазных месторождений в Канаде. Поскольку единственное соглашение между Канадой и «Де Бирс» в 1999 г. о продаже 35% добываемых алмазов ЦСО в течение трех лет оказалось и последним, перспектива появления на рынке больших количеств высококачественных алмазов, реализуемых вне единого канала сбыта, что могло привести к падению цен, заставляла производителей бриллиантов и торговцев алмазами проявлять осторожность при формировании запасов сырья.

Таким образом, к концу прошлого столетия на мировом рынке алмазов начали вести свою игру независимые от «Де Бирс» производители сырья в Канаде, Австралии, а также мелкие – в основном из Африки.

Всё это стало расшатывать сложившуюся систему международной торговли сырыми алмазами. Кроме того, колебание цен приводило к снижению публичного доверия к алмазам как объекту помещения капитала. В связи с этим выражались серьёзные сомнения в способности «Де Бирс» сохранить картель.

В 1997 г. на алмазном рынке случилось еще одно потрясение, связанное с кризисом в Юго-Восточной Азии, приведшим к падению объема продаж. Правда, лишь на 4% по сравнению с предыдущим годом. Однако в следующем,

1998 г., произошло самое резкое падение продаж ЦСО за последние годы.

Причина такого негативного воздействия валютного кризиса 1997 г. в странах Юго-Восточной Азии на продажи «Де Бирс» заключалась в том, что этот регион традиционно импортировал значительную часть ювелирных алмазов, производимых в мире. Например, Япония занимала 2-е место (после США) по потреблению украшений из бриллиантов. По оценкам ЦСО, на эту страну приходилось около 25% мировых розничных продаж бриллиантов. В 1997 г. объем розничных продаж в Японии упал на 20% с 15 млрд долл. до 12 млрд долл.

Валютный кризис затронул еще два крупных алмазных рынка в этом регионе: Таиланд и Южную Корею. На Тайване девальвация национальной валюты не была столь значительной. Менее крупные рынки региона, такие как Малайзия и Индонезия, также серьезно пострадали из-за резкого снижения курсов их валют по отношению к доллару.

В 1999 г. «Де Бирс» добилась увеличения продаж алмазов до 5240 млн долл., что на 57% больше, чем в 1998 г. При этом за вторую половину 1999 г. было продано на 70% больше алмазов, чем за аналогичный период 1998 г. Скорее всего, это связано с «эффектом тысячелетия».

Как и прогнозировалось, пик продаж был достигнут в 2000 г. (5,67 млрд долл.). Однако следующий, 2001 г., оказался для компании провальным. Случилось это по нескольким причинам: события 11 сентября, которые серьезно подорвали рынок бриллиантовых украшений, большие запасы алмазов, которые образовались в 2000 г. на фоне ожиданий еще большего спроса, и замедление экономического роста в основных странах – потребителях бриллиантов. В течение 2001 г. резко упали розничные продажи в США, что не смог компенсировать рост реализации бриллиантовых украшений в Европе.

В сложившейся ситуации, противодействуя снижению цен, «Де Бирс» придерживалась своей традиционной политики ограничения предложения. В течение 1990-х гг. стоимость запасов ЦСО стала равна годовой стоимости ее продаж. С 1990 по 1998 г. продажи «Де Бирс» практически не росли, колеблясь у отметки 4–4,5 млрд долл., запасы же увеличились почти на 80% – с 2,7 млрд до 4,8 млрд долл., причем они формировались в основном за счет товара, приобретенного по ценам свободного рынка в ходе товарных интервенций.

Впервые после своего создания «Де Бирс» оказалась не в состоянии поддерживать устойчивый разрыв между производством и предложением и вынуждена была пойти на прямые ограничения добычи, применив условие «отложенных закупок», то есть обязавшись впоследствии компенсировать введенные квоты либо выкупив складированные производителями алмазы, либо увеличив объем контрактных поставок. Квоты в размере 25% стоимости добычи были введены уже в 1992 г., в 1993 г. они были снижены до 10% и действовали до 1998 г.

Свое влияние оказало усиление давления на «Де Бирс» со стороны правительства США. Как известно, североамериканские экономические концепции негативно оценивают роль монополий вообще и «Де Бирс» на мировом рынке алмазов в частности. Американское правосудие, как правило, в судебном порядке преследует и монополистов, и компании, сознательно поддерживающие монополию, а также в связи с решениями Европейской комиссии, направленными на ограничение ее монопольного положения.

Все эти тенденции привели к необходимости изменения системы функционирования мирового алмазно-бриллиантового комплекса и, в частности, мирового рынка алмазов как его составляющей.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия происходят кардинальные изменения всей структуры мирового

алмазного рынка. Лидер алмазного бизнеса «De Beers», отпуская монополию в торговле алмазами, официально объявил о своей новой сбытовой политике **«предпочитаемый поставщик»** (Supplier of Choice, SoC) в июле 2000 г., что означало отход от «De Beers» от регулирования предложения алмазов на мировом рынке, а следовательно, и от монополии на формирование рыночных цен на алмазное сырье.

В 2004 г. алмазный концерн «Де Бирс» изменил свою структуру, в результате чего группа «Де Бирс» состоит в настоящее время из нескольких самостоятельных подразделений – «Де Бирс консолидейтед майнс» со штаб-квартирой в Йоханнесбурге, находящейся в Лондоне сбытовой компании «Дайамонд Трейдинг Компани», компании «Де Бирс Канада» и компании по производству синтетических алмазов «Элемент сикс». Кроме того, в группу входят «Дебсвана» и «Намдеб» – партнерские компании с правительствами соответственно Ботсваны и Намибии.

Сама компания продолжает контролировать практически половину мирового алмазного сырья, что обуславливает за «Де Бирс» сохранение ведущей роли не только в добыче, но и в организации сбыта алмазов, рекламе продукции и регулировании рынка. Она по-прежнему заинтересована в стабильности и предсказуемости рынка.

Более того, «Де Бирс» заявила о том, что не будет довольствоваться ролью поставщика необработанных алмазов и намерена выйти на рынок ювелирных украшений под собственной маркой. Для этого было создано совместное предприятие с мировым лидером в торговле предметами роскоши – группой компаний LVMH (Louis Vuitton Moet Hennessy), которое будет производить бриллиантовые украшения под маркой De Beers. То есть концерн становится единым в двух лицах: с одной стороны, он сохраняет за собой роль мощного оператора, с другой – выступает в качестве самостоятельного игрока.

Отказ «Де Бирс» от роли мирового монополиста по поставкам алмазов означает значительные перемены в структуре рынка и его организации, усилении конкуренции.

В то же время сохранение ведущей роли этой компании не только в добыче, но и в технологии обогащения, сортировке алмазов (по 6000 категорий, что не позволяет ни одному аутсайдеру выдерживать подобную стандартизацию товара), наличие высококвалифицированного сбытового аппарата, сети подбора клиентуры, позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день «Де Бирс» остается наиболее предпочитаемым поставщиком, по-прежнему заинтересованным в стабильности и предсказуемости рынка.

Л и т е р а т у р а

1. Мировая добыча алмазов: цифры, факты, события / Под ред. В.А. Штырова. – М.: Восточная литература РАН, 2001.

2. *Николащенко А., Бек В.* Цены на алмазы в 2000–2006 годах: опыт свободного плавания // Драгоценные металлы. Драгоценные камни. – 2007. – № 1.

3. *Фридман А.А.* Добыча алмазов в СССР и России и взаимоотношения с «Де Бирс» // Экономическая наука современной России. – 2008. – № 3.

4. <http://www.africa.org.ua>

5. <http://www.diamond-chamber.ru>

6. <http://www.debeersgroup.com>

*Е.А. Долгинов,
Ю.В. Башкин*

РИФТОВОЕ ОБОСОБЛЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ АФРИКИ

Рифты являются одними из наиболее важных тектонических структур Земли. Они представляют собой глубокие провалы земной коры как на материках, так и в океанах, где образуют самую крупную глобальную систему. Самые молодые, кайнозойские рифты выражены в рельефе материков и дна океанов в виде узких долин. На материках с ними часто совпадают озера, например в Африке – Малави, Руква, Танганьика, Альберта. В Сибири расположено самое глубокое «рифтовое» озеро Байкал. Докайнозойские рифты заполнены осадками и часто перекрыты покровами более молодых осадочных (платформенных) чехлов.

Рифты являются отражением глубинных процессов, с которыми связаны разрушение древнего материка Гондвана, образование современных и, вероятно, древних океанов, формирование многих, в том числе нефтегазовых осадочных бассейнов. Поэтому рифты находятся в области повышенного внимания со стороны исследователей, занимающихся изучением наиболее фундаментальных проблем развития тектонической структуры нашей планеты.

Африка с Аравией являются регионом, где рифтогенез проявился неоднократно и в разной степени. Главными эпохами рифтообразования за последние 300 млн лет (в течение позднего фанерозоя) являются поздний карбон – пермь (300–248 млн лет), ранний мел (144–97 млн лет), неоген-четвертичное время (<24 млн лет) (рис. 1). Самыми развитыми, т.е. достигшими высшей стадии эволюции, являются связанные между собой рифты Красного моря и Аденского

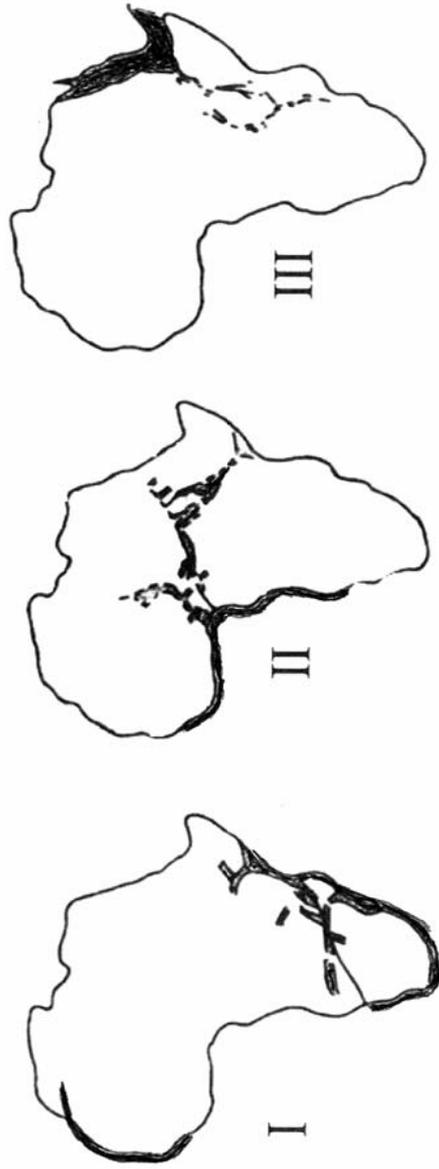

Рис. 1. Схема размещения рифтовых систем трех генераций:
I – поздний карбон-триас, II – мел, III – миоцен-антропоген

залива, в которых процессы разрушения древней (докембрийской) материковой коры достигли максимума и в результате синрифтового отодвигания Аравии от Африки образовалась юная (не древнее 7–5 млн лет) базальтовая океаническая кора, т.е., по существу, миниокеаны. Аденский залив является единственным внутриконтинентальным океаническим рифтом, имеющим непосредственную связь с рифтом срединного хребта Индийского океана. Поэтому изучение рифтов Аденского залива и Красного моря можно считать ключевым для познания последовательности и характера структурных перестроек на этапе полного разрушения материков и начала образования океанов.

В структуре рифта Красного моря выделяется Главный «континентальный» трог, соответствующий всей ширине впадины, включая береговые равнины, и Осевой «океанический» трог глубоководной депрессии.

Анализ материалов по строению кайнозойских разрезов Главного трога рифта Красного моря показал, что в своем развитии эта структура прошла несколько стадий. В течение палеоцена главные зоны прогибания совпадали с бортовыми рифтовыми разломами и были структурно выражены в виде систем горстов и грабенов. С начала миоцена Главный трог рифта разделяется продольным Центральным поднятием на две равновеликие впадины. В течение миоцена, особенно позднего, развитие Центрального поднятия, перманентно испытывавшего замедленное прогибание, сопровождается интенсивным синседиментационным вулканизмом, с которым были связаны крупные излияния лав толеитовых базальтов. В соответствии с данными глубокого бурения, главные зоны миоценового магматизма, имевшего трещинный характер, располагались вдоль наиболее приподнятой сводовой части Центрального поднятия, по которой в середине четвертичного времени (5–3 млн лет назад) заложился Осевой трог. Последний образовался в результате полной деструкции материковой коры и формирования коры океа-

нического типа. Таким образом, Осевой трог рифта Красного моря возник на сводово-вулканическом поднятии, длительное время осложнявшем внутреннюю структуру Главного трога и поэтому с полным основанием может относиться к сводово-вулканическому типу. По исключительно высокой интенсивности вулканизма Осевой трог также в полной мере соответствует внутриконтинентальным кайнозойским рифтам Восточной Африки этого типа.

На нескольких участках бортовых зон рифта Красного моря, в районах Кусейра Египта, Джиды Саудовской Аравии и на суданском побережье уже давно были обнаружены и описаны отложения верхнего мела. Они представлены морскими известняками и аргиллитами в первых двух из этих районов, морскими и континентальными псаммо-пелитами в третьем, более южном районе суданского сектора рифта. Отложения имеют мощность в несколько сотен метров и перекрыты с перерывом или без него отложениями палеогена. По данным бурения и сейсмостратиграфии, отложения мела увеличенной мощности залегают под кайнозоем от суданского побережья практически до Осевого океанического трога рифта. На широкое распространение во внутренних зонах рифта отложений верхнего мела указывает также их залегание на докембрийском фундаменте на о-ве Забалдар, расположенном в 15 км к западу от Осевого трога на широте Кусейра.

Исследователи, рассматривавшие меловые отложения зоны Красного моря, определяют их как «дорифтовые». Однако такое определение отражает лишь то обстоятельство, что их накопление происходило до начала формирования молодого рифта Красного моря, но не дает представления о характере тектонической структуры, в которой произошла их аккумуляция. О последнем можно судить по следующим фактам.

Морские отложения мела, залегающие в зоне рифта Красного моря, по составу резко отличаются от одновозраст-

ных отложений, распространенных в Судане, в бассейне р. Нил, и в Саудовской Аравии. В этих районах отложения мела представлены исключительно континентальными песками и глинами так называемой «нубийской фации», имеющими мощность до 100–150 м.

Таким образом, можно констатировать, что отложения мела зоны Красного моря накапливались в крупном линейном морском бассейне, соизмеримым с Главным трогом кайнозойского рифта, располагавшемся, подобно последнему, между Африкой и Аравией. Этот морской бассейн по морфологии кардинально отличается от типично платформенных изометричных прогибов и в полной мере соответствует рифтовым структурам того же направления, которые активно развивались в это время в Северо-Восточной и Центральной Африке (Южный Судан, Северная Кения, Восточный Нигер).

Отсутствие крупного перерыва и какой-либо ощутимой структурной перестройки между отложениями мела и палеогена вдоль западной бортовой зоны рифта Красного моря является также важным аргументом для отнесения меловых отложений к синрифтовым образованиям.

Скважиной Мачхерсум-1 у суданского побережья Красного моря под отложениями мела на глубину 400 м пройдены базальты толеитового типа и туфы. Истинная мощность этих базальтов неизвестна. Однако главное заключается в том, что между базальтами и верхнемеловыми отложениями серии Муковар отсутствуют структурные несогласия, что позволяет относить эти вулканиты также к мелу. За пределами рифта Красного моря в Красноморских горах Судана известны субвулканические интрузии сиенитов, щелочных гранитов, дайки диабазов позднего мела, прорывающие докембрийские кристаллические комплексы, а в районе Вади Наташ Восточной пустыни Египта распространены щелочные базальты того же возраста. Таким образом, мы имеем латеральную смену вулканических образований позднего мела от толеит-базальтового в депрессионной зоне Красного

моря до щелочного и щелочно-базальтоидного в западном бортовом поднятии докембрийского фундамента. Именно подобное пространственно-структурное соотношение вулканизма указанных выше типов характерно при переходе от кайнозойского рифта Красного моря (толеитовых базальтов Главного и Осевого трогов) к Аравийскому поднятию докембрийского фундамента (щелочные базальты и их дифференциаты). Таким образом, как конфигурация морской впадины, разделявшей в меловое время Северо-Восточную Африку и Аравию, так и характер латерального изменения позднемелового вулканизма, свидетельствуют о рифтовой природе этой депрессионной структуры. Исходя из этого, ранний, щелевой рифт Главного трога должен считаться унаследованным от более раннего, позднемелового рифта.

Сходное соотношение с более древними рифтами имеет кайнозойский рифт оз. Руква Юго-Западной Танзании. Выполняющие этот рифт миоцен-четвертичные отложения имеют мощность до 8 км и подстилаются континентальными отложениями мела-юры и триаса-перми значительной мощности. Эти отложения залегают структурно согласно с кайнозойскими осадками и, согласно имеющимся палеотектоническим реконструкциям, накапливались в рифтовых бассейнах того же, что и рифт Руква, сз-юв направления.

Таким образом, устанавливается, что Главный трог Красного моря и рифт оз. Руква образовались вдоль предшествующих рифтовых бассейнов и поэтому могут быть отнесены к подтипу «унаследованных».

С принципиально иной «стартовой» тектонической позиции начал развиваться доокеанический щелевой рифт Аденского залива. Почти полное стратиграфическое и литологическое тождество разрезов верхнего мела и особенно палеогена до среднего-верхнего эоцена на Сомалийском плато и в Хадрамауте Южного Йемена (соответственно формаций Каркар и Хабашия) являются неоспоримым свидетельством существования до начала развития в олигоцене рифта Аден-

ского залива единой Афро-Южно-Аравийской плиты. Развитие рифта началось без какой-либо ощутимой предварительной подготовки, непосредственно на осушенном перед этим шельфе эпиконтинентального моря. Таким образом, в отличие от унаследованных щелевых рифтов Красного моря и оз. Руква, ранняя депрессия рифта Аденского залива возникла на осадочном чехле Афро-Аравийской платформы.

За исключением рифта оз. Руква все остальные кайнозойские (озер Малави, Танганьика, Киву, Альберта) образовались на щитовых поднятиях докембрийского фундамента платформы. Трековый анализ по апатитам из бортовых зон этих рифтов показал, что их борта поднимались одновременно с прогибанием рифтовых долин.

Таким образом, по тектоническим условиям заложения кайнозойские рифты щелевого типа Африканско-Аравийского региона могут быть подразделены на три подтипа: 1) унаследованные, 2–3) эпиплатформенные – 2) эпичехольные, 3) эпищитовые.

Сейсмическими исследованиями, расчетами данных гравиметрических и аэромагнитных съёмок, а затем глубоким бурением, направленным на обнаружение залежей углеводородов, в целом ряде районов Центральной и Северо-Восточной Африки под обширными, но маломощными покровами плиоцен-четвертичных осадков выявлены протяженные прогибы глубиной до 15–14 км (по зарубежной терминологии «осадочные бассейны»), выполненные главным образом отложениями мела-палеогена. Это бассейны: Муглад, Мелут, Белого, Голубого Нила, Атбара и Багарра на юге Судана, Анза на Севере Кении, Саламат, Досео вдоль границы ЦАР и Чада, Доба и Бонгор на юго-западе Чада, Термит, Тефедет, Тенере, Грейн и Кафра на востоке Нигера, Борну-Гонгола на востоке Нигерии. К этой же возрастной группе принадлежит инверсионный рифт Нижнего Бенуэ, расположенный на юго-востоке Нигерии.

Все бассейны сопровождаются системами крупных продольных разломов и характеризуются сокращенной мощностью консолидированной земной коры. По этим особенностям наряду с четко выраженной линейностью и большой глубиной данные структуры были отнесены изучавшими их геологами к рифтам. Однако расчеты скорости прогибания этих бассейнов показали, что к рифтовым могут быть отнесены только отложения мела.

Указанные выше рифты существенно отличаются от «классических» кайнозойских грабенообразных (или просто грабеновых) рифтов. Если грабеновые рифты четко ограничены от разделенных ими поднятий фундамента бортовыми разломами, то меловые рифты Центральной и Северо-Восточной Африки имеют постепенно выполаживающиеся борты. Кроме того, независимо от их возраста, если все грабены региона вскрываются на поверхности или находятся под водными покровами морей и озер, то мел-палеогеновые рифты являются почти исключительно погребенными. Все это показывает, что рифты данной генерации, несомненно, принадлежат особому типу, который может быть условно назван «бассейновым».

Исключение представляет рифт Нижнего Бенуэ Нигерии, который развивался в мелу по типу бассейнового рифта, а затем, в середине сантона, испытал инверсию, которая привела к образованию сложно-складчатого антиклинория Абакалики.

Меловые рифты Центральной и Северо-Восточной Африки образуют системы двух направлений: (з) юз-(в)св (рифты Багарра, Саламат, Добо, Доссо, Донгор, Бенуэ) и (с)сз-(ю)юв (Муджлад, Мелут Южного Судана, Анза Кении, Термит Нигера). Обе системы рифтов соединены с крупным разломом Богороп юз-св направления. Считается, что рифты развивались при крупномасштабных сдвиговых перемещениях по этому разлому.

Сопоставление разрезов рифтов данной возрастной группы показало, что эта геодинамическая модель является или сильно упрощенной, или ошибочной.

По имеющимся данным, ранее всего, в поздней юре, стали развиваться рифты суданско-кенийской системы (с)сз-(ю)юв направления, тогда как прогибание рифтов в зоне линеамента Богороп и, таким образом, признаки развития самого линеамента относятся лишь к неокому, т.е. гораздо более позднему времени. Рифт Нижнего Бенуэ, непосредственно сопряженный с атлантической окраиной Африки, начал прогибаться только с апта, что свидетельствует об отсутствии связи развития в неокоме рифтов зоны линеамента Богороп с трансформными разломами Атлантики.

Совокупность данных и основанные на их анализе палеотектонические реконструкции свидетельствуют о некоррелированном, автономном развитии разнонаправленных мезозойских рифтовых систем Центральной и Северо-Восточной Африки.

Сравнительный анализ строения рифтов (мезозоя и перми-триаса), расположенных в Африканско-Аравийском регионе, выявил следующие общие тенденции в его пределах в течение позднего фанерозоя. Рифты перми-триаса являются наименее крупными и расположены в самых разных направлениях: св-юз (Луангва, Мона, Пулз, Рухуху, Металунга, Огадена), сз-юв (до Руква), з-в (Кабора-Басса, Намибийско-Ангольский, Лимпопо), с-ю (Нижнего Замбези). Они сосредоточены главным образом в Юго-Восточной Африке и имеют пространственную структурную связь с одновозрастными погребенными рифтами индоокеанской окраины Африки.

Рифты мела-палеогена достигают значительно больших размеров (Муджлад, Мелут, Термит, Анза) и образуют системы двух направлений (с)сз-(ю)юв и зюз-всв.

Кайнозойские рифты не только имеют наибольшие размеры (Красноморский, Аденский), но также образуют са-

мый крупный пояс, протягивающийся на несколько тысяч километров с юга Мозамбика до Синая и Западной Сирии. Кайнозойское рифтообразование оказалось связанным с рифтовыми структурами Индийского океана

Таким образом, процессы рифтообразования в течение позднего фанерозоя мигрировали с юго-востока Африки в ее центральные, а затем и северо-восточные районы.

Развитие рифтов трех главных генераций сопровождалось различной магматической активностью.

Осадочные комплексы рифтов трех главных генераций отличаются по содержанию в них продуктов магматизма, главным образом базальтоидного, мантийного. Рифты перми-триаса являются почти исключительно амагматическими. Разрезы меловых рифтов содержат продукты магматической деятельности в достаточно большом объеме в виде лав, силл, даек базальтов. Особенно большое количество вулканитов содержит разрез складчатого сооружения Абакалики (Нигерия), возникшего при деформации меловых отложений рифта Бенуэ. Большое количество вулканитов имеется в одиночном юрско-меловом рифте Нижнего Замбези.

Несопоставимо более крупные массы вулканитов находятся в кайнозойских рифтах Восточной Африки, Красного моря и Аденского залива. При этом в двух последних межконтинентальных рифтах распространены толеитовые базальты новообразованной океанической коры.

В целом мы имеем несомненное свидетельство увеличения в течение позднего фанерозоя масштабов синрифтового магматизма, что, наряду с акселерацией рифтообразования, отражает закономерное усиление процессов деструкции материковой коры. Эта эволюционная направленность внутриматерикового рифтообразования хорошо коррелируется с увеличением размеров Индийского и Атлантического океанов и, таким образом, является, по-видимому, одним из проявлений единого глобального процесса.

В течение позднего фанерозоя в Африканско-Аравийском регионе грабеновые рифты появились дважды – в пермо-триасе и кайнозое, а бассейновые рифты – в мелу-палеогене (миоцене). Обращает на себя внимание совпадение по времени образования грабеновых рифтов с варисской и альпийской фазами тектогенеза и общими поднятиями материков, а бассейновых рифтов с одним из наиболее крупных талассократических периодов.

Таким образом, эволюция рифтов позднего фанерозоя в Африканско-Аравийском регионе заключалась в увеличении их размеров, сосредоточении в более крупные системы и усилении синрифтового магматизма.

Анализ материалов показал, что кайнозойские Кенийский и Эфиопский рифты Восточной Африки не только ориентированы вдоль меридиональных структур Мозамбикского пояса, но, кроме того, совпадают с его осевой зоной, сложенной наиболее глубинными комплексами метаморфических пород. Кенийский рифт расположен на простирации крупной зоны гор Паре-Усомбана-Улугуру Восточной Танзании, в которой вскрываются породы фации метаморфизма. За пределами этой гранулированной зоны в Мозамбикском поясе распространены мигматито-гнейсы группы Масаи Степп. По наиболее распространенному мнению, протолит гранулитов имеет архейский возраст, а их юные, панафриканские датировки соответствуют времени последних структурно-температурных и изотопных преобразований древних пород.

Севернее, в Кении, гранулиты вскрываются в обрамлении центральной части Кенийского рифта в районах Самбуру-Марсабит и Элгейо-Нгурумани. За пределами этих зон в Мозамбикском поясе распространены мигматито-гнейсы амфиболитовой фации. На южном окончании Эфиопского рифта из-под него выступают «омоложенные» архейские гранулиты серии Консо, тогда как к востоку и западу от рифта вскрываются мигматиты и гранито-гнейсы разного типа. Согласно сейсмическим данным, под Кенийским и Эфиопским

рифтами и рифтом Афара залегает высокоплотный фундамент, характеризующийся $V_p = 6,1-6,5$ км/сек. Считается, что этот фундамент соответствует комплексам средней или нижней консолидированной коры, т.е. уровням распространения пород гранулитовой фации.

Кайнозойские рифты озер Руква, Танганьика и Альберта совпадают с протерозойскими гранулитовыми поясами – Убендийским, Транскибарским. Архейские гранулиты Ватиян обрамляют с двух сторон самый северный в Западной ветви рифт оз. Альберта. Гранулиты Мозамбикского пояса на значительном расстоянии прослеживаются по обе стороны молодого рифта оз. Малави.

Сейсмическими исследованиями уже давно был выявлен высокоплотный характер фундамента в западной половине Главного трога рифта Красного моря ($V_p = 6,4-6,5$ км/сек.), который был определен египетскими геофизиками как «квазиокеанический» мелового возраста. Однако какие-либо реальные признаки меловой океанической коры в этом рифте отсутствуют. Вместе с тем на о-вах Забаргад и Три Брата, расположенных в 15 км к западу от Осевого, океанического трога рифта, на широте района Кусейра Египта, а также вдоль всего эритрейского побережья Красного моря, вскрываются панафриканские гранулиты. Последние характеризуются сходными значениями прохождения продольных сейсмических волн и образуют, по всей вероятности, так называемый «квазиокеанический» фундамент Красноморского рифта. В целом геологические и геофизические данные позволяют говорить о совпадении рифта Красного моря с крупным гранулитовым поясом, разделявшим до рифтинга панафриканские гранитно-зеленокаменные области Аравийско-Нубийского рифта.

Не менее четко выражено совпадение с панафриканскими гранулитовыми поясами наиболее крупных мел-палеогеновых рифтов Центральной и Северо-Восточной Африки. Так, рифт Муглад находится на простирании круп-

ного гранулитового пояса Карамойа-Иматсог, протягивающегося от северо-западного района Кении через Уганду на юг Судана. За пределами этого пояса в горах Нуба и Экватории Судана распространены мигматито-гнейсы панафриканского фундамента.

Рифты Добо и Саламат находятся непосредственно на простирании гранулитового пояса, пересекающего Камерун и его границы с Чадом на северо-востоке до атлантического побережья. Геологические и гравиметрические данные дают основание считать, что и рифт Бенуэ Восточной Нигерии также подстилается высокоплотными гранулитовыми комплексами пан-африканского фундамента.

С аналогичными структурами докембрийского фундамента сопряжены и наиболее древние из рассматриваемых так называемые карусские рифты перми-триаса. Так, в поднятиях, разделяющих карусские рифты Кабора Басса и Нижнего Замбези, расположенные соответственно вдоль границ Зимбабве и Мозамбика и Мозамбика и Малави, вскрываются меланократовые гранулиты, прорванные синметаморфогенными габброидами и анортозитами комплексов Тете и Чеворе.

Карусский рифт Луангве на востоке Замбии также находится на простирании Центральной гранулитовой зоны позднепротерозойского Ирумидского складчатого пояса.

Таким образом, практически все рифты трех генераций позднего фанерозоя в Африканско-Аравийском регионе совпадают с гранулитовыми зонами или поясами позднепротерозойского (600+100 млн лет) фундамента, что свидетельствует об их детерминированности древними латеральными неоднородностями консолидированной коры. По мнению профессора Е.А. Долгинова, эта закономерность обусловлена поднятием вместе с гранулитовыми комплексами нижней коры и всей древней литосферы и образованием на ее основании ловушек для астеносферы, продуцирующей при температурном возбуждении и диапиризме рифты.

ЗОЛОТО МАЛИ

Мали является одной из стран Африки с традиционной добычей золота и в настоящее время занимает четвертое место в этом регионе после ЮАР (первое место), Ганы и Танзании.

В Мали, как и в Африке в целом, подавляющее большинство коренных месторождений золота находится в складчатых породах докембрия, образующих так называемые зеленокаменные пояса. Последние являются структурами древней кристаллической коры материков, в том числе и Африки. Своё название эти структуры получили по зеленому цвету образующих их первично вулканических пород, изменённых в условиях повышенных температур и давлений во время деформаций большей частью до различных сланцев и других так называемых метаморфических пород. В Мали имеется две генерации зеленокаменных поясов: эбурнейские раннего протерозоя (2,0 млрд лет) и панафриканские позднего протерозоя (0,6 млрд лет). В соответствии с размещением этих складчатых структур в стране выделены три золоторудных района: на западе и юге Биримские по названию вулканогенно-осадочных толщ раннего протерозоя (2,5–2,0 млрд лет), образующих эбурнейские зеленокаменные пояса, на северо-востоке Фарузская по названию вулканогенно-осадочных толщ позднего протерозоя (1,0–0,6 млрд лет) пан-африканских зеленокаменных поясов.

Главными в Мали являются следующие коренные месторождения золота в породах нижнего протерозоя (Бирима): Лоуло (Loulo), Ялса (Yalca), Садиола (Sadiola), Ятела (Yatela), Табакото (Tabokoto), Сегала (Segala) на западе страны, месторождения Морила (Morila), Сиама (Syama), Калана (Kalana) на юге. На месторождении Калана рудными являют-

ся золотоносные кварцевые жилы и зоны, падающие под углом 30° на восток. Минерализованные жилы и зоны прослеживаются на глубину обычно до 100–200 м, наиболее крупные до 500 м. Они расположены на трех ярусах, имеющих толщину 40–60 м, находящихся друг над другом на расстоянии 70–110 м. В каждом ярусе рудные тела имеют толщину от нескольких десятков сантиметров до 5 м и расположены одно под другим на расстоянии 3–12 м. Минерализованные жилы имеют нечеткие границы с включающими их зонами прожилкового оруденения и сопровождаются многочисленными короткими апофизами часто штокверкового типа. Последние характеризуются брекчиевыми рудами золото-арсенопирит-кварцевого состава, образовавшимися при минерализации зон пологопадающих тектонических брекчий. Содержание золота в рудах сильно варьирует (от 3 до 557 г/т), составляя в среднем от 15 до 30–34 г/т. Наиболее выдержанным является оруденение Главной зоны, которое нередко прослеживается непрерывно по падению до 500 м. Значительная часть золота является самородным с преобладающим размером зерен 0,2–0,5 мм и пробностью 800–900.

Месторождение Калана открыто советскими геологами. Его первоначальные запасы оценивались в 290 т. С 1972 г. советские организации приступили к строительству предприятия, которое было сдано в эксплуатацию в 1984 г. Были построены шахтные и надшахтные сооружения, обогатительная фабрика, вспомогательные цехи, линии электропередачи. В 1985–1990 гг. предприятие добыло 2307 кг золота, но в связи с аварией, приведшей к затоплению шахты, работы были прекращены. В 1993 г. малийцы приватизировали предприятие «Калана» и продали его геологические материалы консорциуму из Achanti Gold Fields (Гана) и Johannesburg Consolidated Investment (ЮАР). Консорциум осуществил доразведку месторождения и оценил запасы золота в 60 т. В апреле-мае 1997 г. консорциум подписал конвенцию с правительством Мали на продолжение эксплуата-

ции месторождения. Последняя его отработка началась в 2004 г. компанией Avnel Gold Mining Ltd. (Avnel – 80%, государство Мали – 20%). К 2005 г. компания удвоила на нем производство золота до 0,5 т в год.

Второе крупное в Мали коренное месторождение золота Луло, находящееся в юго-западном рудном районе, относится к типу стратиформного гидротермального оруденения и характеризуется экзотическими не только для Мали, но и всего региона рудами золото-турмалин-кварцевого состава.

Месторождение Луло расположено в интенсивно дислоцированных породах серии Далема, соответствующей Бириму. Серия Далема сложена ритмично переслаивающимися кварцитовидными песчаниками, граувакками, туфами, карбонатными и кремнистыми породами. Среди кварцитовидных песчаников имеются черные золотоносные турмалиновые разности. Последние прослеживаются по простиранию пород на многие десятки километров к северу и югу от района Луло. На месторождении рудоносный горизонт состоит из прослоев и линз разнозернистых кварц-турмалиновых песчаников с кварц-карбонат-пирит-турмалиновым и кремнистым (яшмоидным) цементом. Турмалиновые песчаники пересечены мелкими кварц-карбонат-сульфидными штокверками, содержащими кристаллы турмалина, пирит, арсенипирит, пентландит, герсдорфит, редкие минералы теллуридов и висмута. Золото в песчаниках очень мелкое, заключено главным образом в пирите. Повышенное содержание в сульфидах кобальта, никеля и мышьяка рассматривается как признак связи оруденения с базит-ультрабазитовым вулканизмом раннего протерозоя.

Запасы месторождения на первом этапе его разведки были оценены в 50–60 т золота при его средних содержаниях в рудах 4,38 г/т. Для эксплуатации месторождения было создано общество СОМИЛО со следующим распределением акций: правительство Мали – 20%, австралийская компания (филиал в Мали) ВМР – 51%, канадцы (BRGM) – 29%.

По плану должны были разрабатываться первые 6,5 лет открытым способом окисленные руды с содержанием золота 4,29 г/т до глубины 60 м, затем до глубины 140 м сульфидные руды с содержанием золота 4,5–4,9 г/т.

В последнее время добыча золота на месторождении (80% Rendgold Resources, 20% – государство Мали) производится открытым способом из двух рудных тел – Луло и Ялса. В первом квартале 2006 г. его добыто 2 т. С 2007 г. планировалось начать его подземную отработку. Выявленные ресурсы составляли на конец декабря 2004 г. 58 т золота, на декабрь 2005 г. – 38,57 млн т руды при среднем содержании 4,5 г/т золота и его общие запасы в 174 т.

На объекте Ялса оруденение прослежено на глубину 900 м. По горизонтам разведка ведется в обоих направлениях. Разведка продолжается и на объекте Луло. На удалении от него на 600 м к югу по данным опробования содержание золота составило 8,2 г/т на глубину до 22,3 м.

Месторождение Сегала с запасами золота 31,3 т разведано главным образом южно-африканской компанией СМС-WA (Consolidated Mining Corporation West-Africa) с участием канадского капитала. Оно подготавливалось к эксплуатации, для чего с правительством Мали подписано соответствующее соглашение.

На месторождении Мединанди разведано запасов золота 4 т (среднее содержание его в рудах 5 г/т) при прогнозных ресурсах в 16 т. Разведка производилась американско-канадским консорциумом бурением и подземными горными выработками.

Другой разновидностью коренных месторождений золота в юго-западном рудном районе Кинеба является скарновое месторождение Садиола, расположенное к югу от г. Кайес (Kayes). На нем вкрапленное золотое оруденение сосредоточено в скарнированных метакarbonатных породах, залегающих вблизи разлома. Разведка месторождения была начата в 1992 г. южноафриканской корпорацией Anglo-American

и канадской корпорацией IAM-GOLD, перекупившими у местных малийских предпринимателей разрешение на разведку с правом собственности на разведанный металл. В 1993–1994 гг. основные геологоразведочные работы были завершены. На первом этапе было разведано 93 т золота с содержанием 2,2 г/т в золото-сульфидных рудах. Извлекаемые запасы металла оценены в 146 т. С начала производства в 1997 г. здесь добыто около 124 т золота. В 2005 г. получено 14 т золота, оставшиеся измеренные и установленные его ресурсы составляют 172 т, запасы: руды 21 млн т при среднем содержании золота – 3,35 г/т, золота – 73 т.

Эксплуатация месторождения Садиола проводится Обществом СЕМОС (Правительством Мали 18%, IAM-GOLD 38%, Anglo-American 38% и SFI – Международное финансовое общество, являющее дочерним подразделением Мирового банка – 6%). Через 15 месяцев после начала работ в январе 1997 г. предприятие выдало первый слиток золота (19,8 кг). Осуществлены огромные объёмы работ. В частности, вложено 300 млн долл. США, смонтировано 45 000 тонн оборудования и металлоконструкций, построен водовод длиной 50 км от реки Сенегал. На предприятии работало 2800 рабочих и служащих. Его плановая ежегодная производительность определена в 10 т золота. Впервые в практике работы иностранных компаний в стране малийцы добились включения в конвенцию обязательств по финансированию природоохранных мероприятий и возмещению ущерба местным традиционным старателям – жителям соседних населенных пунктов.

Месторождение Морила, расположенное в южном районе Мали (Rendgold Resources – 40%, AngloGold Ashanti – 40%, государство Мали – 20%), является самым крупным по производству золота в стране. В 2005 г. здесь добыто 15,8 т золота. Увеличение его производства связано с наращиванием производственной мощности обогатительной фабрики до 350 тыс. т руды в месяц. В первом квартале

2006 г. здесь получено 4,2 т золота. На конец 2005 г. измеренные и установленные ресурсы золота составили 97–99,4 т. Запасы золота – 74 т, руды – 22,14 млн т, среднее содержание золота в рудах – 3,33 г/т. Бурением, проведенным южнее карьера, выявлено продолжение оруденения от него на юг и юго-восток.

Месторождение Ятела (AMGold – 40%, AngloGold Ashanti – 40%, государство Мали – 20%) расположено в 35 км к северу от месторождения Садиола, обладает самыми небольшими ресурсами и запасами золота – 47–48 т. Здесь применяется технология кучного выщелачивания золота. В 2005 г. на нем было получено 7,6 т золота. Измеренные ресурсы золота составляют 31 т, запасы руды – 5 млн т (при среднем содержании золота в рудах 3,3 г/т, золота 16 т).

Месторождение Табакото (Newsun – 80%, государство Мали – 20%) открыто в мае 2005 г. в результате интенсивных многолетних геологоразведочных работ, проводившихся компанией Newsun. Первоначальная оценка запасов составляла 42 т золота при его содержании в рудах 7,5 г/т. Первое промышленное золото получено на нем в марте 2006 г. Его производство составляет более 3 т в год и рассчитано на пять лет. По последним оценкам, запасы месторождения составляют 30 т золота.

Кроме вышеуказанных в «биримских» рудных районах имеются коренные месторождения золота Ниаулен (прогнозные ресурсы 30 т), Иали (30 т золота при его содержании в рудах 4,3 г/т), 4 ряда рудопроявлений в юго-западном районе, в частности: САНУКУ (Sanoukou) – золотокварцевая жильная зона, разведанная поверхностными горными выработками и буровыми скважинами; КОЛОМБА (Kolomba) – золотокварцевая жильная минерализация, изученная канавами, шурфами с небольшим объемом бурения; ДИАБАРУ (Diabarou) – изучавшаяся старательскими разработками шурфами «головок» кварцевых жил с золотом, в пределах зоны окисления (примерно до 30–35 м):

БЕРЕКЕНИ (Berekeni) – также изучавшаяся старательскими разработками шурфами золото-кварцевой жильной зоны до глубины 40–45 м; КУРУФИНГ (Kouroufing) – система кварцевых жил с золотом, разведывавшаяся буровыми скважинами.

По устному сообщению А.И. Мамедова, в течение многих лет занимавшегося изучением золота в Мали, его крупные запасы выявлены на разведанном золото-кварцевожильном месторождении Багая, находящемся на юге страны.

В «биримских» рудных районах Мали помимо коренных месторождений и проявлений золота широко распространены современные и древние аллювиальные золотоносные россыпи, из которых первые имеют большее промышленное значение. Россыпи приурочены к долинам рек, дренирующих метаморфические толщи эбурнейских зеленокаменных поясов, а наиболее богатые россыпи находятся вблизи его коренных залежей, а местами над ними. Золото обычно распространено в них неравномерно. Богатые участки россыпей с большими потерями обрабатывались и обрабатываются старателями и мелкими компаниями.

На правобережье р. Фалеме в зоне Кинеба советскими специалистами в 1960-е гг. разведаны золотоносные россыпи с запасами 4,2 т золота. В этом районе, где расположен целый ряд в том числе и крупных месторождений золота, известно более 60 аллювиальных россыпей золота длиной 1–5 км, шириной 20–200 м, толщиной песков 1,4–2 м, торфов 2–11 м с содержанием золота на горную массу 0,1–0,5 г/м³, на пласт 0,5–4 г/м³.

В Мали к особому экзогенному типу относятся месторождения Сияма и Такакорони, расположенные на юго-востоке страны на границе с Буркина-Фасо. Они представляют собой латеритные коры выветривания, которые перекрывают вулканогенно-осадочные породы серии Бирим, содержащие линзы коренных золото-сульфидных руд. Латеритные коры тянутся полосами по разломам, сопровождае-

мым зонами дробления и рассланцевания в коренных породах (метабазальтах, метабазальтовых туфах и метаграувакк Бирима). Латериты имеют среднюю толщину 30 м. Золоторудные пластовые залежи толщиной 5–10 м приурочены к низам коры выветривания; среднее содержание в рудах золота – 3,7 г/т. Ниже латеритов до глубины 90 м залегают полукисленные руды со средним содержанием золота 5,5 г/т. Коренные залежи представлены штокверками с золотосодержащим пиритом в количестве от 3 до 20%. Среднее содержание золота в золото-сульфидно-кварцевых рудах составляет здесь по разным данным от 4 до 7,2 г/т (максимальное 15 г/т). Оценочные запасы месторождения Сияма были определены первоначально в 100–135 т золота. Оно разрабатывается с 1994 г. обществом СОМИСИ (Мали 20%, австралийская компания ВНР-УТАН – 65% и дочернее предприятие Мирowego банка – SFI – 15% акций). В 1994 и 1995 гг. добыча составила соответственно 2,5 и 5 т золота. В 1996 г. работы были прекращены в связи с необходимостью сменить технологию и перестроить обогатительную фабрику, после чего эксплуатация месторождения должна была производиться с добычей золота 5–6 т в год. До этого на месторождении Сияма было добыто 47 т золота. Его эксплуатация должна была продолжаться до 2010 г., однако была прекращена в связи с нерентабельностью из-за небольших запасов, оцениваемых в 4 т (на начальном этапе освоения они составляли 100–135 т золота).

В апреле 2006 г. компания Resolute Mining Ltd. объявила о своем решении возобновить разработку этого месторождения. В течение последних двух лет компания проводила технико-экономическое обоснование для продолжения работ. Установленные и измеренные ресурсы золота подсчитаны в количестве 133 т, запасы руды – 13,7 млн т при среднем содержании в ней золота 4 г/т. Компания планировала вложить в организацию добычи 120 млн долл. В течение последних лет планируемая годовая добыча золота должна со-

ставить 7,8 т. Одновременно будут проводиться геологоразведочные работы на примыкающих к месторождению площадях.

Относительно новым промышленным типом месторождений для Африки являются обнаруженные на юге Мали золотоносные латериты. Последние в дальнейшем, возможно, будут играть существенную роль в общем балансе добываемого золота в ряде стран региона, находящихся в климатической зоне гумидного выветривания между 250 с.ш. и 250 ю.ш. Концентрация золота в латеритах происходит либо при совместном влиянии на золотоносные коренные породы высокого окислительного потенциала, высокой кислотности и высокой активности ионов хлора, приводящем к растворению золота и его переходу в хлоридные комплексы, либо в результате жизнедеятельности микроорганизмов, накапливающих золото. Как правило, золото в латеритах является высокопробным, встречается в виде самородков – ядер внутри железистых пизолитов. Наиболее благоприятны для концентрации золота мощные латеритные коры по первично вулканическим породам, характеризующимся высоким содержанием сульфидов. Перспективы выявления золотоносных кор выветривания в Западной Африке, и в частности на юге Мали, могут быть оценены как весьма высокие.

В Южном золоторудном районе Мали имеется большинство геологических факторов, определяющих формирование промышленного коренного оруденения и связанных с ним россыпных и латеритных скоплений золота. В целом территория Мали характеризуется наибольшим разнообразием месторождений «эндогенного» и «экзогенного» генезиса. К первым относятся месторождения с золото-кварцевожильными, скарновыми и стратиформными рудами (турмалиновые кварцито-песчаники). К новому экзогенному типу относятся золотоносные коры выветривания.

В качестве потенциально золотоносных могут рассматриваться базальные горизонты позднепротерозойского

осадочного чехла, формировавшиеся в наземных условиях при размыве пород раннепротерозойского метаморфического комплекса и содержащихся в нем крупных месторождений золота. Повышенный интерес среди них могут представлять более грубозернистые породы, возможно, речного происхождения. В пользу такого предположения может свидетельствовать тот факт, что большинство современных аллювиальных россыпей Юго-Западного золоторудного района Мали находится вблизи района распространения осадочных пород верхнего протерозоя, где, согласно топографии, могла сохраняться позднепротерозойская поверхность выравнивания, а на ней фрагменты золотоносных осадков этого возраста.

Все крупные коренные месторождения золота в Мали были открыты при следующей последовательности поисково-разведочных работ:

1 – проведение поисковой региональной геохимической съёмки (BRGM, KLOKNER, DNGM, PDRM);

2 – выделение на базе этой съёмки наиболее перспективных участков и приобретение их концессиями;

3 – проведение на концессионных площадях более детальных геолого-геохимических съёмок и выделение на их основе участков под разведку.

Поисками новых перспективных участков занимаются как крупные зарубежные, так и более мелкие малийские компании, ориентированные главным образом на коренные золоторудные объекты. Представители компаний поддерживают связь с чиновниками Геологического Департамента, что позволяет им быть в курсе выявления любого нового перспективного объекта.

Восточный золотоносный район Мали совпадает с поднятием Адрар-Ифорас. В докембрийской структуре этого района определяющее металлогеническое значение имеют вулканогенно-осадочные серии верхнего и отчасти нижнего протерозоя.

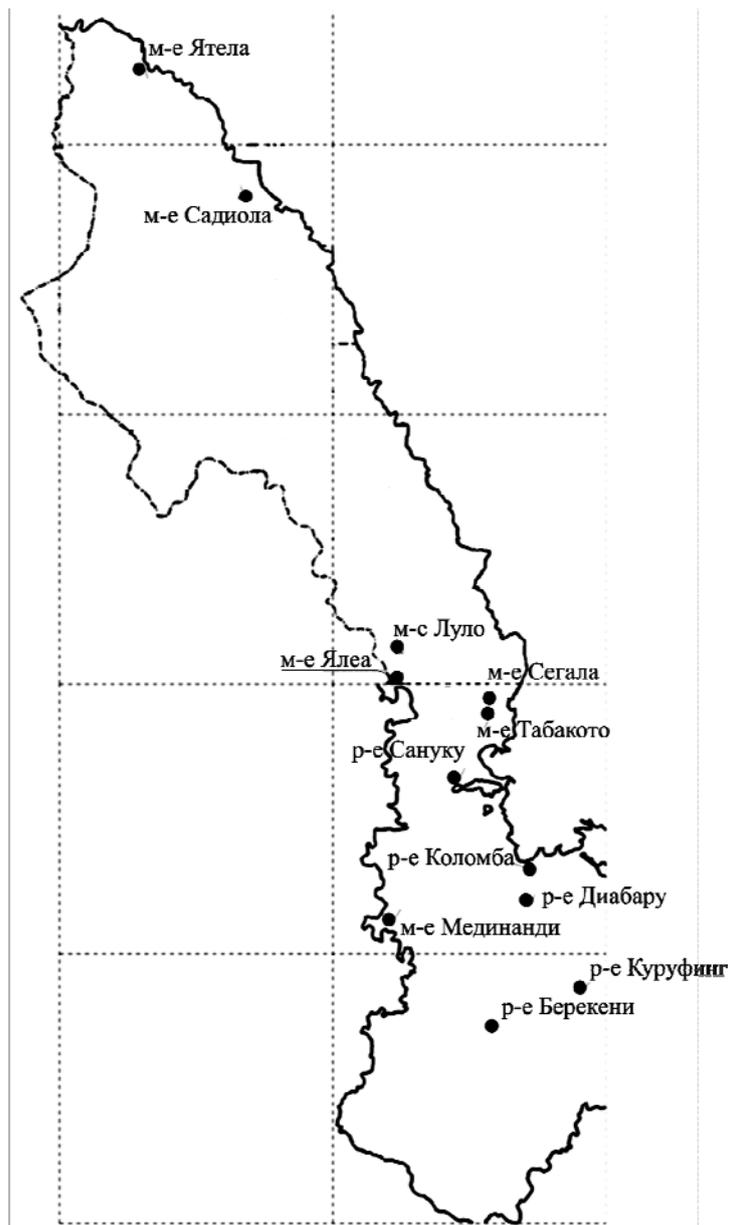

Схема размещения месторождений и коренных проявлений золота в Юго-Западном районе

Золотое оруденение в рудоносном районе Адрар Ифодраса во многих случаях контролируется зонами региональных разломов преимущественно меридионального направления и системами оперяющих их разрывов. Главными рудоносными (золотоматеринскими) здесь являются вулканогенно-осадочные толщи раннего и позднего протерозоя. Особое значение в них имеет базит-ультрабазитовая (офиолитовая) ассоциация, с которой в Мали связано месторождение Дарсет с оценочными запасами золота в 3 тонны. Месторождение находится в структурно-металлогенической системе Кидаль, в которой расположен целый ряд потенциально золотоносных массивов офиолитов.

Следует отметить высокую перспективность района Адрар Ифодрас на открытие новых коренных месторождений золота. Видимо, именно в связи с этим в районе Адрар-Ифодрас начала работы международная корпорация MADE (консорциум австралийской компании Ashton Mining и компании Mink Mineral Resources Inc). Здесь выявлен ряд крупных геохимических аномалий с высокими концентрациями золота.

Разведанные малийские резервы золота оцениваются в 350 т и распределены следующим образом в главных коренных месторождениях:

- месторождение Луло, по разным оценкам – от 174 до 42 т;
- месторождение Сегала – 31,3 т;
- месторождение Мединанди – 4 т;
- месторождение Морила – 99,4 т;
- месторождение Табакото – 42,5 т;
- месторождение Садиола (крупнейшее в стране) – 146 т;
- месторождение Ятела – 48 т;
- месторождение Калана – 60 т;
- месторождение Миссени – 3,5 т;

- месторождение Кодиеран – 80 т;
- месторождение Бале (к северо-востоку от Каланы);
- месторождение Сиама (60 км от Кадиоло) – большие расхождения в оценке (от 4 до 50 т);
- месторождение Ин Дарсет (30 км к югу от Тессалии на востоке Мали) – 4 т.

Золотодобыча может быть весьма привлекательна для российских предпринимателей, особенно в связи с тем, что первоначальные затраты на разведку перспективных участков невелики: на первой стадии – до 500 тыс. долл. США, на второй – до 5–7 млн долл. США. В случае подтверждения запасов золота более 2 тонн на компактном участке компания не только покрывает свои расходы на разведку, но и имеет солидную прибыль.

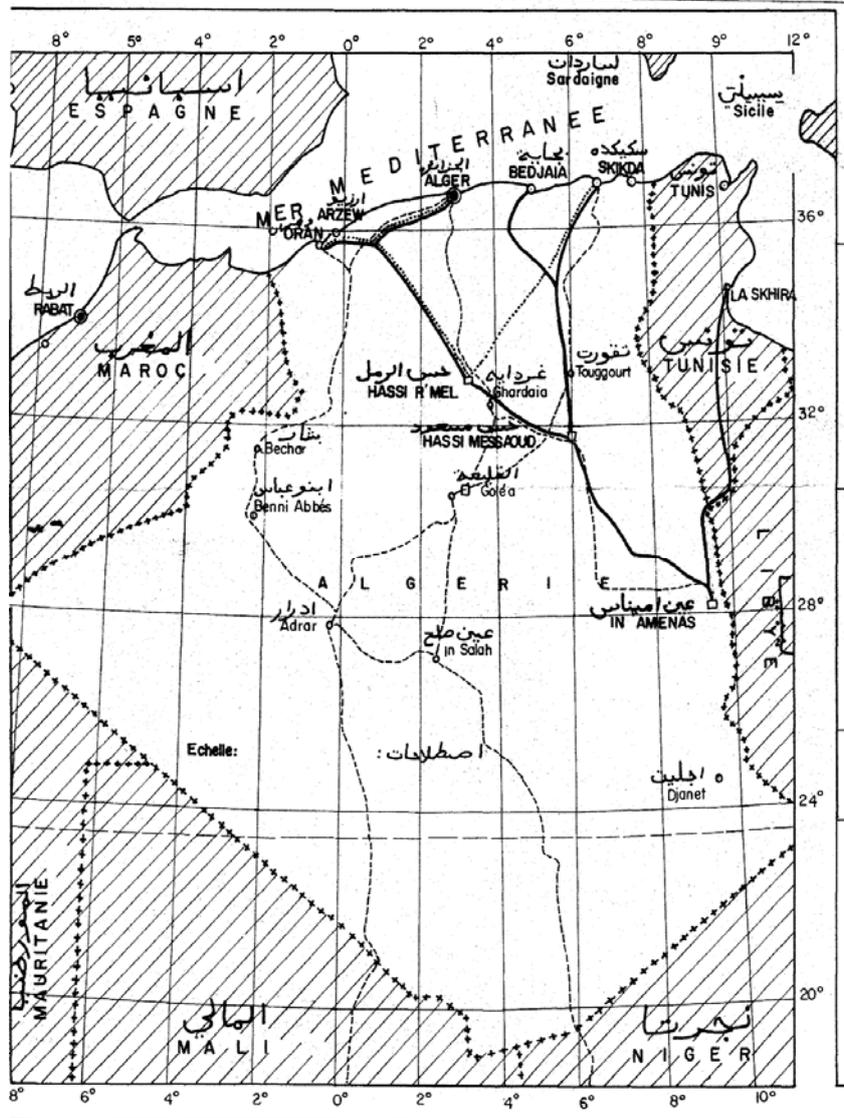
В.С. Колбиков

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ НЕФТЕГАЗОВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ АЛЖИРА

Начало истории нефте- и газодобывающей промышленности Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) относится к 1956–1960 гг. В январе 1956 г. в Алжирской Сахаре было открыто и с 1958 г. введено в разработку первое крупное нефтяное месторождение Эджеле. До этого нефтяная история Алжира была связана только с мелкими залежами, сосредоточенными на севере страны – в Северном Атласе. Здесь добыча началась еще с 1904 г. и не превышала нескольких тысяч тонн в год.

В 1965 г. в Алжире было создано государственное общество СОНАТРАК, в руках которого постепенно сосредоточивается полный контроль и решение всех вопросов развития нефтяной и газовой промышленности. 12 апреля 1971 г. в стране принимается закон по нефти и газу, аннулирован старый Сахарский нефтяной Кодекс и на основании решения Правительства от 24 февраля 1971 г. национализированы природные ресурсы углеводородов. В руках СОНАТРАК оказался контроль над 77% добычи нефти в стране, что составляло 41,7 млн т планируемой добычи на 1972 г., включая принадлежавшие ему на 100% 32 нефтяных месторождения, шесть – на 75 и более процентов и на 63,5% – одно из самых крупных месторождений – Хасси-Мессауд (против 25% до национализации). Все газовые месторождения и магистральные газовые и нефтяные трубопроводы стали полной собственностью СОНАТРАК, то есть государства.

Всего по состоянию на конец 1971 г. в Алжире в промышленную разработку было введено 38 нефтяных и 8 газовых (газоконденсатных) месторождений (карта 1 – здесь и далее материалы взяты из личного архива автора.).

Карта 1. Месторождения и транспортировка нефти и газа АНДР (по состоянию на 1971 г.)

Из этого количества месторождений 9 – составляли основную группу, дававшую более 85% добычи нефти по АНДР. Данные по объемам годовой добычи нефти в АНДР приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели добычи жидких углеводородов (нефть и конденсат)

Годы	Годовая добыча (млн т)	Примечания
1957	0,330	
1958	0,420	
1959	1,210	
1960	8,630	
1961	15,790	
1962	20,690	
1963	23,890	
1964	26,490	
1965	26,480	
1966	33,870	
1967	39,075	Снижение добычи нефти в 1971 г. было связано с возникшими затруднениями по ее сбыту во Францию.
1968	42,900	
1969	44,780	
1970	48,110	Добыча природного газа в 1971 г. – 13,143 млрд м ³
1971	37,080	

Нефть

В 1971 г. Министерство промышленности и энергетики АНДР получило прогноз добычи нефти до 1978 г., который был подготовлен иностранными компаниями. Согласно этому прогнозу, серьезного прироста геологических запасов нефти в Алжире до 1978 г. не ожидалось. Более того, планировалось систематическое снижение добычи нефти на 2,5–1,5 млн т ежегодно с общим падением к 1978 г. на 20% – до 46,75 млн т.

Однако исследования советских специалистов, работавших в АНДР по контракту, проведенные в области перспектив развития крупнейших месторождений с учетом внедрения современных методов их разработки, поиска и ввода в разработку новых месторождений, дали научно обоснован-

ную возможность систематического повышения добычи нефти с доведением ее к 1980 г. до 70 млн т. Начальные геологические запасы разрабатывавшихся на 1 января 1972 г. месторождений оценивались ими в 4,6 млрд т; извлекаемые при среднем коэффициенте нефтеотдачи 33% – в 1,5 млрд т. Текущие промышленно извлекаемые запасы составляли 1150 млн т. Таким образом, всего за период 1972–1980 гг. суммарный отбор по разрабатываемым месторождениям мог составить 530 млн т., а ресурсы извлекаемых запасов – 620 млн т на 1 января 1981 г., что определяло обеспеченность добычи нефти разведанными запасами на 11 лет при уровне добычи в 1980 г. в 50 млн т, что уже было больше прогноза.

Однако следовало учесть еще около 20 месторождений, открытых или предполагавшихся к открытию в 1973 г., что позволяло довести добычу по ним в 1980 г. до 10–12 млн т. Суммарная добыча нефти в АНДР в этом случае должна была возрасти до 70 млн т в 1980 г., а суммарный отбор за период 1972–1980 гг. – до почти 570 млн т. Для обеспечения добычи нефти прирост геологических запасов в рассматриваемый период должен был составлять около 1,9 млрд т при выполнении поискового бурения в объеме 1,3 млн метров.

Советскими нефтяниками в 1970 г. были выданы соответствующие рекомендации по повышению эффективности разведки нефтяных и газовых месторождений.

По оценке советских специалистов, достигнутая степень выработки запасов нефти по месторождениям была очень низкой и колебалась от единиц процентов (Хасси-Мессауд – 3,4%) до 22% (Зарзайтин); темпы разработки не превышали 3% от геологических запасов и обычно составляли 0,5–1,5%; сетки скважин – преимущественно редкие с расстояниями между скважинами 600–1500 и более метров.

Четыре месторождения разрабатывались с поддержанием пластового давления, из которых два – Зарзайтин и Эль-Агреб – путем закачки воды (Зарзайтин – при полной

компенсации отбора и Эль-Агреб – частичной, до 30%); Эджеле – газа в искусственную газовую шапку и воды за контур и Хасси-Мессауд – путем закачки газа высокого давления (9% компенсации). В 1970 г. средний коэффициент использования скважин в целом по Алжиру составил 0,77 и повышение этого коэффициента могло существенно повысить объем добычи нефти.

Нефти всех месторождений – легкие (плотность в поверхностных условиях от 0,800 до 0,870), малосернистые или бессернистые, маловязкие (в пластовых условиях – 0,25–0,7 спз и редко до единицы спз) – приурочены в основном к песчаникам кембрийско-девонского возраста и залегают на глубинах от 500–1000 м до 3000–3600 м.

Нефть транспортировалась только по трубопроводам (диаметр магистральных коллекторов – 8-30 дюймов) в морские порты Средиземного моря – Арзев, Веджайя, Скикда и Скирра на территории Туниса (см. карту 1).

В провинции Иллизи разработка нефтяных и газовых месторождений производилась на базе КРЕПСa – Ин Аменас. Основными продуктовыми отложениями являются девон и карбон, залегающие на глубине 450–1500 м. Общая суточная добыча нефти на 23 месторождениях бассейна составляла 33–35 тыс. м³/сут. или 12 млн м³ в год, то есть примерно 30% от всей добычи по АНДР.

К наиболее крупным нефтяным месторождениям этого бассейна относились:

Зарзаитин – 18 тыс. м³/сут. или 6,5 млн м³/год;

Тин-Фуйе – 7,5 тыс. м³/сут. или 2,8 млн м³/год;

Эджеле – 3,5 тыс. м³/сут. или 1,3 млн м³/год;

ИТОГО: – 29 тыс. м³/сут. или 10,6 млн м³/год.

Зарзаитин – нефтегазовое месторождение, расположено вблизи государственной границы Алжира с Ливией. Первая разведочная скважина ZR-1, пробуренная в ноябре

1957 г., вскрыла месторождение в его газовой части, вторая ZR-2 в январе 1958 г. – в нефтяной.

Продуктивными отложениями являются песчаники девона F4. Площадь месторождения по внешнему ВНК – 106 м², в том числе газовой шапки 20 м². Основные отложения F4 залегают на глубине 1400 м, имеют мощность 15–70 м и делятся на 5 глинисто-песчаных унит с проницаемостью от 50–100 до 5000 и более милидарси, пористость – 19–20%.

Начальные геологические запасы нефти – 226 млн т (280 млн м³); газа газовой шапки – 7,5 млрд м³.

Месторождение экранировано тремя региональными сбросами, которые являются естественными границами залежей нефти и газа. Нефтяная залежь подпирается контурными водами.

Промышленная разработка нефтяной залежи началась в октябре 1960 г. В течение первых 3–4 лет залежь была разбурена 120–150 скважинами, из которых в 109 получена нефть. В 1971 г. в числе действующего фонда находилось 50–60 эксплуатационных и 21 магистральная водяные скважины.

Текущая добыча нефти составляла 15–18 тыс. м³/сут., максимальная достигала 26 тыс. м³/сут. (1962–1963 гг.) и минимальная – 10 тыс. м³/сут. (1966–1967 гг.). Всего из залежи отобрано около 53 млн. т нефти, или 22% от начальных геологических запасов.

С 1965 г. в приконтурную часть залежи начата закачка воды. Текущий объем закачки был равен 20 тыс. м³/сут. и суммарный – около 55 млн м³. До закачки воды на протяжении первых пяти лет разработки пластовое давление снизилось от 120 кг/см² (начального) до 72 кг/см² с последующей его стабилизацией на этом уровне. Отмеченное снижение пластового давления привело к интенсивному расширению газовой шапки и частичному разгазированию пластовой нефти. Средний по залежи газовый фактор возрос с 60 м³/м³ до 400 м³/м³. Алжирское административное управление (ДЕК)

установило для фирмы-оператора КРЕПС максимально допустимый газовый фактор в $100 \text{ м}^3/\text{м}^3$, в результате чего около 50% фонда эксплуатационных скважин было остановлено и законсервировано, а также была внедрена закачка воды.

Для закачки воды в пласт использовалась пластовая вода из отложений карбона, залегающего в пределах промышленной площадки на глубине 1000 м. Добыча воды осуществлялась газлифтным способом, при котором дебит скважин равен 2000–2300 $\text{м}^3/\text{сутки}$. Приток воды к скважинам интенсифицировался путем закачки природного газа в верхнюю часть водоносного пласта карбона (рис. 1).

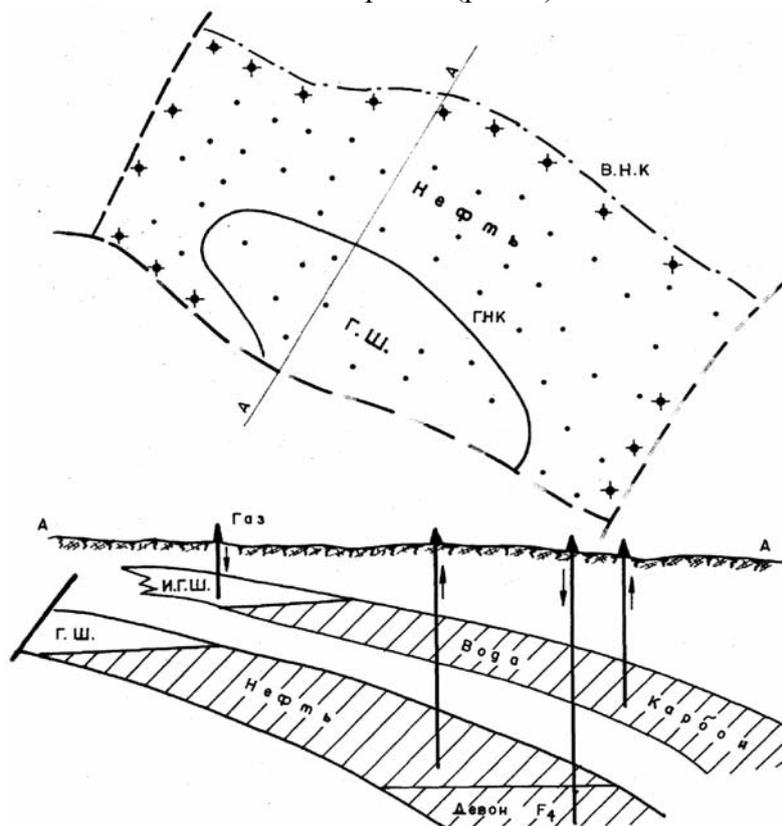

Рис. 1. Схема месторождения Зарзайтин

Насосная станция по закачке воды была оборудована 3 центробежными насосами (США) с газотурбинными приводами. Газотурбины французского производства (Париж) фирмы «Испано-Сюиза» с мощностью 5000 л.с. каждая. Общая производительность насосной – 30–33 тыс. м³/сут. при давлении на выходе 45 кг/см². Насосная станция смонтирована на металлическом основании открытого типа. Вся система по добыче пластовой воды, ее транспорту и хранению в резервуаре насосной станции, очистительные сооружения и манифольды станции – герметичны и исключают возможность контакта добываемой пластовой воды с кислородом воздуха. В резервуаре создана и постоянно поддерживается подушка природного газа. К водоводам подключены бактерицидные дозаторы для сохранения стабильности воды, а также применялась противокоррозийная электрозащита. От насосной станции к нагнетательным скважинам через распределительный узел подведены линии высокого и низкого давления для обеспечения ведения одновременно-раздельной закачки воды в пласты карбона.

При оценке месторождения советские специалисты пришли к заключению, что месторождение Зарзаитин как объект разработки – перспективное, однако требуется решить следующие проблемы:

1) В области технологии разработки:

- значительный объем нефтенасыщающих коллекторов (особенно в верхней, наиболее продуктивной части) загазован вторгнущимся газом газовой шапки, частично выделившимся из пластовой нефти;
- характер охвата пластов нагнетаемой водой и вторгшимся газом сложен из-за высокой послойной неоднородности разреза и остается пока не изученным;
- текущая степень выработки запасов нефти (22%) при применяемом методе воздействия на пласт является низкой.

2) В области техники эксплуатации:

- оборудование скважин и насосной установки, нефтепромысловая система транспорта нефти, газа и воды значительно изнашивалась.

Поэтому было высказано предложение тщательно изучить следующие показатели:

- ✓ состояние выработки запасов нефти с установлением распределения их плотности по площади нефтеносности;

- ✓ характер и степень загазования и обводнения продуктивных пластов. Окончательный вывод о характере выработки запасов в зонах вытеснения нефти газом и водой установить путем бурения 2–3 оценочных скважин с отбором керна и проведением комплекса геофизических и гидродинамических исследований.

На основе этого изучения предполагалось найти решение двух критических вопросов:

- 1) о дальнейшем использовании простаивающего (законсервированного) фонда эксплуатационных скважин;

- 2) о повышении эффективности применяемого метода закачки воды в пласт путем переноса линий (или очагов) воздействия или других путей регулирования.

Еще одним практическим измерением должно было стать определение объема высвобождаемого промыслового оборудования для его использования в целях дальнейшего развития месторождений этого района.

В западной части провинции Иллизи осуществлялась разработка нефтяных залежей площади **Тин-Фуйе** на одноименной базе КРЕПС. К этому же району относится и залежь Тин-Фуйе – Табанкорт, разработку которой до начала 1970 г. вела французская фирма СЕПЕФАЛ и залежи Тин-Фуйе – КРЕПС и Тин-Фуйе – Норд (Север). Эти залежи приурочены к отложениям девона и в региональном плане размещены так, как показано на рис 2.

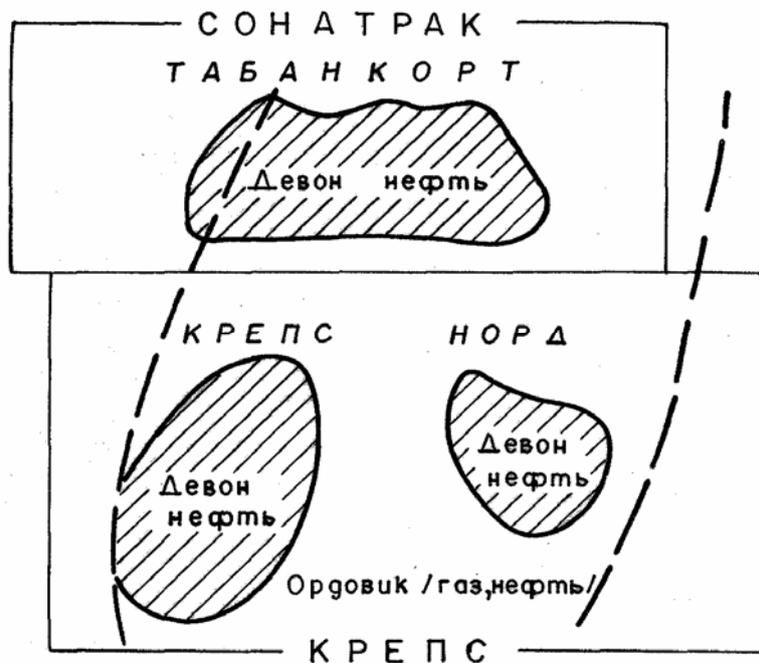

Рис. 2. Схема нефтяных залежей площади Тин-Фуйе

Месторождение Хасси-Мессауд

22 марта 1971 г. группа советских специалистов после завершения работ на месторождениях провинции Иллизи прибыла на одно из крупнейших нефтяных месторождений АНДР – Хасси-Мессауд. Уникальное по размерам и по запасам нефти месторождение было открыто в 1956 г. в центральной части Алжирской Сахары, в отложениях кембрия, на глубине 3500 м и с 1957 г. введено в эксплуатацию (карта 2).

В структурном плане оно представлено пологой брахиантиклинальной складкой с площадью нефтеносности около 2500 км². Общая мощность продуктивных отложений 175–240 м и этаж нефтеносности – 275 м. В разрезе продуктивных отложений выделяются три песчано-глинистых

литозоны R_i, R_a частично R₂, которые в целом представляют послойно высоко-неоднородный комплекс. Пористость и проницаемость коллекторов колеблется в очень широких пределах и в среднем они равны, соответственно 7–10% и 10–50 мд. Начальное пластовое давление равно 482 кг/см², температура пласта – 120°С.

Пологий характер залегания пластов обусловил наличие обширной водонефтяной зоны (1000 км), в границах которой заключено около 30% запасов нефти. Поверхность водонефтяного контакта (ВНК) имеет сложную форму с колебаниями по глубине от 3360 до 3390 м.

Пластовая нефть кембрийских отложений – легкая (0,650 г/см³), маловязкая 0,2–0,35 спз с большим содержанием растворенного газа (220 м³/м³). Месторождению свойственна также высокая зональная неоднородность пластов, которая отразилась на продуктивности скважин и повлияла на принципиальное направление ввода месторождения в разработку.

В границах чисто нефтяной, наиболее изученной части, имелось 3,6 млрд т начальных геологических запасов нефти и в водно-нефтяной зоне (ВНЗ) – около 1,5 млрд т. В ноябре 1959 г. АНДР заключила контракт с французскими компаниями на эксплуатацию этого месторождения сроком на 50 лет (северная часть – французское общество СФП и южная – алжирское общество РЕПАЛ). С апреля 1971 г. после национализации месторождений и упразднения СФП было создано алжирское общество АЛРЕП и долевое участие французского капитала в добыче нефти уменьшилось с 75 до 37%. Однако практика разделенности сложившейся структуры технического обустройства площади месторождения тогда сохранялась. Для обеих частей месторождения использовался общий принцип разработки – бурение эксплуатационных скважин преимущественно в зонах повышенной продуктивности (от 4 т/сут.·кг/см² и более). Текущая плотность размещения скважин на месторождении варьировалась в широких

пределах от 2 до 8 км² на 1 скважину и до 19 км²/скв. на участках с низкой продуктивностью (менее 0,25 т/сут.·кг/см²). Дебиты скважин колебались от 50–80 т/сут. до 1000–1500 т/сут. при депрессии на пласт 50–200 кг/см². Основные показатели разработки месторождения Хасси-Мессауд приведены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели разработки месторождения Хасси-Мессауд

Показатели	Южная часть	Северная часть	По месторождению
Суммарная добыча нефти (млн т)	99,0	73,0	172
Годовая добыча нефти (млн т)	12,5	10,5	23,0
Закачка газа (млрд. нм ³ /год)	1,5	0,5	2,0
Количество скважин:			
А) пробуренных	160	140	300
Б) эксплуатационных	130	100	230
В) нагнетательных	8	2	10
Среднее пластовое давление (кг/см ²)	350	360	

Планировалось, что в конце 1972 г. с завершением строительства новых установок по сжижению нефтяного газа и расширения компрессорного парка будет решена одна из серьезнейших проблем по промышленному использованию на месторождении попутного нефтяного газа.

Среди основных задач, определявших перспективы совместных работ алжирских и советских специалистов по развитию месторождения Хасси-Мессауд, были выделены следующие:

1) проведение детального изучения опытной закачки газа высокого давления в пласт с оценкой эффективности вытеснения нефти из неоднородно-слоистого разреза, установления технико-экономических критериев переноса фрон-

та закачки газа и последующего применения другого агента закачки – воды;

2) проведение опытной закачки воды в нефтенасыщенный пласт и в пласт, насыщенный газом высокого давления;

3) переход в 1973–1974 гг. к промышленному внедрению методов воздействия на нефтяной пласт;

4) доразведка водонефтяной зоны месторождения с целью установления запасов нефти промышленных категорий и ввода их в разработку.

Кроме того, предлагалось дифференцировать методы оценки текущего пластового давления, замеряемого в скважинах с установлением возможно минимального времени закрытия скважин, и получить расширенную информацию о послойной неоднородности продуктивного разреза и об охвате пластов дренированием в скважинах по данным гидродинамических исследований.

Газ

Алжир располагает огромными запасами природного и попутного газа. На конец 1971 г. эти запасы составили: природного – 3,6 трлн м³ и попутного – 1,0. В числе указанных геологических запасов 2,1 трлн м³ приходилось на газоконденсатное месторождение Хасси-Р'Мель. Накопленная на 1 января 1972 г. добыча сырого газа составила 33,4 млрд м³ (в 1971 г. – 4,8 млрд м³), что соответствовало примерно 0,8% от общих геологических запасов газа. В промышленную разработку из 40 месторождений было введено 10, из них пять газоконденсатных (Хасси-Р'Мель, Альрар Эст, Норд Ин Аменас, Тимеллалин, Тин-Фуйе ордовик) и 5 газовых залежей нефтяных месторождений. Сопоставление цифр добычи газа и запасов свидетельствовало о недостаточном уровне отбора и об имеющихся значительных возможностях. По оценке алжирских специалистов, к 1975–1976 гг. экспорт газа должен был составить 35–40 млрд. м³ в год, а экспорт кон-

денсата – 13 млн м³, при необходимом уровне добычи газа 65–80 млрд м³ в год.

Для перспективного обустройства промыслов в Хасси-Р’Мель, Альрар Эст, Рурд-Нусе, Рурд-Адра, Гаси-Туиль, Незла, Туаль и Тигентурин требовались капиталовложения порядка 0,6 млрд руб.

Месторождение Хасси-Р’Мель являлось источником для экспорта сжиженного газа и газоснабжения Алжира, остальные газовые залежи и месторождения – для поддержания давления и газлифтной эксплуатации на нефтяных месторождениях и газоснабжения теплоцентрали в Ин Аменасе.

Месторождение Хасси-Р’Мель являлось в 1971 г. крупнейшим газоконденсатным месторождением АНДР с запасом газа около 2,0 трлн. нм³. Представлено оно брахиантуклиналью 40×70 км; продуктивные пласты – три горизонта песчаников триаса, залегающие на глубине 2200 м; общая мощность пластов достигает 100 м; этаж газоносности – 130 м. Коллекторы обладают очень высокой проницаемостью до 8 миллиарди (нижний, наиболее продуктивный горизонт). Начальное пластовое давление – 310 кг/см², температура – 90°С.

На 1971 г. на месторождении было пробурено 19 скважин, из которых 5 находились в эксплуатации и 7 высокопродуктивных скважин были законсервированы. Скважины, введенные в эксплуатацию, размещены в своде структуры, остальные – рассредоточены по площадям. Пробуренным фондом скважин завершено оконтуривание залежи и установлено наличие подошвенных вод, то есть определен водоплавающий характер залежи.

Дебит газа по скважинам колебался от 3 до 10 млн нм³ в сутки при устьевом давлении 200 кг/см². Месторождение начало разрабатываться с 1965 г. с доведением к 1967 г. уровня добычи газа до 3,0 млрд нм³/год.

Конструкция газовых скважин – двухколонная; эксплуатационная колонна спускается до кровли продуктивных

отложений с цементом до устья; после разбуривания всех трех продуктивных горизонтов забой оборудуется хвостовиком с подвеской его на пакере. Вода в добываемой продукции практически отсутствует. Для борьбы с коррозией в скважины закачиваются ингибиторы. Для осушки газа от гидратов воды применяется этиленгликоль.

При установленном режиме работы сепарационной установки на выходе III ступени получали 210 грамм конденсата на 1 м³ сухого газа. Текущая добыча конденсата составляла 600–650 тыс. т в год.

Основные нефтегазопроисследовательские работы в пределах АНДР осуществлялись в бассейне Иллизи и Триасовой провинции (впадина Радамес и Уед Миа). Исходя из степени геолого-географической изученности бассейна Иллизи, был сделан вывод о том, что его еще не разведанные потенциальные ресурсы составляют около 560 млн т (460 млн т приурочено к нефтяной оторочке месторождения Тин-Фуйе) и, следовательно, при объеме разведочного бурения порядка 35 тыс. м за 1972–1975 гг. его потенциальные ресурсы в основном будут исчерпаны.

Иное положение наблюдалось в Триасовой провинции, степень изученности которой была на тот период значительно ниже по сравнению с Иллизи. Поэтому здесь рекомендовалось дальнейшее развитие нефтегазопроисследовательских работ, что должно было только за 1972 г. при объеме разведочного бурения в 70 тыс. м дать прирост запасов около 140 млн т.

Таким образом, основные объемы нефтегазопроисследовательских работ в АНДР в период 1972–1976 гг. предлагалось вести в бассейне Иллизи и Триасовой провинции, где ожидался максимальный прирост запасов нефти. В бассейне Иллизи на юго-востоке Алжирской Сахары перспективные запасы нефти оценивались в размере 600 млн т. Второй «геологической провинцией» страны считалась Триасовая провинция (месторождение Хасси-Месауд и др.) – с запасами в 430 млн т.

В целом по территории Алжирской Сахары ожидаемый прирост запасов нефти за 1972–1980 гг. мог бы составить 1,9–2,2 млрд т. при выполнении разведочного метража в объеме 1300 тыс м, при этом ожидаемый прирост запасов нефти на 1000 м разведочного бурения в среднем должен был составить 1,7 млн т.

Организация труда

Общая схема административного деления государственных организаций в нефтяной и газовой промышленности АНДР представляла собой следующее:

1) контроль и санкционирование на разработку природных богатств углеводородов осуществлял департамент Министерства промышленности и энергетики (ДЭК);

2) руководство и проведение всех видов работ по разведке, бурению, эксплуатации, транспортировке и продаже углеводородов осуществляла СОНАТРАК через подчиненные ей государственные общества (рис. 3);

3) разработку нефтяных и газовых месторождений, внутрипромысловый транспорт нефти и газа и подготовку товарной продукции вели государственные общества – фирмы операторы – РЕПАЛ, АЛРЕП и КРЕПС;

4) выполнение всех технических работ непосредственно на нефтегазопромысловых площадках осуществлялось из баз фирм-операторов, размещенных вблизи от промышленных объектов и месторождений.

Базы представляли собой комплекс необходимых инженерно-технических служб по эксплуатации месторождений, служб технического снабжения жилого фонда (с ресторанами, барами, клубами и спортивными комплексами) для всего обслуживающего персонала. В качестве примера приведен перечень служб на месторождении Хасси-Месауд:

1. Административная;
2. Техническая, в которую входили:
 - 2.1. Бурение,
 - 2.2. Эксплуатация,

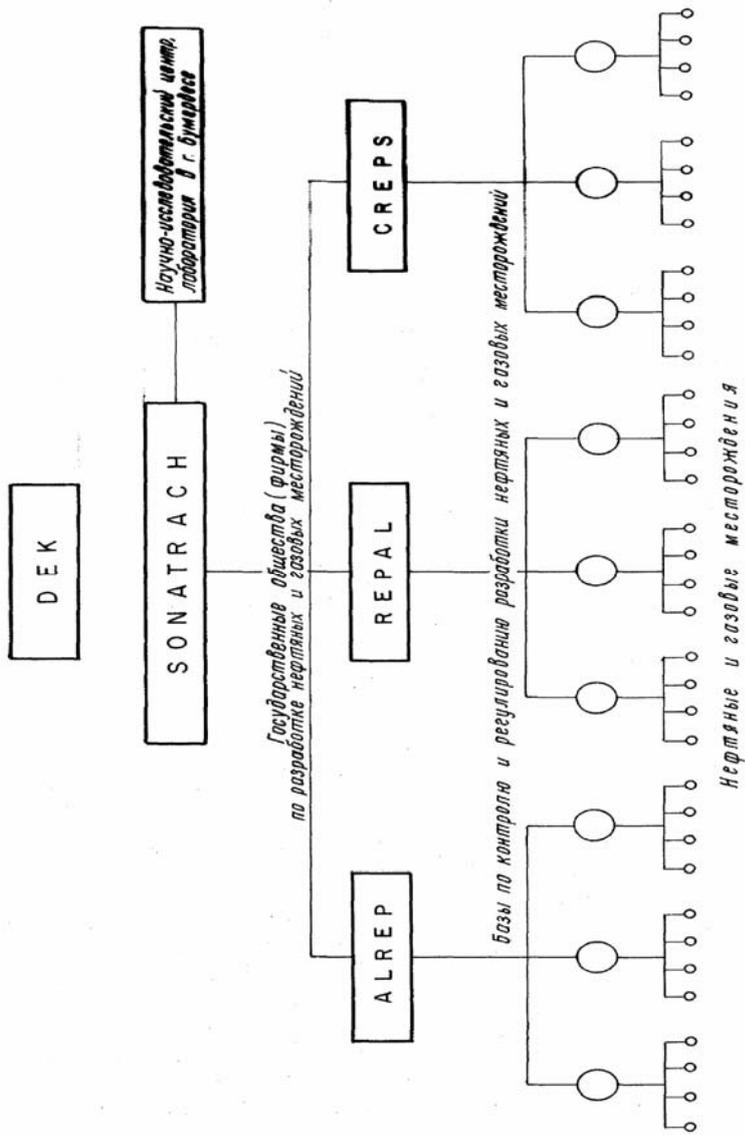

Рис. 3. Структура управления нефте-газодобывчей АНДР (1971 г.)

- 2.3. Геологическая служба,
 - 2.4. Исследование скважин,
 - 2.5. Транспорт и подготовка нефтей;
 3. Капитального ремонта;
 4. Транспорта;
 5. Материального снабжения;
 6. Аэропорт
- и некоторые другие подразделения.

Кроме того, были задействованы специализированные внешние организации по строительству и бурению. Все технические, административные и жилые помещения имели, как правило, легкую блочную конструкцию, удобную для быстрого демонтажа и транспортирования. Все конструкции импортные (США, Канада и др.) и отвечали климатическим условиям Сахары. Жилые помещения выполнены в виде индивидуальных вагончиков-вилл, оборудованных сантехническими узлами (обязательно с горячей водой и душем), кондиционерами воздуха, холодильниками для напитков. Территории баз хорошо озеленены и имели большое количество искусственных прудов и бассейнов для плавания. В общем плане базы являлись редкими, но очень живописными оазисами в пустыне с благоприятным для проживания микроклиматом.

Питание для всего персонала – централизованное – в столовых-ресторанах, трехразовое, с неограниченным предоставлением прохладительных напитков, сухого вина (отмечалось, что «пьют вино очень немногие в связи с религиозным обычаем») и фруктов. Инженерный персонал питался отдельно в обстановке полного сервиса. Кухня и режим питания сохранены французскими. Деньги на базах практически не имеют хождения (за редким исключением – крепкие напитки и сигареты в барах), так как весь персонал находится на полном централизованном снабжении и обслуживании (включая уборку помещений) фирм-операторов.

Для всех баз, размещенных в Сахаре (за исключением Хасси-Месауда и Хасси-Р'Мель), соблюдалось одно ограничение – было запрещено проживание членов семей и женщин вообще. В связи с этим был установлен следующий порядок работы: в течение месяца каждый сотрудник работал 3 недели без выходных дней и на 1 неделю выезжал к семье по месту постоянного жительства. Если же эти дни в течение месяца не использовались, то они прибавлялись к трудовому отпуску. Рабочий день – восьмичасовой с обязательным перерывом с 12.00 до 15.00 час.

Для оперативной связи инженерных служб с объектами и установками имелся парк легковых и специальных машин, которые размещались в установленных местах-стоянках, удобных для быстрого их использования. Водили машины только специалисты, специальных шоферов не было.

Численность обслуживающего персонала на нефтегазовых площадях и на промышленных установках была, как правило, небольшая. На одного работника, занятого на объекте, приходилось 1–2 действующие скважины или 1–1,5 тыс. т добытой нефти в сутки; компрессорная станция на 6 машин обслуживалась одним человеком и установка по подготовке нефтей с производительностью до 30 тыс. т/сутки – 5 человек.

В целом, отношение к советским специалистам было очень хорошее. И работа спорилась.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

А.Д. Саватеев

СОЗДАНИЕ ХАЛИФАТА СОКОТО

Халифат Сокото – одно из самых мощных государств в истории доколониальной Африки – возник в самом начале XIX столетия в результате объединения ряда государств во главе с хаусанскими правителями. Он включал обширные территории, в том числе практически всю современную Северную Нигерию, прилегающую юго-восточную часть Нигера и южные районы Чада, а также северо-западный регион нынешнего Камеруна. Его этническую опору представляли кочевые племена фульбе, которые были главной движущей силой джихада [1], приведшего к созданию халифата со столицей в городе Сокото на северо-западе Нигерии. Более многочисленные оседлые хауса, занимавшиеся в основном земледелием, торговлей, обработкой ремесленным производством металлических и деревянных изделий, уступили лидирующие позиции фульбе, но прочно сохраняли за собой вторые роли.

На рубеже XVIII–XIX вв. северная часть Нигерии представляла собой совокупность нескольких государств, в которых преобладали хауса – экономически и политически: правителями были султаны-сарки из числа хауса. Духовно-религиозной основой местных обществ был ислам, но он носил поверхностный характер: большинство населения исповедовало африканские традиционные культы, доисламские нормы пронизывали хозяйственную жизнь и государственное устройство, вплоть до двора *сарки*, хотя жители считали себя мусульманами. Однако в результате религиозно-

политической революции, захватившей все стороны жизни местных обществ, здесь произошел подлинный исторический переворот. В результате нескольких лет ожесточенной борьбы возникло новое государство во главе с мусульманским духовно-религиозным лидером, фульбе по происхождению Османом дан Фодио.

Изменения затронули, прежде всего, политическую сферу: на вершину власти поднялись фульбские маламы (коранические учителя, мусульманские ученые); резко усилилась роль исламских морально-нравственных, правовых устоев; власть духовных авторитетов пользовалась приоритетом по сравнению со светскими; расширилась сфера действия исламских норм правового регулирования и обязательность их исполнения рядовыми северянами, чиновниками и представителями родовой и племенной аристократии Сокото и вошедших в его состав государств хауса. Государственное образование, появившееся в результате джихада, носило признаки, прежде всего, цивилизационного феномена, где господствовали духовные, религиозные составляющие, совокупность которых и определяла в качестве абсолютных, не подлежащих сомнению норм и ценностей основу возникающей государственности, особенности политической власти и отношений правителя и его подданных.

Рассматриваемый период захватывает последние годы XVIII в. и первые два десятилетия XIX в. В этот короткий исторический период в судьбе народов Северной Нигерии произошел окончательный поворот от языческих, доисламских норм культуры и верований к дальнейшему укоренению исламской цивилизации, которое проявило себя не только в укреплении «возвышенных и возвышающих» индивида ценностей, но еще больше – в возникновении «новой социальной общности – религиозной общины, сплоченной универсальными принципами ислама и авторитетом Османа дан Фодио. С этого времени эволюция народов Северной Нигерии определялась внутренними закономерностями, прису-

щими возникшей социокультурной системе» [2, с. 64]. Она выдержала испытание колониализмом, а ныне претендует на универсальное выражение в системе права и политических отношений северных штатов Нигерии [2]. По этой причине изучение любых аспектов политических, социальных и культурных изменений в данный период приобретает особое значение. Во-первых, оно позволяет наметить причины и специфику дальнейшего развития халифата Сокото в XIX–XX столетиях. Во-вторых, это исследование дает возможность проанализировать действие исламских религиозно-политических институтов и освященных нормами шариата модели взаимоотношений духовно-религиозного владыки и членов его общины как специфической формы политических взаимосвязей.

Государство Сокото, по существу, было федерацией, состоявшей из ряда эмиратов, которые до джихада Осман дан Фодио были самостоятельными государствами, возглавляемыми в основном хаусанскими правителями: (Адар Дамергу, Даура, Заззау, Замфара, Зария, Гобир, Дамагарам, Канно, Кацина, Кебби-Аир, Илорин, Яури и другие более мелкие) [4]. Правитель Сокото по завершении джихада с целью распространения ислама в этих, считавшихся неисламскими эмиратах вручил полномочия управления ими специально назначенным лицам – соратникам движения. Символом их власти, в частности, стали знамена, освященные и врученные самим Османом дан Фодио. Все тринадцать (за исключением одного) военачальников, ставших наместниками Шеху (шейха – полуофициальный титул дан Фодио), были фульбе. Распространять веру и изгонять правителей-язычников (хабе) и впавших в неверие (кафири) – такую задачу в качестве одной из главных поставил перед своими наместниками лидер сокотского государства.

Основную часть населения Сокото составляли крестьяне (талакава), представлявшие низы общества. Социально-политическую верхушку нового государственного объедине-

ния образовали выдвинувшиеся в результате джихада предводители на местах, получившие титулы *нувваб*. Они выполняли функции религиозно-политических наместников Османа дан Фодио, непосредственно подчиненных ему и ему обязанных уже в силу того, что получили власть лично от лидера фульбского джихада. Нуввабы, в свою очередь, обладали правом расширять свои территории путем завоевания новых земель и иметь собственных вассалов. Вокруг них быстро сформировались группы исламизированных фульбе (прежде всего городские фульбе – фульбе сире, или – на хауча – филианин гйда) [4, р. 110], стремившихся воспользоваться плодами победы движения. Сместив прежнюю хаусанскую аристократию, они стали основой формирования нового правящего военно-политического и административного сословия, жаждавшего власти, богатства и почестей. О прочности заложенных тогда клановых порядков непосредственно свидетельствует тот факт, что врученные еще в начале XIX в. знамена и поныне находятся во владении тех семей, которые их тогда получили, и прямые их потомки сейчас в большинстве являются эмирами областей и бережно хранят эти исторические реликвии [4, р. 382–383].

Над правителями (эмирами) областей недолгий период стоял Осман дан Фодио. Его политическая власть базировалась прежде всего на признании его религиозного авторитета. Особенности его духовно-религиозного статуса символизировали два принятых им титула: *халиф* и *повелитель правоверных (амир аль-муминин)*, нарочито сменившие прежний хаусанский – *саркин мусульми*. Однако поскольку вождь фульбского восстания почти сразу отошел от реальной политической деятельности, верховное управление он передал своим ближайшим родственникам – трем сыновьям, брату Абдуллахи и военачальнику Али Джедо. Вскоре старший сын, Мухаммад Бело, распространил свой контроль на территории, доставшейся его братьям и Али Джедо. Так, султанат Сокото уже в 1812 г., через четыре года после создания,

оказался расколотым на относительно меньшую западную часть, под водительством Абдуллахи, и превосходившую ее в несколько раз восточную часть, управляемую Мухаммадом Бело.

Назначение на высокий пост жестко определялось принципом *маламчи* (от хаусанского *малам* – мусульманское духовно-религиозное лицо), то есть претендент обязан был соответствовать представлениям о благочестии, уровне духовно-религиозных знаний и соответствующем поведении. Эти соображения превалировали над остальными. Следует отметить, что принцип *маламчи* соблюдался в период джихада, однако с победой движения он начал утрачивать свою силу, подменялся соображениями семейной солидарности и/или материальной выгоды. Норма чем дальше, тем больше приобретала формальный характер. Тем не менее первые правители – наместники обладали статусом маламов, приобретенным обычно в результате преподавательской или юридической практики еще до начала восстания фульбе и закрепленным официально уже новой властью.

В целом расширилось влияние маламов, а их число возросло в связи с появлением новых коранических школ и медресе. Росту авторитета духовно-религиозного сословия способствовало и укрепление системы правосудия, основанной на принципах шариата, становление института мусульманских судей – алькали. Исламизация затронула налоговую сферу: вместо прежних налогов и сборов была введена установленная шариатом десятина (*зикка*), ставшая главным средством платежа государству. Одновременно упало значение дворцовой власти, откуда удалялись евнухи, занимавшие официальные должности.

Новая правящая верхушка, подчеркивавшая приверженность к исламу, укрепляла свои позиции и престиж благодаря успешным территориальным завоеваниям, которыми прирастал халифат и после смерти Османа дан Фодио в 1917 г. «Главными целями походов, прикрывавшихся лозун-

гами джихада, были захват рабов и обложение покоренных народов данью» [5, с. 73]. Более того, захваты были распространены и на государства, уровень исламизации которых не уступал, а то и превосходил (как, например, Борну) степень исламизации стран хауса. Об этом, в частности, свидетельствует переписка главы Борну Ал-Канеми, вошедшего в историю Африки под именем Мухаммад ал-Амин, с Мухаммаду Бело, сыном Османа дан Фодио [6]. Захватнические, бескорыстные действия фульбских реформаторов ислама, настаивавших на джихаде в отношении государств, которыми управляли отнюдь не исламскими методами, оправдывались необходимостью полного соблюдения исламских норм в этих странах [7]. Однако, кстати, встречали серьезное сопротивление со стороны того же Борну, которое в тот период смогло сохранить независимость.

С самого начала исламская революция в Северной Нигерии, по мнению И.В. Следзевского, носила не столько религиозный, сколько этносоциальный характер. Об этом свидетельствует участие в восстании широких народных масс, включая замфарава – жителей хаусанского государства Замфара и крестьянства других государств хауса, которые в большинстве своем исповедовали традиционные культы или совмещали их с соблюдением части исламских норм. Осман дан Фодио сразу поддержал род *сулибава* (*сисулбе*), составляющий наряду с *торонкава* одну из высокородных ветвей фульбе [8], представители из рода которого и по сей день занимают должности эмиров городов Кацина и Кано [4, р. 113, 168–169]. И *сулибава* Кацины, для которых государство Гобир было традиционным неприятелем, особенно горячо поддерживали вождя джихада и были, наверное, самыми ревностными его сторонниками из всех жителей других хаусанских государств. Именно благодаря массовому народному движению, которое, по мнению Д.А. Ольдерогге, было направлено против хаусанской знати и богатого купечества, вожди джихада одерживали быстрые победы над аристократией хауса

во главе с правителем Гобира. Уже в 1808 г., четыре года спустя после начала борьбы, силы Шейха взяли Алькалаву, столицу Гобира и сопротивлению гобирцев настал конец.

Тем не менее джихад завершился только в 1812 г., с окончательным установлением контроля фульбе над Кано, Зарией, Баучи и другими «языческими» государствами.

В новом исламском государстве халифате центральное место занял Осман дан Фодио, которого провозгласили религиозно-политическим главой. Он получил два равнозначных титула: *халиф* и *амир ал-мулинин* (повелитель правоверных), ясно свидетельствовавших о признании его власти прежде всего как духовно-религиозного авторитета, харизматического лидера, которого, по убеждению его учеников и широких народных масс, Аллах наделил правом и силой свергнуть неблагочестивых, коррумпированных правителей.

Взаимоотношения правителя и его духовных подданных в значительной мере определялись доктриной *ал-мувалат*, которую предложил Осман дан Фодио. Понятие *ал-мувалат* имеет широкий круг значений, включая такие родственные понятия, как преданность, верность, дружба, любовь, лояльность, уважение, взаимопомощь, близость, взаимоотношения между Аллахом и мусульманами. Именно эта концепция и положена в основу создания той огромной исламской общины, объединившей мусульман в Западном Судане, которая получила название халифат Сокото [9, р. 17–19]. Десятистраничный трактат «Предписание о том, как воздавать преданность и верность правоверным и о запрете воздаяния преданности и верности неверным» начинается следующими словами: «О, братья, знайте, что дружеские отношения (*мувалат*) среди правоверных – обязательное установление для каждого мусульманина, предписанное Кораном, *Сунной* и *Иджмой*» [10, с. 214–215]. Верность халифу или *амиру* наряду с обязанностью вести *джихад* и совершать *хиджру* из мест, где правит язычник или отступник, является

первичным элементом веры после базового принципа ислама – *таухида* (монотеизм). В таких братских отношениях, считал он, и коренится основа сопротивления неверным правителям, с которыми должна бороться мусульманская община в целом. В связи с этим, подчеркивал он, мусульмане должны избирать лидера из своей среды, которым может быть только истинно верующий мусульманин, обладающий широкими и глубокими познаниями в исламской теологии, отличающийся высоким благочестием. Требованием, нормой является безусловная обязанность мусульманской общины совершить *хиджру* [11] из государства, которым правит неверный государь. Абсолютная необходимость для мусульманина, настаивал шейх Осман дан Фодио, оставаться вне какого-либо господства, кроме божеского. И свои мысли он, кроме того, подкрепляет ссылками на авторитетных средневековых арабских ученых, таких, как Джалал ал-Дин ал-Суйюти, шейх Абд ал-Карим ал-Магили, шейх Муктар ибн Ахмад ал-Кунти.

Убеждения создателя халифата Сокото естественным образом вытекают из его жизненной практики: ведь он сам был выдвинут членами своей конфессиональной общины на роль лидера, стал обладателем титула *амир аль-муминин*, которого, кстати, дотоле не существовало в официальном обращении, и титул *халифа*.

В его религиозно-политических трактатах неизменно присутствуют мысли о верховенстве духовно-религиозной власти, власти морального авторитета над официальной, политической властью, унаследованной правителем от рождения, тем более если этот официальный правитель попирает законы шариата, не говоря о лидерах-иноверцах. Таким образом, источником социокультурной нормы в созданном им государстве-общине стали (по крайней мере при жизни Османа дан Фодио) религиозные заповеди – тот духовный абсолют, который изначально определяет облик, содержание и во многом – развитие цивилизации, принцип сменяемости

правителей, которые на первых порах выбирались из числа правоверных – членов сформировавшейся на основе приверженности лидеру религиозной общины, коллегиальности, терпимости, справедливости и милосердия при решении вопросов, затрагивавших интересы мусульман. При назначении на должности глав областей и служб даже после смерти Османа дан Фодио в 1817 г. некоторое время сохранял значение принцип *маламчи* (от хаусанского – малам – мусульманский учитель, знаток исламских наук) – преобладания духовно-религиозных статусов и норм над светскими бюрократическими: знание Корана, убежденность в правоте учения Османа дан Фодио, уверенность в победе джихада значили больше, чем знатность происхождения, навыки административного или военного руководства.

В соответствии с требованиями шариата был осуществлен переход к нормам, определяемым исламским правом: главным налогом стала *закка* – установленная шариатскими законами десятина. Прежняя система судебных должностей уступила место мусульманской: *алкали* (хаусанско-арабское – судья) стали назначаться распоряжениями самого дан Фодио и его соратников из числа фульбе, обладавших официальным статусом *малам*. Одновременно упало значение бюрократии – дворцовая власть утратила прежнее влияние, решение политических и экономических вопросов, которое прежде совершалось в результате дворцовых интриг, сговора групп, кланов, придворной знати переместилось в новые органы власти – советы маламов во главе с Османом дан Фодио. Отвергнут принцип престолонаследия, как того требовала доктрина фульбского реформатора, но правителей фактически избирали не подданные, а те же советы. Однако и их решение на деле было результатом ожесточенного соперничества между претендентами на должность и кругом поддерживавших их людей.

Как искренне верующий человек, которым владели глубокие религиозные убеждения, он, отмечали британские

исследователи С. Хогбен и А. Кирк-Грин [4, р. 122–123], был проникнут верой в свое божественное предназначение, и уже поэтому его личность внушала его последователям уверенность в победе джихада. Его простота в общении и аскетический образ жизни представляли глубокий контраст варварской помпезности, которая владела прежними хаусанскими правителями. В немалой степени личные качества и страсть духовной борьбы фульбского лидера обеспечивали восставшим против хаусанских правителей победы и симпатии рядовых бедняков – *талакава*. В Кано они открыли вход в город отрядам местного лидера повстанцев, а в Зарии, еще одном из крупных эмиратов Севера Нигерии, где народное восстание против правящей аристократии вспыхнуло еще до начала джихада, мусульманская беднота активно помогла разгромить силы местного правителя.

Вскоре после победного завершения *джихада*, закончившегося позднее разделением созданной империи, духовно-религиозный лидер отошел от активной политической деятельности и посвятил себя изучению опыта фульбского джихада и религиозно-политических трактатов мусульманских авторов средневековья, а также переписке с исламскими духовными лицами, среди которых были теологи Каира и марабуты из неприметных деревушек [12, р. 6–67]. Незадолго до своей смерти, последовавшей в третий день месяца *джумада ал-Ухра* по исламскому календарю (то есть 20 апреля 1817 г.), он выразил пожелание, чтобы его старший сын Мухаммад Белло унаследовал титул повелителя правоверных.

Это пожелание можно рассматривать как нарушение им же установленной социокультурной нормы избрания, опирающейся на принципы ислама. Но формально норма была соблюдена: Мухаммада Белло избрали лидером мусульманской общины, и он получил титул *амир ал-муминин*, саркин мусульмин. Весть о кончине Османа дан Фодио застала другого сильного кандидата на этот титул, брата по-

чившего Абдуллахи в городе Гванду, в 60 милях от Сокото. И как он ни торопился в столицу халифата, изменить результаты избрания было невозможно.

Успешное развитие джихада базировалось на личном авторитете Османа дан Фодио, который на первом этапе был доступен каждому приверженцу его учения. Обличение пороков местных хаусанских правителей – *сарки*, «впавших в язычество и неверие» [13, р. 140], их взяточничества, лихоимства и вероломства, разоблачаемых столь пламенно, требовало иного стиля поведения от самого критика. Узкий круг сторонников в начале восстания способствовал тесным и частым контактам рядовых участников с лидером восставших фульбе. Он выслушивал их жалобы, наставлял в религиозных и житейских делах, советовался по вопросам тактики и даже стратегии джихада, наступления и перехода к обороне. Неудивительно, что на предложение своего главного военного противника Юнфы, правителя княжества Гобир, не покидать территорию эмирата и обещание не нападать на лагерь своих духовно-религиозных противников в местечке Дегель, он ответил: «Я не распущу моих людей, но уйду с теми, кто хочет идти со мной. И пусть те, кто желают остаться, остаются» [14, с. 284].

Уже в этот период его имя стало легендарным, а подчеркнутое уподобление своей деятельности деяниям пророка Мухаммада [15, с. 144] в конечном итоге принесло ему известность «заступника правоверных». Осман дан Фодио неоднократно проводил аналогии своей борьбы за распространение и укрепление веры с жизненным циклом Пророка Мухаммада (бегство из городка Дегель в Гобире в город Гуду истолковывается как хиджра с территории неверного правителя (*Дар ал-куфр*) на землю ислама (*Дар ал-ислам*); описание последующих сражений и даже характер битв с превосходящими силами противника, триумфального шествия победителей среди хауса и побед над предавшими правителями государств Северной Нигерии тоже призваны уподобить в

сознании последователей фигуру шейха образу Пророка [15, с. 144; 16, с. 57].

По словам Д. Робинсона, одного из наиболее авторитетных исследователей жизни Османа дан Фодио, участники исламского движения были настроены критично по отношению к правительствам хаусанских государств. Их ожидания были связаны с новым исламским государством.

При всех названных особенностях возникновения и политического устройства халифата Сокота, в отношениях правитель–подданные можно выделить следующие характерные черты:

1) отношения Османа дан Фодио и его подданных являются не столько политическими, сколько отношениями духовно-религиозного повиновения, это связь наставника, вероучителя, признаваемого в качестве обладателя религиозного и морально-нравственного авторитета, и его духовных учеников, последователей, приверженцев;

2) изложенные вероучителем принципы бытия не были формализованы в виде писаных систематизированных актов, а представляли собой разбросанные в многочисленных духовно-религиозных и философско-политических трактатах, поэтических и прозаических литературных произведениях назидательные морализаторские поучения;

3) излагаемые Османом дан Фодио в форме заповедей, близких по духу и содержанию кораническим, они, тем не менее, создавали целостную систему норм социокультурного характера, опиравшихся на авторитет моральных, правовых, политических, бытовых законов шариата; поэтому нарушение провозглашаемых им норм означало конфликт, прямое нарушение божественных установлений и расценивалось в таком качестве;

4) эти социокультурные нормы были применены еще на ранних этапах борьбы против хаусанских правителей (сарки) в качестве средства политического конструирования: они не только открывали возможность, но обязывали право-

верных свергать, изгонять правителей, «изменивших исламу» или нарушавших установления шариата, даже если эти правители были мусульманами. В рамках этой логики предписывалось «воевать с языческим правителем, который не говорит “Нет Бога, кроме Аллаха”, ... и “вырвать власть у него есть обязанность в соответствии с согласием”» [17];

5) жесткое ограничение власти несправедливого правителя сопрягается и с ограничением власти истинного мусульманина-правителя, которое «заключается в необходимости совещаний» [18], принятии коллегиального решения, на чем настаивал Осман дан Фодио.

Следуя этому предписанию, вытекавшему из шариатских норм власти, Осман дан Фодио почти сразу после победы джихада, в 1812 г. добровольно удалился от активной политической деятельности [19, р. 149] и посвятил себя теоретическому обоснованию произведенного им переворота в социокультурной жизни народов Центрального Судана, после которого стал невозможен возврат к прежним, доисламским формам верования. Он умер в 1817 г., заложив прочные основы мусульманского права в политической структуре и других областях жизни халифата Сокото.

Одно из главных мест в изложенной им доктрине политического устройства страны и общества занимает обоснование системы ответственности правителя мусульманского государства перед Богом, пророком Мухаммадом и жителями его страны. Обязанности повелителя правоверных, многократно поясняет создатель нового типа политического образования, вытекают из необходимости строгого соблюдения законов аллаха. Они и предусматривают создание целостной системы политического конструирования: «Следовать обычаям мусульман в управлении ими и избегать обычаев неверных, каковые порой применяются в руководстве ими. Поскольку, как гласят слова Пророка... «каждый из вас есть пастырь, и всякий из вас отвечает за пасту свою»... [18].

Как расценить этот шаг признанного всеми правителя, пользовавшегося неоспоримым моральным, интеллектуальным и религиозным авторитетом в трансформировавшемся западно-суданском обществе, обладавшего безграничной властью над душами и умами мусульман Северной Нигерии и прилегающих областей? Были ли у Османа дан Фодио политические причины, вынуждавшие его покинуть престол лидера мусульманской общины, обретавшей функции государства, способного превратиться в политическое образование с неподконтрольным кому-либо халифом? Очевидно, что уход *амира* – повелителя правоверных не продиктован силой внешних обстоятельств: враги ислама разгромлены, джихад успешно завершён, строится огромное, практически не имеющее аналогов в истории Тропической Африки государство внутри государства нет соперников, способных хотя бы в малом поставить под сомнение компетентность и благочестие основателя Сокотского халифата, – но есть внутренние императивы. Среди них главный, на наш взгляд, – верность провозглашенным им самим принципам сменяемости, правителей, коллегиальности, честности и справедливости находящихся у власти. Стремление остаться над политическим соперничеством, зарезервировав за собой функции духовного владыки, наставника правоверных в этой части исламского мира тоже, скорее всего, сыграло не последнюю роль в решении удалиться от власти административной. И наконец (что имеет отношение к теме нашего исследования), был сделан выбор в пользу литературно-исследовательского творчества, осмысления произведенного переворота в жизни народов Центрального Судана, что, если судить по плодovitости Османа дан Фодио как литератора, мусульманского ученого [20, с. 31], представляется вполне реальным.

Таким образом, перед нами предстает необычный правитель, жертвующий материальным бытием во имя духовных, идеальных норм жизни, своим личным, жизненным примером утверждающий высшие принципы человеческого

существования, вытекающие из божественного провиденциализма. Онтологически поступок Османа дан Фодио следует расценивать как победу культуры, духа над приземленным расчетом, к которому он постоянно призывал своих приверженцев. И, как писал в «Инфак ал-Майсур» его сын Мухаммаду Белло, «...не было ему равного. Люди доверяли ему и стекались к нему с востока и запада. Он наставлял *улемов* и вздымал знамя религии. Он вдохнул новую жизнь в сунну и положил конец ереси. Он распространял знание и рассеивал непонимание. Его ученость ослепляла умы своим блеском. Он демонстрировал, как действительность может быть примирена с шариатом. В течение ряда лет он в присутствии достойных ученых и праведных персон соперничал с ними в области риторики и в знании власти и в области того, что написано и того, что аннулировано. И в то же самое время он был выдающимся знатоком хадисов и начитанным в их малознакомых частях и различных разделах. Осведомлен он также был в религиозных источниках и в поддержании сунны. Он разрешал затруднительные ситуации, действуя по справедливости. У него была надежная проницательность. Он был подготовлен для разъяснения трудных для понимания вопросов, превосходя других в умении убеждать. Самоотверженный и аскетичный, он был ведущим учителем, сеятелем знания. Люди его времени задумывались над тем, что он говорил. Он был носителем просветительства и центром совещания. Почитаемый большими и малыми, он был реформатором, стоящим впереди своего поколения, красноречивым оратором, утонченным классическим поэтом. С прекрасным характером, расположенный к солидарности и великодушный в общении, испытанный, решительный в манере держать себя, стоящий особняком от своего клана, он непоколебим в принятом решении... Он защитник, стоящий на страже закона. Добрый и дружелюбный, он был любим и обожаем народом больше, чем они любили сами себя... Он был добр и исполнен сострадания к правоверным и к нему

относились благосклонно, все принимали как должное величие его власти. ...Он *шейх* улемов своего времени. Нет, он путеводная звезда для имамов всех возрастов... Он свершил чудесное раскрытие истины Корана, и для него скрытый смысл видимого – распахнутая дверь. Бог наделил его совершенным восприятием как великого, так и малого, вверил ему организацию обучения и дал ему власть повелевать... Его вера дала ему силу, и он не страшился критики. Он выносил свои судебные решения по справедливости и никогда не отходил от истины» [4, р. 390–392].

В организации и осуществлении государственной власти он уделял особое внимание упорядоченности должностных обязанностей, распределению функций между должностными лицами, как на горизонтальном уровне, так и вертикальном. Назначенные им наместники в провинциях, визири, заместители по различным вопросам должны находиться под неусыпным контролем повелителя правоверных («пусть его пристальный взгляд остается на том, к чему он принадлежит»). В конечном итоге именно халиф несет ответственность перед Аллахом и правоверными за «все, что в этой провинции имеет место...» [15, с. 259].

Определяя основания власти, Осман дан Фодио выделяет пять главных принципов, которым должно отвечать добропорядочное, ответственное правление. Во-первых, власть не должна находиться в руках одного лица, особенно если он добивается ее всеми правдами и неправдами. Второй принцип – коллегиальность, достигаемая путем проведения совещаний ответственных лиц. И если «отказ от грубости» и «добрые дела» как принципы выглядят достаточно расплывчато, то необходимость четко действующего правосудия как одного из пяти принципов получает подробное, особое описание. В интерпретации лидера фульбского джихада, судья назначается главой страны, халифом, но не избирается народом. Назначенный верховый судья должен, считает Осман дан Фодио, иметь больше юридических полномочий, чем

султан. Именно судья, а не кто-либо другой, назначает нижестоящих судей в областные и провинциальные суды. И если верховный судья «надзирает за правосудием во всех провинциях и городах, которые находятся под его управлением, ...и по этой причине его обычно именуют «главный судья» [15, р. 260], то судьи провинциальные, им назначенные, несут ответственность за соблюдение норм судебной практики в пределах вверенной ему территории.

К претендентам на должность *кади* (судьи) он предъявлял особые требования, превосходящие жесткостью критерии, предъявляемые всем другим категориям управленцев, ибо, как было отмечено в «Наставлении к братии», «должность *кади* принадлежит Пророку Аллаха» [15, с. 282]. Во-первых, судья должен быть образованным человеком, хорошо знающим законы и строго следующим религиозным канонам ислама. Во-вторых, этот человек должен быть вне подозрений во взяточничестве. В-третьих, судья должен обладать хладнокровием, бесстрашием, которые, собственно, и дают ему основания вынести справедливый приговор, на принятие которого не должны влиять сердечные привязанности или симпатии. И это запрещение имеет, по мнению шейха, даже «большее жизненное значение, чем все остальные» [15, с. 282].

Таким образом, судебная власть в халифате Османа дан Фодио в некоторой степени параллельна исполнительной власти и в силу этого имеет основы автономного существования. Однако суд в сокотском халифате не предоставлял юридических возможностей для рядового индивида противостоять правителю, хотя формально уравнивал перед законом шариата рядового подданного и правителя самого высокого ранга, предоставляя право обычному крестьянину спорить с правителем.

Добропорядочное правление, неоднократно подчеркивал фульбский лидер, базируется на строгом соблюдении исламских норм, возвешенных Пророком Мухаммадом, на ко-

того он часто ссылается, цитируя Коран и хадисы. И в этой части генезис политических компонентов халифата вполне понятен: они проистекают из религиозной большой идеи, которой Осман дан Фодио придает значение духовного абсолюта: несоблюдение его есть бунт против воли Аллаха, осквернение базовых принципов веры. «Повелителю правоверных вменено... повелевать замещающими его лицами в его стране, и, более того, всеми подданными, следовать обычаям мусульман в управлении ими и избегать обычаев неверных, каковые порой применяются в руководстве ими, поскольку, как гласят слова Пророка – мир ему, – «каждый из вас есть пастырь, и всякий из вас есть пастырь, и всякий из вас отвечает за паству свою, и имам есть пастырь и отвечает он за свою паству» [15, с. 260].

Практика эмиров хаусанских государств в области налогообложения, торговли, комплектования армии, по мнению Османа дан Фодио, совершаемая «без всяких правовых оснований в шариате», содержала массу нарушений прав подданных, включая посягательство на честь, жизнь и имущество подкуп и т.д. Шейх рассматривал их как очевидные правовые нарушения и моральные отступления, совершаемые с целью укрепления несправедливой власти, отступивших, не брезгуя никакими методами. Давая оценку этим действиям, он прибегает к самым ярким выражениям, бичуя сладострастие, корыстолюбие, похоть и угодничество изменивших исламу правителей. Он квалифицирует эти действия как стремление морально разложить северонигерийское общество, уничтожить моральные и религиозные ориентиры, создать обстановку всеобщей безнравственности, чтобы лишить людей права отстаивать какие бы то ни было принципы и тем самым укрепить власть правителей: «Один из способов их господства заключается в навязывании народу денежных поборов, не установленных шариатом, которые они именуют *джангали* и *курдин гари* и *курдин сала* [21]. Один из путей их правления состоит в умышленном поедании любой пищи,

какую они возжелают. Вне зависимости от того, является ли она религиозно разрешенной или запретной, и в ношении любой одежды, какую они желают, будь она религиозно разрешена или запрещена, и употреблении пива, какого они пожелают, и в езде на тех верховых животных, каких они желают, невзирая, разрешено это религией или запрещено, и овладении женщинами, каких они возжелают, без брачного договора, и в проживании в разукрашенных дворцах, будь то разрешено или запрещено религией, и в устилании мягкими разукрашенными коврами, как они пожелают... Один из способов их властвования состоит в том, что (мужчина) препоручает дела своих женщин в руки старшей из них, и каждая (из остальных) становится подобна рабыне под нею... Один из способов их властвования состоит в том, чтобы принуждать людей служить в их армиях, даже если они не мусульмане, и они называют это “*гаргади*” [22], и всякого, кто не проходит эту службу, они облагают денежной платой, не предусмотренной шариатом» [15, с. 260–263] и т.д. Ложь, вероломство, спесь, высокомерие, отсутствие уважения к подданным – это неотъемлемое качество всех правительств, против которых Осман дан Фодио вел священную войну, и они «соответствуют образу жизни неверующих» [15, с. 263].

Как противостоять этому, как вернуть авторитет нарушенным духовно-религиозным и моральным нормам? На кого опереться при этом? Восстановить твердые нормы, заявляет создатель Сокотского халифата, значит не только вести джихад и строить военные укрепления на границах халифата, но и искоренять подкуп, а также ремонтировать мечети, налаживать в них пятикратные в течение дня службы, преподавать знания ислама и т.д. Возлагая исполнение этих обязанностей на правителя, лидер исламской реформации не видит здесь места для выражения личной позиции подданных: правитель обязан наставлять, убеждать людей и создавать условия для того, чтобы они читали Коран, овладевали знаниями. Что же касается упорствующих в нарушении норм

шариата, то здесь нельзя довольствоваться уговорами: отрубить руку или ногу, распять или казнить иным способом – так видится Осману дан Фодио наказание для ослушников. «Наказывайте его, и без всякой жалости», – таково его требование в отношении впавшего в неверие подданного, завершающее его рассуждения об ответственности и обязанностях мусульманского правителя.

Как устанавливались исламские порядки в сокотском халифате, что испытали при этом рядовые подданные, можно судить по описаниям Абдуллахи, брата создателя нового государства, которые включены в качестве завершающей части трактата «Наставление братии» (Танбиху'л ихван): «Мы схватились с ними (воинами султана Гобира. – А.С.) и принудили их бежать, и сожгли их здания. Мы убивали их мужчин и захватывали их женщин и детей» [23, р. 187], – так рассказывается об одном из первых сражений приверженцев шейха с врагами ислама. А в противостоянии с султаном Кано «взяли его город, и перебили людей, и брали пленников» [23, р. 188]. Ниспровергатель хабе – правителей-отступников – ищет идейную поддержку у известного в Западной Африке средневекового североафриканского богослова и законоведа Мухаммада ибн Абу ал-Керима ал-Магили, который прямо уподоблял шариат «дубине в нашей руке для изгнания зла из нашей религии и мирских деяний» (Эта фраза взята Османом дан Фодио из письма ал-Магили сонгайскому правителю (*ас-киш*) ал-Хаджж Мухаммаду I) [23, р. 188]. И прославился, в частности, тем, что в 1492 г. организовал еврейские погромы в туниисском городе Туабе, установив цену в семь мискалей за голову каждого убитого иноверца [24, р. 407–408]. Во всяком случае, избиение неверных, конфискация их имущества, разграбление жилищ, истребление язычников в период джихада, да и после него, внушили приверженцам традиционных верований, а также мусульманам соседних исламизированных государств, как, например, Борну, такой ужас, что он оставался в их памяти вплоть до XX столетия.

Очевидно, что применительно к эмиратам во главе с хаусанскими правителями норма декларируемая (в речах и трактатах Османа дан Фодио) в целом совпадала с реальной, фактической нормой, описывавшей круг полномочий, прав и обязанностей *сарки* и его взаимоотношений с исламскими законами. Хаусанские правители, конечно, объявляли себя правоверными, на деле же их реальные действия расходились с религиозной нормой, что и было законным, с точки зрения шейха и его окружения, основанием для борьбы за приведение фактических социокультурных норм в соответствие с идеальными, закрепленными в Коране и Сунне.

Таким образом, Осман дан Фодио и его религиозная община утверждали с помощью джихада право свергать правителей, нарушающих духовно-религиозные, моральные, политические и экономические нормы в исламе, и коллегиально выдвигать из своей среды харизматическую личность на роль правителя. Но сами эти выборы не носят формализованного характера. Так, выдвижение самого Османа дан Фодио стало результатом широкого признания его особых качеств, – ученого, благочестивого шейха, объединителя верующих, блестящего оратора и политика, стремящегося соблюсти на практике писанные нормы, – но не следствием определенной законом процедуры.

Но после смерти духовного вождя, а точнее, сразу после победы исламской революции началось все более отчетливо проявляться расхождение между провозглашенными принципами и реальным наполнением власти. Военные походы в прилегающие страны все очевиднее превращались в средство для добычи рабов и получения дани с покоренных народов. Религиозные цели – обращение соседних народов в ислам, постепенно отходили на второй план, тем более что экспедиции направлялись и в страны с исламизированным населением.

С окончательной победой нового господствующего класса фульбских феодалов, консолидировавшей их ряды,

строгие заповеди аскетичного бытия отбрасываются. Уже в начале 1820-х гг. ушел в прошлое принцип *маламчи*, было покончено с выборностью, место которой заняло наследование должностей, возникли правящие династии, возродившие прежнюю титулатуру. Все местное население нефульбского происхождения вопреки нормам ислама и заповедям покойного лидера было объявлено «неверными», «язычниками» – *хабе*. Это позволяло превращать в рабов даже мусульман или требовать от них выполнения барщины. Были восстановлены все прежние налоги и поборы, против которых боролись соратники Османа дан Фодио. В области права также произошел поворот к прежним нормам: на месте идеологии исламского участия в политической жизни утвердились сословно-кастовая система взглядов и мораль *филанин гида*. Режим беззакония и насилия снова занял былые позиции, вызывая недовольство мусульман и других конфессиональных групп, провоцируя волнения и смуты. И хотя эмиров по-прежнему назначали, как того требовал Осман дан Фодио, однако возврат к порядкам до джихада был слишком очевиден. Свидетельством этого являются и путевые заметки европейских путешественников Х. Клаппертона и Г. Барта, посетивших Северную Нигерию в 1820-х и 1850-х гг. соответственно и оставивших обширные описания порядков и обычаев халифата Сокото [25].

Тем не менее изменить свершенный в результате фульбского джихада коренной, глубинный сдвиг было невозможно. При всем несовпадении духовных заповедей основателя халифата Сокото с поведением своекорыстной фульбской верхушки усиление влияния исламских духовно-религиозных норм, превращение ислама в основу формирующейся здесь исламской цивилизации становилось все более весомым и зримым. А мусульманские правители Северной Нигерии осуществляли свою власть в рамках уже сложившейся традиции, позволявшей свергнуть несправедливого *сарки* – тирана. Она наложила отпечаток на характер взаимо-

отношения эмиров с рядовыми мусульманами в XX в., способствуя их демократизации.

Литература

1. Джихад (араб. – «усилие») – движение, деятельность по укреплению основ веры и распространению ислама в результате использования мирных и вооруженных средств. В связи с этим различают джихад внутренний (совершенствование моральных качеств верующего) и джихад меча, то есть насаждение ислама военным путем.

2. *Саватеев А.Д.* Религиозно-политические сочинения Османа дан Фодио – источник для понимания истории Западной Африки // Восток. – 2006. – № 1. – С. 63.

3. Обобщая опыт исследования социокультурных систем, действовавший в течение нескольких тысячелетий, выдающийся российско-американский социолог и культуролог П.А. Сорокин писал: «Как только социокультурная система – со всеми ее свойствами, своим *modus*'ом *vivendi* и *modus*'ом *agendi* – возникла, она уже содержит в себе предназначенное ей будущее. В каждый момент своего существования и деятельности она создает его, определяет и формирует его. В этом смысле любая социокультурная система является... творцом своей собственной судьбы». «Основание (или причина) изменения любой социокультурной системы лежит в ней самой и не следует искать его где-нибудь еще... Неся в самой себе семена своего изменения, любая социокультурная система несет в себе и способность формирования собственной судьбы или своего жизненного пути» – Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 742–743, 747–748.

4. *Hogben S.J., Kirk-Greene A.H.M.* The Emirates of Northern Nigeria. A Preliminary Survey of their Historical Traditions. – L., 1966. – P. 367–384; *Robinson D., Smith D.* Sources of the African Past. Case-Studies of five Nineteenth-Century African Societies. – N.Y., 1979. – P. 123–148; История Нигерии в новое и новейшее время. – М., 1981. – С. 59–65.

5. История Нигерии в новое и новейшее время.

6. См. отрывки писем в: *Arnett A.H.* The Rise of the Sokoto Fulani. – L., 1922; *Hogben S.J., Kirk-Greene A.H.M.* The Emirates of Northern Nigeria. – P. 317–328.

7. *Hiskett M.* The Development of Islam in West Africa. – L. – N.Y., 1984. – P. 159; *Studies in West African Islamic History.* – Vol. I: The Cultivators of Islam / Ed. by J.R. Willis. – L., 1979. – P. 216.

8. По другим сведениям, он принадлежит к мандинго.

9. Шейх Осман дан Фодио изложил ее в трактате «Ал-амр би мувалат ал-муминин ва ал-нахи’ ан мувалат ал-кафирин» (Предписание о том, как воздавать преданность и верность правоверным и о запрете воздаяния преданности и верности неверным), который, в свою очередь, развивал мысли, высказанные им в других религиозных просветительских документах, написанных соответственно в 1802 и 1806 гг. См.: *Quick A.H.* The Concept of Al-Muwalat in the Sokoto Caliphate and the Resulting Dilemma of the Time of British Conquest // *Islam et sociétés au Sud du Sahara.* – P., 1993. – № 7.

10. *Сунна* – поступки и высказывания пророка Мухаммада, зафиксированные в хадисах (преданиях) и служащие одним из источников правил общественной жизни, культовой практики и права. *Иджма* – согласное мнение наиболее авторитетных знатоков религиозных наук по вопросам религии, права и общественной жизни. См.: *Ислам: Энциклопедический справочник.* – М.: ГРВЛ, 2002.

11. *Хиджра* (бегство, уход, миграция) – переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 г. Считается отправной точкой мусульманского календаря.

12. *Kane O.* Othman dan Fodio. Fondateur de l’empire de Sokoto. – P., ABC, 1976.

13. *Robinson D.* Muslim Societies in African History. – Cambr.: Cambr. Univ. Press, 2004. – P. 140.

14. *Осман дан Фодио.* Наставление братии (танбиху’л ихван) // *Саватеев А.Д.* Исламская цивилизация в Тропической Африке. – М., 2006.

15. *Саватеев А.Д.* Исламская цивилизация в Тропической Африке. – М., 2006.

16. *Саватеев А.Д.* Религиозно-политические сочинения Османа дан Фодио – источник для понимания истории Западной Африки // Восток (Oriens). – 2006. – № 1.
17. The Wathīqat Ahl-Sudan: a Manifesto of the Fulani Jihād // Journal of African History. – L., 1961. – Vol. II. – № 2.
18. Kitab al-Farq: a Work on the Habe Kingdom attributed to ‘Uthman dan Fodio // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – L., 1960. – Vol. XXIII. – № 3.
19. *Rodinson D., Smith D.* Sources of the African Past. Case-Studies of five Nineteenth-Century African Societies. – N.Y., 1979.
20. В научной и духовно-религиозной литературе ему (вместе с сыном Мухаммадом Белло и братом Абдуллахи) приписывают примерно 700 сочинений на религиозные и светские темы в прозаической и поэтической формах. Подробнее смотки *Саватеев А.Д.* Сочинения Османа дан Фодио как историко-культурный феномен исламской цивилизации // Д.Д. Ольдерогге и современная российская африканистика. – М.: Ин-т Африки РАН, 2005.
21. *Джангали* – налог на скот. *Курдин гари* – налог, взимаемый с жителей города. *Курдин сала* – налог, взимаемый с паломников, совершающих хадж.
22. *Гаргади* – обязательная служба в армии *сарки*, может быть возмещена денежной оплатой.
23. Tanbihu’l Ikhwan // Journal of the African Society. – L., 1915. – Vol. XIV. – № 54.
24. *Palmer H.R.* An Early Fulani Conception of Islam // Journal of the African Society. – L., 1914. – Vol. XIII. – № 52.
25. *Clapperton H.* Journal of a Second Expedition into the Interior of Africa. – L., 1829; *Barth H.* Travels and Discoveries in Northern and Central Africa. – L., 1857.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Л.В. Пономаренко

ЛЕОПОЛЬД СЕНГОР – САМОБЫТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДУХОВНОСТИ

Французская колониальная империя явилась прообразом будущего международного франкофонного сообщества, основанного на общности культурных и языковых традиций. Приверженность Африки французским культурным традициям явилась результатом колониальной политики Франции. Захватническая и потребительская вначале, она эволюционировала и вырабатывала новые принципы, которые позволили Франции, уже в постколониальный период, сохранить в бывших колониях преемственность своей цивилизационной парадигмы.

Французский колониализм, так же как британский, португальский, бельгийский, итальянский, имел свою специфику. Для него была характерна значительная интегрированность в жизнь местного населения и, в свою очередь, большая включенность коренного населения колоний в жизнь метрополии. Французам и «туземцам» было свойственно не сосуществование, но взаимодействие в рамках создаваемой ими общей культурной составляющей.

Французскому колониализму во все времена была присуща высокая степень ассимиляции и взаимопроникновения культур. Таким образом, отчасти становится понятен феномен франкофонии: объединение, на основе языковой традиции стран и народов с совершенно различной культурой, – это результат длительного взаимодействия и взаимовлияния, которые привели к выработке общих духовных ценностей.

ЛЕОПОЛЬД СЕНГОР (1906–2001)

Основные принципы колониальной политики Франции выработывались во времена Франциска I и Ришелье. Освоение новых земель и их колонизация стали доминирующим направлением развития государства. Главные из них регламентировали взаимоотношения европейцев с местным населением: «Оттеснение и истребление местного населения, широко применяемые другими державами, внушают отвращение правительству короля Франциска I. Он собирается подавлять дикарей силой только в том случае, если все остальные средства примирения исчерпаются. С того же момента, как они покорятся, он приказывал обращаться с ними насколько можно бережно» [1, р. 22]. Все инструкции, данные королевским агентам в продолжение следующих двух веков, соответствовали этой позиции.

Итак, с самого начала французской колонизации, за ее теоретическую основу были взяты принципы гуманного отношения к местному населению и слияния воедино французского и автохтонного элементов. Идеологи французского колониализма Ришелье и Кольбер выработывали концепцию ассимиляции путем вовлечения местного населения в лоно христианской цивилизации, с ее образом мыслей и системой ценностей. Во многом эти принципы сохраняются и в последующие века французской колонизации. Великая французская революция пропитала идеями свободы, равенства и братства и колониальную доктрину, вызывая к доброй воле коренного населения колоний. Однако после потери колониальных владений во времена Наполеона I воссоздание колониальной империи примет более жесткий и непримиримый характер, так как за каждую колонию развернется борьба между самыми могущественными государствами мира, а овладение колонией будет свидетельствовать о статусе того или иного государства.

Пик французского колониализма пришелся на период окончания Первой мировой войны. Именно тогда империя, «где никогда не заходит солнце», предстала во всем блеске.

Численность французов, постоянно проживавших в заморских владениях накануне Второй мировой войны, составляла 2 млн человек [2, р. 226].

На всем протяжении существования французской колониальной империи в правящих кругах метрополии противоборствовали две концепции, два принципа политики в отношении заморских владений: «ассоциация» и «ассимиляция». Сторонники ассоциации настаивали на необходимости четкого разграничения колоний и метрополии; колонии призваны были служить лишь источником сырья и продовольствия для метрополии, оставаясь во всем остальном чужими для нее. Приверженцы ассимиляции требовали большего – «европеизации» колоний, в экономическом, социально-политическом и культурном отношениях, то есть фактической интеграции заморских владений в рамках Французского Союза или Сообщества [3, с. 78]. Позиции сторонников ассимиляции усилились в период обострения кризиса Французской колониальной империи. Ассимиляция считалась тогда более эффективным средством удержания колоний в сфере французского господства.

В русле программы «освоения», предложенной Альбером Сарро (министром колоний в 1920-е гг.), во французских колониях осуществлялись определенные мероприятия экономического характера. В 1920-е гг. были расширены порты Дакара, Орана, Алжира и начато строительство порта Касабланки; велось строительство сети железных и автодорог в Индокитае и Марокко; строилась железная дорога Браззавиль – Пуэнт-Нуар, Жибути – Аддис-Абеба, проводились ирригационные работы в средней долине Нигера, приступили к строительству энергетических сооружений в Индокитае и т.д.

С одной стороны, налицо была резко усилившаяся эксплуатация природных и людских ресурсов французских владений, сопровождавшаяся расхищением их природных богатств. С другой стороны, очевидным являлось ускорение

развития производительных сил колоний и их постепенное включение в мировую экономику.

Французская колонизация имела свою специфику, в частности, она была направлена на ассимиляцию коренного населения, попытку создать единую культурно-историческую общность людей, говорящих на одном языке и действующих в одной системе ментальности.

Французская колониальная экспансия преследовала не только экономические цели, но имела и далеко идущие политические и идеологические планы. В печати звучали призывы идти в Африку и осуществить там свою цивилизаторскую миссию. Необходимость открыть древний континент для современной цивилизации провозглашал даже великий писатель В. Гюго, призывавший покорять Африку не пушками, а плугом, не саблей, а торговлей, не завоеваниями, а братством.

Французский колониализм отличался своим ярко выраженным ростовщическим характером. Во французских владениях был представлен весь комплекс минерального сырья. Однако добывающая промышленность в колониях не получила достаточного развития. Франция не имела возможности ввозить в колонии столь значительные капиталы, как, например, Англия.

Франция серьезно не занималась развитием производства в своих колониях, используя их главным образом как поставщиков продовольственных товаров. Все территории были поделены на две группы: «поселенческие территории» и «эксплуатируемые колонии».

Стимулом более активного освоения колоний послужила Первая мировая война. Франция, как никакая другая страна, использовала жителей колоний в качестве «пушечного мяса» для своей армии.

Франция вышла из войны ослабленной. Однако за счет своей колониальной империи сумела не только выстоять, но и приобрести владения, прежде принадлежавшие

Германии и Османской империи: Того и Камерун, а также Сирию и Ливию в качестве подмандатных территорий.

После Первой мировой войны правящие круги Третьей Республики стали вырабатывать новую стратегию в отношении колониального мира. Появились многочисленные проекты по «освоению» колоний. «На смену завершившемуся этапу завоеваний приходит новая стадия – экономическое и морального освоения колоний» [4, р. 112].

В результате программы, предложенной Сарро, в 1920-х гг. было осуществлено строительство сети железных дорог в Марокко, железной дороги в Конго (Браззавиль), соединившей Пуэнт-Нуар с побережьем Атлантического океана. Были расширены порты Дакара, Орана, Алжира и начато строительство порта Касабланки. Порты и автодороги, ведущие к портам, были особой заботой французов.

Другой причиной, побудившей французов приступить к более активному освоению колоний, стал мировой экономический кризис 1929 г., поразивший Францию. Последствия кризиса проявились, в частности, в том, что капиталистические отношения, привнесенные в колонии в значительной мере извне, стали все шире проникать во все сферы колониального общества.

Развитие капитализма на Востоке представляло собой синтез традиционных и новейших форм социальных отношений. Новейшие формы складывались непосредственно под влиянием Запада. Вместе с тем они испытывали влияние докапиталистических традиционных отношений. Колониализм вообще занимает особое место в социально-политической истории африканских народов. Именно колониализм включил их в систему социально-политических и экономических отношений между метрополией и колониями. В результате для традиционных обществ появилась возможность использовать в своем дальнейшем социально-экономическом развитии средства, которые поступали извне. Именно это обстоя-

тельство привело к нарушению естественного хода социально-политического развития традиционных обществ.

В 30-е гг. XX в. во Франции заметно усилились шовинистические настроения. Париж, по примеру Лондона, стал именовать свои владения «Заморской Францией».

Появилось множество сочинений, призывавших к усилению внимания к колониям. В 1928 г. в Париже вышла книга Ж. Роблена «Колонии должны снабжать Францию» [5].

В те годы проводились всевозможные конференции и симпозиумы по проблемам колониализма, демонстрировались специальные кинофильмы. Пресса регулярно публиковала хронику колониальной жизни. Во французских школах было введено преподавание колониальной истории и географии. Всячески поощрялось приобщение молодежи к колониальной жизни.

В 1922 г. в Париже существовала Академия колониальных наук, основанная Альбером Лебреном. В 1931 г. вышла первая двухтомная «Практическая иллюстрированная энциклопедия французских колоний» М. Алэна.

Этот модернизационный импульс, который задала Франция своим колониям, имел множество аспектов, в том числе социальный (культурный, лингвистический). Среди всех прочих он оказался решающим для краха Французской колониальной империи, но вместе с тем связующим материалом, посредством которого осуществляется межцивилизационный диалог.

Франция подготовила плеяду африканских лидеров из элиты, так называемые «эвалюэ», сформировавшиеся в системе подготовки административных кадров и тесно связанные с колониальным режимом. Идеологические взгляды «эвалюэ» складывались как на основе традиционного мировоззрения, так и французской культуры. Они ощущали свою принадлежность и к Африке и к Европе. Таковыми представителями франкофонной элиты стали президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор, президент Туниса Хабиб Бургиба,

камбоджийский принц Народом Сианук, президент Нигера Хамани Диори и глава Ливана Шарль Элу.

Леопольд Сенгор – яркая самобытная личность среди представителей общественно-политической мысли бывших французских колоний, деятель культуры, творческий диапазон которого необычайно велик. Он известен как поэт, политик, философ, историк, социолог.

Л.С. Сенгор родился 9 октября 1906 г. в городе Жоаль, на юго-западе побережья Сенегала, воспитывался в соответствии с африканскими традициями, в духе патриархального африканского быта, под влиянием африканских легенд, сказок, африканских праздников. Это отразилось на его ментальности, он твердо опирался на ценности так близко ему традиционной культуры. С семилетнего возраста он был отдан в миссионерскую католическую школу, где учился в течение 13 лет, там формировались главные черты его характера: настойчивость, терпение, выдержка, упорство.

С 1922 г., обучаясь в колледже-семинарии Либерманна, где воспитанников стремились превратить во «французов с черной кожей», он упорно отстаивал «собственную культуру», уже тогда зарождалась идея будущей теории «негритюда».

В 1928 г., получив диплом о среднем образовании Л. Сенгор уехал во Францию, следующие тридцать лет его жизни связаны с метрополией, там он познакомился со многими интересными людьми того времени. Франция, как европейская цивилизация, произвела на Сенгора колоссальное впечатление. Он принадлежит к обществу и цивилизации, отличной от той среды, в которой он вырос. При этом он гордился этим и одновременно осознавал свое расовое отличие. Позже он написал: «... во Франции я постиг прежде всего определенный метод мышления и жизни. Я бы сказал даже, что этот метод позволяет мне и сегодня анализировать проблемы и их решать» [6, р. 43].

Франция в этот период переживала африканский бум: джаз и негритянские танцы проникали во все уголки страны. Особое впечатление на Л. Сенгора произвела колониальная выставка, состоявшаяся в Венсене в 1931 г., развеявшая стереотипы об африканских колониях, которые веками складывались у жителей метрополии.

Обучаясь в элитном лицее Людовика Великого, Сенгор удивлял будущих политиков, в частности своего друга, будущего президента Французской Республики Жоржа Помпиду, тем, насколько «превосходно воспринял он нашу культуру, и не только французскую, а греко-латинскую».

Окончив колледж, Л. Сенгор собирается продолжить образование. Это ему удается, в 1935 го. после успешной защиты докторской диссертации на филологическом факультете в Сорбонне Л. Сенгор становится учителем в лицее Лекарта в Туре. Как преподаватель-африканец он производит на лицеистов колоссальное впечатление, которое вскоре сменяется симпатией. Однако Сенгор стремился перебраться в столицу. Благодаря Жоржу Помпиду он получил назначение в лицей Марселена-Бертело в Сен-Мор-де-Фоссэ в пригороде Парижа.

Сенгор как незаурядный лингвист, по сути, стал первым иностранцем, получившим право преподавать французский язык французам в самой Франции. Позже в 1946 г. как выдающийся стилист он был включен в состав комиссии по подготовке текста новой французской конституции.

Европейская культура открывалась Сенгору через театры, музеи, выставки, книжные бутики, археологические памятники. Приближение к французской культуре способствовало тому, что в нем тесным образом переплелись африканское и французское начало, однако он не перестал ощущать себя африканцем.

Во второй половине 1930-х гг. Сенгор формируется как поэт, основной идеей его творчества становится самобытный образ африканского континента, который сравнива-

ется с «расчетливой и лицемерной Европой». В его поэме «Пусть мне вторят коры и балафонги» впервые употребляется термин «негритюд». Говоря об истоках «негритюда», Сенгор отмечал: «Наше движение, родившееся в Париже, испытало на себе мощное воздействие движения «Ниагара», «Негро – Ренессанса» и даже гарвеизма» [7, р. 276].

Во время Второй мировой войны Сенгор как французский гражданин и военнообязанный направляется в казарму Клинанкура. Через год он попадает в плен к немцам. После освобождения Франции в 1944 г. Сенгор начинает преподавать в Национальном институте заморских территорий на кафедре африканской лингвистики. Через год он становится членом Национального Собрания Франции.

В 1940–1950-е гг. Л. Сенгор выдвигает и обосновывает теорию «негритюда» – сложную философскую концепцию, в основе которой лежит проблема «взаимообмена и диалога, а не противопоставления или расовой ненависти» африканской цивилизации. Его сторонники провозгласили особую роль негроидных народов в духовном развитии человечества и окружающего мира. В теории «негритюда» Сенгор раскрывает психологию негра. Его мировосприятие противопоставляется западному, рационалистическому. Негр – дитя природы, который действует по формуле: «Я чувствую, я танцую «другого», я существую». Разум классической Европы аналитичен, а негра – интуитивен, он умеет чувствовать людей, предметы, мир в целом. И здесь лучше всего сказать словами Сенгора-поэта:

*«Танцуй же танцуй
Глаз тигра человек отчаяния
На берегу мира под резкие хлопки
бессмертия
Но здесь в городе автомобили рвут
время
Расчерчивая квадраты жизнь
на квадраты*

*Квадраты занимают полки ружья
наизготовку
Под улюлюканье девушек
с распущенными волосами» [8]*

Сенгор критикует европейский мир за его атомизированность, деперсонализированность и техногенность. На африканском континенте другие ценности: религия, социальная структура, искусство, литература, а главное – африканский язык.

Под редакцией Сенгора вышло более 20 сборников в поэтической форме, рассказов, критических статей, лингвистических и политических исследований.

20 августа 1960 г. Сенгор становится первым президентом Сенегала, входившего теперь в состав Французского сообщества. Как государственный и политический деятель Сенгор был одним из тех, кто выступал за политический плюрализм. При нем свободно действовала оппозиция, активно работала свободная печать.

28 сентября 1960 г. Сенегал стал членом ООН, что способствовало развитию дипломатических отношений между различными странами. Так, в 1962 г. было заключено ряд соглашений между Сенегалом и СССР.

Президент Сенгор посвятил себя разработке собственной концепции «африканского социализма». Основным пунктом несогласия сенегальского лидера с марксизмом, как и у большинства других африканских теоретиков, было учение о классах и классовой борьбе. Он отрицал наличие антагонистических противоречий в африканской среде. Он также отмежевывался от материализма и атеизма, считая африканцев приверженными идее бога, то есть высшей духовной силе, которая скрепляет африканское общество.

Французские исследователи Мильсан и Сорде полагают, что в разработке африканского пути к социализму Сенгор «продвинулся дальше, чем кто-либо из африканских руководителей» [9, p. 251].

В 1978 г. Л. Сенгор становится вице-председателем африканского социалистического интернационала.

Стремление сохранить и упрочить «привилегированные» связи с Францией было одной из доминант внешней политики Л. Сенгора. Помимо чисто прагматических соображений, определенное значение имела и его глубокая приверженность французской культуре. Именно ее он и выдвинул в качестве стержня новой концепции, которую назвал «франкофония» [10, с. 136].

В результате поисков и размышлений Сенгор приходит к новому осмыслению колониальной политики Франции, сути колониализма, его конкретных форм и последствий для африканских народов. Один из его выводов состоит в том, что «Франция не обязана оправдывать свои колониальные завоевания, как аннексию Бретани или страны басков» [11, с. 67].

Он приходит к выводу, что основой сближения должны стать французский язык и культура. Для этого требуется некое «сообщество французского языка», выходящее за пределы языка и означающее нечто большее. Таковым стала франкофония. Сенгор отмечает: «Если мы взяли на себя инициативу франкофонии, мы сделали это совсем не по экономическим и финансовым мотивам. Для нас франкофония – это культура».

В 1962 г. Л.С. Сенгор предложил продлить двусторонние соглашения между Францией и франкоязычными африканскими государствами заключением многосторонних соглашений для того, чтобы построить «Содружество на французский манер» («Commonwealth a la francaise»), а в 1966 г. представил свой проект франкофонного сообщества и выдвинул идею создания Африканского и Мальгашского совета по высшему образованию.

Л. Сенгор связывал франкофонию с негритюдом, отмечая, что французский язык в большой степени соответствует поэтическому складу негроафриканского искусства [12,

р. 67], он отмечал, что «франкофония – это культура. Это образ мышления и действия: определенная манера ставить и разрешать проблемы. Одновременно это духовное сообщество... Короче говоря, франкофония – это, помимо языка, французская цивилизация...» [12, р. 80].

31 декабря 1980 г., в 74-летнем возрасте Л. Сенгор добровольно подал в отставку. Говоря про себя, он отмечает, что политика – для него была случайной, что его настоящее призвание – это образование и культура. И неудивительно, что его международная и литературная деятельность известна во всех уголках мира. Он становится почетным доктором университетов, включая Сорбонну, университеты Страсбурга, Бордо, Гарварда, Оксфорда, Франкфурта и др.

Леопольд Сенгор стремился открыть людям собственное самобытное измерение духовности. Мудрый политик и тонкий поэт он был привязан и одновременно чувствовал тупиковость западной цивилизации. И эти противоречия преследовали Сенгора на протяжении всей его политической карьеры и жизни философа. Но он всегда верил, что время Африки еще наступит и африканская цивилизация внесет свой достойный вклад в будущее человечества.

Л и т е р а т у р а

1. *Hardy Georges*. Histoire sociale de la colonisation française. – Paris, 1953.
2. L'annee francophone Internationale. – 2005.
3. См.: *Черкасов П.П.* Распад колониальной империи Франции. – М., 1985.
4. *Sarraut A.* La mise en valeur des colonies françaises. – Paris, 1923.
5. *Roblin J.* L'approvisionnement de la France par ses colonies. – Paris, 1928.
6. *Milcent E., Sordet M.* Leopold Sedar Senghor et la naissance de l'Afrique moderne. – P., 1969.
7. *Senghor L.S.* Liberté 3. Negritude et civilisation de l'Universel. – P., 1977.

8. Сенгор Л. Избранная лирика. – М., 1969.
9. Milcent E., Sordet M. Leopold Sedar Senghor et la naissance de l'Afrique moderne. – P., 1969.
10. Шаббаев Б.А. Эволюция общественно-политических взглядов Леопольда Седара Сенгора (30–70-е гг.) // Анतिकолониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке. – М, 1983.
11. Цит. по: Бенетт Н.Д. Франкофония и мировая культура. – М., 2003.
12. Senghor L.S. Liberte 3. Negritude et civilisation de l'Universel. – P., 1977.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Ю. Ильина

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ РОМАН НИГЕРИИ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВЕКА

Среди литератур западноафриканского региона литература Нигерии занимает, безусловно, лидирующее положение. Она развивалась от «предроманных» и ранних романских форм (бытописательной, фольклорной прозы) к критико-реалистическому направлению, а далее – к освоению синтетических романских форм, обнаруживающих разные элементы и течения мировой романистики XX в. Острые социальные проблемы стали главной темой нигерийской романистики в 1970-е гг. Методом, который писатели Нигерии использовали для отображения и осмысления этих проблем, стал критический реализм. Авторы произведений 1970-х гг. обличали пороки зарождающегося в Африке капитализма, изображая главным героем романа человека, ставшего жертвой новой буржуазной действительности. Таковы идейные и художественные особенности нигерийского романа этого времени.

Исследователи африканских литератур отмечают тенденцию к снижению остроты социальной критики в произведениях литераторов англоязычной Африки начиная с 80-х гг. прошлого столетия. Писатели высказывают все более осторожное отношение к любым общественным переменам, их занимают проблемы современной жизни, такие как: достижение материального благополучия, проблемы трудоустройства, в центре их внимания оказываются вечные вопросы

любви, брака, т.е. житейские темы, не зависящие от потрясенной общественной жизни.

Однако, на наш взгляд, острота социального звучания нигерийского романа не снижается, так как в центре внимания авторов по-прежнему остаются актуальные общественные проблемы. При этом нельзя не согласиться с исследователем восточноафриканских литератур М.Д. Громовым, который, отмечая аналогичную тенденцию в кенийском романе 1980-х гг., говорит, что острота социального звучания кенийского романа не снизилась, а изменился метод – авторы не заставляют читателя ужасаться общественным язвам, а привлекают его внимание к возможностям оздоровления социальной обстановки. Писатели хотят, чтобы читатель увидел светлые стороны жизни, положительные сдвиги, которые произошли на континенте после обретения независимости.

Последнее десятилетие прошлого века стало временем подведения итогов, попыткой объяснить языком художественного произведения исторический опыт страны, писатели пытаются отнестись к национальной истории на пороге нового тысячелетия с большей объективностью, сделав попытку осмыслить путь, пройденный страной за длительный исторический период. Нигерийский роман 1990-х гг. заметно отличается от романа 1980-х; последнее десятилетие XX в. стало в прозе страны эпохой нового социального романа. В этот период отмечается интерес к историческому роману, который по своим идейно-художественным задачам и по средствам их решения далек от исторических произведений периода после обретения независимости. Писатели 1990-х гг. пытаются проследить определенные закономерности исторического развития страны языком художественной литературы, тем самым привлекая широкую читательскую аудиторию.

Лауреат Нобелевской премии (1986) нигериец Воле Шойинка в повести «Изара» (1990) продолжает автобиографическую тему, начатую в романе «Аке: годы детства»

(1981), однако хронологически новое произведение предшествует ранее написанному [1].

В 1984 г., через три года после классической автобиографии «Аке», Шойинка нашел в шкатулке после смерти своего отца, школьного учителя, который жил в колониальной Нигерии, записные книжки и документы, побудившие его написать произведение о поколении отца. Историческое время действия повести – последние пятнадцать лет перед появлением в Западной Нигерии, Йорубаленде, христианских миссионеров в то время, когда, как отмечает В. Шойинка в предисловии, «закладывались основы дальнейшего образа жизни – хорошо это или плохо – под неодолимым воздействием исторических событий как местного, так и всемирного значения, в условиях напряженных и сложных взаимоотношений с колониальной администрацией и собственного противоречивого отношения к той прослойке общества, которая получила западное образование».

Следует отметить, что колониализм в «Изаре» воспринимается неоднозначно, для Шойинки это – новое время, новая эпоха, заставляющая людей меняться, интегрировать в новый социально-исторический контекст.

Изображая доколониальное и колониальное прошлое, вновь задумываясь о своих корнях, о том, откуда пришли африканцы, В. Шойинка вносит новое в представление читателей о современной Африке и африканцах.

В отличие от романа Чинуа Ачебе «И пришло разрушение» (1958), в котором также задается вопрос об истоках африканцев, повесть В. Шойинки, созданная спустя тридцать лет, трактует события намного сдержаннее, мягче. Если Ачебе ждал ухода колонизаторов, и его герой – традиционалист, органически впитавший в себя характерные черты патриархального уклада и не мыслящий себя вне этого общества, то Шойинка, воспринимая колониальную эпоху через несколько десятилетий, далеко не так однозначен в своей оценке.

Герой романа Ачебе погибает, и это свидетельствует о «разрушении», которое принесли в Нигерию колонизаторы.

Шойинка в «Изаре» идет на своеобразную уступку: традиционным вождем на выборах становится Изара, который способен примирить и традиционалистов, и тех африканцев, которые готовы адаптироваться к новой жизни и признают неизбежность общественных перемен.

Третья книга воспоминаний Воле Шойинки «Ибадан» (1994) охватывает 1946–1965 гг. Как и «Изара», которая явилась беллетризированным путешествием во времена его отца, «Ибадан» стал повестью, давшей возможность автору, сочетая факты с вымыслом, в художественной форме проявить творческую свободу в освещении социальных и политических событий в Нигерии в 1950–1960-х гг. Вернувшись в Нигерию из Великобритании к концу 1959 г., накануне независимости страны, Шойинка занимается исследованием традиционной драмы в Университете г. Ибадан и становится очевидцем серии кризисов, охвативших государство вскоре после обретения независимости, сопровождавшихся насилием, разгулом бандитизма, убийствами, коррупцией, фальсификацией выборов. Книга помогает читателю понять, что заставило Воле Шойинку заняться политической деятельностью и способствовало началу его творчества как драматурга.

Следует отметить, что появление романа в англоязычных литературах Африки, в том числе Нигерии, было вызвано потребностью в романной форме, которая наиболее адекватно отражает быстро меняющуюся социальную действительность. Факт появления романа свидетельствует также о приобщении писателей к англоязычной литературе Европы (главным образом английской) и США. Глубокое знание западной литературы объясняет широкий спектр романских форм, освоенный некоторыми нигерийскими авторами – они синтезируют художественные достижения мировой романистики XX в. (реалистические элементы в сочетании с «вол-

шебным реализмом», мифологизированием, под влиянием модернизма и постмодернизма).

Бен Окри (р. 1959 г.) – один из самых ярких авторов в современной англоязычной литературе Африки, лауреат Букеровской премии (1991 г.), в ранних произведениях которого обнаруживаются признаки социального реализма, критически ориентированного в отношении современной африканской действительности. Писателя тревожит африканское общество постколониального периода; в произведениях, созданных в это время, высказывается сатирическая критика различных политических и экономических кризисов, охвативших регион после завоевания независимости. В ранних произведениях Бена Окри поднимается проблема коррупции и ее разрушающего действия на общество и семью (роман «Цветы и тени», 1980 г.), а также реалистически отображено тоталитарное государство с его непрерывным посягательством на права личности (роман «Горизонты внутри нас», 1981 г., – переизданный в 1996 г. под названием «Опасная любовь»).

В более поздних произведениях Б. Окри, по мере того как формируется его творческая манера, начинают преобладать элементы мистицизма. В романах «Ненасытимая дорога» (1991 г.), «Колдовские песни» (1993 г.), «Несметные богатства» (1998 г.) Б. Окри утверждает возможность преобразования и прозрения человека вследствие духовных испытаний [2]. Герой произведений Азаро, «дитя-дух», наделен вторым зрением и общается с природой во всех ее проявлениях, воспринимая ее как код, открывающийся ясновидению. В романе «Удивляющие богов» (1995 г.) Б. Окри утверждает идею необходимости духовной трансформации в общечеловеческом масштабе. Эволюцию общества автор связывает не с разрешением острых социально-политических конфликтов, а с индивидуальным духовным совершенствованием. Творчество этого писателя, который принадлежит к младшему поколению авторов-миротворцев, является примером столь ха-

ракторной для африканских литераторов тенденции «синхронного взаимодействия со всем корпусом мировой литературы: с античной литературой, просветительским реализмом, критическим реализмом, модернизмом» [3, с. 338].

Следует отметить, что в последние годы в нигерийской литературе сложилась новая ситуация, явившаяся результатом острых политических и социально-экономических кризисов, вылившихся в военные перевороты, экономический спад, разгул коррупции и криминала.

В условиях крепнущей тоталитарной власти, когда резкая критика верхушки общества стала небезопасной для писателей, а также в связи с разочарованием общества в различных идеологических программах, ведущее место в нигерийской литературе занимают добротные литературные произведения, рассчитанные на «верхние», наиболее образованные слои читателей массовой литературы, средний класс. На смену интеллектуальному роману, как и роману обличительному, приходят романы, а также малые повествовательные формы «без политики», рассказывающие о конкретных проблемах повседневной жизни.

Такие произведения африканских авторов, находящиеся на рубеже «серьезной», «элитарной» литературы и литературы массовой, выполняют важные образовательные функции в Африке и не могут рассматриваться как следствие недостаточной опытности писателей.

Следует отметить, что преобладавшая до последнего времени историко-литературная методология не принимала во внимание массовую литературу как серьезный фактор художественного развития, и это создает трудности при попытках дать оценку произведениям, считающимся достоянием массовой литературы. Однако последние исследования свидетельствуют об изменении подхода литературоведов к изучению массовой литературы Запада, в том числе США.

Исследователи этой литературы приходят к выводу, что определяющим фактором сегодняшней художественной

жизни стало размывание перегородок между «элитарной» и «массовой» культурами, и утверждают, что «все более типичным становится сочетание элементов обеих этих сфер в границах одного и того же художественного феномена» [4, с. 8]. Подобное наблюдение подтверждается анализом произведений нигерийских авторов конца XX в., которым присущи как элементы развлекательности, так и значительная социальная проблематика.

Существенный пласт в литературном процессе стран Западной Африки занимает «женская проза». В последние два десятилетия прошлого века в литературе Нигерии появились заметные произведения как новых нигерийских писательниц, так и известных представительниц старшего поколения. Эти авторы, досконально знающие проблемы своих соотечественниц, отображают судьбы женщин сегодняшней Африки и создают яркие образы современных африканок. Со своих женских позиций, в полной мере не доступных мужчинам, они пытаются понять женскую долю африканки, постичь причины и последствия женского рабства, а также раскрепощения женщины, которое стало принимать всеобъемлющий размах в Африке конца прошлого века.

В произведениях нигерийских писательниц затрагиваются важные, злободневные вопросы, волнующие сегодняшнюю африканку – проблемы женской судьбы, поиски женщинами своего места в обществе, семье, желание самовыражения, а также вопросы брака, взаимоотношений с мужчиной, воспитания детей. В центре внимания нигерийских писательниц – судьбы африканских женщин (разных возрастов, профессий, социальных групп), из многообразия которых складывается динамический стереотип поведения африканской женщины на рубеже XX и XXI столетий.

Главная цель этих произведений – научить читательниц не падать духом во всевозможных драматических обстоятельствах. Типологически произведения нигерийских писательниц имеют черты просветительской литературы, где

героини борются против социальной несправедливости, выступая за новые отношения в обществе.

Флора Нвапа (1931–1993 гг.) – нигерийская романистка, первая женщина в Нигерии, создавшая роман.

Нвапа известна главным образом как автор двух романов: «Эфуру» (1966 г.) и «Иду» (1970 г.), действие которых происходит в раннеколониальный период. В романах исследуется проблема положения женщины в традиционном обществе. Как и в более поздних романах, автор делает женщину центральным персонажем произведений.

Два последних романа Ф. Нвапы «Одного достаточно» (1981 г.) и «Женщины различаются» (1986 г.) продолжают женскую тему, но теперь их действие происходит в городской среде [5].

В романе «Одного достаточно» автор говорит о том, что женщины не всегда стремятся к браку, если у них есть другие цели в жизни, как, например, карьера в бизнесе и дети. В романе «Женщины различаются» затрагивается проблема бездетности женщины, а также ее экономическая независимость.

Несмотря на то что сама писательница не считала себя феминисткой, она подчеркивала свою позицию, заключающуюся в необходимости освободить женщин от всех форм закабаления.

Ифеома Окойе, которая не сообщает дату своего рождения, является одной из самых значительных писательниц Нигерии после Флоры Нвапы и Бучи Эмечеты. Она получила образование в Университете Нигерии, Нсукке (1974–1977 гг.), где изучала английский, а также в Университете Эстон в Великобритании (1986–1987 гг.), где защитила диссертацию по английскому языку. Преподает английский язык в Университете Ннамди Азикиве в Нигерии.

Окойе является автором трех романов «За облаками» (1982 г.), «Безухие» (1984 г.) и «Чимере» (1992 г.), а также ряда книг для детей. Роман «Безухие» был удостоен премии

ассоциации Нигерийских авторов за лучшее художественное произведение 1984 г. В этом произведении затронута тема нечестного обогащения нигерийских дельцов во время нефтяного бума, охватившего страну в 1980-е гг. [6]

В романе «За облаками», как и в произведениях Флоры Нвапы «Эфуру» и «Иду», Ифеома Окойе поднимает проблему бездетных семей и возможности мужчины привести в дом вторую жену, если первая жена не дала ему наследника.

«Чимере» – детективный роман, в котором главная героиня, молодая женщина, подвергается насмешкам своих сокурсников по Университету в связи с тем, что не знает, кто ее отец, и отправляется на его поиски, несмотря на возражения матери. Среди нигерийских женщин-романисток Ифеома Окойе выделяется прекрасным владением английским языком, ее стиль отличают изящество, чистота, точность и достоверность.

Другая нигерийская писательница, получившая мировое признание, Бучи Эмечета не живет на родине в Нигерии. Совсем юной девушкой в 1962 г. она покинула Лагос и отправилась с мужем, с которым позже рассталась, в Лондон, где с тех пор проживает вместе со своими пятью детьми. Кехинде, героиня одноименного романа Б. Эмечеты, вышедшего в свет в 1994 г., является женщиной сильной и незаурядной, смелые поступки которой опрокидывают привычные представления о браке, семье и женском счастье [7].

В романе поднимается проблема полигамного брака, а также говорится о трудностях, с которыми сталкиваются африканские женщины, эмигрировавшие в Европу. Б. Эмечета, которая в равной степени принадлежит к африканской и европейской культурам, восприняла лучшие традиции нигерийского романа и развивает его жизнеутверждающую тенденцию.

Жизнеспособность массового романа свидетельствует о том, что его социальный и художественный потенциал еще

не исчерпан, и в ближайшее время он будет занимать значительное место в нигерийской романистике.

Нигерийские писатели находятся в поиске новых литературных форм, более адекватных сложной и противоречивой социально-политической и культурной реальности последнего десятилетия XX в.

Л и т е р а т у р а

1. *Soyinka W. Izara.* – L., 1990; *Soyinka W. Ibadan.* – L., 1994.
2. *Okri B. Flowes and Shadows.* – L., 1980; *Okri B. The Famished Road.* – L., 1991; *Okri B. Songs of Enchantment.* – L., 1993; *Okri B. Astonishing the Gods.* – L., 1995; *Okri B. Dangerous Love.* – L., 1996; *Okri B. Infinite Riches.* – L., 1998.
3. *Ляховская Н.Д.* Франкоязычная романистика Тропической Африки и опыт европейской литературы: схождения и различия // *Взаимодействие культур и литератур Востока и Запада.* – М., 1992. – Вып. 2.
4. *Лики массовой литературы США.* – М., 1991.
5. *Nwapa F. One is Enough.* – L., 1981; *Nwapa F. Women are Different.* – L., 1986.
6. *Okoye I. Behind the Clouds.* – L., 1982; *Okoye I. Men without Ears.* – L., 1984; *Okoye I. Chimere.* – L., 1992;
7. *Etecheta B. Kehinde.* – L., 1994.

Кинфу Зенебе Тафессе

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ЭФИОПИИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Эфиопия – одна из наиболее сложных по своему историко-культурному комплексу стран Африки. На ее территории в древние времена возникла высокоразвитая цивилизация, о чем свидетельствуют дошедшие до нас памятники культуры. Наряду с Византией и Сасанидским Ираном Аксумская империя (прежнее название Эфиопии) достигла наивысшего расцвета в III–IV вв. Это была великая держава, распространившая свое влияние на значительные районы Аравии и Судана. Со времен преакумского и аксумского царств сохранились прекрасные памятники зодчества, огромные монолитные обелиски, статуи, отлитые из золота, серебра и бронзы (с надписями на древнеэфиопском языке гыыз), базальтовый трон Птолемея III с греческой надписью и др.

Еще в V в. до н.э. на территории Эфиопии появилась письменность на древнейшем сабейском языке, а в IV–VI вв. н.э. – на языке гыыз. Письмо, появившееся две с половиной тысячи лет назад, спустя тысячелетие было реформировано и с тех пор не претерпело резких изменений, равно как и религиозная идеология, и культурная ориентация [1, с. 5] Страна сохранила своеобразную национальную письменность, календарь, систему записи музыки, цифр, а также собственную систему церковного и мусульманского образования. Таким образом, древняя цивилизация Эфиопии, сохранившаяся до наших дней и успешно развивающаяся, создала одну из старейших систем образования в мире.

В течение длительного времени церковь оказывала значительное влияние на различные стороны духовной жизни народов Эфиопии. Она также в течение многих веков

(с принятия христианства в IV в. н.э.) вплоть до первого десятилетия XX в., обладала монополией на образование [2, с. 199].

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Эфиопии в конце XIX – начале XX в. требовало ломки традиционного (церковного) образования и создания новой современной светской системы обучения и широкой сети государственных школ.

Образование (воспитание молодого поколения) в эфиопском дохристианском обществе совершенно отличалось от понимания значения обучения в нынешнее время. Обучение проходило не в школах, в классах и аудиториях, а в резиденции короля, в домах дворян. По некоторым источникам, эфиопское традиционное обучение было заимствовано у древних греков [3, с. 15]. Это означает, что обучение молодого поколения включало не только чтение и письмо, но и физическое воспитание, этику, риторику, владение диалектикой, военное дело и философские рассуждения.

Так как первоначально традиционные школы находились при дворе короля, в поместьях знати, цель обучения молодежи заключалась в воспитании храбрости, верности и готовности ревностного служения королю, а также господину (дворянину). Она так и называлась «благородной».

Об образовании, получаемом при дворе короля и феодалов, эфиопский исследователь Кебеде Тессема высказывался следующим образом: «В прошлом те, кто служил при дворе, одновременно принимали участие и в обучении. Они являлись кандидатами на ту или иную должность и готовились к занятию высоких постов. В период их службы при дворе ученики каждый день подвергались проверке речи, поведения, стремления к знаниям, терпения и терпимости, храбрости, умения хранить тайну и других подобных качеств и черт, возвышающих или принижающих характер человека. В итоге лишь те, которые успешно выдержали испытания, могли рассчитывать на продвижение по служебной лестнице

(церковной или гражданской). Не справившиеся со всеми предъявляемыми требованиями и не выдержавшие до конца испытания могли оставаться простыми слугами или же их просто прогоняли со двора». Отсюда мы можем сделать вывод о том, что обучение в традиционной Эфиопии было направлено на подготовку гражданских и церковных служителей.

Кроме преподавательского состава существовал и особый опекун, следивший за правильным соблюдением и выполнением установленного порядка, его называли «Блатенгета» (служащий и наставник молодежи при дворе). Он обязан был укреплять дисциплину и следить за моральным и духовным состоянием молодых людей, их культурным развитием.

Вслед за «благородным обучением» появилось и религиозное. Оно начало формироваться лишь в XIII в. (в IV в. Эфиопия приняла христианство), когда эфиопская христианская церковь стала играть влиятельную роль в политической, экономической и культурной жизни страны.

Цель церковного образования заключалась в подготовке церковнослужителей, монахов, «Дебтера» (это своеобразная эфиопская разновидность духовенства; люди, получившие серьезное богословское образование в знаменитых монастырских школах, но не возведенные митрополитом ни в сан диакона, ни в сан архиерея), государственных служащих (таких как судьи, губернаторы, писари, казначеи и администраторы).

В стране до конца XIX в. не существовало иного института формирования образованного персонала, и большинство государственных служащих занимало две должности: служителя церкви и государственного чиновника. В истории Эфиопии были случаи, когда король страны являлся и священнослужителем, например, Зара-Якоб (1434–1468 гг.) [4, с. 11].

Образование в Эфиопии до начала XX в. находилось в руках эфиопской церкви, а точнее, сосредотачивалось вокруг соборов, церквей и монастырей. Преподавательской деятельностью занимались также ученые-богословы, которые, как правило, являлись духовными лицами. Церковь, следовательно, служила хранителем и распространителем национальной культуры и обеспечивала сохранение религиозного учения и создание религиозной литературы, которая стала основой для зарождения современной эфиопской литературы.

По словам английского исследователя С. Панкхреста, церковь Эфиопии управляла работой начальных и средних школ, а также монастырских университетов с отделениями, посвященными богословию, истории, поэзии, музыке, медицине и хирургии, которые сохраняются и по сей день, образуя, таким образом, древнейшую непрерывную систему образования в мире [5, с. 443].

На церковном образовании отразился традиционный уклад жизни. Ребенок поступает в школу в возрасте 7–12 лет. Английский историк С. Гобат пишет: «...что церковное образование, разумеется, никогда не было обязательным, только некоторые родители посылают своих детей в монастыри или церковные школы на обучение, большинство родителей не желают этого, боясь, что их дети станут монахами, многие мальчики убегают от родителей и сами ищут, где бы они могли учиться. Некоторые идут в услужение к священникам или другим церковным учителям и днем работают, а вечером учатся. Другие же после уроков добывают пропитание попрошайничеством [6, с. 40]

Вся учебная программа включала в себя: гыыз (старый эфиопский язык) и амхарские языки, литературу, поэзию, церковную музыку, мировую историю. В программу входили и такие предметы, как математика, философия, библейская наука, история церкви, литургия фтха негест (право), христианская этика и пасторальная теология. Время оконча-

ния церковного образования зависело от состояния здоровья, умственных способностей учащихся, мотивации и программы обучения. Тот, кто хотел продолжить «высшее образование», обязан был учиться по следующей программе:

- чтение, письмо, счет и устное чтение псалма Давида (2 года);
- пение (2 года);
- продвинутое пение (1 год);
- литургический танец (3 года);
- поэзия и право (5 лет);
- интерпретация Ветхого и Нового Заветов (4 года);
- интерпретация произведений церковных ученых и монахов (3 года);
- книга слепого (6 месяцев);
- история (1 год);
- ремесло, письмо, подготовка камня для письма, переплет книги, рисование (4 года), а также домоводство и ткачество (являлись обязательными для девушек) [9, с. 4].

Эфиопское церковное образование четырехступенчатое:

I. Нэбаб Бет (Дом чтения) – приравнивается к начальной школе.

II. Зема Бет (Дом мелодии) – приравнивается к средней школе.

III. Кыне Бет (Дом поэзии) – приравнивается к колледжу.

IV. Мэцхаф Бет (Дом книги) – приравнивается к университету.

К высшему учебному заведению относятся Кыне Бет (поэтическая школа) и Мэцхаф Бет (Дом книги) – школа комментариев к Священному Писанию, которая является высшей ступенью церковного образования. Только те ученики, которые с отличием оканчивают первые два заведения,

т.е. Нэбаб Бет и Зема Бет могут далее поступать в высшее учебное заведение.

1. Кыне Бет – «Дом поэзии»

После окончания первых двух ступеней «Нэбаб Бет» и «Зема Бет» ученик поступает в «Кыне Бет». Ученик должен уметь петь и читать на гызызе, а спустя некоторое время (2 семестра) он самостоятельно начинает писать простые куплеты на гызызе и приступает к сложной форме стихосложения в традиционном стиле. Для того чтобы приступить к сложной форме писания стихотворения, учащийся начинает изучать многочисленные духовные стихи, затем он переходит к главной цели занятия – ему показывают, как спрягаются гызызские глаголы и как употребляются те или иные глаголы и имена на примере различных стихов, которые тут же импровизируются учителем или студентом-старшекурсником. Здесь же повествуются истории и легенды о святых, чей праздник приходится на следующий день. Это дает студентам тему для составления стихов с использованием лексики и грамматических правил, уже объясненных на занятии.

Как правило, учащийся «Кыне Бета», который начинает самостоятельно писать стихи, встает ранним утром и идет в горы или в лес, где он может обдумывать свою композицию для следующего дня урока. Вечером он читает свои стихи вслух перед учителем и в присутствии других учащихся. После чтения вслух учеником учитель либо одобряет стихи, либо высказывает свои критические замечания и отправляет студента обратно для дальнейших размышлений. Днем все студенты собираются вновь и в общей дискуссии обсуждаются плоды работы, проделанной накануне.

Особенность «Кыне Бета» заключается в том, что в школе стихосложения учеников учат писать «Кыне», главным образом, на библейские темы, на сюжеты из жизни национальных святых и т.д. Здесь студент не просто пассивно воспринимает передаваемые ему знания, у него есть возможность обсуждать предлагаемую ему тему и работы своих то-

варищей. От него требуется оригинальность творчества. Студент, использовавший в своих стихах строчки чужих произведений, получает от своих друзей презрительное имя «коррадж» (плагиат). В.И. Платонов и С.В. Чернецов подчеркивали, что подобные требования, безусловно, пробуждают его творческую натуру, развивают самостоятельность мышления [8, с. 224]. Статус сочиняемой поэзии не должен противоречить общепринятым религиозным ценностям. Если студент в своих стихах противоречит или критически подходит к религиозным ценностям, его исключают из заведения.

Эфиопский исследователь Гирма Амаре в своей работе отметил, что изучение Кыне – это самое высшее точное выражение эфиопской культуры, которое характеризуется двусмысленностью, неопределенностью (смутностью) и таинством. Кыне может быть определено как искусство детектива и достигается посредством двух типов ритмики – «Семьна Ворк» (Воск и золото) и «Вусте Войора» (Крепкий как оливковое дерево), заключающих в себе наряду с явным один или несколько скрытых смыслов [4, с. 18]. Студент изучает Кыне 5 лет, после чего он становится специалистом. Выпускник такой школы находит рабочее место в церкви и начинает служить в хоре, где он составляет стихи и песни или занимает место младшего учителя или старосты в церкви. Кроме того, он будет заниматься перепиской книг.

Надо отметить, что Кыне, как правило, сочинялся на языке гыыз, но в последнее время форма кыне используется также при сочинении светских стихов на амхарском языке. Эта дисциплина в настоящее время в светской школе преподается на амхарском языке.

2. *Мэцхаф Бет* – «Дом книги». Это заведение приравнивается к университету. Здесь студент изучает общее писание, состоящее из четырех отделений (кафедры):

- «Бьлой Кидан» («Ветхий Завет») – здесь изучаются текст и комментарии из четырех книг Ветхого Завета;

- «Халдис Каидн» («Новый Завет») – изучаются 35 книг;

- «Лицацит» (святоотеческое) – здесь изучают и составляют текст комментариев различных святоотеческих писаний, например Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и др., изучаются и Каноническое право (Фетха Негест) и Календарные вычисления (Бахре Хасаб);

- Менекосат (Монашество) – последнее отделение, где изучают монашеские уставы и монастырскую литературу.

После завершения изучения Ветхого и Нового Завета студент осваивает Фетха Негест (Эфиопский традиционный кодекс), историю, литературу и астрономию; изучение ремесла и искусства также является частью учебной программы, хотя это не обязательно.

Что касается преподавания, обычно к преподавателю или к ликку (ученому) приходили по 3–4 студента, которые изучали один и тот же текст. Студент читал вслух фразу или текст. Преподаватель сначала переводил с языка гызыза на амхарский, затем давал комментарии. Поскольку не было достаточных письменных материалов, студенты обычно старались запоминать комментарии преподавателя. После студенты самостоятельно изучали тот же текст и комментировали его. Только тот учащийся, который выдерживал проверку, мог перейти к следующему испытанию (экзамену).

Теперь немного расскажем о быте студенческой жизни. Большинство студентов обучается, добывая средства к существованию путем попрошайничества. Как правило, район (губерния), в котором живет студент, оказывает ему помощь.

Выпускник Мэцхаф Бет общепризнанный известный ученый и может занимать высшие посты в церковной иерархии, такие как глава монастыря или собора.

Преподавателями Мэцхаф Бет может стать только тот, кто имеет высшее церковное образование (7 лет) и стаж ра-

боты, обязательно знает молитвы и ритуалы церкви. Кроме того, он должен превосходить своих студентов мудростью, прочей житейской тонкостью и т.д.

На протяжении многих веков эфиопская церковь находилась в привилегированном положении и пользовалась значительным влиянием в стране. Церковь, являясь одним из наиболее могущественных традиционных институтов, играла важную роль в социальной, политической и культурной жизни страны.

Кроме того, Церковь располагала большой духовной властью, влияя на разум людей, формируя общественное сознание и культуру. Духовные руководители Эфиопии, как и в других странах мира, были консервативными, они в основном выпускали молчаливого, неуверенного в своих действиях, замкнутого студента. Выпускник никогда не задавал вопросов: «Почему?», «Как?» и т.д., не спорил с учителем. Кроме того, он не имел права критиковать церковную догму. Тех, кто спорил, просто отчисляли.

Методика преподавания на всех стадиях образования основана на заучивании и повторении. Хотя это способствовало развитию памяти ученика, но не будило в нем стремления к познанию и исследованию. Таким образом, церковное образование имело целью воспитывать послушного, приверженного к церкви человека, а не расширять его мировоззрение.

За свое длительное существование Эфиопская христианская церковь не подготовила ученых, которые сыграли бы видную роль в развитии экономики страны. Заслугой церковного учебного заведения больше являлось сохранение традиций и культуры народов Эфиопии. Кроме того, при церкви и в монастырях хранится множество ценных книг, интересных и необходимых в различных областях науки, – по истории, традиционной медицине, астрономии, магии и др., и произведения искусств.

Несмотря на свои недостатки, церковные учебные заведения и по сей день работают в полную силу и продолжают играть большую роль в ликвидации неграмотности.

К концу XIX в. императором Менеликом II было разрешено создавать европейские миссионерские школы, что послужило началом появления современной европейской системы образования в Абиссинии. В то же время исламские школы предложили свою систему обучения для небольшой части мусульманского населения.

В начале двадцатого столетия отказ представителей системы образования от учета потребностей людей, вовлеченных в политику, торговлю, и промышленность привел к введению спонсируемого правительством светского образования. Первая светская общественная школа была открыта в Аддис-Абебе в 1907 г., а год спустя – светская начальная школа в восточном районе города Харары. Иностранные языки, арифметика и элементарные науки наряду с амхарским языком и религиозными предметами преподавались на французском языке ограниченному числу студентов.

В 1925 г. Правительство приняло план расширить светское образование, но десять лет спустя насчитывалось только 8000 школьников, зарегистрированных в двадцати общественных школах. Также несколько студентов, получая государственные стипендии, учились за границей во время итальянской оккупации 1936–1941 гг. Школы были закрыты. После восстановления эфиопской независимости они открылись вновь, но система столкнулась с отсутствием учителей, учебников и учебных учреждений. Правительство, чтобы компенсировать нехватку учителей в начальных и средних школах, приняло на работу иностранных учителей. После войны, к 1952 г., в общей сложности было 60 тыс. школьников, обучавшихся в 400 начальных школах и в одиннадцати средних школах, а также в трех колледжах

В 1960-х гг. было зарегистрировано 310 общественных школ (миссионерские и частные), входившие в государ-

ственную систему образования, в которых обучалось 52 тыс. школьников.

В мае 1961 г. Эфиопия в Аддис-Абебе принимала конференцию Организации Объединенных Наций, которая обсудила позицию «африканских государств по вопросам развития образования». Конференция выдвинула в первый же день план преодоления образовательного дефицита в системе образования Эфиопии. Было отмечено, что в сфере начального и среднего образования страна занимает последнее место среди африканских стран. В Эфиопии не хватает учителей, высокий процент отсеявшихся и низкий уровень посещаемости (приблизительно 10% среди всех детей школьного возраста в стране), особенно среди девушек, нехристиан и сельских детей. Под патронажем ЮНЕСКО была принята и начала осуществляться программа ликвидации неграмотности. Министерство образования разработало новую политику образования, которая реализовывалась вплоть до революции 1974 г. Был разработан план развития, реализованный в ходе выполнения второго и третьего и пятилетнего плана (1962–1973 гг.), когда Правительство отдало предпочтение созданию технических учебных заведений, хотя и академическое образование также расширялось. Амхарский язык стал языком обучения для всего первичного цикла, для каждого ребенка, независимо от родного языка.

В соответствии с пересмотренной системой для младших классов и средних школ была предложена общая академическая программа, а для школьников, желавших продолжить свое образование по профессионально-техническому направлению, предусматривались двухлетние программы обучения. Также было увеличено количество технических и профессиональных учебных заведений. Еще были разработаны учебный план и программа для четырехлетних старших и средних школ, готовивших школьников к получению высшего образования в Эфиопии или за рубежом. В это же время существовало два учреждения высшего обра-

зования: Университет в Аддис-Абебе, сформированный императором Хайле Селассие I в 1961 г., и частный Университет в Асмэре, основанный по заказу Римско-католической церкви, базирующейся в Италии. Между 1961 и 1971 гг., правительство расширило систему государственных школ более чем в четыре раза и объявило развитие всеобщего начального образования своим главным приоритетом.

В результате уже в 1971 г. было 1300 начальных и средних школ и 13 000 учителей и количество желающих стать государственными школьниками достигло 600 тыс. человек. Кроме того, много семей послали своих детей в школы, которыми управляли миссионерские группы и частные агентства. Но в целом система страдала от нехватки квалифицированных кадров и отсутствия средств. Так, при финансировании за счет иностранной помощи обычно строительство школы происходило быстрее, чем обучение и сертификация учителей. С другой стороны, многие учителя не оставались долго в этой профессии и программы, такие как «Корпус мира США», или программы Национальной службы не решали проблемы, поскольку учителями становились студенты университетов, которые проходили преподавательскую практику только в течение одного года после завершения первого курса вузов. Кроме того, большинство школ располагалось в крупных городах. Переполненные и неукomплектованные, школы в маленьких городах и сельской местности не могли обеспечить должного уровня образования.

Недостатки государственного образования до середины 1970-х гг. были вызваны отчасти системой финансирования школ. Чтобы финансировать начальное образование, правительство наложило специальный налог на сельскохозяйственные земли. Система способствовала расширению начального образования в более богатых регионах, а не в более бедных. Городские жители, которые не должны были платить налог, посылали своих детей за счет налогоплательщиков – сельских землевладельцев и бедных крестьян, что

вызывало недовольство. Правительство попыталось исправить этот дисбаланс в 1970 г. путем введения налога на развитие образования на городских помещиков и 2-процентного налога на личные доходы городских жителей. Но Министерство финансов рассматривало лишь средства, собранные в рамках общего дохода, и никогда не проводило деньги по их прямому назначению. По сравнению с 3–6% ВВП расходов на образование в других африканских странах того периода, затраты Эфиопии составили только 1,4–3% ВВП. В результате массовое возмущение нараставшим кризисом системы образования стало одним из факторов падения императорского режима. После февральской революции 1974 г. в первом программном заявлении была провозглашена общенациональная идеологическая и политическая платформа армейской революционной демократии «Эфиопия прежде всего» [12, с. 321].

Перед новым руководством встал целый ряд насущных проблем, от решения которых зависело дальнейшее социальное и экономическое развитие страны. Чтобы вывести страну из глубокого кризиса и поднять жизненный уровень населения, необходимо было осуществить радикальные преобразования: расширить производство, провести аграрную реформу, поднять культурный уровень народа. Все эти вопросы неразрывно связаны с развитием всех ступеней системы образования, с подготовкой национальных кадров самых разных профессий.

Развитие этого процесса сдерживала неграмотность детского и взрослого населения (в стране насчитывалось 93% неграмотных). В результате проведенных мер с конца 1975 г. проводилась кампания под названием «Зэмэча», что означает труд или (развитие) через сотрудничество, в которых принимали участие широкие слои интеллигенции, политические и общественные деятели. Армия, преподаватели, студенты, учителя, школьники, работники печати и государственных учреждений в соответствии с программами этой кампании

были направлены в деревню – всего более 60 тыс. человек, прежде всего для обучения крестьян грамоте, а также для осуществления аграрной реформы, оказания медицинской помощи, подготовки населения к участию в реализации принятых реформ. К 1985 г. удалось обучить грамоте многих взрослых, было открыто много школ, улучшено и развито школьное образование. А процент неграмотного населения сократился [10, с. 5]. С этого времени можно говорить о качественных и количественных изменениях в сфере образования в Эфиопии.

Один из важных этапов развития Эфиопии связан с появлением системы современного высшего образования. История современного высшего образования началась с основания университетского Колледжа Аддис-Абебы 20 марта 1950 г. В конце 1950-х гг. в нем обучалось около 1000 студентов и работало 50 преподавателей. Большинство учителей были иностранцами. Колледж сельского хозяйства и механических искусств, Колледж разработки в Аддис-Абебе, Институт строительной техники, Колледж здравоохранения Гондэра, Колледж богословия Святой Троицы, Педагогический Колледж в Котебе и Политехнический институт в Бахири-Дар были открыты в 1960-х гг.

В 1961 г. большинство колледжей в стране было реорганизовано и включено в состав университета Хайле Селассие I. С началом социалистической революции в 1974 г. название университета было изменено на «Университет Аддис-Абебы» (AAU). На обучение в вузы и получение высшего образования каждый год набирали приблизительно 13–15% из числа закончивших среднюю школу [12, с. 316].

Но уже в 1998–1999 учебных годах в общей сложности насчитывалось 27 345 регулярных студентов в учреждениях высшего образования. 15,6% студентов составили женщины. Число дипломированных специалистов в 1999 г. было 6111, из них 14,1% – женщины.

За последние десять лет во всех регионах Эфиопии открылись 21 государственный и несколько новых частных университетов, сотни институтов и колледжей были аккредитованы Министерством образования. В общем счете в Эфиопии к концу 2000-х гг. действовало 129 высших учебных заведений, в каждом из которых училось от 2000 до 30 тысяч человек или в целом – 220 тыс. студентов. Из них 26% обучалось в частных и 74% – в государственных вузах [7, с. 117–119].

Высшее образование в Эфиопии финансируется главным образом правительством через Министерство финансов. Приблизительно из 6% бюджета на образование 12% выделены на развитие высшего образования. Из текущего бюджета приблизительно 50% идет в фонд зарплаты. За последние годы стоимость обучения в Эфиопии увеличилась. Например, один час кредита в Университете Аддис-Абебы стоит 38 быри (денежная единица Эфиопия) или 5 долл. США. Плата за обучение иностранных студентов за два года, в зависимости от направления, составляет от 1000 до 2000 долл. США. Научный исследователь в эфиопских учреждениях высшего образования тратит 75% времени на обучение и 25% на исследовательскую работу. Те, кто работают в научно-исследовательских институтах, тратят 25% на обучение и 75% – на исследовательскую работу [11, с. 30, 31].

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что в Эфиопии, как и полвека тому назад, продолжают соседствовать традиционный и современный секторы образования.

Л и т е р а т у р а

1. *Балашова Г.А.* Современная драматургия Эфиопии. – М.: Институт Африки РАН, 2008.
2. *Райт В.М.* Народы Эфиопии. – М.: Институт Африки РАН, 1965.
3. Гебеху Демисе, церковное образование в Эфиопии / Неопубликованная рукопись на Амхарском языке. – 1994.

4. *Teshome G. Wagaw* Education in Ethiopia, prospect and retrospect // The university of Michigan press. – 1979. – № 13. – P. 10–13.
5. *Pankhurst S.* Ethiopia: a cultural History. – London, 1955.
6. *Gobat S.* Journal of three years residence in Abyssinia. – London, 1948.
7. Ministry of Education.: Education statistics annual abstract 2006-2007. – 2008.
8. Культура народов Востока. – Кн. 1. – М., 1987.
9. *Кассае Ныгусие В. Микаэль.* Традиционное церковное образование в Эфиопии. – М., 2006. – 7 с. // <http://www.Africana.ru>
10. *Зерихун Кебеде Мазенгия.* Проблемы ликвидации неграмотности в Эфиопии и роль СМИ (1974–1985 гг.) // Автореферат УДН. – М., 1994.
11. A study on human capacity building needs analysis of Ethiopian new public universities (NPU), Final Report: Vrije universities of Amsterdam. – 2008.
12. *Дамтеву Тафerra.* Африканское высшее образование // В прессе университета Индианы. – 2003 (на англ. яз.).

*Л.В. Пономаренко,
Е.Г. Зуева*

**ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ
ДЛЯ СТРАН АФРИКИ В РУДН
(краткий очерк)**

Для тех, кому особенно близок Университет, кто работал здесь и учился, кто знает его историю не понаслышке, некоторые факты его рождения и развития являются настолько хрестоматийными, что на встречах выпускников возник своеобразный священный обычай их воспоминания – в этом наблюдается желание передать драгоценную память следующим поколениям студентов, связывающим свою судьбу с Университетом.

1960-й год вошел в историю как «Год Африки», в котором на карте континента появилось 17 новых суверенных государств. С молодыми освободившимися африканскими странами Советский Союз выстраивал свои отношения, учитывая не только интересы обеих сторон, но и общую ситуацию на международной арене – тогдашний раздел мира на два противоположных лагеря. Это противостояние заставляло руководство мировых держав, прежде всего СССР и США, думать не только о военном превосходстве и гонке вооружений, но и о наибольшем количестве союзников, поддерживающих их курс и шаги на мировой арене. Поэтому освободившиеся от колониальной зависимости страны Африки и Азии рассматривались ими, прежде всего, как потенциальные союзники.

Новому миру, зачастую имевшему о нашей стране не полные и подчас неправильные представления, мы должны были заново рассказывать об СССР, чтобы зарекомендовать себя выгодным и надежным партнером. Во всех областях международного сотрудничества, разумеется, мы представ-

ляли только лучшие свои качества и достижения. Безусловно, мы руководствовались своими политическими интересами, но кто же поступает иначе?

Таким образом, геополитические и идеологические цели сотрудничества были очевидны. Для развития взаимных связей с молодыми независимыми государствами разрабатывались особые политико-экономические программы в рамках государственных структур, формировалась соответствующая правовая база.

Реализация эффективного международного сотрудничества в новых исторических условиях требовала высокообразованных, подготовленных людей, а в освободившихся странах практически не было своих национальных квалифицированных кадров. Тогда Советский Союз и предоставил молодым государствам широкую возможность подготовки специалистов в своих вузах. Правы те, кто говорит и о пропаганде социализма, и об идеологической подготовке, которую получали приезжавшие на учебу в СССР африканцы. Но значительной частью этой «пропаганды» было кропотливое воспитание подлинного духа интернационализма, той самой дружбы народов, которая способствовала взаимопониманию между странами, разными культурами, народами и этносами, не давала разрастаться расизму, сегрегации, конфликтам на национальной и религиозной почве. Только сегодня мы понимаем и по достоинству оцениваем ту широкомасштабную, кропотливую работу советских преподавателей в воспитании общечеловеческих культурных ценностей у людей разных национальностей, осознаем правильность тех интернациональных позиций, на сегодняшний день, к сожалению, во многом утраченных, и так трудно восстанавливаемых.

Мало кто сегодня вспоминает о том, что во всех африканских странах накануне или после обретения независимости была катастрофическая нехватка образованных да и просто грамотных людей. Некоторые метрополии (такие как Бельгия, Португалия, а также правящее белое меньшинство

на Юге Африки) проводили политику ограничения доступа африканцев к получению образования, особенно высшего. Например, в Бельгийском Конго – родине Патриса Лумумбы, чье имя почти 30 лет носил наш Университет, – накануне получения независимости в 1960 г. насчитывалось лишь около двух десятков африканцев, получивших образование в Европе, и около 400 человек, окончивших центры с программой высшей школы в Конго, получивших квалификацию медиков-ассистентов, техников по сельскому хозяйству и т.п. [1, с. 32].

В подавляющем большинстве африканских стран накануне независимости была очень незначительная прослойка интеллигенции. Для наглядности можно привести такие цифры: в Тропической Африке в 1950-е гг. школьным образованием было охвачено лишь 3% детей; в Судане накануне независимости в 1956 г. на 12 млн населения было всего лишь 380 тыс. учащихся; в конце 1950-х гг. в Египте 80% населения было неграмотно, в Сенегале – 63%, в Гвинее-Бисау – 99,7%. В начале 1960-х гг. на 100 тыс. населения в Нигерии было 10 образованных специалистов, в Гане – 8, в Сенегале – 3, в Гвинее – 2. К началу 1970-х гг. в число лиц с научными степенями в расчете на 100 тыс. человек населения составляло: 37 – в Северной Америке, 13 – в Европе, 3 – в странах Ближнего и Среднего Востока, 2 – в Азии и только 0,2 – в Африке [2, с. 326].

А вот рассказ В.Л. Василевского, долгое время проработавшего в качестве проректора по работе со студентами УДН, а затем декана подготовительного факультета Университета.

«Когда я работал на подготовительном факультете МГУ в 1960 г., рассказывали такую байку. Одним из первых африканских лидеров, побывавших в СССР, был гвинейский президент Ахмед Секу Туре. Высшее руководство нашей страны после переговоров с ним предложило принять на обучение в вузах СССР несколько десятков гвинейцев. Осе-

нью позвонили на подготовительный факультет от Н.С. Хрущева, чтобы справиться, сколько приехало гвинейских граждан. Узнав, что приехало трое, Никита Сергеевич, с присущей ему импульсивностью, обратился к нашему послу в Конакри с претензией – где же десятки гвинейских студентов? Ответ был прост: полный курс средней школы в этом году закончили 16 человек» [3, с. 75].

Не удивительно поэтому, что, при всей своей «идеологизированности», вклад Советского Союза в подготовку кадров специалистов разного уровня и направлений, а также в строительство национальных систем образования в африканских странах трудно переоценить. Это действительно то, чем по праву могут гордиться наша страна и наш Университет.

В свете того, что было сказано об интересах СССР на мировой арене, о привлечении на свою сторону как можно большего количества стран-союзников, в том числе из числа освобождавшихся от колониальной зависимости стран Африки, оказании помощи в подготовке специалистов для развивающихся стран, – идея создания вуза, специально нацеленного на решение всех этих задач, просто витала в воздухе. Впервые ее озвучил глава Советского государства – Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.С. Хрущев во время своей поездки в страны Азии в феврале 1960 г., в речи перед студентами и преподавателями Университета «Ладжо Мадо» г. Джакарты (Индонезия). Также инициаторами создания университета и учредителями были Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

После объявления и публикации условий приема в Университет на начало апреля 1960 г. поступило большое количество заявок из 72 стран, в том числе из африканских стран их пришло 26.

Старожилы Университета рассказывают такой случай. В 1960 г. советская китобойная флотилия «Слава» стояла на рейде у берегов Сьерра-Леоне. Матросы встречались с молодежью этой африканской страны и рассказывали им об открытии Университета дружбы народов в Москве. Вероятно, это случайное совпадение, но первый иностранный студент, приехавший на учебу в Университет, был сьерра-леонец – Ахмед Мурад Таки – обладатель студенческого билета № 1 (он окончил медицинский факультет в 1966 г.)

Главной целью Университета в момент его создания была подготовка высококвалифицированных кадров для развивающихся стран, подготовка специалистов для научно-исследовательской и педагогической работы.

17 ноября 1960 г. в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное собрание, посвященное открытию УДН. В своей речи Н.С. Хрущев, в частности, сказал: «Открывая университет, мы хотим только одного – помочь другим странам в подготовке высококвалифицированных кадров... Пусть молодые люди из этих стран приезжают в Москву, учатся, постигают современную науку и культуру, живут и воспитываются во взаимном уважении друг к другу... Мы обеспечим все возможности для приобретения знаний» [4, 18.11.1960].

С самого начала своего существования Университет был тесно связан со странами Африки. 1960 год – год его основания – также вошел в историю как Год Африки. А 22 февраля 1961 г. Университету было присвоено имя Патриса Лумумбы. Образ П. Лумумбы возвращает нас в период становления Университета дружбы народов, когда закладывались главные его принципы – культ науки и образования, высокий профессионализм; когда формировались его основы и традиции – уважение к культуре других народов, дух добра и взаимопомощи.

Патрис Эмери Лумумба – национальный герой конголезского народа (бывшее Бельгийское Конго, затем Заир,

ныне Демократическая Республика Конго) – сыграл уникальную роль в национально-освободительном движении своей родины и африканского континента в целом.

Выходец из простой крестьянской семьи, он прошел путь от рядового участника антиколониального сопротивления до главы правительства независимого государства. На становление и генезис его сложного и подчас весьма противоречивого мировоззрения большое влияние оказали самые различные общественно-политические учения: и идеология африканского традиционализма, и различного рода социалистические теории. Однако сегодня очевидно, что особую роль в формировании взглядов П. Лумумбы сыграл панафриканизм, идеи и лозунги которого в тот исторический период отражали демократический дух объединения африканских народов в борьбе за независимость. Следует особо отметить, что политические цели и идеологические взгляды, программы действий Патриса Лумумбы формировались и корректировались непосредственно в ходе крайне острой и напряженной борьбы за национальное освобождение на базе национализма, имевшего яркую антизападную направленность.

Главную суть воззрений П. Лумумбы можно коротко свести к следующим основным положениям: в независимом государстве необходимо осуществить радикальную экономическую реформу, в основе которой лежала бы ликвидация нищеты, неравенства и причин, их порождающих; во внутри- и внешнеполитическом плане следует создавать независимое, единое, целостное и неделимое Конго; проводить политику с опорой на панафриканизм и принципы неприсоединения.

Своеобразное понимание демократии, беспредельная преданность интересам своей родины, подчас утопическое стремление удовлетворить то ли вековые чаяния, то ли насущные запросы простых конголезцев, своеобразный антиимпериализм, стремление построить в Конго общество, исключаящее эксплуатацию человека человеком, – таковы

наиболее характерные черты социально-политической платформы П. Лумумбы. Этими принципами и программными установками он руководствовался, будучи во главе освободительного движения конголезского народа и находясь на посту премьер-министра первого национального правительства страны.

Однако, отмечая огромный вклад П. Лумумбы в дело антиколониальной борьбы, не следует закрывать глаза и на определенные и неизбежно слабые стороны его стратегии и тактики. Идеология африканского национально-освободительного движения, не представлявшая в тот исторический период единого целого, формировалась под влиянием разнообразных, порой противоречивых факторов внутреннего и внешнего порядка. В связи с этим лидерам национально-освободительного движения стран Африки, в том числе и П. Лумумбе, было свойственно эклектичное, противоречивое соединение элементов различных теорий и учений в своей идеологии. В деятельности П. Лумумбы, возможно, это проявилось наиболее ярко и трагично. По прошествии многих лет становится также очевидным, что эволюция мировоззрения и политических взглядов П. Лумумбы в ходе чрезвычайно острой освободительной борьбы происходила необычайно быстро, и будь у него время, он, несомненно, пришел бы к более осознанному пониманию исторической и политической ситуации, к более правильной и критической оценке сложнейших вопросов развития африканского постколониального общества.

История поставила перед Патрисом Лумумбой сложные задачи. Начав их осмысление, он не успел дать на них исчерпывающие ответы, у него просто не было для этого достаточно времени. За короткий исторический срок он не успел воплотить в жизнь всех своих планов и устремлений, но его деятельность, его воззрения не потеряли и сегодня своего значения.

Выступая на митинге, посвященном трагической гибели Патриса Лумумбы, первый Ректор Университета дружбы народов Сергей Васильевич Румянцев отмечал: «Горячую симпатию вызывала и вызывает сама личность Лумумбы – человека из народа, смелого борца за национальное освобождение, горячего поборника дружбы народов всего мира» [5, с. 119].

Итак, в 1960 г. на карте африканского континента появилось 17 новых независимых государств, которые активно стали использовать предоставившуюся им возможность подготовки квалифицированных кадров в новом советском вузе.

Приезжавшие в СССР иностранные студенты не знали русского языка, для чего в структуре Университета появился подготовительный факультет (со сроком обучения от 1 до 3 лет).

В 1960 г. Совет Университета зачислил в состав студентов подфака 539 граждан из 59 стран Азии, Африки и Латинской Америки. Среди них было 64 африканских студента из 9 стран континента [6, с. 5]. Самые большие группы приехали из Сьерра-Леоне и Нигерии. Из СССР было принято 57 студентов.

Занятия на подготовительном факультете начались 1 октября 1960 г., а на основных факультетах – 1 сентября 1961 г. Тогда в структуре УДН было 6 факультетов: инженерный, сельскохозяйственный, физико-математических и естественных наук, историко-филологический, экономики и права (со сроком обучения 4 года) и медицинский (со сроком обучения 5 лет). Весной 1961 г. были утверждены первые стабильные учебные планы по 14 специальностям и 34 специализациям. Соотношение советских и иностранных студентов равнялось 1:5-6. Обучение, медицинское обслуживание и проживание в общежитии были бесплатными, а также студенты ежемесячно получали стипендию. Кроме этого,

Университет оплачивал расходы на проезд абитуриентов в Москву и их отъезд на родину.

За 50 лет УДН/РУДН выпустил более 7 тыс. высококвалифицированных специалистов для 48 стран Африки.

За весь указанный период наиболее широко представленными в подготовке кадров в УДН/РУДН были Нигерия, Эфиопия, Танзания, Бенин, Мали, Кот-д'Ивуар, Кения, Ангола, Судан, Гана. Для каждой из этих стран Университет подготовил более 200 специалистов.

В 2000-е гг. на учебу в РУДН наибольшее количество студентов приезжает из Танзании, Анголы, Нигерии, Гвинеи-Бисау. Меньший приток учащихся наблюдается из Эфиопии, Маврикия, Кот-д'Ивуара, Замбии, Экваториальной Гвинеи. Безусловно, в странах Африки необходимо активизировать рекламную и разъяснительную работу.

С начала 1960-х гг. в УДН стали обучаться представители следующих африканских стран: Ангола, Кот-д'Ивуар, Бенин, Гана, Гвинея-Бисау, Танзания, Камерун, Кения, Конго, Мали, Нигер, Нигерия, Руанда, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Того, Эфиопия, Судан. Студенты поступали в Университет на основе государственных двусторонних соглашений, а также по линии общественных организаций, партий и освободительных движений. (Например, из Анголы – по линии партии МПЛА, из Гвинеи-Бисау – по линии партии ПАИГК и др.)

В 1970-е гг. из стен Университета выходят первые выпускники из Мадагаскара, Сомали, Бурунди, Чада, Буркина-Фасо, Экваториальной Гвинеи, Лесото, Ботсваны, Гамбии, Центральноафриканской Республики, Габона. Первые выпуски студентов из Сан-Томе и Принсипи, Замбии, Малави, Либерии, Джибути, Свазиленда, Сейшельских Островов состоялись в 1980-е гг., а в 1990-е гг. в УДН появляются выпускники из Кабо-Верде.

Раньше прием африканских студентов осуществлялся преимущественно через советские посольства в странах Аф-

рики. В настоящее время прием производится через направления Минобразования РФ, рекомендации студентов и выпускников, Ассоциации выпускников, представительства Росзарубежцентра, посольства африканских стран в Москве.

В регионе Западной Африки Университетом наибольшее количество специалистов подготовлено для Нигерии, Бенина, Кот-д'Ивуара, Мали, Ганы. С отрывом от них идут Сьерра-Леоне, Гвинея-Бисау.

Для Нигерии Университетом подготовлено абсолютное большинство специалистов – более 500 чел. по всем специальностям.

Прием на учебу студентов из Бенина осуществляется с 1960 г., подготовлено более 250 чел.

Студентов из Кот-д'Ивуара Университет принимает с 1961 г. и подготовил более 250 выпускников.

Представители Мали появляются в самых первых выпусках. Всего Университет подготовил более 250 специалистов.

Прием на учебу студентов из Ганы осуществляется с 1960 г. и за этот период прошли обучение и закончили РУДН более 200 чел.

Представители Сьерра-Леоне появляются в самых первых выпусках. Всего Университетом для этой страны подготовлено более 100 специалистов.

Студенты из Гвинеи-Бисау появляются в первых выпусках. В середине 2000-х гг. в Университет была принята большая целевая бюджетная группа студентов из этой страны. Всего подготовлено более 100 чел.

В регионе Восточной Африки наибольшее количество специалистов Университет подготовил для Эфиопии, Танзании и Кении. С отрывом от них идут Руанда, Мадагаскар, Маврикий, Уганда.

Прием на учебу студентов из Эфиопии осуществляется с 1960 г. За этот период прошли обучение и закончили РУДН более 400 чел.

Первые студенты из Танзании поступают на учебу в Университет в 1960 г. Для этой страны РУДН подготовил около 400 специалистов. В 2000-е гг., как правило, одни из самых больших групп студентов приезжают именно из этой страны.

Представители из Кении учатся в УДН с 1960 г. Университет подготовил для этой страны более 250 выпускников.

Представители Руанды появляются в Университете с начала 1960-х гг. В общей сложности Университет подготовил для этой страны более 150 специалистов.

Студенты из Мадагаскара учатся в Университете с середины 1960-х гг., подготовлено более 100 специалистов.

Прием на учебу студентов из Маврикия осуществляется с 1966 г. За этот период прошли обучение и закончили РУДН более 100 чел.

Выпускники из Уганды появляются в первых выпусках, подготовлено около 100 специалистов.

В регионе Центральной Африки Университет подготовил больше всего специалистов для Народной Республики Конго, Чада и Камеруна.

Прием на учебу студентов из Народной Республики Конго осуществляется с 1965 г. За этот период прошли обучение и закончили РУДН около 200 чел.

Первые студенты из Чада приехали в Университет в 1963 г. РУДН закончило около 150 студентов.

Студенты из Камеруна учатся в УДН с 1960 г. За этот период прошли обучение и закончили Университет более 100 человек.

Прием студентов из Демократической Республики Конго (бывший Заир) осуществляется с 1960 г. РУДН подготовил для этой страны около 70 выпускников.

В регионе Южной Африки Университет подготовил большое количество выпускников для Анголы, Намибии, Зимбабве, ЮАР, Замбии.

Прием на учебу студентов из Анголы осуществляется с 1961 г. Университет для этой страны подготовил более 200 человек.

Студенты из Намибии появляются в УДН в 1960 г. За этот период прошли обучение и закончили РУДН около 80 человек. В середине 1970-х гг. появляются студенты, рекомендованные СВАПО.

Студенты из Зимбабве стали приезжать в Университет с 1965 г., подготовлено более 70 человек.

Первые студенты из ЮАР приехали на учебу в Университет в 1960 г. Подготовлено около 60 специалистов. В начале 1970-х гг. появляются студенты, рекомендованные АНК.

Прием на учебу студентов из Замбии осуществляется с 1977 г. За этот период подготовлено около 60 специалистов.

Итак, после Второй мировой войны подготовка специалистов для зарубежных стран стала важной составляющей во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, как СССР, так и России.

К концу 1990-х гг. в образовательных учреждениях нашей страны проходило обучение более 120 тыс. иностранных граждан, в то время как общая численность выпускников-иностранцев советских высших и средних специальных учебных заведений превысила 500 тыс. человек. Контингент иностранных учащихся из стран африканского континента составлял приблизительно четверть от этого числа.

Вся образовательная деятельность Советского Союза несла в себе огромный гуманистический потенциал и была по своей сути безвозмездной помощью развивающимся странам в деле подготовки национальных кадров, так как многие страны, направлявшие в СССР своих граждан для получения образования, начиная с 1960-х гг. и вплоть до начала XXI в. не имели собственных возможностей для их подготовки и были вынуждены обеспечивать свою промышлен-

ность, сельское хозяйство, образование, науку и культуру иностранными специалистами. Кроме того, подготовка кадров для зарубежных стран во многих случаях имела целевой характер, так как специалисты готовились для сотен объектов, сооружаемых в этих государствах при экономическом содействии СССР, что было особенно характерно для стран Африки социалистической ориентации.

Ежегодная ротация (прием/выпуск) иностранных студентов в российских вузах на начало 1990-х гг. составляла 20–25 тыс. чел. РСФСР, как республика СССР, несла основную нагрузку в подготовке иностранных специалистов. В авангарде данного процесса, в силу своего политического предназначения и предначертанной ему Миссии, был и остается УДН/РУДН. В системе отечественной высшей школы наш вуз традиционно имел автономный статус, что позволяло ему самостоятельно осуществлять международную деятельность и набор на обучение иностранных граждан. Квота для приема иностранных студентов в РУДН составляла порядка 600–700 мест ежегодно, при этом контингент из стран Африки (около 40 стран) занимал от 150 до 200 мест в год. Данное положение являлось планом государственного приема и неуклонно выполнялось.

В силу объективных причин в 1990-е гг. количество принимаемых на учебу иностранных граждан и, следовательно, контингент иностранных учащихся в образовательных учреждениях России значительно уменьшились. Отечественные вузы, и РУДН прежде всего, оказались среди «игроков» на международном рынке образовательных услуг, в фактически новой для себя среде обитания. Выход на международный образовательный рынок, жесткая конкурентная борьба за иностранных учащихся потребовали от органов управления российским образованием, от российских вузов умений и знаний в области маркетинга образовательных услуг, а также консолидации усилий в этой борьбе. Начиная с 1992 г. РУДН стал «законодателем моды» среди российских

вузов в сфере организации международной деятельности и набора иностранных студентов. Причиной тому и основополагающими факторами стал многолетний опыт автономной деятельности и профессиональные наработки специалистов РУДН. Несмотря на отмену «бюджетного» приема (с 1992 по 1997 г.), РУДН не снизил численность своего ежегодного набора и смог, хоть и не в полном объеме, сохранить контингент иностранных учащихся, но с поправкой на региональное распределение его численности и на контрактную (платную) основу обучения большинства иностранных студентов. РУДН выступил также инициатором и зачинателем ряда совместных с другими российскими вузами акций и мероприятий при проведении маркетинга российского высшего образования в зарубежных странах. Это позволило Университету существенно укрепить свои позиции в странах набора, что выразилось в создании ряда «опорных пунктов» в странах Африки и Азии, заключении договоров с заказчиками и поставщиками иностранных студентов, создании целой сети агентств по набору в РУДН. В результате вуз смог сохранить динамику набора из государств Африки и Азии.

На протяжении ряда лет, начиная с середины 1990-х гг. и вплоть до 2008 г., количество принимаемых в РУДН граждан стран Африки поддерживалось на уровне от 150 до 200 человек в год [7]. К сдерживающим факторам можно отнести ограниченное число мест в общежитии и комплектование контингента РУДН в пользу бурного развития приема российских граждан, особенно из автономий РФ.

В 2000-е гг. африканский регион прочно удерживает второе место после Азии по объемам ежегодных приемов студентов и по их суммарному количеству. Здесь следует также напомнить, что по азиатскому региону основная доля абитуриентов и общего числа студентов приходится (что кажется вполне естественным) на Китай, тогда как в Африке партнеры РУДН более или менее равномерно распределены

по всей территории континента. В 2000-е гг. в РУДН ежегодно обучается от 800 до 1000 африканских студентов [8].

Что касается приема африканских граждан в аспирантуру на разные факультеты, то в 2000-е гг. в среднем в год поступало 12 чел. (самое большое количество в 2005 г. – 16 чел.)

Африканские страны до какого-то времени имели преимущество, основанное на богатых природных ресурсах и дешевой рабочей силе, которые в последнее время существенно обесценились. Современный мир – это мир, где большое значение приобрели наукоемкие технологии и производства, поэтому неуклонно возрастает значение интеллектуального труда. Развитие ресурсосберегающих технологий, информационная экономика, превращение науки в фактор повышения производительности труда – черты современности, к которым Африка пока имеет малое отношение, но обязательно должна стремиться, если не хочет выпасть из мирового глобального экономического пространства. В настоящее время высшее образование, более чем когда-либо, становится фактором социально-политического и общественного развития. Интеллектуализация труда предполагает качественную подготовку специализированных кадров – именно в этом африканским странам сегодня может активно содействовать Россия и Российский университет дружбы народов.

Л и т е р а т у р а

1. *Пономаренко Л.В.* Патрис Лумумба: Жизнь во имя свободы Африки. – М.: Изд-во УДН, 1989.
2. СССР и страны Африки (Дружба, сотрудничество, поддержка антиимпериалистической борьбы). – М.: Мысль, 1977.
3. *Василевский В.Л.* Первые годы УДН // Российский университет дружбы народов – 40 лет: история и современность: Материалы V Международной научно-практической конференции. – М.: Изд-во РУДН, 2000.
4. Газета «Правда».

5. С.В. Румянцев: ученый, организатор, человек: Сб. – М.: Изд-во РУДН, 2003.
6. 10 лет Университету дружбы народов. – М.: Изд-во УДН, 1970.
7. Материалы Отдела приема и информации РУДН (В.А. Конник).
8. Материалы Международного отдела РУДН (В.И. Калыгин).

РЕЗЮМЕ

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

Следзевский И.В. Развитие или антиразвитие? Африканский вызов современной теории развития

В статье рассматриваются вопросы теории модернизации в контексте трансформации постколониальной Африки, движения африканского общества от традиционного к современному. Отмечено, что негативные оценки потенциала развития африканских стран никак не согласуются с очевидными проявлениями социальной энергии, культурного творчества, расширяющегося неформального сектора экономики и феномена структурного (эволюционного?) сдвига при сохранении примерно того же уровня сложности социального целого.

Косухин Н.Д. Политический плюрализм и особенности становления многопартийной системы в Африке

В статье раскрываются теоретические подходы к проблеме политического плюрализма, взгляды некоторых видных представителей этой доктрины. Особое внимание акцентируется на полиэтнические общества в африканских странах, где начался процесс становления многопартийности, включая Нигерию, Мали, Камерун, Республику Конго, Мадагаскар, Уганду, Того и др. При этом отмечаются особенности многопартийности, когда партии, как правило, формируются на этнорегиональных или конфессиональных принципах.

Вишневский М.Л. Политика администрации Обамы в Африке: первые итоги

Статья посвящена рассмотрению особенностей политики администрации Б. Обамы в отношении африканских стран на современном этапе и в свете его визита в Гану, рас-

смотрены основные направления этой политики на примере усилий США по созданию АФРИКОМ, урегулированию проблемы Дарфура и противодействию морскому пиратству, сделан вывод о прагматизме, определяющем позицию африканских лидеров.

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Соловьева Т.М. Китай и Африка: стратегическое партнерство в XXI веке

Статья посвящена анализу китайско-африканских отношений в первом десятилетии XXI в., исследуются особенности и основные принципы политики Китая в этом регионе в контексте новых подходов внешнеполитической стратегии КНР.

Андропова И.В. Экономическая экспансия Китая в Африку: к вопросу о механизмах и инструментах реализации внешнеэкономических интересов страны

Целью данной статьи является раскрытие основных элементов стратегии Китая на африканском континенте. В статье обосновывается позиция, что процессы, которые происходят в Африке, сегодня можно с уверенностью назвать новым переделом. На фоне инструментов внешнеэкономической экспансии западных стран (инвестиции, торговля, помощь) особняком стоит Китай, чья стратегия экономической экспансии отличается от западной и является более эффективной.

Бадриан Бубакар. Китайское присутствие в Африке и экономическое сотрудничество с Сенегалом

В статье отмечается, что африканский континент занимает все более важное место в современной внешнеэкономической политике КНР, связи с которым имеют стратегическое значение для устойчивого роста китайской экономики в условиях нарастающего дефицита ресурсов. Однако, несмот-

ря на достигнутый успех, требуется ее коррекция с учетом выхода китайско-африканского сотрудничества на новый уровень.

Черненко Е.Ф. Африка в орбите экономических интересов США, Китая и России

В статье даётся сравнительный анализ экономических интересов на африканском континенте трёх крупнейших стран мира: США, Китая и России. Рассматривается доступ к сырьевым ресурсам, возможности приложения капиталов и рынки сбыта указанных акторов международных экономических отношений в качестве важнейших факторов конкурентной борьбы в Африке.

Воронков А.К. Инвестиционная стратегия ОАЭ в странах Африки

В статье рассмотрен кластерный принцип стратегии диверсификации, обеспечившей трансформацию ОАЭ из слаборазвитой страны, полностью зависевшей от экспорта нефти, в государство с диверсифицированной экономикой, показаны подходы и схемы, принимаемые инвестиционными структурами ОАЭ для достижения успеха в Африке в сфере туризма, транспорта и логистики, телекоммуникаций и информационных технологий, финансовых услуг, строительства и недвижимости.

Коновалова Ю.А. Индийско-африканское сотрудничество: состояние и перспективы

В статье дается обзор индийско-африканских отношений на новом витке отношений после саммита 2008 г., по итогам которого было подписано два документа: Декларация Дели и Африканско-индийские условия сотрудничества. Как ожидается, ряд серьезных проектов, которые планируется осуществить в ближайшие пять лет, станут базовыми для дальнейшего плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества между Индией и Африкой.

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

Шкваря Л.В. Современные особенности интеграционных процессов на африканском континенте: вопросы теории и практики

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты экономической интеграции на африканском континенте, включая вопросы создания Африканского экономического сообщества, показано ограничивающее воздействие на этот процесс целого ряда факторов, в том числе зависимого положения африканской экономики в системе мирового хозяйства, большое влияние традиционных институтов, а также сложившихся за многие годы норм и обычаев поведенческой культуры в сфере бизнеса.

Дюжева Н.В. Нетарифные барьеры во внешней торговле стран Африки

Статья посвящена проблеме устранения инфраструктурных ограничений, которые затрудняют расширение внутрирегиональной торговли, экономического роста и ускоренное сокращение бедности. Содействие гармонизации таможенных законодательств и процедур для упрощения торговли между ЕС, США, другими развитыми странами и государствами Африки, облегчение региональной торговли и транзита – все это должно привести африканские страны к экономическому буму и процветанию.

Кучерявый П.В. Роль Африканского банка развития в финансировании стран Африки

Статья посвящена деятельности Африканского банка развития, который является крупнейшим многосторонним финансовым институтом Африки, и его влиянию на социально-экономическое развитие стран континента в 2008 г. Особую актуальность статья приобретает в связи с мировым финансовым кризисом, который усугубил не только сложное

экономическое положение африканских стран, но и положение самого Африканского банка развития.

Беккин Р.И. Судан: исламская финансовая система в отдельно взятой стране

В статье показана особая роль Африки в развитии исламских финансов. Именно здесь появились первый в мире исламский банк и первая в мире исламская страховая компания («Исламик Иншурэнс Компани» в Судане). В 1970–1990-х гг. здесь проходили апробацию исламские финансовые институты и методы, прежде чем они шли применение в странах Персидского залива и на Западе, а со второй половины 1990-х гг. африканский континент стал рассматриваться исламскими банками из стран Персидского залива как одно из приоритетных направлений экспансии исламского капитала.

Русакович В.И. Валютное и экономическое сотрудничество стран Центральной Африки

Автор анализирует экономическое положение и интеграционные процессы – как в валютной, так и в торговой (рыночной) сфере – в странах Центральной Африки с последней четверти XX в. по настоящее время. Решаемые сегодня задачи диверсификации национальных хозяйств, модернизации сельского хозяйства, стабилизации финансовой системы предполагают как повышение эффективности государственного регулирования, так и дальнейшее развитие региональной экономической интеграции, в том числе ее валютно-финансовой составляющей.

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

Белова И.Н. Эволюция сбытовой политики ТНК «Де Бирс» на мировом рынке алмазов

В статье рассмотрены современные факторы и тенденции на мировом рынке алмазов и их влияние на переход к новой сбытовой политике «Де Бирс», показаны особенности

механизма контроля «Де Бирс» над предложением и ценами на мировом рынке алмазов в контексте истории монополизации мирового рынка алмазов на основе формирования одноканальной системы сбыта.

Долгинов Е.А., Башкин Ю.В. Рифтовое обособление и разрушение Африки

Статья посвящена рифтовым системам Африки, заложение которых происходило в различное геологическое время: поздний карбон-триас, мел-палеоген и миоцен-антропоген. Проведенный анализ геолого-геофизических данных позволил авторам выявить закономерности развития и эволюции этих систем, а также сделать вывод о приуроченности рифтовых систем к древним латеральным неоднородностям консолидированной коры.

Долгинов Е.А. Золото Мали

В статье дана оценка потенциалу Мали как одной из стран Африки с традиционной добычей золота, занимающей четвертое место в этом регионе. Разведанные малийские резервы золота оцениваются в 350 т и распределены в главных коренных месторождениях, отмечена высокая перспективность района Адрар Ифорас на открытие новых коренных месторождений золота.

Колбиков В.С. Из истории освоения нефтегазовых месторождений Алжира

Статья посвящена истории развития нефтяных и газовых месторождений в Алжире с участием советских специалистов в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. Показаны основные направления и районы освоения месторождений, приведена схема управления отраслью и организация производства.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Саватеев А.Д. Создание халифата Сокото

В статье рассказывается о создании мусульманской общины, ставшей основой халифата Сокото в начале XIX в. Это событие знаменовало объединение мусульман Северной Нигерии, Нигера, Камеруна и окончательный переход этих стран к исламской цивилизационной системе. Значительное внимание уделено деятельности лидера джихада Османа дан Фодио.

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

Пономаренко Л.В. Леопольд Сенгор – самобытное измерение духовности

Леопольд Сенгор стремился открыть людям собственное самобытное измерение духовности. Мудрый политик и тонкий поэт он был привязан и одновременно чувствовал тупиковость западной цивилизации. И эти противоречия преследовали Сенгора на протяжении всей его политической карьеры и жизни философа. Но он всегда верил, что время Африки еще наступит и африканская цивилизация внесет свой достойный вклад в будущее человечества.

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Ильина Н.Ю. Англоязычный роман Нигерии на пороге нового века

В статье проанализирована проблематика англоязычного романа Нигерии последнего десятилетия XX века.

Кинфу Зенебе Тафессе. Система образования в Эфиопии: традиция и современность

В центре внимания автора статьи – традиционное (благородное и церковное) и современное образование в Эфиопии. Подробно рассмотрены Кыне Бет (поэтическая

школа) и Мэцхаф Бет (Дом книги) – школа комментариев к священному писанию, которая является высшей степенью церковного образования. Сделан вывод о сосуществовании двух систем образования в Эфиопии и показаны основные этапы и причины имевшихся неудач в развитии системы современного образования.

Пономаренко Л.В., Зуева Е.Г. Подготовка специалистов для стран Африки в РУДН (краткий очерк)

Современный мир – это мир, где большое значение приобрели наукоемкие технологии и производства, поэтому неуклонно возрастает значение интеллектуального труда, что предполагает качественную подготовку специализированных кадров – именно в этом африканским странам сегодня может активно содействовать Россия в целом и Российский университет дружбы народов в частности. За 50 лет УДН/РУДН выпустил более 7 тыс. высококвалифицированных специалистов для 48 стран Африки. С самого начала своего существования Университет был тесно связан со странами Африки. 1960 год – год его основания – также вошел в историю как Год Африки. А 22 февраля 1961 г. Университету было присвоено имя Патриса Лумумбы. Образ П. Лумумбы возвращает нас в период становления Университета дружбы народов, когда закладывались главные его принципы – культ науки и образования, высокий профессионализм, когда формировались его основы и традиции – уважение к культуре других народов, дух добра и взаимопомощи.

SUMMARY

DEVELOPMENT AND POLITICS

Sledzevsky Igor. Development or Anti-development? African Challenge to Modern Development Theory

The article discusses the questions of modernization theory in the context of the transformation of post-colonial Africa and the movement of African society from traditional to modern one. It notes that the negative assessments of the development potential of African countries are not in line with the evident manifestations of social energy, cultural creative work, the expanding informal sector of the economy, and the phenomenon of structural (evolutionary?) shift with the preservation of the social entity of similar complexity.

Kosukhin Nikolay. Political Pluralism and Specific Features of the Formation of a Multi-party System in Africa

The article examines theoretical approaches to the problem of political pluralism and views of certain well-known supporters of this doctrine. Attention is centered around polyethnic societies of African countries, where the formation process of multiparty systems has begun, including Nigeria, Mali, Cameroon, the Republic of Congo, Madagascar, Uganda, Togo, and elsewhere. The article notes certain specific features of a multiparty system, when parties, as a rule, are formed on the basis of ethno-regional or confessional principles.

Vishnevsky Mikhail. The African Policy of the Obama Administration: First Results

The article is devoted to examining the specific features of the policy of Obama's administration toward African countries at the present stage and in the light of his visit to Ghana. It discusses the basic directions of this policy on the example of U.S. efforts

to set up AFRICOM, resolve the Darfur problem and combat piracy, and draws a conclusion about pragmatism, which determines the position of African leaders.

ECONOMICS AND STRATEGIC PARTNERSHIP

Solovyova Tatiana. China and Africa: Strategic Partnership in the 21st century

The article analyzes the Chinese-African relations in the first decade of the 21st century and examines the specific features and basic principles of China's policy in the region in the context of new approaches of the foreign-policy strategy of the PRC.

Andronova Inna. Economic Expansion of China in Africa: Mechanisms and Instruments of Realization of Chinese Foreign Economic Interests

The article describes the main elements of China's strategy on the African continent. The article substantiates the view that the processes going on in Africa today can well be called new redistribution. Against the backdrop of the economic expansion of western countries (investments, trade, assistance), China occupies a special place, for its strategy of economic expansion differs from western and is more effective.

Chernenko Elena. Africa in the Orbit of Economic Interests of the U.S.A., China and Russia

The article analyzes economic interests and methods of their realization on the African continent by three biggest countries of the world: the U.S.A., China and Russia. Access to raw material resources, the investment of capital, and the sales markets, as well as the major factors of competition in Africa are discussed.

Badian Bubakar. Chinese Presence in Africa and Economic Cooperation with Senegal

The article notes that the African continent occupies a place of ever greater significance in the present foreign economic

policy of the PRC, and ties with it are of strategic importance for the steady growth of the Chinese economy in the conditions of the growing deficit of resources. However, despite the successes achieved, it is necessary to correct this policy, taking into account an upsurge of Chinese-African cooperation.

Voronkov Alexander. Investment Strategy of OAE in African Countries

The article examines the cluster principle of diversification strategy, which ensured the transformation of the OAE from a weakly developed country fully dependent on the export of oil into a state with a diversified economy, and demonstrates approaches and methods practiced by the OAE investment bodies for achieving success in Africa in the sphere of tourism, transport, logistics, telecommunications, information technologies, financial services, construction and real estate.

Konovalova Ylia. Indian-African Cooperation: Present State and Prospects

This is a review at the new stage of the relations between India and African countries after the 2008 summit on whose basis two documents were signed: the Delhi Declaration and the African-Indian conditions for cooperation. It is expected that a number of major projects will be implemented within the next five years, which will become a basis for further fruitful and mutually beneficial cooperation between India and Africa.

INTEGRATION AND FINANCES

Shkvarya Ludmila. Modern Specific Features of Integration Processes on the African Continent: Theoretical and Practical Problems

The article examines theoretical and practical aspects of economic integration on the African continent, including the questions of creating an African economic community. It shows the influence of a whole range of factors retarding this process,

including the dependent state of the African economy in the world economic system, great impact of traditional institutions, and also the standards and habits of behavior in the sphere of business which have taken shape over many years.

Dyuzheva Natalya. Non-tariff Barriers in the Foreign Trade of African Countries

The article is devoted to the problem of eliminating infrastructural restrictions retarding the expansion of intraregional trade, economic growth and rapid reduction of poverty. Harmonization of customs legislations and procedures for simplifying trade between the EU, the U.S.A. and other developed countries, on the one hand, and Africa, on the other, and facilitation of regional trade and transit should bring African countries to economic boom and prosperity.

Kucheriavy Pavel. The Role of the African Development Bank in Financing African Countries

The article is devoted to the operation of the African Development Bank, which is the biggest financial institution of Africa, and its influence on the socio-economic development of the countries of the continent in 2008. The article is especially timely in connection with the world financial crisis, which has aggravated not only the already difficult economic situation of African countries, but also the situation of the African Development bank itself.

Bekkin Renat. Sudan: Islamic Financial System in One Country

The article shows the special role of Africa in the development of Islamic finances. It is there that the world's first Islamic bank and "Islamic Insurance Company" in Sudan have appeared. Islamic financial institutions and methods were tested there in the 1970s – 1990s before they were used in the Persian Gulf countries and in the West. From the latter half of the 1990s the African continent began to be regarded by Islamic banks in

the Gulf countries as a priority direction of the expansion of Islamic capital.

Rusakovich Vasily. Currency and Economic Cooperation of Central African Countries

The author analyzes the economic situation and integration processes in both currency and trade (market) spheres in Central African countries from the latter quarter of the 20th century up to now. The tasks of diversification of national economies, modernization of agriculture, and stabilization of the financial system presuppose greater efficiency of state regulation, as well as the further development of regional economic integration, including its currency-financial component.

MINERAL AND RAW MATERIAL RESOURCES

Belova Irina. Evolution of the Sales policy of "De Beers" TNC on the World Diamond Market

The article examines modern factors and trends on the world diamond market and their influence on transition to the new sales policy of "De Biers," it also shows the specific features of the mechanism of "De Biers" control over demand and prices on the world diamond market in the context of the history of the monopolization of the world diamond market on the basis of forming a one-channel system of sales.

Dolginov Evgeny, Bashkin Yriy. Rift Margination and Destroying of Africa

The article is devoted to the African rift systems of three generations: Late Carbon-Triassic, Cretaceous-Palaeogene, and Cainozoic. The analysis of geological and geographical data, which has been made, enabled the authors to reveal the objective laws of their evolution and draw a conclusion that nearly all Late Phanerozoic rifts were related to ancient lateral heterogeneity of the consolidated crust.

Dolginov Evgeny. Mali's Gold

The article assesses the potential of Mali as one of the African gold-mining countries, holding fourth place in the region. Its prospected gold reserves are estimated at 350 tons and are distributed in several basic deposits. One of them, Adrar Iforas, is highly promising.

Kolbikov Valentin. From History of the Development of Oil and Gas Deposits in Algeria

The article is devoted to the history of the development of oil and gas deposits in Algeria with the participation of Soviet specialists in the late 1960s – first half of the 1970s. The main directions and districts of development are shown, as well as the management system and production organization are described.

HISTORY AND RELIGION

Savateyev Anatoly. Creation of the Sokoto Caliphate

The article describes the formation of the Moslem community which became the foundation of the Sokoto Caliphate in the early 19th century. This event marked the unification of the Moslems of Northern Nigeria, Niger and Cameroon and their joining the Islamic civilization. The article pays considerable attention to the activity of the jihad leader Osman dan Fodio.

PORTRAIT OF AFRICAN LEADER

Ponomarenko Ludmila. Leopold Senghor: Original Measure of Spirituality

Leopold Senghor wished to reveal to people his own measure of spirituality. A wise politician and exquisite poet, he was tied to western civilization, but at the same time felt its shortcomings and limited character. These contradictions plagued him throughout his entire political career and life as a philosopher. But he always believed that the time would come for Af-

rica, and its civilization would make its weighty contribution to the future of mankind.

CULTURE AND EDUCATION

Ilyina Natalya. English-language Novel of Nigeria at the Turn of the Century

The article analyzes certain problems of the English-language novel of Nigeria of the last decade of the 20th century.

Kinfu Zenebe Tafesse. The Education System in Ethiopia: Tradition and Our Time

The author of the article centers attention around traditional (noble and ecclesiastical) and modern education in Ethiopia. He thoroughly examines the Kyne Bet (poetic school) and Mezhaf Bet (House of Book) – the school of commentaries to the Scripture, which is the highest stage of church education. The author notes the coexistence of the two systems of education in Ethiopia and names the main stages of and reasons for failures in the development of modern education in the country.

Ponomarenko Ludmila, Zuyeva Elena. The Training of Specialists for African Countries at Peoples' Friendship University of Russia (brief outline)

Science-intensive technologies and production processes have acquired great importance in the modern world and this is why the significance of intellectual labor is steadily growing, which calls for the high-quality training of specialized personnel. Russia and its Peoples' Friendship University can render substantial assistance to African countries in this matter. During the fifty years of its existence the University has trained more than 7,000 highly-qualified specialists for 48 African countries. From its very inception the University has been closely connected with African countries. The year 1960, when the University was founded, was proclaimed the Year of Africa. On February 22, 1961, the University was named after Patrice Lumumba. His

name brings us back to the time of the foundation of the University when its basic principles were laid down – the cult of science and education and high professionalism, when its traditions of respect for the culture of other peoples and the spirit of kindness and mutual help were formed.

ОБ АВТОРАХ

Андропова Инна Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Международных экономических отношений экономического факультета РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Бадиан Бубакар – аспирант кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН.

Башкин Юрий Владимирович – кандидат геолого-минералогических наук, инженер I категории Лаборатории гидродинамических методов ПНП ОАО «ВНИИнефть», аспирант кафедры месторождений полезных ископаемых и их разведки инженерного факультета РУДН.

Беккин Ренат Ирикович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ЮНЕСКО МГИМО(У) МИД РФ.

Белова Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений РУДН.

Вишневский Михаил Леонидович – доктор исторических наук, ведущий сотрудник Центра оценок политики Института Африки РАН.

Воронков Александр Константинович – международный эксперт-востоковед.

Долгинов Евгений Александрович – доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры месторождений полезных ископаемых и их разведки инженерного факультета РУДН, научный руководитель НОЦ африканских исследований РУДН.

Дюжева Наталья Валерьевна – кандидат экономических наук, кафедра международных экономических отношений экономического факультета РУДН.

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Ильина Надежда Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

Кинфу Зенебе Тафессе – кандидат философских наук, доцент кафедры массовых коммуникаций РУДН, ответственный секретарь НОЦ африканских исследований РУДН.

Кирабаев Нур Серикович – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Колбиков Валентин Сергеевич – кандидат геолого-минералогических наук, почетный академик РАЕН, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

Коновалова Юлия Александровна – соискатель кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН.

Косухин Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН ведущий научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Кучерявый Павел Владимирович – советник Департамента международных финансовых отношений, государственного долга и государственных финансовых активов Министерства финансов Российской Федерации.

Пономаренко Людмила Васильевна – доктор исторических наук, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных проблем, профессор кафедры всеобщей исто-

рии РУДН, научный руководитель НОЦ африканских исследований РУДН.

Русакович Василий Игоревич – аспирант кафедры международных экономических отношений РУДН.

Саватеев Анатолий Дмитриевич – доктор исторических наук, ученый секретарь Научного совета РАН по проблемам экономического, социально-политического и культурного развития стран Африки, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, профессор, директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Соловьева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, заведующая секцией китайского языка кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН.

Черненко Елена Федоровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Шкваря Людмила Васильевна – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, профессор кафедры мировой экономики РЭА им. Г.В. Плеханова, член НМС НОЦ африканских исследований РУДН.

Юртаев Владимир Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор НОЦ африканских исследований РУДН.

CONTENTS

<i>Kirabaev N.S.</i> Preface	5
<i>Yurtaev V.I.</i> Center of African Studies: the Year of Foundation 2008	7

DEVELOPMENT AND POLITICS

<i>Sledzevsky I.V.</i> Development or Anti-development? African Challenge to Modern Development Theory	13
<i>Kosukhin N.D.</i> Political Pluralism and Specific Features of the Formation of a Multi-party System in Africa	71

ECONOMICS AND STRATEGIC PARTNERSHIP

<i>Vishnevsky M.L.</i> The African Policy of the Obama Administration: First Results	105
<i>Solovyova T.M.</i> China and Africa: Strategic Partnership in the 21 st century	139
<i>Andronova I.V.</i> Economic Expansion of China in Africa: Mechanisms and Instruments of Realization of Chinese Foreign Economic Interests	166
<i>Badian Bubakar.</i> Chinese Presence in Africa and Economic Cooperation with Senegal	177
<i>Chernenko E.F.</i> Africa in the Orbit of Economic Interests of the U.S.A., China and Russia	190
<i>Voronkov A.K.</i> Investment Strategy of OAE in African Countries	203
<i>Konovalova Y.A.</i> Indian-African Cooperation: Present State and Prospects	236

INTEGRATION AND FINANCES

<i>Shkvarya L.V.</i> Modern Specific Features of Integration Processes on the African Continent: Theoretical and Practical Problems	243
---	-----

<i>Dyuzheva N.V.</i> Non-tariff Barriers in the Foreign Trade of African Countries	257
<i>Kucheriavy P.V.</i> The Role of the African Development Bank in Financing African Countries	275
<i>Bekkin R.I.</i> Sudan: Islamic Financial System in One Country	288
<i>Rusakovich V.I.</i> Currency and Economic Cooperation of Central African Countries	301

MINERAL AND RAW MATERIAL RESOURCES

<i>Belova I.N.</i> Evolution of the Sales policy of “De Beers” TNC on the World Diamond Market	311
<i>Dolginov E.A., Bashkin Y.V.</i> Rift Margination and Destroying of Africa	327
<i>Dolginov E.A.</i> Mali’s Gold	340
<i>Kolbikov V.S.</i> From History of the Development of Oil and Gas Deposits in Algeria	353

HISTORY AND RELIGION

<i>Savateyev A.D.</i> Creation of the Sokoto Caliphate	373
--	-----

PORTRAIT OF AFRICAN LEADER

<i>Ponomarenko L.V.</i> Leopold Senghor: Original Measure of Spirituality	398
--	-----

CULTURE AND EDUCATION

<i>Ilyina N.Y.</i> English-language Novel of Nigeria at the Turn of the Century	412
<i>Kinfu Zenebe Tafesse.</i> The Education System in Ethiopia: Tradition and Our Time	422
<i>Ponomarenko L.V., Zuyeva E.G.</i> The Training of Specialists for African Countries at Peoples’ Friendship University of Russia.....	438

SUMMARY	462
----------------------	-----

ABOUT AUTHORS	470
----------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирабаев Н.С.</i> Предисловие	5
<i>Юртаев В.И.</i> Научно-образовательный центр африканских исследований РУДН: год учреждения – 2008	7

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

<i>Следзевский И.В.</i> Развитие или антиразвитие? Африканский вызов современной теории развития	13
<i>Косухин Н.Д.</i> Политический плюрализм и особенности становления многопартийной системы в Африке	71

ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

<i>Вишневский М.Л.</i> Политика администрации Обамы в Африке: первые итоги	105
<i>Соловьева Т.М.</i> Китай и Африка: стратегическое партнерство в XXI веке	139
<i>Андропова И.В.</i> Экономическая экспансия Китая в Африку: к вопросу о механизмах и инструментах реализации внешнеэкономических интересов страны	166
<i>Бадриан Бубакар.</i> Китайское присутствие в Африке и экономическое сотрудничество с Сенегалом	177
<i>Черненко Е.Ф.</i> Африка в орбите экономических интересов США, Китая и России	190
<i>Воронков А.К.</i> Инвестиционная стратегия ОАЭ в странах Африки	203
<i>Коновалова Ю.А.</i> Индийско-африканское сотрудничество: состояние и перспективы	236

ИНТЕГРАЦИЯ И ФИНАНСЫ

<i>Шкваря Л.В.</i> Современные особенности интеграционных процессов на африканском континенте: вопросы теории и практики	243
--	-----

<i>Дюжсва Н.В.</i> Нетарифные барьеры во внешней торговле стран Африки	257
<i>Кучерявый П.В.</i> Роль Африканского банка развития в финансировании стран Африки	275
<i>Беккин Р.И.</i> Судан: исламская финансовая система в отдельно взятой стране	288
<i>Русакович В.И.</i> Валютное и экономическое сотрудничество стран Центральной Африки	301

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ

<i>Белова И.Н.</i> Эволюция сбытовой политики ТНК «Де Бирс» на мировом рынке алмазов	311
<i>Долгинов Е.А., Башкин Ю.В.</i> Рифтовое обособление и разрушение Африки	327
<i>Долгинов Е.А.</i> Золото Мали	340
<i>Колбиков В.С.</i> Из истории освоения нефтегазовых месторождений Алжира	353

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Саватеев А.Д.</i> Создание халифата Сокото	373
---	-----

ПОРТРЕТ АФРИКАНСКОГО ЛИДЕРА

<i>Пономаренко Л.В.</i> Леопольд Сенгор – самобытное измерение духовности	398
--	-----

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Ильина Н.Ю.</i> Англоязычный роман Нигерии на пороге нового века	412
<i>Кинфу Зенебе Тафессе.</i> Система образования в Эфиопии: традиция и современность	422
<i>Пономаренко Л.В., Зуева Е.Г.</i> Подготовка специалистов для стран Африки в РУДН	438

РЕЗЮМЕ	454
---------------------	-----

SUMMARY	462
----------------------	-----

ОБ АВТОРАХ	470
-------------------------	-----

CONTENTS	473
-----------------------	-----

Научное издание

Е Ж Е Г О Д Н И К

**АФРИКА
В ПОИСКАХ СТРАТЕГИИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

2010

Редактор *И.Л. Панкратова*
Технический редактор *Л.А. Горовенко*
Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*
Дизайн обложки *М.В. Шатихина*

Подписано в печать 12.11.2009 г. Формат 60×84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 27.9. Тираж 500 экз. Заказ 1174.

Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
117923, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41

Для заметок

Для заметок
